КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 г.

ЯНВАРЬ

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
	ОТЪ РЕДАКЦІИ.	I—IV
I.	СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (Посвящается памяти А. А. Потебни). **Н. Ѳ. Сумцова**.	1—10
II.	ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСѢЙ АНДРІЕВСКІЙ. (Эпизодъ 1789 г). **В. Антоновича**	11—22
III.	О ЯЗЫКѢ И ПОЭТИЧЕСКОМЪ СТИЛѢ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМЪ. **П. Житецкаго**.	23—60
IV.	РАСКОПКИ НА КНЯЖЕЙ ГОРѢ ВЪ 1891 Г. **Ник. Бѣляшевскаго** (*съ двумя таблицами снимковъ*)	61—104
V.	КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУМЪ. (По поводу статьи г. Равиты о думахъ). **А. Степовича**	105—109
VI.	ГЕТМАНЪ МАЗЕПА И ОСТЕРСКІЯ ОБЩІЯ ЗЕМЛИ. (Изъ исторіи землевладѣнія въ лѣво-бережной Украинѣ. **И. Лучицкаго**.	110—118
VII.	«МАЛОРУССКІЯ СУЕВѢРІЯ, КОИМЪ МАЛО КТО ВѢРИЛЪ, СОБРАННЫЯ 1776 Г.». (Рукопись А. И. Чепы). **Н.В.Стороженка**	119—130
VIII.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: 1) Къ исторіи славянофильства на Руси. 2) Письмо Ив. Носа къ прилуцкому полковнику Дм. Горленку о свадьбѣ его сына. **В. Г.** 3) Замѣчательный универсалъ гетмана Мазепы. **А. Стороженка.** 4) Старинное поученіе переяславскому семинаристу при вступленіи его въ Кіевскую Академію. **А. Стороженка.** 5) Уніятская колядка. Сообщ. **Хр. Ящуржинскій.** 6) Распоряженіе генералъ-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Кіевъ (1764 г.) **А. А.** 7) Рукописныя замѣтки на поляхъ книги «Миръ человѣка съ Богомъ», Иннокентія Гизеля, кіевской печати 1669 года. **Н. П.** . . .	131—154
IX.	БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ.— Русскія древности въ памятникахъ искусства. В. четвертый. **В. Щербины.** 2) Ал. С. Фаминцынъ. Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа: балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара. **А. Степовича.** 3) Коваленко «О народной медицинѣ въ переяславскомъ уѣздѣ, полтавской губ. въ «Этнографич. Обозрѣніи» 1891 IX 141—150. 4) Řegoř, Lidova lečba u haličskych Malorusů въ Časopis Musea českeho 1891 г. LXV ч. 2 стр, 281—297. **Н. С.** 5) Письма Вас. Ив. Туманскаго и его неизданныя стихотворенія. **Z.** 6) Обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей воронежской губ. Л. Б. Вейнберга. **Арк. Л—нка.** 7) Bibliografia litewska od 1547 do 1701, przedstawił Maurycy Stankiewicz. **Арк. Л—нко.** 8) Обозрѣніе журналовъ. 9) Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1890 и въ 1891 г.. .	155—188
	ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александра Афанасьевича Потебни. 2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.	
	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—14

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го декабря 1891 г.

Отъ Редакціи.

„Кіевская Старина“ начинаетъ одиннадцатый годъ своего изданія, и потому совершенно вправѣ поставить для самой себя вопросъ: выполнены-ли ею, и въ какой мѣрѣ, задачи научно-литературнаго журнала—вообще, и достигнуты-ли цѣли органа, посвятившаго себя разработкѣ вопросовъ края въ его историческомъ прошломъ—въ частности? Десятилѣтній періодъ существованія научнаго журнала, особенно въ провинціи,—это такой срокъ, при которомъ является полная возможность судить, какъ объ успѣшности труда, такъ и о гарантіяхъ продолженія изданія на будущее время.

Первый издатель, покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ, конечно долженъ былъ задаваться этимъ послѣднимъ вопросомъ, но исключительно руководствуясь общими соображеніями о необходимости изданія въ Кіевѣ научнаго журнала, который не былъ-бы пріуроченъ къ спеціальнымъ задачамъ университетскихъ наукъ, а носилъ-бы характеръ—скажемъ такъ—*общественно-научнаго* изданія на мѣстной почвѣ. Исторія края, такая характерная на протяженіи многихъ вѣковъ, конечно, можетъ и должна представлять интересъ въ своей разработкѣ, какъ для уразумѣнія современности, такъ иногда еще болѣе для руководства и надлежащаго направленія жизненныхъ фактовъ будущаго: „правители

и законодатели—такъ говорилъ Карамзинъ — смотрятъ на листы исторіи, какъ мореплаватели на чертежи морей". Но и помимо этого, у перваго издателя нашего журнала должно было явиться однимъ изъ крупныхъ руководящихъ началъ то соображеніе, что Кіевъ, когда-то центръ просвѣщенія всей Руси, нѣсколько позже—центръ юго-западно-русской науки, а теперь все-таки одинъ изъ крупнѣйшихъ просвѣтительныхъ пунктовъ юга Россіи, долженъ взять на себя починъ всесторонней работы надъ уясненіемъ историческихъ, этнографическихъ, литературныхъ, экономическихъ и всѣхъ прочихъ судебъ края. Указаніе на это можно видѣть въ попыткахъ прошлаго, которыя, сейчасъ-же послѣ открытія въ Кіевѣ Университета, обнаружились въ стремленіи создать органъ для оживленія среди общества научно-литературныхъ интересовъ. На страницахъ „Кіевской Старины" было указано на то, какъ въ 1835 году, т. е. сейчасъ-же послѣ открытія Университета, явилась мысль у самой администраціи основать органъ „Кіевскія Новости", между прочимъ помѣщая въ немъ „историческія и археологическія открытія", а также сообщая факты по всѣмъ отраслямъ краевѣдѣнія („Кіевская Старина" 1884 г., № 11, стр. 532). Еще болѣе такія указанія можно видѣть въ попыткахъ М. Максимовича издавать альманахъ „Кіевлянинъ", вышедшій впрочемъ только въ трехъ книгахъ. Не лишнимъ будетъ вспомнить тѣ строки, которыми открывался „Кіевлянинъ" Максимовича въ 1840 году, такъ какъ эти-же строки вполнѣ объясняютъ и появленіе на свѣтѣ „Кіевской Старины" 10 лѣтъ тому назадъ. „Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и всей Южной Руси—Кіевской и Галицкой, составляетъ особенную и собственную цѣль моего Кіевлянина. Поэтому я покорнѣй-

ше прошу всѣхъ, и особенно живущихъ въ южно-русскомъ краѣ, принять участіе въ изданіи „Кіевлянина“. Это участіе можетъ быть двоякое: во 1-хъ, сообщеніе обработанныхъ уже статей вышесказаннаго содержанія; во 2-хъ, доставленіе мнѣ самыхъ матеріаловъ, каковы напримѣръ: старинныя историческія и всякія другія записки, грамоты, универсалы, акты, листы или письма, старинныя легенды, народныя преданія и пѣсни (безъ всякой поправки), также рисунки со старинныхъ церквей, монастырей, замковъ, надгробій и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ“.

Нетрудно видѣть, что эта программа изданія можетъ быть повторена и теперь отъ слова до слова, и потому должна была указывать первому издателю теоретическую потребность въ литературномъ органѣ, который продолжилъ-бы въ болѣе организованной формѣ дѣло, начатое въ Кіевѣ чуть не полвѣка назадъ.

Конечно, всѣ эти общія соображенія побуждаютъ и теперешнюю редакцію „Кіевской Старины“ продолжать нелегкое дѣло изданія научнаго журнала въ обстановкѣ провинціальной печати, такъ-какъ жатва научная все еще остается обильной и для будущихъ жателей; но кромѣ того, редакція имѣетъ возможность теперь прибавить къ этимъ общимъ соображеніямъ и тѣ результаты, какихъ достигло изданіе въ десятилѣтній періодъ его существованія. Не останавливаясь на частичномъ указаніи тѣхъ изслѣдованій, матеріаловъ, мелкихъ замѣтокъ и рецензій, которые нашли себѣ мѣсто на страницахъ нашего журнала, мы можемъ указать на тотъ неоспоримый фактъ, что „Кіевская Старина“ этого перваго десятилѣтія является необходимымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся исторіей, литературой, этнографіей, культурой, не только мѣстной, но и общерусской, равно какъ и обще-славянской. И въ самомъ дѣдѣ, мы ви-

димъ постоянно встрѣчающіяся ссылки на нашъ журналъ въ капитальныхъ трудахъ русскихъ и славянскихъ ученыхъ, а это придаетъ намъ еще болѣе увѣренности въ томъ, что десятилѣтній трудъ редакціи былъ полезенъ для дѣла, а слѣдовательно и впредь будетъ внесенъ въ общую сокровищницу тѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній, которыя составляютъ украшеніе и славу дорогой намъ родины. Не взирая на всѣ трудности и препятствія, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя, мы смѣло беремся за продолженіе начатаго дѣла, съ полной вѣрой въ то, что оно съ теченіемъ времени найдетъ сочувствіе не только въ людяхъ науки, но и въ средѣ образованной части всего русскаго общества. Gutta cavat lapidem non vi, sed semper cadendo.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ А. А. ПОТЕБНИ)[1].

Ближайшимъ поводомъ къ составленію изслѣдованія о современномъ состояніи малорусской этнографіи намъ послужилъ III томъ „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина, вышедшій въ августѣ 1891 г., всецѣло посвященный этнографіи малорусской. Новѣйшая малорусская этнографія представлена въ этомъ трудѣ слабо. Въ то время, какъ при обозрѣніи трудовъ малорусскихъ этнографовъ стараго времени указаны кое-гдѣ внутренніе мотивы ихъ дѣятельности и мѣстами сдѣлана оцѣнка добытыхъ результатовъ, обзоръ новѣйшей этнографіи, послѣ Костомарова, Кулиша и Чубинскаго, представляетъ перечень фактовъ біографическихъ и библіографическихъ, причемъ нѣтъ соразмѣрности въ ихъ изложеніи, и мѣстами статистикамъ и историкамъ отведено болѣе мѣста, чѣмъ спеціалистамъ этнографамъ. Встрѣчаются пропуски; напр., пройдены молчаніемъ труды Волкова, Омельченка, Андреевскаго. Почтенному автору пришлось имѣть дѣло съ такимъ обширнымъ матеріаломъ, столь мало до сихъ поръ систематизированнымъ, въ добавокъ авторъ такъ расширилъ рамки своего изслѣдованія внесеніемъ въ него побочныхъ отраслей, историческихъ и беллетристическихъ, что несоразмѣрность частей, малочисленность самостоятельныхъ оцѣнокъ и пропуски въ матеріалахъ явились неизбѣжнымъ резуль-

[1]) Отъ души благодаримъ уважаемаго нашего сотрудника, предоставившаго намъ возможность, вмѣсто некролога, помѣстить статью, посвященную памяти *Александра Аванасьевича Потебни* († 29 ноября 1891 г.), и приложить къ ней портретъ его.—Ред.

татомъ принятой авторомъ системы изслѣдованія. Чтеніе книги г. Пыпина навело меня на мысль сдѣлать къ ней нѣсколько дополненій. Въ статьѣ о современномъ состояніи малорусской этнографіи я буду говорить о трудахъ А. А. Потебни, И. И. Манжуры, П. В. Иванова, г-жи Мошинской, г-жи Рокосовской, Руликовскаго, г. Андреевскаго и др., еле затронутыхъ у г. Пыпина или совсѣмъ опущенныхъ.

Я не буду останавливаться на вопросахъ, что движетъ современными этнографами въ изученіи народности: предыдущія-ли литературныя вліянія, любовь-ли къ наукѣ, или непосредственное общеніе съ народомъ и вытекающее отсюда чувство симпатіи къ нему. Тутъ легко впасть въ гаданія, въ предположенія, которыми можетъ воспользоваться и толковать по своему всякая публицистическая или національная тенденціозность. Не вижу особенной надобности въ опредѣленіи связей современныхъ этнографовъ съ прежними, связей книжныхъ и личныхъ. За немногими исключеніями, современная этнографія имѣетъ совершенно самостоятельное происхожденіе. Такіе собиратели и изслѣдователи прежняго времени, какъ Цертелевъ, Срезневскій, Максимовичъ, Метлинскій, Костомаровъ, почти вполнѣ забыты; за исключеніемъ Потебни, никто на нихъ не ссылается и не пользуется ихъ этнографическими трудами. Сборникъ Головацкаго у насъ еще мало извѣстенъ, и рѣдко кто имъ пользуется, не смотря на громадное обиліе заключающагося въ немъ пѣсеннаго матеріала. Чаще всего въ трудахъ новѣйшихъ этнографовъ собирателей можно найти ссылки на Чубинскаго, Рудченка и Драгоманова. Вообще, связь новѣйшей этнографіи съ прежней весьма незначительна. Матеріалъ собирается, а часто и издается, особенно часто въ польскихъ этнографическихъ изданіяхъ, безъ оглядки назадъ, безъ справокъ, что было уже ранѣе собрано и издано.

Въ изложеніи современнаго развитія этнографическихъ изученій малорусскаго народа мы съ возможной внимательностью будемъ слѣдить, во первыхъ, за тѣмъ, съ какими пріемами собирается и изучается матеріалъ, и, во вторыхъ что даетъ намъ новаго современная этнографія, какъ великъ кругъ

ея открытій. Послѣдняя задача весьма трудная, такъ какъ при разрѣшеніи ея требуются многочисленныя библіографическія справки, не только въ прошломъ русской этнографіи, но и въ современномъ европейскомъ фольклорѣ. Только при широкихъ сравнительно-этнографическихъ изученіяхъ возможна справедливая оцѣнка новѣйшихъ результатовъ малорусской этнографіи. Понятно, что тутъ исчерпывающей полноты и законченности не можетъ быть, по самому существу фольклора и по современной его научной постановкѣ.

Сравнительно-этнографическій обзоръ современнаго украинскаго фольклора долженъ объяснить космополитическіе и національные элементы южнорусской народной словесности, быта и міросозерцанія. Какъ отдѣльному человѣку полезно знакомство съ другими людьми, такъ и народность отъ общенія съ другими народностями выигрываетъ въ разнообразіи и полнотѣ своего національнаго типа и въ богатствѣ своего литературнаго достоянія. Какъ ни трудно разобраться въ разнородныхъ элементахъ, изъ коихъ сложилась украинская народная словесность, но изученіе ихъ приводитъ къ убѣжденію, что словесность эта, какъ и словесность великорусская, представляетъ весьма характерное соединеніе чертъ чисто-національныхъ, спеціально своенародныхъ съ элементами инородными, причемъ чужое и свое переплелось большею частью такъ тѣсно, что нѣтъ возможности провести разграничительную черту.

А. А. Потебня.

Въ исторіи русской науки, въ частности въ исторіи Харьковскаго университета, Александръ Аѳанасьевичъ Потебня занялъ крупное мѣсто. Имя его пользуется почетной извѣстностью и за предѣлами Россіи, въ славянскихъ странахъ. Въ области филологіи А. А. Потебня безспорно первая величина, что въ особенности стало ясно со смерти Миклошича. Съ знаменитымъ славистомъ Потебня сходится по обширной эрудиціи и по разносторонности научныхъ интересовъ. Глубокое изученіе формальной старины языка у Потебни идетъ рядомъ съ философ-

скимъ пониманіемъ, съ любовью къ поэзіи и искусству. Тонкій и тщательный анализъ, выработанный на спеціально филологическихъ изслѣдованіяхъ, получилъ блестящее приложеніе въ работахъ по этнографіи, въ особенности въ капитальныхъ трудахъ о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсняхъ.

Печатными трудами значеніе Потебни не исчерпывается. Вліяніе его, какъ человѣка и профессора, было глубоко и благотворно. На каѳедрѣ онъ всегда былъ учителемъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова: въ его лекціяхъ заключался богатый запасъ свѣдѣній, тщательно провѣренныхъ и продуманныхъ, слышалось живое личное увлеченіе наукой, обнаруживалось оригинальное міросозерцаніе, въ основѣ котораго лежитъ въ высшей степени совѣстливое и деликатное отношеніе къ личности человѣка и личности народа. Въ принципіальныхъ убѣжденіяхъ Потебня всегда былъ строгъ безъ малѣйшихъ уклоненій, безъ дружбы и безъ вражды, и рядомъ съ этой нравственной требовательностью, прилагаемой постоянно и къ собственной личности, стояло доброе, мягкое и гуманное чувство въ частныхъ проявленіяхъ личной жизни, въ отношеніи къ людямъ, обращавшимся за научнымъ совѣтомъ, указаніями и пособіемъ.

До послѣдняго времени, до выхода въ свѣтъ III тома „Исторіи рус. этнографіи“ А. Н. Пыпина, въ печати не было біографическихъ свѣдѣній о Потебнѣ. Тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить у г. Пыпина автобіографію Потебни въ цѣлыхъ четыре страницы (420—424), что нѣсколько удивило и порадовало его учениковъ, знающихъ, какъ въ этомъ отношеніи А. А. Потебня всегда былъ скроменъ, какъ мало, совершенно случайно и мимоходомъ онъ сообщалъ о своемъ прошломъ.

Потебня—малоросъ по происхожденію, на что уже указываетъ его фамилія. Происхожденіе и этимологическое значеніе слова „потебня“ объяснено подробно самимъ А. А. Потебней въ IV вып. „Къ исторіи звуковъ“ (40): потебня, тебенек—корень татарскій, предлогъ и грамматическая форма русскіе, означаетъ кожаныя лопасти по бокамъ казачьяго сѣдла. Фамилія казацкая. На Дону въ великорусской формѣ Тебеньковъ.

А. А. Потебня родился въ 1836 г. въ небогатой дворянской семьѣ Роменскаго уѣзда Полтавской губ., учился сначала въ Радомской гимназіи, потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1856 г. Ко времени пребыванія А. А. Потебни въ университетѣ относится его знакомство съ студентомъ—медикомъ Мих. Вас. Нѣговскимъ, любителемъ и собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ завѣдованіи Нѣговскаго была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій на малорускомъ языкѣ и относящихся до Малороссіи. Этою библіотекой я пользовался, говоритъ А. А., что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія. Нѣговскій скончался въ молодыхъ лѣтахъ; но Потебня до послѣднихъ дней своей жизни хранилъ о немъ самыя теплыя воспоминанія. Подъ вліяніемъ Нѣговскаго укрѣпился въ А. А. живой интересъ къ малорусской этнографіи, выразившійся впослѣдствіи въ видѣ капитальныхъ научныхъ трудовъ. Въ молодости Потебня собиралъ народныя пѣсни; часть собранныхъ имъ пѣсенъ вошла въ извѣстный сборникъ Чубинскаго. Въ своей автобіографіи Потебня неоднократно упоминаетъ съ признательностью о Петрѣ Александровичѣ и братѣ его Ник. Ал. Лавровскихъ. По совѣту П. А. Лавровскаго Потебня сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, выдержалъ экзаменъ „благодаря снисходительности“ П. А. и Н. А. Лавровскихъ, черезъ П. Лавровскаго познакомился съ трудами Миклошича, Срезневскаго, Караджича. Въ автобіографіи Потебни нѣтъ ни малѣйшей тѣни отъ того темнаго облачка несогласія съ П. А. Лавровскимъ, научно-литературнымъ остаткомъ котораго служитъ обширная и суровая рецензія П. А. Лавровскаго во II кн. „Чтеній моск. общ. ист. и древн.“ 1866 г. на сочиненіе Потебни „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Для нравственной личности Потебни характерно, что онъ не отвѣчалъ своему строгому критику, хотя вполнѣ могъ это сдѣлать, подавилъ въ себѣ горечь личной непріятности, и въ 1886 по кончинѣ П. А. Лавровскаго прочелъ въ засѣданіи Хорьковскаго историко-филологическаго общества рефератъ о научныхъ трудахъ П. А. Лавровскаго,

съ безусловно объективной оцѣнкой его научныхъ заслугъ, а въ своей автобіографіи подчеркиваетъ свою признательность братьямъ Лавровскимъ за ихъ просвѣщенное содѣйствіе на первыхъ по времени ступеняхъ его научной дѣятельности.

Въ числѣ профессоровъ, которыхъ слушалъ Потебня, былъ А. Л. Метлинскій. Въ автобіографіи Потебня говоритъ: „Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій, украинофилъ и добрый человѣкъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ былъ первою книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка". Несомнѣнно, что Метлинскій благотворно повліялъ на Потебню въ смыслѣ усиленія въ немъ живаго интереса къ малорусской народности и этнографіи. Метлинскій былъ человѣкъ простой, честный, добродушный и трудолюбивый. По словамъ его ученика Де-Пуле, дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ была идеальная, товарищеская. Пріобрѣсти дружеское, товарищеское расположеніе Метлинскаго легко было тому, кто писалъ не дурно, кто сочинялъ стихи, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни. „Народныя южнорусскія пѣсни", о которыхъ упоминаетъ Потебня, вышли въ 1854 г. Въ предисловіи къ нимъ Метлинскій писалъ слѣдующее: „Проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ по волѣ Промысла на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслью, что всякое нарѣчіе или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ". Далѣе у Метлинскаго слѣдуетъ выраженіе, которое позднѣе Потебня по-

вторилъ, съ ссылкой на автора, какъ безусловно справедливое. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа".

Послѣ сборника Метлинскаго вышло много гораздо болѣе крупныхъ по величинѣ, болѣе важныхъ въ научномъ отношеніи сборниковъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ; но нѣтъ ни одного между ними, за исключеніемъ сборника историческихъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, въ которомъ такъ живо и рельефно выступала сила и красота народной поэзіи. Метлинскій внесъ въ свою книгу вновь записанныя пѣсни, не искаженныя сторонними вліяніями; онъ не позволялъ себѣ составлять пѣсни изъ нѣсколькихъ варіантовъ и въ правописаніи держался господствующаго украинскаго нарѣчія; въ результатѣ получился сборникъ цѣльный и изящный, по внутреннему содержанію и внѣшней формѣ. Въ сборникѣ отразилась природа южнорусскаго края, народный бытъ, историческія воспоминанія. Пѣсни пошли одна за другой, какъ дикіе полевые цвѣты, выросшіе на полѣ народной жизни.

Такова была приблизительно почва, на которой у Потебни выросли и окрѣпли научные этнографическіе интересы: непосредственное чувство любви къ родинѣ — сильное и глубокое, украинскія симпатіи подъ вліяніемъ Нѣговскаго и Метлинскаго ивсеславянскія научныя сочувствія подъ вліяніемъ братьевъ Лавровскихъ.

Къ этимъ воздѣйствіямъ на Потебню, важнымъ и плодотворнымъ преимущественно по отношенію развитія въ немъ этнографическихъ интересовъ и научнаго опредѣленія ихъ, нужно еще присоединить сильное и благотворное вліяніе нѣмецкой филологической науки. Г. Соболевскій недавно замѣтилъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. въ рецензіи на „Исторію русской этнографіи". Пыпина, что „первообразомъ" Потебни былъ Штейнталь. Если съ такой легкостью отыскивать „первообразы", то не останется ни одного мыслителя, ни одного художника. Потебню затретъ Штейнталь, Александра Веселовскаго—Бенфей; у Штейнталя и Бенфея окажутся свои „первообразы", по естественной

преемственности научной мысли, и въ концѣ концовъ выйдутъ столь же скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ имя нашего петербургскаго рецензента филолога. Эта вылазка г. Соболевскаго противъ Потебни, правда запрятанная въ подстрочномъ примѣчаніи, намъ представляется тѣмъ болѣе неудобной для самого г. Соболевскаго, что въ Харьковѣ еще живо помнятъ его докторскій диспутъ въ университетѣ, крайне снисходительное отношеніе Потебни къ молодому ученому и своеобразную защиту послѣдняго. Воздѣйствіе нѣмецкой науки на Потебню нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ сочиненіи „Мысль и языкъ“ (1862 г.) и „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1874 г.) обнаруживается глубокое изученіе В. Гумбольдта, Штейнталя и Лацаруса, въ соч. „О нѣкоторыхъ повѣрьяхъ“ (1865 г.) изученіе Я. Гримма. Какъ человѣкъ сильнаго ума, Потебня не подчинялся ни одному авторитету, ко всѣмъ трудамъ относился самостоятельно и критически. Такое изученіе нѣмецкой филологической науки Потебня продолжалъ до конца своей жизни. Такъ, въ 80-хъ годахъ онъ обстоятельно изучилъ и далъ отзывъ о сочиненіяхъ выдающагося новѣйшаго нѣмецкаго филолога Бругманна.

Сочиненія Потебни распадаются на филологическія и этнографическія. Строгаго дѣленія между тѣми и другими нѣтъ. Въ сочиненіяхъ филологическихъ встрѣчаются цѣнныя этнографическія замѣтки и, наоборотъ, въ сочиненіяхъ по преимуществу этнографическихъ разбросаны замѣчанія о звуковыхъ особенностяхъ и этимологическомъ значеніи отдѣльныхъ словъ. На всѣхъ трудахъ Потебни лежитъ отпечатокъ его оригинальной личности, его своеобразнаго научнаго дарованія. Для Потебни наука была цѣлью жизни; ея интересы неразрывно сливались съ его личными интересами; къ научнымъ интересамъ онъ относился страстно, горячо, близко принимая ихъ къ сердцу. Выдающеюся особенностью его ума была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Съ высоты своихъ обобщеній онъ обозрѣвалъ частные факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которыя кажутся при первомъ взглядѣ довольно отдален-

ными другъ отъ друга. Поразительной мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ въ области славянской филологіи: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общіе выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей спеціальности, и такимъ образомъ своему предмету сообщалъ удивительно широкую философскую постановку. Въ области изученія русскаго языка Потебня оставался и остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія.

О филологическихъ трудахъ Потебни есть двѣ обширныхъ статьи (Срезневскаго и Будиловича), но значеніе Потебни, какъ филолога, этими статьями далеко еще не опредѣлено, и такое опредѣленіе остается дѣломъ будущаго. Недостаточно опредѣлена философская сторона въ сочиненіяхъ Потебни, и въ особенности мало оцѣнены его громадныя заслуги по изученію лексической стороны русскаго языка. Здѣсь Потебня глубоко затрогиваетъ интересы этнографовъ (напр., въ статьяхъ о названіи болѣзней, о словахъ, заимствованныхъ малоруссами отъ нѣмцевъ, румынъ, грековъ и др.) и историковъ быта и права (напр., о древне-русскихъ юридическихъ терминахъ).

Полная оцѣнка филологической научной дѣятельности Потебни въ настоящее время уже потому не можетъ быть сдѣлана, что послѣ смерти Потебни остался въ рукописи, вполнѣ приготовленной къ печати, громадный трудъ—продолженіе его докторской диссертаціи „Изъ Записокъ по русской грамматикѣ“, и затѣмъ другой также въ высокой степени цѣнный трудъ по теоріи поэзіи. Къ этимъ трудамъ относятся послѣднія строки въ автобіографической запискѣ Потебни: „О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе (въ послѣдніе годы Потебня сильно и часто былъ боленъ), и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языкознанія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: „поэзія и проза“ (поэтическое и научное мышленіе) „суть явленія языка“. Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построен-

ный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія— для публики: „объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ“, для меня: „объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“, или „о борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно научнымъ въ области грамматическихъ категорій, по даннымъ преимущественно русскаго языка“...

Потебню неоднократно упрекали за изложеніе тяжелое и сухое. Это упрекъ не безосновательный, но требующій оговорки и ограниченія. Сухимъ и труднымъ для пониманія представляется его главный филологическій трудъ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ и нѣкоторыя мѣста въ другихъ его сочиненіяхъ 70 и 80-хъ годовъ. Трудность обусловливается стремленіемъ ученаго къ возможно точному философскому опредѣленію грамматическихъ и логическихъ категорій. Ранніе труды Потебни (о символахъ, о мысли и языкѣ) написаны живо, просто, ясно, и въ этомъ отношеніи они довольно рѣзко отличаются отъ его позднѣйшихъ трудовъ. Рѣчь Потебни была жива и увлекательна. Онъ и здѣсь не сходилъ съ научной почвы; но то обиліе сухихъ фактовъ, которое подавляетъ читателя въ послѣднихъ сочиненіяхъ Потебни, на его лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ облекалось всепроникающей мыслью о торжествѣ разума, правды и добра, причемъ исторія языка, пѣсенъ и обрядовъ являлась вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей человѣческой культуры.

Обращаемся къ изложенію и оцѣнкѣ этнографическихъ трудовъ Потебни, изложенію по возможности, подробному, въ виду научной ихъ важности и въ виду того, что до сихъ поръ о Потебнѣ, какъ этнографѣ, въ научной литературѣ не было рѣчи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСѢЙ АНДРІЕВСКІЙ.

(эпизодъ 1789 г.).

По запискамъ Ѳеодосія Бродовича, лица, интересующіяся судьбою юго-западнаго края въ XVIII ст., ознакомились съ страннымъ дѣломъ, возникшимъ на Волыни въ 1789 году. Дѣло это представляетъ несомнѣнно одно изъ самыхъ оригинальныхъ патологическихъ явленій общественной жизни; является оно, впрочемъ, прямымъ и логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ ненормальныхъ условій общественнаго быта, которыя создало для себя и для цѣлаго края польское дворянство, владѣвшее имѣніями въ юго-западной Руси. Польскіе или давно уже ополячившіеся, хотя по происхожденію русскіе, дворяне юго-западнаго края заключились въ совершенно замкнутый сословный кругъ, рѣзко очерченный и не имѣвшій никакихъ точекъ соприкосновенія съ массою населенія края. По языку, религіи, культурѣ, по подробностямъ этнографическаго быта они были совершенно чужды народной массѣ; въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ стояли къ ней враждебно. Сознавая, что народонаселеніе страны питаетъ къ нимъ крайне недружелюбныя чувства, дворяне не были въ состояніи, даже изъ побужденій сословнаго и личнаго интереса слѣдить за настроеніемъ этой массы, понимать ея стремленія и средства противодѣйствія; въ концѣ XVIII столѣтія мѣстные дворяне мало или вовсе не понимали языка окружавшаго ихъ народа и не

были въ состояніи прочесть строчки рукописи, написанной тѣмъ шрифтомъ и языкомъ, которымъ пользовались болѣе интеллигентные представители народа въ церковномъ обиходѣ, въ школѣ и литературѣ; они инстинктивно чувствовали, что находятся въ постоянной опасности, что живутъ на почвѣ, пронизанной глубокими и опасными минами, но не имѣли достаточно энергіи для того, чтобы изучить направленіе и состояніе этихъ минъ и принять мѣры защиты противъ ихъ взрыва. Чувствуя себя иноземною колоніею среди порабощеннаго края, они не запаслись ни должнымъ количествомъ гуманнаго чувства для того, чтобы смягчить поводы раздраженія, ни даже простой предусмотрительностью для того, чтобы по мѣрѣ возможности обезопасить свое положеніе. Очевидно, почва была подготовлена такимъ образомъ, что при первомъ, хотябы ничтожномъ, поводѣ безсознательная страшная паника должна была охватить дворянское общество и вызвать въ его средѣ самыя причудливыя явленія. Это и случилось въ 1789 году.

Нѣсколько фразъ, неосторожно сказанныхъ среди сеймовыхъ преній, и совершенно случайный единичный фактъ — убіеніе на Волыни помѣщика Вележинскаго его дворовыми людьми — привели въ ужасъ все дворянское населеніе южнорусскихъ воеводствъ: шляхтичи были увѣрены, что наступилъ роковой моментъ, угрожающій страшною гибелью всему ихъ сословію. Подъ впечатлѣніемъ паники и при полномъ незнаніи края возникали самыя странныя предположенія и галлюцинаціи. Принимая за положительные факты произведенія собственной фантазіи, зародившіяся подъ натискомъ страха, дворяне увѣрились въ существованіи громаднаго заговора, охватившаго будто бы невѣдомыми путями все населеніе края и готоваго вспыхнуть съ непреодолимою силою. Страстные вопли, раздавшіеся по этому поводу среди волынскихъ дворянъ, прервали ходъ занятій четырехлѣтняго сейма, на которомъ болѣе развитые представители шляхетства пытались было пріискать мѣры спасенія для распадавшагося организма Рѣчи Посполитой. На сеймѣ рѣшено было, отложивъ всѣ другія заботы, употребить экстренныя, крайне энергичныя мѣры для того,

чтобы предупредить взрывъ страшной катастрофы. Въ южнорусскихъ воеводствахъ были организованы шляхетскія коммиссіи съ неограниченною властью для того, чтобы выслѣдить, предупредить и подавить предполагаемый заговоръ и подвергнуть надлежащей карѣ его участниковъ; въ распоряженіе коммиссій предоставлены были всѣ скудныя, имѣвшіяся на лицо, военныя силы Рѣчи Посполитой. Коммиссіи принялись за свое дѣло съ судорожною горячностью, внушаемою паническимъ страхомъ. Онѣ публиковали воззванія, приглашавшія всѣхъ обывателей сообщать коммиссіямъ замѣченныя ими проявленія мнимаго заговора и предписали военнымъ командамъ арестовать всѣхъ лицъ, которыя будутъ кѣмъ бы то ни было оговорены или заподозрѣны въ участіи въ заговорѣ. Конечно, доносы въ коммиссіи посыпались кучами: многіе вспоминали разговоры, шутки, даже жесты, которые случилось имъ наблюдать въ теченіе 2—3 послѣднихъ лѣтъ и которые теперь, при освѣщеніи текущаго настроенія казались крайне подозрительными; они bona fide сообщали коммиссіямъ свои наблюденія и указывали десятки мнимыхъ заговорщиковъ; другіе пользовались смутою для того, чтобы свести счеты съ личными врагами, чтобы избавиться отъ гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ, наконецъ для того, чтобы удалить лицъ, неудобныхъ для нихъ въ силу денежныхъ обязательствъ. Всѣ оговоренные безъ разбору были арестованы военными командами и препровождались въ города, въ которыхъ засѣдали коммиссіи. Послѣднія производили допросы и слѣдствіе, сокративъ до minimum'а, особенно въ началѣ своей дѣятельности, формы судопроизводства и, въ силу своихъ полномочій, отбросивъ закономъ предписанныя гарантіи подсудимыхъ. Въ разныхъ воеводствахъ, смотря по составу коммиссій и по степени раздраженія шляхетскаго общества, приговоры коммиссій представляютъ различную степень поспѣшности. На Волыни — въ Владимірѣ, Кременцѣ и особенно въ Луцкѣ—дворянскія коммиссіи отличаются особенно тревожнымъ настроеніемъ; въ силу того онѣ расточаютъ смертные приговоры весьма щедро, не изслѣдовавъ дѣлъ въ подробностяхъ, иногда на основаніи ясно несообразныхъ показаній. Когда пол-

года спустя волынскія коммиссіи убѣдились наконецъ, что заговора вовсе не существовало и что толки о немъ были не болѣе какъ продуктъ досужей фантазіи, оказалось, что нѣсколько десятковъ подсудимыхъ: крестьянъ, уніятскихъ священниковъ и коробейниковъ - старообрядцевъ поплатились безъ повода жизнью среди погони за фантастическою конспираціею. Гораздо хладнокровнѣе и разсудительнѣе были дѣйствія коммиссіи кіевскаго воеводства, засѣдавшей въ Житомірѣ.—Члены ея, подобно волынскимъ своимъ собратіямъ, опубликовали воззваніе, призывавшее обывателей сообщить въ коммиссію свѣдѣнія о заговорѣ. Доносы посыпались и здѣсь отъ лицъ разныхъ сословій и состояній; военныя команды и экономическіе уряды доставили массу лицъ оговоренныхъ, но коммиссія повела слѣдствіе спокойнѣе, сочла нужнымъ повѣрить факты, собрать показанія свидѣтелей и не торопилась окончательнымъ рѣшеніемъ дѣлъ. Между тѣмъ количество лицъ, состоявшихъ подъ арестомъ, страшно накоплялось; наконецъ военныя власти поставили на видъ коммиссіи, что онѣ не имѣютъ достаточныхъ средствъ для наблюденія за арестантами, число которыхъ превосходитъ значительно число солдатъ житомирскаго гарнизона, и просили коммиссію ускорить рѣшеніе дѣлъ. Но коммиссія, по произведеннымъ слѣдствіямъ, пришла къ ясному убѣжденію о фиктивности предполагаемаго заговора и, не желая, съ одной стороны, подвергать жестокимъ приговорамъ очевидно ни въ чемъ неповинныхъ арестантовъ, съ другой—боясь оправдательными рѣшеніями вызвать негодованіе собственной среды, избрала уклончивый, средній путь: она препроводила и арестантовъ, и относившіеся къ нимъ документы процессовъ въ распоряженіе мѣстнаго гродского суда. Судъ этотъ долженъ былъ примѣнить къ подсудимымъ пріемы нормальнаго судопроизводства: онъ поручилъ своему инстигатору (прокурору) составить обвинительные акты, назначилъ подсудимымъ адвокатовъ, долженъ былъ дополнить слѣдствіе опросомъ новыхъ свидѣтелей и исполнить массу юридическихъ формальностей, предписанныхъ литовскимъ статутомъ. Такимъ образомъ рѣшеніе дѣлъ затянулось, и гродскій судъ приступилъ къ составленію при-

говоровъ уже тогда, когда паника среди шляхетскаго общества улеглась и когда оно убѣдилось вполнѣ въ призрачномъ характерѣ заговора; не удивительно потому, что всѣ приговоры гродскаго житомірскаго суда привели къ оправданію подсудимыхъ или къ ничтожнымъ взысканіямъ за несвоевременное произнесеніе бранныхъ или шуточныхъ словъ, за неповиновеніе экономическимъ властямъ и за другіе мелкіе проступки. Единственное дѣло, окончившееся въ житомірскомъ гродскомъ судѣ строгимъ приговоромъ, — это было дѣло по обвиненію протоіерея Алексѣя Андріевскаго. Конечно, дѣло это не имѣло ничего общаго съ мнимымъ заговоромъ, по поводу котораго было вчато, но при слѣдствіи обнаружились такіе поступки о. Алексѣя, къ которымъ тогдашнее польское дворянство не могло отнестись равнодушно. Въ процессѣ свящ. Андріевскаго пришлось натолкнуться на черты своеобразной мѣстной культуры, непонятной и конечно не симпатичной для дворянскаго польскаго общества, и за эту то культуру пришлось поплатиться ея представителю. Главный corpus delicti въ дѣлѣ протоіерея Андріевскаго составляла найденная у него при обыскѣ рукопись историко-литературнаго содержанія.

О біографіи прот. Алексѣя Андріевскаго мы знаемъ только тѣ факты, которые помѣщены въ обвинительномъ актѣ и въ текстѣ приговора, но они достаточно рисуютъ энергическую и глубоко преданную своему убѣжденію личность почтеннаго протоіерея [1]).

Въ 1789 году онъ былъ уже человѣкъ не молодой.—Еще въ 1765 или 1766 году онъ былъ рукоположенъ въ священство уніятскимъ митрополитомъ Фелиціаномъ Володковичемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнилъ свою прежнюю фамилію Дытюкъ на новую, заимствованную, вѣроятно, отъ отчества —Андріевскій. Принадлежность его къ уніятской церкви объясняется, вѣроятно, тяжело слагавшимися въ то время для православія обстоятельствами, но она не вытекала изъ его убѣжденій, стремившихся весьма отчетливо въ другомъ направленіи. Неудиви-

[1]) Книга гродская кіевская декретовая № 812, листъ 545.

тельно потому, что при первой возможности онъ навсегда разстался съ уніею. Въ 1768 году вспыхнуло крестьянское возстаніе, извѣстное подъ названіемъ коліивщины, быстро охватившее южную Украину, въ которой проживалъ молодой священникъ; польскіе паны и уніятскіе священники гибли или бѣжали изъ края, духовныя лица, расположенныя по убѣжденію къ православію, почувствовали себя на время свободными отъ духовнаго и помѣщичьяго надзора и рѣшились воспользоваться минутою для того, чтобы возвратиться къ вѣрѣ предковъ и удержать въ ней своихъ прихожанъ. Вмѣстѣ со многими другими, насильно обращенными въ унію священниками, Алексѣй Андріевскій направился въ Переяславъ, гдѣ по его просьбѣ епископъ Гервасій возсоединилъ его съ православіемъ. Но, возвратившись на родину, онъ засталъ обстоятельства измѣнившимися: быстро вспыхнувшее крестьянское возстаніе было также быстро подавлено; многочисленныя военныя и гражданскія коммиссіи судили и казнили его участниковъ; уніятское духовенство производило розыскъ о священникахъ, ѣздившихъ въ Переяславъ, нѣкоторыхъ предавало суду, остальныхъ лишало приходовъ. Многіе изъ нихъ, дѣйствовавшіе по мірскимъ побужденіямъ, являлись въ уніятскую консисторію съ повинною, объясняли свой переходъ въ православіе страхомъ грозившей отъ бунтовщиковъ опасности и подписывали отреченіе. Но среди священниковъ были также люди, руководившіеся глубокимъ убѣжденіемъ, которое они предпочли житейскимъ выгодамъ; къ числу ихъ принадлежалъ и о. Алексѣй Андріевскій; онъ отказался принести повинную, былъ лишенъ прихода и затѣмъ въ теченіе почти 20 лѣтъ велъ скитальческую жизнь. По временамъ громады селъ, болѣе энергично стоявшія за православіе, призывали его къ себѣ на приходъ, но нигдѣ ему не удавалось удержаться: то уніятское духовенство съ помощью экономическихъ властей смѣщало его, замѣняя уніятомъ, то помѣщики отказывали ему въ презентѣ, и онъ долженъ былъ уѣзжать въ новое мѣсто или оставаться вовсе безъ дѣла[1]).

[1]) Въ 1780 году А. Андріевскій занималъ должность благочиннаго въ Хвастовѣ и былъ избранъ окрестнымъ православнымъ духовенствомъ депутатомъ для

Наконецъ въ 1785 году судьба улыбнулась стойкому священнику; въ этомъ году состоялся актъ раздѣла украинскихъ помѣстій, принадлежавшихъ нѣкогда Вишневецкимъ, и послѣ прекращенія ихъ рода перешедшихъ къ ихъ наслѣдникамъ: Радзивилламъ, Ржевускимъ, Любомирскимъ и т. п. Въ числѣ сонаслѣдниковъ на долю князя Ксаверія Любомирскаго, кромѣ другихъ имѣній, достался ключъ Межирицкій (нынѣ въ черкасскомъ уѣздѣ кіевской губ.), состоящій изъ м. Межирича и 11 окрестныхъ селъ. Кн. Ксаверій Любомирскій, генералъ-маіоръ русской службы, принадлежалъ къ небольшому кружку польской аристократіи, отличавшейся хорошимъ европейскимъ образованіемъ; люди этого кружка сознавали всѣ ненормальныя отношенія, установившіяся въ Польшѣ, и, чувствуя невозможность устранить ихъ вообще, примѣняли другіе, болѣе гуманные принципы въ своихъ имѣніяхъ. Принявъ въ управленіе доставшіяся ему имѣнія, кн. Любомирскій принялся за ихъ устройство; на первомъ мѣстѣ его экономическихъ плановъ стояли заботы о поднятіи благосостоянія крестьянъ: онъ облегчилъ почти на половину повинности, сложилъ дани натурою, разрѣшилъ крестьянамъ своихъ имѣній пріобрѣтать поземельную собственность, многихъ самъ надѣлялъ ею, поощрялъ занятіе промыслами и т. п.

Между прочими формами въ управленіи своихъ имѣній кн. Ксаверій Любомирскій рѣшился держаться строгой вѣротерпимости и отказался отъ всякаго давленія на религіозныя убѣжденія населенія: вскорѣ представился ему случай проявить этотъ принципъ на дѣлѣ. Въ селѣ Бабичахъ, принадлежавшемъ къ Межирицкому ключу, громада призвала на приходъ Свято-Покровской церкви свящ. Алексѣя Андріевскаго, но уніятская консисторія помимо воли громады назначила своего ставленика; помѣщикъ имѣлъ рѣшительный голосъ въ рѣшеніи этого дѣла: только на основаніи его презенты могъ удержаться на приходѣ одинъ изъ двухъ кандидатовъ. Когда громада изъ Бабичъ обра-

---

поѣздки въ Петербургъ—съ перечнемъ жалобъ на притѣсненія, испытываемыя отъ уніятовъ; онъ собрался въ путь, но въ Переяславѣ епископъ Иларіонъ отмѣнилъ этотъ выборъ и назначилъ вмѣсто Андріевскаго другое лице въ составъ депутаціи. (Сообщилъ П. Г. Лебединцевъ).

тилась къ кн. Любомирскому за рѣшеніемъ вопроса, онъ выслушалъ мнѣніе крестьянъ, познакомился съ обоими кандидатами и вполнѣ оцѣнилъ нравственную личность о. Алексія; громадѣ онъ отвѣтилъ, что въ ея волѣ удержать того или другого священника — къ кому будутъ прихожане обращаться за требами, тотъ и будетъ у нихъ священникомъ; презенту-же онъ предложитъ обоимъ. Дѣйствительно, онъ такъ и поступилъ, но при этомъ употребилъ своеобразный пріемъ: съ уніятскаго ставленика онъ потребовалъ за презенту непомѣрно высокую плату, отцу же Алексѣю выдалъ ее даромъ. Оставленный прихожанами и нежелавшій платить назначенной цѣны за презенту, уніятскій священникъ уѣхалъ изъ Бабичей, и приходъ остался во владѣніи свящ. Андріевскаго. Его испытанная энергія и дружелюбныя отношенія, въ которыя онъ сталъ къ кн. Любомирскому, обратили на него вниманіе епархіальнаго правленія, которое поручило ему управленіе обширнымъ Мошнянскимъ благочиніемъ. Три года пребывалъ въ этой должности отецъ Алексѣй и, благодаря какъ собственной энергіи, такъ и гуманному взгляду и поддержкѣ кн. Любомирскаго, онъ успѣлъ возстановить постепенно православіе во всѣхъ селахъ Межиричскаго ключа; въ 1788 году одинъ только приходъ при Успенской церкви въ селѣ Поповкѣ, смежной съ Бабичами, оставался во власти уніятскаго священника; хотя и здѣсь большинство жителей обращалось за исполненіемъ требъ къ отцу Алексѣю. Желая прекратить это неопредѣленное положеніе, послѣдній неоднократно совѣтовалъ крестьянамъ, приходившимъ къ нему изъ Поповки, пригласить на приходъ православнаго священника, указывая на примѣръ всѣхъ другихъ селъ Межирицкаго ключа. Наконецъ, въ 1788 году по просьбѣ громады, онъ назначилъ въ Поповку православнаго ставленника; къ несчастію для полученія презенты встрѣтилось неожиданное препятствіе: въ исходѣ 1787 года кн. Любомирскій продалъ всѣ свои украинскія имѣнія, въ томъ числѣ и Межиричскій ключъ свѣтлѣйшему князю Григорію Потемкину. Новый владѣлецъ жилъ въ Петербургѣ, и путь къ нему за полученіемъ презенты былъ слишкомъ далекъ и труденъ; назначенный-же имъ главноуправляющій полковникъ Стааль, не от-

важивался безъ инструкціи владѣльца вмѣшиваться въ дѣло. Громада села Поповки отправилась было за рѣшеніемъ вопроса къ полковнику, но тотъ далъ уклончивый отвѣтъ и посовѣтовалъ крестьянамъ для рѣшенія духовнаго дѣла обратиться въ духовное вѣдомство и указалъ имъ на Мотренинскій монастырь, игумены котораго со времени извѣстнаго Мельхиседека Яворскаго считались правителями православныхъ церквей въ южной Украинѣ. Узнавъ о такомъ рѣшеніи полковника, уніатскій священникъ Поповки поспѣшилъ явиться въ Мотренинскій монастырь раньше своего соперника и заявилъ полную готовность присоединиться къ православію, но здѣсь онъ не встрѣтилъ желанія воспользоваться его готовностію; оказалось, что священникъ этотъ не внушалъ къ себѣ довѣрія, такъ какъ уже нѣсколько разъ, смотря по теченію событій, онъ переходилъ изъ уніи въ православіе и обратно. Возвратившись въ Поповку, онъ впрочемъ не считалъ свое дѣло проиграннымъ; онъ отказался отдать громадѣ церковные ключи и продолжалъ отправлять богослуженіе. Поповцы обратились вновь за совѣтомъ къ благочинному; о. Алексѣй сказалъ имъ, что впредь до рѣшенія княземъ вопроса о приходѣ они могутъ отправлять богослуженія въ частномъ домѣ, необходимыя-же церковныя облаченія и книги они могутъ взять изъ церкви, гдѣ предметы эти находились въ достаточномъ для двухъ священниковъ количествѣ. Слѣдуя этому совѣту, крестьяне вошли въ церковь и, послѣ службы, потребовали отъ уніятскаго священника нужные предметы; получивъ отказъ, они помимо его запрета, взяли часть церковныхъ облаченій, свѣчей и двѣ богослужебныя книги и затѣмъ отправились слушать заутреню въ частномъ домѣ, гдѣ служилъ православный священникъ.

Между тѣмъ благочинный Андріевскій получилъ изъ экономіи весьма неутѣшительныя вѣсти. Кн. Потемкинъ, не желая раздражать мѣстнаго дворянства, отказался отъ вмѣшательства въ спорный вопросъ и потребовалъ, чтобы объ этомъ объявлено было крестьянамъ. Андріевскій обязанъ былъ заявить имъ, что дальнѣйшую борьбу изъ-за уніи крестьяне должны вести собственными силами и не имѣютъ права впредь

ссылаться на авторитетъ или ожидать поддержки владѣльца. Извѣстіе это привело жителей Поповки въ большое уныніе; православный священникъ бѣжалъ изъ села, крестьяне бросились къ уніатскому священнику просить прощенія; послѣдній торжествовалъ и рѣшился отомстить благочинному за испытанную тревогу, благо пришло удобное время: только что отъ порядковой коммиссіи получены были объявленія объ угрожающемъ заговорѣ и воззванія о доставленіи свѣдѣній о подозрительныхъ лицахъ.

Въ началѣ апрѣля 1789 года о. Алексѣй получилъ частное извѣщеніе, что на него поданъ доносъ въ Коммиссію и что съ часу на часъ ему угрожаетъ арестъ. Отслуживъ заутреню, онъ призвалъ нѣсколько степенныхъ крестьянъ, разсказалъ имъ положеніе дѣла и просилъ защиты; онъ предлагалъ, чтобы крестьяне, когда жолнеры и уніаты пріѣдутъ арестовать его, сбѣжались по сигнальному выстрѣлу изъ пистолета и воспротивились его аресту. Крестьяне однако отказались исполнить этотъ планъ; „мы не можемъ, говорили они, оказывать сопротивленія войску; такимъ поступкомъ мы можемъ навлечь гибель на себя и на наши семейства: поляки вырѣжутъ все село безъ остатка“;— затѣмъ они совѣтовали благочинному бѣжать и укрыться на время въ какомъ-либо монастырѣ. „Никакой монастырь не охранитъ меня, сказалъ о. Алексѣй, а вы потеряли, какъ вижу, всякое мужество; не такъ поступали ваши предки въ славное время Хмельницкаго“. Услышавъ такія рѣчи, крестьяне прекратили разговоръ и разошлись по домамъ. На слѣдующій день произошла ожидаемая катастрофа: отрядъ жолнеровъ окружилъ домъ благочиннаго и произвелъ въ немъ строгій обыскъ. Въ качествѣ подозрительныхъ предметовъ отобраны были: 4 ружья, 2 пистолета, большой кухонный ножъ (на слѣдствіи оказалось потомъ, что отецъ Алексѣй часто ходилъ на охоту, почему и держалъ запасъ оружія) и рукописная книга на русскомъ языкѣ.

20 апрѣля благочинный былъ уже подъ стражею доставленъ въ Житоміръ и 21 съ него отобраны первыя показанія въ засѣданіи порядковой коммиссіи. Очевидно, здѣсь онъ не

потерялся и, видя трудность отстоять свое дѣло передъ лицемъ предубѣжденной экстренной коммиссіи, онъ требовалъ перенесенія дѣла въ нормальные суды и постоянно предъявлялъ апелляцію въ люблинскій трибуналъ. Тому-же методу защиты слѣдовалъ отъ имени владѣльца вызванный въ судъ представитель экономіи кн. Потемкина; но требованія ихъ не были уважены, и дѣло о. Алексѣя вмѣстѣ съ другими было передано въ гродскій судъ. Послѣдній выдѣлилъ это дѣло изъ числа всѣхъ другихъ, подвергъ весьма тщательному изслѣдованію и 6 іюня постановилъ по нему окончательный приговоръ. Судъ призналъ священника Алексѣя Андріевскаго виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: онъ отзывался объ уніи въ оскорбительныхъ выраженіяхъ; побудилъ крестьянъ села Поповки унести насильно изъ церкви принадлежности богослуженія; пытался побудить крестьянъ села Бабичей оказать сопротивленіе военной командѣ и, наконецъ, совершилъ самое тяжелое преступленіе, разсказывая имъ о бунтѣ Хмельницкаго и читая неоднократно объ этомъ предметѣ отрывки изъ рукописной книги, которая и была у него задержана при обыскѣ. Эту злосчастную рукопись разсматривали и члены коммиссіи, и члены гродскаго суда, но ни тѣ, ни другіе не были въ состояніи прочитать ее, такъ какъ она была писана по русски; съ большимъ трудомъ розыскали въ числѣ канцеляристовъ лице, умѣвшее читать на этомъ языкѣ, и вручили ему рукопись на разсмотрѣніе. Это оказалась одна изъ козацкихъ лѣтописей, судя по приводимому въ дѣлѣ нѣсколько разъ заглавію „Xięźka o rewolucji Chmielnickiego“. Это вѣроятно былъ списокъ или лѣтописи Грабянка (Дѣйствія презѣльной и отъ начала поляковъ крававшой небывалой брани Богдана Хмельницкаго), или лѣтописи Самовидца (Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго), списокъ, который о. Андріевскій переписалъ еще до своего рукоположенія въ священники и потомъ любилъ прочитывать въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Экспертъ, разсматривавшій эту книгу, далъ о ней такой отзывъ: „книга эта заключаетъ много ложныхъ разсказовъ о козакахъ и написана злостно, съ желаніемъ возбудить омерзеніе противъ поляковъ“, въ доказательство чего онъ пред-

ставилъ суду нѣсколько отрывковъ въ переводѣ.—Это мнѣніе эксперта и рѣшило дѣло не въ пользу подсудимаго. Судъ заключилъ, что всѣ перечисленныя преступленія ясно доказываютъ, „что священникъ Андріевскій—лице вредное для края и для общества, нарушавшее общественное спокойствіе и что онъ за свои поступки, исполненные соблазна, долженъ подлежать примѣрному наказанію“;—вслѣдствіе этого судъ опредѣлилъ заключить его на 12 лѣтъ въ каменецкую крѣпость, при чемъ средствъ на его содержаніе правительство отпускать не было обязано, проживать-же онъ долженъ на собственныя средства, которыя будетъ снискивать личнымъ трудомъ, работая при починкѣ крѣпостныхъ построекъ, т. е. говоря современнымъ языкомъ, онъ былъ отправленъ на 12 лѣтъ въ крѣпостныя арестантскія роты.

На этомъ прекращаются архивные источники по дѣлу протоіерея Андріевскаго. Мы не знаемъ, былъ-ли онъ препровожденъ въ Каменецъ, или, можетъ быть, кн. Потемкинъ успѣлъ своимъ вліяніемъ отклонить или смягчить исполненіе приговора. Во всякомъ случаѣ, если приговоръ и былъ исполненъ, то историческая Немезида сократила 12 лѣтній срокъ заключенія. Въ апрѣлѣ 1793 года комендантъ Каменца — Злотницкій сдалъ крѣпость русскому генералу Дерфельду, и, конечно, вслѣдъ за этою сдачею послѣдовало освобожденіе узника.

Злосчастная рукопись, съигравшая столь фатальную роль въ процессѣ, была по приказанію суда опечатана въ отдѣльный пакетъ и сдана для храненія въ житомірскій гродскій архивъ; къ несчастью при передачѣ дѣлъ этого суда въ кіевскій центральный архивъ, пакета уже не оказалось на мѣстѣ, и интересный лѣтописный списокъ можно считать утерянным безвозвратно.

В. Антоновичъ.

О языкѣ и поэтическомъ стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ.

Всякій разъ, какъ только мы останавливаемся мыслію на той или другой формѣ народной поэзіи, невольно представляются намъ готовыя категоріи, одинаковыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Сказка, пѣсня обрядная, пѣсня бытовая и историческая, пословица, заговоръ, загадка—таковы обычныя формы поэтическаго творчества, въ которыя отливается народное міровоззрѣніе съ постоянствомъ и правильностью періодически смѣняющихся явленій природы. Это, можно сказать, общечеловѣческая почва, на которой возникаютъ общія свойства народной поэзіи, общій типъ ея, соотвѣтствующій наивному настроенію народныхъ массъ, проникнутыхъ вѣрою въ чудесное и связанныхъ во всѣхъ проявленіяхъ личной жизни поставляющимъ авторитетомъ преданія.

Но подъ массивными сводами преданія всегда жила личная мысль, вызываемая личными радостями и страданіями человѣческаго сердца и сопровождаемая безконечной смѣной разнообразныхъ ощущеній, не всегда выражаемыхъ обычными формулами поэтическаго слова. Опираясь на эти формулы, личное творчество создавало новые пріемы и средства поэтической техники для выраженія новыхъ оттѣнковъ мысли, новыхъ движеній чувства. Это была работа вѣковъ, почти незамѣтная для смежныхъ поколѣній: едва пережитый моментъ, не отмѣченный именемъ своихъ представителей, не закрѣпленный письмомъ въ

памяти потомства, быстро сливался съ прошедшимъ, увеличивая его поглощающую силу.

Такъ сглаживались въ народномъ поэтическомъ творчествѣ всѣ промежуточныя линіи до такой степени, что съ перваго взгляда народная поэзія кажется Палладой, вышедшей изъ головы Зевса.

Нужно сказать однако, что личная мысль не всегда опиралась на одну субъективную почву личной жизни. Нерѣдко она соприкасалась съ культурными вліяніями, проникавшими въ жизнь народной массы путемъ столкновенія ея съ другими народами, путемъ заимствованія разныхъ вѣрованій и преданій, которыя на чужой почвѣ имѣли уже литературную форму. Оказывается при изслѣдованіи мѣстныхъ сказаній, что они большею частью занесены изъ разныхъ мѣстъ, подобно оплодотворяющимъ сѣменамъ, которыя разносятся вѣтромъ изъ дальнихъ странъ.

Съ теченіемъ времени на помощь къ личной мысли является организованная сила науки и школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенныя формы поэтическаго творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку, и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія. Къ такому сложному роду поэзіи относятся, по нашему мнѣнію, народныя малорусскія думы. Онѣ представляютъ оригинальный плодъ народно-культурнаго творчества.

Считаемъ не безполезнымъ съ этой точки зрѣнія остановиться на языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ, въ которыхъ явственно выступаетъ книжный строй рѣчи, доказывающій, что литературная дѣятельность малорусскихъ писателей не прошла безслѣдно для народнаго самосознанія.

Начнемъ съ рифмы и стихотворнаго размѣра думъ.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ есть много стихотворныхъ размѣровъ, но въ каждой отдѣльной пѣснѣ разъ принятый размѣръ не измѣняется отъ начала до конца ея. Признакомъ того или дру-

гаго размѣра служитъ однообразная группа стиховъ, равномѣрныхъ по объему, т. е. по количеству ударенiй и даже слоговъ, и связанныхъ между собою рифмой. Рифмуются обыкновенно сосѣдніе стихи, составляя такимъ образомъ стихотворный періодъ, заключающій въ себѣ опредѣленную мысль. Не только періодъ, но и каждый стихъ представляетъ самъ по себѣ нѣчто отдѣльное по смыслу. Поэтому въ чтеніи можно сдѣлать паузу послѣ каждаго стиха, не разрывая представленія въ сознаніи того, кто слушаетъ. Даже внутри стиха извѣстное количество слоговъ, примыкающихъ къ одному ударенію, представляетъ цѣльную синтаксическую единицу. Единство размѣра въ каждой пѣснѣ находится въ связи съ самымъ мотивомъ ея, который представляетъ музыкальное цѣлое, распадающееся на музыкальныя колѣна, причемъ каждый стихъ и даже полустишіе соотвѣтствуетъ той или другой части мотива [1]).

Что же мы видимъ въ думахъ?

Видную роль играетъ въ нихъ рифма. Въ угоду рифмѣ иногда являются невозможныя формы словъ, напр.:

---

[1]) Въ послѣднее время выдвинуто въ наукѣ значеніе мотива въ построеніи пѣсеннаго размѣра. Нѣкоторые выводятъ размѣръ пѣсни изъ ритма, т. е. изъ музыкальнаго начала, отрицая всякое значеніе ударенія. „Метрическую точку зрѣнія русской народной поэзіи, говоритъ Вестфаль, нельзя назвать количественною, но она и не качественная (тоническая). Ее слѣдуетъ назвать музыкальною, такъ какъ ритмическія ударенія русской пѣсни опредѣляются только напѣвомъ, и ничѣмъ не могло бы быть оправдано предположеніе, что русская пѣсня опиралась нѣкогда на другое основаніе". (О русской народной пѣснѣ, Русскій Вѣстникъ, 1879 годъ, Сентябрь). Дѣйствительно, мотивъ представляетъ нѣчто болѣе устойчивое, чѣмъ слова пѣсни, и нельзя отрицать громаднаго вліянія мотива на размѣръ стиха, особенно въ пѣсняхъ обрядныхъ.

Но въ изслѣдованіи Вестфаля о русской народной пѣснѣ дѣло представляетя такъ, будто бы пѣсня состоитъ не изъ словъ, а изъ однихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ. По нашему мнѣнію, нельзя игнорировать словъ пѣсни, въ которыхъ выражается мысль, распадающаяся на отдѣльные моменты, отмѣченные логическимъ, или, лучше сказать, ритмическимъ ударенiемъ. Если и трудно допустить обратное вліяніе стихотворнаго размѣра на музыкальный, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать соглашенія между тѣмъ и другимъ, которое достигается при исполненіи пѣсни, то растяженіемъ гласныхъ звуковъ, то эвфонической вставкой междометій и союзовъ. Это обычные пріемы въ народной поэзіи, посредствомъ которыхъ стихотворный размѣръ пѣсни какъ бы отстаиваетъ свою самостоятельность при столкновеніи своемъ съ мотивомъ ея.

«Тее промовляе,
Виттиля *побиває*».
(Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) [1]).

«Ивась Коновченко молодого (козака) совстричае,
Стременемъ у груди *поторкае*».
(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) [2]).

«Старого козака конемъ побываe,
Меншого пидъ ноги *затоптае*».
(Д. объ Иванѣ Коновченко) [3]).

Нужно сказать впрочемъ, что, при всемъ пристрастіи къ рифмѣ, слагатели думъ не особенно заботились объ ея обработкѣ. Цѣнилась только та рифма, которая сама, такъ сказать, напрашивалась въ стихъ. Большею частію это глагольная рифма, неразнообразная и вообще скудная. Тѣмъ не менѣе она оказывала значительное вліяніе на образованіе самаго стиха. Какъ только появлялась въ ходѣ разсказа рифма, она тотчасъ выдѣляла стихъ:

«Первый старшый мижъ нымы пробувае—
Кишка Самійло, гетьманъ запорожскій,
Другый—Марко Рудый,
Судья войсковый,
Третій Мойсій Грачъ,
Войсковый трембачъ».
(Д. о Сам. Кишкѣ) [4]).

Четвертый и шестой стихи образовались подъ вліяніемъ рифмы, тогда какъ аналогическое приложеніе „гетьманъ запорожскій“ не составляетъ отдѣльнаго стиха, потому что не заключаетъ въ себѣ рифмы.

Непреднамѣренное и какъ бы случайное появленіе рифмы было до извѣстной степени причиной неравномѣрности самыхъ стиховъ. Нѣчто подобное мы видимъ въ бытовыхъ пѣсняхъ:

---

[1]) Историч. пѣсни Малор. нар. Антонов. и Драгом. I, 110.
[2]) Малорос. дум. и пѣс. Лук. 43.
[3]) Руколис. сборникъ народ. малорус. пѣсенъ.
[4]) Малорос. дум. и пѣс. Лук. 15.

«Годи, маты, жалуваты, годи, маты, годыты:
Прысилы мене дйты,
Якъ калыночку квиты....
Годи, маты, жалуваты:
Було мене, маты, не виддаваты:
Було мене маленькою дытыною пидъ червоною калыною
поховаты» [1]).

Здѣсь количественное однообразіе стиховъ подрывается рифмой, совпадающей съ законченностью отдѣльныхъ моментовъ мысли, причемъ дается предпочтеніе глагольной рифмѣ, которая оттѣняетъ эти моменты. Но, собственно говоря, это не пѣсенный размѣръ: онъ составляетъ органическую принадлежность думы, и возникъ онъ тамъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, подъ иными вліяніями. Обыкновенно въ думахъ рѣдко встрѣчаются стихи равномѣрные по объему: есть стихи болѣе, чѣмъ въ сорокъ слоговъ, и стоятъ они нерѣдко рядомъ съ стихами въ семь, восемь слоговъ, напримѣръ:

(41) «Эй не зъ гора—биды мойму пану Барабашу
схотилося на славній Украини зъ кумомъ
своимъ Хмельницькимъ велыки бенкеты всчинаты!
(13) На щобъ имъ кралевськи лысты у двохъ читаты?
(8) Не лучче бъ имъ изъ Ляхамы,
(7) Мостивымы панамы,
(15) Зъ упокоемъ хлибъ-силь вичныи часы уживаты?»
(Д. о Хмел. и Бараб.) [2]).

Иногда стихъ въ двадцать слоговъ стоитъ рядомъ съ десятисложнымъ, и этотъ послѣдній съ пятисложнымъ и четырехсложнымъ:

(20) «Да ставъ же братъ найменшій, пишый пихотынець, зъ
байракивъ прыбигаты,
(10) Ставъ виты терновы знахожаты,
(5) У руки бере,
(4) Къ сердцю клале,

[1]) Чуб. V, 564.
[2]) Народ. южнорус. пѣсни Метл., 388.

(7) Словамы промовляе
(7) И слёзамы рыдае» [1].

(Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова).

Каждый стихъ думы, каковъ бы ни былъ онъ по своему объему, заключаетъ въ себѣ одно риторическое удареніе.

Отсюда ясно, что въ стихѣ думы нѣтъ стопъ, такъ какъ каждый изъ нихъ равняется отдѣльной стопѣ [2]). Въ помощь ударенію для болѣе отчетливаго различенія одного стиха отъ другаго является рифма, причемъ одна и та же рифма соединяетъ иногда болѣе десятка стиховъ. Такимъ образомъ, въ думахъ стопа какъ бы расширена до стиха, или, лучше сказать, она поглощается стихомъ, какъ въ аглютинирующихъ языкахъ предложеніе поглощается словомъ,—поэтому въ стихѣ думы нѣтъ надлежащей расчлененности, за то онъ представляетъ нѣчто болѣе массивное, чѣмъ обыкновенная пѣсенная стопа. Стихъ думы иногда возрастаетъ до того, что мы имѣемъ въ немъ вполнѣ развитую и законченную мысль, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Стихъ этотъ связывается со многими другими стихами большею частью однообразной рифмой, поэтому отъ цѣлаго ряда такихъ стиховъ получается впечатлѣніе текучей, плавной рѣчи, которая привлекаетъ вниманіе слушателя не столько внѣшней постройкой, сколько содержаніемъ своимъ. Давно уже называютъ этотъ размѣръ мѣрною прозою, и дѣйствительно, отсутствіе въ немъ мелкихъ единицъ обыкновеннаго стихотворнаго размѣра и полная свобода въ построеніи приближаютъ его къ одушевленной рѣчи оратора, который незамѣтно для самого себя почувствовалъ въ своемъ произношеніи мѣрное теченіе рѣчи. Само собою понятно, что это такого рода стихотворная мѣра, которая не можетъ стоять въ полной зависимости отъ музыкальнаго ритма. Извѣстно, что всѣ думы поются однимъ напѣвомъ, чрезвычайно типичнымъ, но по музыкальному рисунку очень

---

[1]) Записки о Южн. Руси, Кулиша I, 35.

[2]) Мы разумѣемъ тонико-риторическую, а не тонико-метрическую стопу, принятую въ литературномъ стихосложеніи.

незамысловатымъ [1]). Напѣвъ этотъ есть ничто иное, какъ мелодическій речитативъ, которому дается экспрессія, сообразная съ смысломъ стиха, то живая и быстрая, то спокойная и медленная. Кромѣ того, пользуясь подвижностью стиха, для котораго не обязательна соразмѣрность частей, обусловленныхъ однообразною правильностью музыкальнаго такта, исполнитель думы является истолкователемъ стиха, сообщая ему то или другое выраженіе, сообразно съ настроеніемъ собственнаго чувства. Отсюда лирическій, страстный тонъ, который вноситъ особую задушевность въ музыкальное исполненіе думы.

Такимъ образомъ, стихотворная форма думы находится въ полномъ соотвѣтствіи съ ея внутреннимъ строемъ, который выражается самымъ названіемъ ея.

Въ думѣ передается *продуманный* разсказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія.

Всмотримся въ эту рѣчь.

Мы уже видѣли, что въ думахъ преобладаетъ глагольная рифма, и что она оказала свое вліяніе на построеніе стиха. Понятно отсюда и вліяніе ея на построеніе предложеній: заканчивая стихъ, она заканчиваетъ и предложеніе, которое получаетъ вслѣдствіе этого особенный видъ, существеннымъ образомъ отличающій его отъ обыкновеннаго предложенія, гдѣ сказуемое не отодвигается отъ подлежащаго къ самому концу. Любимой формой сказуемаго является въ думахъ сказуемое сложное съ глаголами: *маты*, *статы*, *могты*, *буты* (послѣдній только въ будущемъ времени и изрѣдка во 2-мъ или 3-мъ лиц. единст. числ. настоящ. времени).

«Ой радъ бы я до тебе прыбуваты,
Та не знаю, сестро, де тебе *шукать* уже *маты*».
(Д. о сестрѣ и братѣ) [2]).

---

[1]) О незначительныхъ видоизмѣненіяхъ этого напѣва см. „Кіевская Старина“ 1888 г. Іюль, Приложенія.

[2]) Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсенъ.

Можно было просто сказать: *шукаты*,—рифма не была бы нарушена, но глаголъ *маты* въ данномъ случаѣ имѣетъ болѣе стилистическое, чѣмъ синтаксическое значеніе.

Чаще всего употребляется въ сложныхъ сказуемыхъ глаголъ *статы* при другомъ глаголѣ въ несовершенномъ видѣ:

«*Сталы* сыны до розума дохожаты,
Сталы соби молоде подружжа *маты*,
Сталы свою матиръ ридненьку, вдову стареньку, зневажаты».
(Д. о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) [1].

Такимъ образомъ, дѣйствіе, расширенное до неопредѣленныхъ границъ, ограничивается, ибо придается ему начинательный оттѣнокъ.

Глаголъ *моты* употребляется иногда въ томъ же значеніи, какъ и *буты*:

«Иды ты, маты, въ свій домъ пробувати:
Можемъ мы тебе за матку стареньку почитаты».
(Дума та-же).

Но большею частію этотъ глаголъ въ соединеніи съ *бы* сообщаетъ дѣйствію условное значеніе:

«Ой *могла-бъ* мене отцева—паниматчына молытва на Чорному мори рятуваты,
Уже бъ я знавъ, якъ свою матиръ шануваты, поважаты»
(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ) [2].

Особенно любопытна форма сказуемаго съ 3-мъ лиц. един. чис. наст. врем. вспомог. глагола *есть*, который соединяется не только по старинному съ спрягаемымъ причастіемъ на *лъ*, но и съ наст. времен. изъявит. наклон.:

«Не *есть* се насъ шабля турецька *порубала*,
Не *есть* се насъ пуля янычарська *пострѣляла*,
А *есть* се отцева и паниматчына молытва *покарала*».
(Д. о смерти трехъ братьевъ) [3].

«Се *есть* давній бидный невольныкъ, Кишка Самійло, изъ неволи *утикае*».
(Д. о Самійл. Кишкѣ) [4].

---

[1]) Народн. южно-русск. пѣсни Метлинск. 345.
[2]) Истор. пѣсни малор. нар. Антон. и Др., I, 184.
[3]) Сборн. украинск. пѣсенъ Максимовича, 1848 г., 18.
[4]) Ibidem, 47.

При помощи *есть* въ обоихъ примѣрахъ сказуемое выдвинуто на первый планъ: одною частію его начинается предложеніе, а другою заканчивается.

Обыкновенно составныя части сложнаго сказуемаго разъединены въ предложеніи: между ними стоитъ подлежащее съ второстепенными частями предложенія. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленія замкнуть мысль въ одно неразрывно цѣльное предложеніе.

Особенно рельефно это стремленіе выдается въ предложеніяхъ сложныхъ.

«Рука наша не *здийметься*,
Сердце наше не *зосмилыться*,
Булатна шабля не *йме* тебе, найменшого брата, *рубаты*»[1].
(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова).

Предъ нами три подлежащихъ и три сказуемыхъ, ибо каждый изъ личныхъ глаголовъ имѣетъ смыслъ только при своемъ подлежащемъ. Но всѣ эти глаголы тянутъ къ одному центру—неопредѣленному наклоненію, которое соединяется съ каждымъ изъ нихъ, какъ необходимый моментъ мысли и рѣчи, поэтому мы имѣемъ не три независимыхъ предложенія, но одно слитное-особенной, искусственно-риторической постройки, съ выдвинутымъ центромъ рѣчи, которая вслѣдствіе этого представляетъ строгое единство мысли.

Изъ того же логическаго начала вытекаетъ особенная склонность къ употребленію слитнаго предложенія, въ которомъ однородныя повторяющіяся части связываются обыкновенно однимъ узломъ. Слитное предложеніе мы видимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно описать предметъ со всѣми его признаками и особенностями или разсказать о явленіи въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣняющихся моментовъ.

Встрѣчаются слитныя предложенія значительныхъ размѣровъ:

«И вже мѣни не честь, не подоба, по риллямъ спотыкаты,
Жовтихъ чобитъ каляты,

---

[1]) Запорожская Старина, Срезневскаго, I, 35.

Дорогіи сукни пиломъ набываты,
А хочеться мени, маты,
Питы пидъ городъ Тягиню гуляты,
Славы—лыцарства доставаты»
(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) [1]).

Иногда въ формѣ одного слитнаго предложенія развертывается широкая картина. Такъ, въ одномъ изъ варіантовъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ весь подвигъ героя выраженъ въ формѣ слитнаго предложенія, заключающаго въ себѣ 14 глагольныхъ сказуемыхъ.

«Тогди жъ то Ивась Удовыченко, якъ одъ Хвылона, Корсуньского полковныка, благословеніе прынимавъ,
Самъ на доброго коня сидавъ,
Мижду козацькимы табурамы пробигавъ,
Шлыкъ изъ себе скидавъ,
Хрестъ на себе злагавъ,
Отцеву й матчыну молытву спомынавъ,
Изъ усякимъ козакомъ сердечне прощенне мавъ,
Старого козака риднымъ отцемъ узывавъ,
На турецьки табуры пробигавъ,
Турецьки паметы поперевертавъ,
Турокъ пьятдесятъ пидъ мичъ узявъ,
Девьятеро живцемъ извьязавъ,
Передъ Хвылона, корсуньского полковныка, въ наметъ прыставлявъ» [2]).

Въ грамматическихъ свойствахъ слитнаго предложенія заключается важная стилистическая особенность малорусскихъ думъ. Мы разумѣемъ изобиліе въ языкѣ думъ всякаго рода синонимовъ, входящихъ въ составъ слитнаго предложенія. Больше всего въ думахъ глагольныхъ синонимовъ. Они воспроизводятъ всѣ оттѣнки дѣйствія или усугубляютъ идею его до такой выразительности, что оно становится для сознанія не только очевиднымъ, но и необходимымъ фактомъ. Таковы, напр., глагольные синонимы въ выраженіяхъ: *прохалы* та *благалы*, *знае-видае*,

---

[1]) Украин. народ. пѣсни. Максимовича, 1834, I, 53.
[2]) Народн. южнор. пѣсни Метлин., 419—420.

плаче-рыдае, бижыть-пидбигае, жыве-прожывае, кляне-проклынае, квылыть-проквыляе, грае-выправае,—или же въ слѣдующемъ четверостишіи:

«Отець да й маты старшого сына *кляне-проклынае,*
Изъ очей *зганяе,*
Середульшого сына *штыть, жалуе, поважае,*
За гостя прынимае».

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) [1]).

Не такъ часто употребляются синонимическія существительныя и прилагательныя: *срибло-злато, кумы-побратымы, кайданы-зализо,* (молитва) *отцева-матчына,* (душа) *козацька-молодецька.* Тѣмъ не менѣе дѣйствующія лица всегда обрисовываются въ думахъ достаточнымъ количествомъ опредѣлительныхъ словъ и, такъ называемыхъ, приложеній, напр.:

«Ляхъ Бутурлакъ,
Клюшникъ галерський,
Сотникъ переяславський,
Недовпрокъ хрыстиянський.

(Д. о Сам. Кишкѣ) [2]).

Еще рѣже встрѣчаются синонимическія нарѣчія: *рано-по-раненьку, мало-трохы-небагато, тяжко-важко, смутно-жалибно* и т. п. Впрочемъ, мѣсто, время и другія обстоятельства, сопровождающія дѣйствіе, всегда опредѣляются въ думахъ самымъ точнымъ образомъ. Вотъ примѣры:

«Тры брата ридненьки,
Якъ голубоньки сыненьки,
Изъ города, изъ Азова, зъ тяжкои неволи, у землю хрыстиянську, до батька, до матери, до роду утикали».

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) [3]).

«Робылося те дило *въ суботу, проты воскресеныя, по заходи сонця».*

(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) [4]).

«*Якъ одъ Кумивщыны та до Хмельныщыны,*

---

[1]) Истор. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драгом. I, 113.

[2]) Малор. думы и пѣсни Лукашевича, 15.

[3]) Ibidem, I, 106.

[4]) Кіевскій Телеграфъ, 1875, № 59.

Якъ одъ Хмельныщыны, та до Брянщыны,
Якъ одъ Брянщыны, да й до сего жъ то дня,
Якъ у земли кралевський да добра не було».

(Д. о возстаніи козаковъ при Хмельн.) [1]).

Тонъ выписанныхъ нами отрывковъ строго-историческій и, такъ сказать, документальный. Во многихъ думахъ эта документальность доходитъ до того, что кажется, будто иныя фразы цѣликомъ взяты изъ какого нибудь историческаго памятника. Въ думѣ, напримѣръ, о Семенѣ Палiѣ Мазепа

«до короля шведського таки речи промовляе:
«Королю Шведський, добродію, найяснийшый мий пане» [2]).

Слова Мазепы какъ будто бы внесены въ думу изъ оффиціальнаго письма его къ королю шведскому.

Этотъ, можно сказать, историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованіями грамматической логики. Особенно рѣзко выступаетъ прозаическій складъ рѣчи при наращеніи ея, когда необходимо бываетъ повторить тѣ или другія слова и выраженія, чтобы устранить всякую сбивчивость въ пониманіи того, что сказано выше. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ:

«Ой на Чорному мори,
На билому камени,
Ой то тамъ сыдыть ясенъ сокилъ—билозерець....
На святее небо, на Чорнее море испыльно поглядае,
Що на святому неби, на Чорному мори, не гаразд почынае:
На святому неби уси звизды потьмарыло,
Половына мисяця у тьму уступыло,—
На Чорному мори не гаразд почынае:
Изо дна моря сыльно хвыля вставае,—
Судна козацьки, молодецьки на три часты розбывае».

(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ) [3]).

[1]) Записки о Южной Руси Кулиша, I, 56.
[2]) Максимовичъ. Сборникъ украин. пѣсенъ. К. 1849 г.
[3]) Записки юго-западнаго отдѣла географ. общ., I, 3.

Видно усиліе мысли выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ.

Послѣ общаго замѣчанія, что и тамъ, и здѣсь „не гараздъ починае“, идетъ разграниченіе, что именно происходило на небѣ, и что на морѣ,—разграниченіе, которымъ и объясняется самое повтореніе словъ обстоятельственныхъ мѣста.

Тотъ же прозаическій складъ рѣчи слышится въ употребленіи придаточныхъ предложеній. Они скопляются иногда въ такомъ изобиліи, которое далеко переходитъ за предѣлы необходимости.

Безсоюзая рѣчь встрѣчается рѣдко; наоборотъ, даже независимыя предложенія снабжаются союзами, посредствомъ которыхъ обыкновенно соединяются придаточныя предложенія съ главными, напр.:

«*Якъ* иде украинськый козакъ, *то й* корчму мынае,
А жыдъ выбигае,
Та украинського козака за чубъ хватае».
(Д. о возстаніи козак. при Хмельн.) [1]).

«А *якъ* то бувъ жыдъ Янкель,
То винъ коло школы похожае,
Та по школи плаче-рыдае».
(Ibidem).

Отношенія придаточныхъ предложеній къ главнымъ не совсѣмъ сходны съ тѣми, какія мы видимъ въ обыкновенной рѣчи. Случается нерѣдко, что они вовсе не стоятъ въ непосредственной связи съ главными предложеніями; напр.:

«А сребро-злато на три части наювалы:
Первую часть бралы,
На церквы накладалы,
На святого межыгорьского Спаса,
На Терехтемыровськый манастырь,
На святую сичовую Покровъ давалы,
Котри давнимъ козацькымъ скарбомъ будовалы,
Щобъ за ихъ вставаючы и лягаючы, мылосердного Бога благалы».
(Д. о Сам. Кишкѣ) [2]).

[1]) Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг., II, 25.
[2]) Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 26.

Въ думахъ гораздо чаще встрѣчается, такъ называемая, инверсія, чѣмъ въ обыкновенныхъ пѣсняхъ. Сравнимъ слѣдующія синтаксическія построенія:

«Есть у мене Иванъ Луговськый,
Который у мене дванадцять литъ за джуру пробувавъ,
Вси мои козацьки звычаи познавъ».

(Д. о смерти Б. Хмельницкаго)[1]).

Здѣсь главное предложеніе соединено съ придаточнымъ обыкновеннымъ способомъ.

«Который чоловикъ отця свого, матиръ, штыть-поважае,
Тому Богъ во всякый часъ помагае».

(Д. о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ)[2]).

Здѣсь изъ главнаго предложенія косвенное дополненіе (чоловикови) передвинуто въ придаточное, и здѣсь уже является оно подлежащимъ придаточнаго.

«А который чоловикъ отцеву и матчыну молытву штыть-поважае,
То отцева-матчына молытва зо дна моря вынимае».

(Варіантъ той же думы)[3]).

Здѣсь подлежащее главнаго предложенія сдѣлалось прямымъ дополненіемъ придаточнаго, которое тоже образовалось изъ косвеннаго дополненія предложенія главнаго, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ.

«Якъ почалы друзи, панове—молодци, жыдивъ та ляхивъ зъ Украины згоняты,
Та въ которого не було дранои, невирнои кожушыны,
То й той надивъ жыдивськи кармазыны».

(Д. о возстаніи козаковъ при Хмельницкомъ)[4]).

Союзъ *то* долженъ былъ бы стоять въ началѣ втораго стиха, но въ замѣнъ *то* стоитъ *та* для связи съ первымъ придаточнымъ: причина въ томъ, что главное предложеніе отдѣлено отъ сопоставляемаго съ нимъ придаточнаго другимъ

---

[1]) Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 397.
[2]) Ibidem, 354.
[3]) Ibidem, 349.
[4]) Историческія пѣсни малорус. нар. Ант. и Драг., II, 26.

придаточнымъ, включеннымъ въ главное тоже путемъ инверсіи. Такихъ примѣровъ въ думахъ множество, но мы выпишемъ еще одинъ для того, чтобы уяснить для себя стилистическое значеніе такого построенія рѣчи.

«Де булы въ поли стежкы, дорижкы,
Волоськымы головамы повымощувавъ;
Де булы въ поли глыбоки долыны,
Волоською кровью повыповнювавъ».
(Д. о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію)[1]).

Исходною точкою мысли было намѣреніе выразить, что *всѣ* „стежкы и дорижкы повымощувавъ", поэтому придаточное предложеніе ставится на первый планъ, прямое дополненіе главнаго предложенія аттрагируется, превращаясь въ субъектъ придаточнаго, отчего придаточное получаетъ большую независимость и выразительность. Повидимому, въ этомъ и заключается причина широкаго распространенія въ думахъ инверсіи и аналогическихъ съ нею оборотовъ рѣчи.

Само собою разумѣется, что постоянное употребленіе сложныхъ предложеній, переполненныхъ предложеніями придаточными и всякими поясняющими словами, въ родѣ описательныхъ выраженій (*словамы промовляе, слезамы рыдае, добре дбае*), замедляетъ теченіе рѣчи. Она дѣлается тягучею и, что особенно важно, вполнѣ соотвѣтствуетъ логическимъ требованіямъ мысли, которая стремится къ выраженію всестороннему, законченному. Оттого въ думахъ преобладаетъ, такъ называемая, періодическая рѣчь. Встрѣчаются часто образцовые періоды, какъ будто бы составленные по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства: только неподдѣльная искренность, присущая народному слову, заставляетъ вѣрить, что эти періоды созданы народомъ, а не написаны рукою опытнаго стилиста.

Чтобы не разбрасываться въ массѣ матеріала, для выясненія нашей мысли выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ думы о сестрѣ и братѣ.

Содержаніе ея очень простое.

---

[1]) Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 394.

Сестра проситъ брата, чтобы онъ провѣдалъ ее на чужой сторонѣ. Братъ отвѣчаетъ отказомъ, потому что онъ живетъ:

«За темнымы лугамы,
За шырокымы полямы,
За быстрымы рикамы».

Снова слышенъ голосъ сестры, сопровождаемый слезами:

«Прыбудь же ты до мене:
Темныи луженькы, ясненькымъ соколонькомъ перелеты,
Широкыи поля малымъ—невелычкымъ перепелонькомъ перейды,
Быстрыи риченькы и озера билымъ лебеденькомъ переплывы,
Сядь-пады у моимъ двори сывымъ голубонькомъ,
Головку склоны,
Жалибненько загуды,
Нехай я буду выхождаты,
Ой по голосу познаваты,
И на хлибъ, на силь заклыкаты,
И на здоровья тебе, брате, буду пытаты».

Братъ снова отвѣчаетъ отказомъ:

«Пойды, ты, сестро, до тыхого Дунаю,
Возьмы ты, сестро писку у билу ручку,
Поспй ты, сестро, на каменю:
Колы той буде писокъ на билому камени зихожаты,
Сынимъ цвитомъ процвитаты,
Хрещатымъ барвинкомъ биленькый камень устылаты,
Разнымы краснымы цвитамы украшаты:
Тоди, сестро, буду до тебе въ гости прыбуваты,
Твого жытя пры бидносты доглядаты».

Тогда поняла сестра, что никогда уже не увидитъ она брата, — и вотъ изливаетъ она свое горе въ трогательной жалобѣ на безпріютное положеніе свое среди чужихъ людей:

«Якъ у нашого отця та й маткы, говоритъ она, пылы та идалы,
Тоди насъ и кумы и побратымы добре зналы,
А якъ насъ прышыбла недобра годына,
Одцуралась насъ блызькая и далекая, вся названая сердешная родына!

Тяжко, каже, братику.....

Якъ птыци пернатий въ чыстимъ поли безъ древа ночуваты,
Якъ тяжко, та важко жывий рыби безъ воды прожываты,
Якъ тяжко та важко билый камень зъ сырои земли проты себе изнаты:
Ой такъ тяжко та важко на чужий сторони безъ кревнои родыны
помираты» [1]).

Мысль о томъ, что братъ не можетъ преодолѣть препятствій, лежащихъ на пути къ сестрѣ, выражена въ аллегорической формѣ дѣйствій, которыя должна совершить сестра, чтобы убѣдиться въ безвыходномъ своемъ положеніи. Первое дѣйствіе сестры обусловливаетъ слѣдующее за нимъ, которое въ свою очередь служитъ условіемъ для послѣдняго. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, стройный *послѣдовательный* періодъ, въ которомъ всѣ члены состоятъ въ тѣсной и неразрывной связи между собою, и въ то же время каждый изъ нихъ представляетъ совершенно законченное цѣлое. Въ заключительныхъ словахъ сестры мы имѣемъ періодъ, такъ называемый, *противительный*, съ правильнымъ чередованіемъ повышенія и пониженія, изъ коихъ каждое распадается на два члена, при чемъ цѣлый рядъ синонимическихъ опредѣленій въ послѣднемъ членѣ усиливаетъ впечатлѣніе главной мысли,—а также *сравнительный* періодъ, не уступающій предыдущему по красотѣ и отчетливости рисунка, по полнотѣ и законченности выраженія.

Вся эта дума заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ обобщеній, вызывающихъ въ сознаніи слушателей размышленіе о судьбѣ людей, заброшенныхъ на чужую сторону, объ одиночествѣ и горькой долѣ ихъ вдали отъ своего рода-племени. Отъ народной малорусской думы именно вѣетъ *думой* пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размышленію, къ раздумью. Нерѣдко въ самомъ концѣ думы пѣвецъ прерываетъ нить своего разсказа, чтобы высказать свою мысль. Въ одной думѣ семейнаго содержанія рѣчь идетъ о томъ, что „лихый отчымъ“ прогналъ пасынка своего изъ дому. Скрѣпя сердце, покорилась участи родная мать его. Пошелъ козакъ на чужую сторону, женился тамъ, но мысль о матери не оставляла его. Ѣдетъ онъ на родину, чтобы провѣдать старую мать.

[1]) Записки о южной Руси, Кулиша, т. I, 24, 28.

Далѣе продолжаемъ словами думы:

«Ставъ вторый отець—названый на зустричъ его выхожаты...
Отъ же то, панове-молодци, якъ же то Господь чоловикови прывивъ,
Що зъ чужои стороны далекои прыбувавъ,
Свою матиръ старую пры смерты застававъ!
Скоро его стара маты на божий постели вздрила,
На свое лыце християнске хрестъ соби положыла:
«Чого жъ я бажала, того и дождала,
Сына свого пры смерты въ вичи повыдала!» [1])

Иногда въ самомъ началѣ думы пѣвецъ высказываетъ общую мысль, которую затѣмъ развиваетъ въ послѣдовательномъ ходѣ разсказа. Такъ начинается, напримѣръ, дума о семейной жизни козака:

«Не одынъ козакъ самъ соби шкоду шкодывъ,
Що видъ молодои жинки у вийсько ходывъ» [2]).

Иногда дума начинается вопросомъ, въ которомъ собственно и заключается основная мысль ея. Таково, напримѣръ, начало думы о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира:

«Ой чы гараздъ, чы добре нашъ гетьманъ Хмельныцькый почынавъ,
Що изъ ляхамы, изъ мостывымы панамы, у Билий церкви замырывъ?» [3])

Иногда непосредственно за вопросомъ слѣдуетъ и отвѣтъ. Такъ, въ думѣ о Семенѣ Палiѣ, цари и князи, съѣхавшись въ городѣ Лебединѣ,

«Велыкымъ дывомъ дывовалы,
Одынъ до едыного словамы промовлялы:
«Про що то, панове, у земли хрыстиянськый не стало порядку ставaты?»
— «Про то, панове, що сталы проклятыи бусурмане хрыстиянъ братамы называты».
— «Хто жъ тее зачынавъ?»
— «Начынавъ тее проклятый Мазепа...» [4]).

---

[1]) Чубинс. V, 849—850.

[2]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 215.

[3]) Ibidem, I, 51.

[4]) Сборн. украин. пѣсенъ, Максимовича, 1849 г.

Раздумье царей и князей („велыкымъ дывомъ дывовалы“) изображено въ самомъ процессѣ его выраженія, т. е. въ совѣщаніи ихъ между собою.

Вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими.

«Ставъ Алканъ-паша дороги напытки пыты-пидпываты,
Сталы *умыслы* козацьку голову клюшныка розбываты»...
(Д. о Сам. Кишкѣ) [1])

И затѣмъ слѣдуетъ изображеніе самихъ умысловъ. Пѣвецъ любитъ заглянуть въ душу своихъ героевъ:

«Зажурылася Хмельныцького сидая голова,
Що пры ёму ни сотныкивъ, ни полковныкивъ нема:
Часъ прыходыть умираты,
Никому порады даты!» [2]).

Такъ начинается дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Мысль о смерти выводитъ пѣвецъ изъ души самого Хмельницкаго. Эта мысль и есть движущая сила всей козацкой рады, которая изображается въ думѣ.

Не всегда спокойно думаютъ герои думъ. Напротивъ того, въ ихъ размышленіяхъ большею частію прорывается горячее чувство. Не всегда спокоенъ и пѣвецъ, изображающій своихъ героевъ. Онъ принимаетъ слишкомъ живое участіе въ судьбѣ ихъ. Онъ радуется, когда они торжествуютъ, и страдаетъ, когда они гибнутъ. То и другое настроеніе заставляетъ его отступать отъ обыкновеннаго теченія рѣчи.

Иногда пѣвецъ какъ-будто бы не находитъ словъ для выраженія чувствъ, которыя подавляютъ его героевъ, и потому является невольно у него тотъ оборотъ рѣчи, который въ учебникахъ риторики извѣстенъ подъ именемъ фигуры *умолчанія*. Вотъ какъ изображаетъ онъ, напримѣръ, смерть въ степи одного изъ трехъ братьевъ, бѣжавшихъ изъ азовской неволи. Измученный бѣглецъ

«До Осавуръ-могылы прыбуває,
На Осавуръ-могылу зихожае,

[1]) Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 19.

[2]) Сборн. украин. пѣснъ Максимовича, 1849, 44.

Тамъ соби безпечне девьятого дня спочывокъ мае,
Девьятого дня зъ неба воды—погоды выжыдае».

На девятый день пришлось ему «на безвидди, на безхлибьи погыбаты:

«Девьять день, говоритъ онъ, хлиба въ устахъ не маю,
На безвидди, на безхлибьи погыбаю...
Тутъ тее промовлявъ»...

Не стало словъ у умирающаго, и пѣвецъ спѣшитъ къ изображенію самаго момента смерти:

«Не чорна хмара налитала,
Не буйни витры винулы,
Якъ душа козацька-молодецька зъ тиломъ розлучалась» [1]).

Но пѣвецъ не ограничивается внѣшними подробностями картины: онъ вводитъ въ нее самого себя, собственное свое настроеніе. Тяжело представить ему одинокую смерть козака, не оплаканнаго отцемъ и матерью, и вотъ онъ въ другомъ варіантѣ той-же думы воспроизводитъ похоронный плачъ собственной души своей въ жалобномъ кукованьи „сывои зозули“, которая

«Прылитала,
Да у головахъ сидала,
Да жалибно закувала:
«Ой голово-голово, козацькая-молодецькая!
Се-жъ ты ни допыла, ни доила,
А ни хороше не сходыла...
А довелося валятыся,
Звиру-птыци на поталу податыся!»... [2]).

Вообще въ думахъ мы часто встрѣчаемъ лирическое изліяніе чувствъ самого пѣвца въ формѣ, такъ называемыхъ, *обращеній*, которыя онъ дѣлаетъ или прямо отъ себя, или же отъ лица своихъ героевъ. Особенно энергичны обращенія, вызванныя общей картиной страны, въ которой происходитъ дѣйствіе:

«Земле польска, Украино подольска!

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 39.

[2]) Записки юго-западнаго отдѣла географ. общества, I; Матеріалы, 10.

Та вже тому не річокъ и не два мынае,
Якъ у хрыстиянский земли добра не мае»[1]).

Такъ обращается пѣвецъ къ странѣ, измученной бѣдствіями войны, чтобы разсказать затѣмъ о новыхъ бѣдствіяхъ, вызванныхъ возстаніемъ козаковъ при Богданѣ Хмельницкомъ.

«Ты, земле турецька,
Виро бусурманська,
Ты, розлуко хрыстиянська!
Не одного ты розлучыла зъ отцемъ, зъ матирью,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вирною женою» [2]).

Здѣсь настроеніе пѣвца высказываютъ томящіеся на каторгѣ турецкой невольники. Фактическаго содержанія въ этой думѣ нѣтъ. Стонъ невольниковъ—вотъ ея содержаніе, и это не только стонъ, но и проклятіе, обращенное къ ненавистной имъ землѣ турецкой. За проклятіемъ слѣдуетъ молитва, которая произносится отъ лица пѣвца, хотя непосредственно связана она съ проклятіемъ, составляя какъ бы продолженіе рѣчи невольниковъ.

«Вызволь, Господы, невольныка зъ неволи
На простыи дорогы,
На ясни зори,
На руськый берегъ,
На край веселый,
Мижъ мыръ хрещеный». [3]).

Глубоко симпатиченъ для пѣвца этотъ *мыръ хрещеный*, этотъ *край веселый*, который называется въ думахъ *русскымъ краемъ*, иногда *козацькою землею*, чаще же всего *славною Украиною*.

Но пѣвецъ смотритъ на свою родину печальными глазами. Безконечною гладью разстилаются передъ нимъ *степы шыроки*, по которымъ гуляютъ *витры буйни* или же ползутъ *туманы сыви*. На этихъ степяхъ растутъ *травы зелени* и синѣютъ *мо-*

---

[1]) Историческія пѣсни малорус. народа, Ант. и Драг. II, 25.
[2]) Ibidem, I, 89.
[3]) Ibidem, I, 90, 91.

гилы высоки. Озаряются эти степи иногда *пожарамы яснымы*, и тогда найти траву можно только по берегамъ степныхъ рѣчекъ, вдоль которыхъ тянутся *очереты воздобни* и даже *лугы темни*. Перерѣзаны степи *балкамы глыбокымы* и *байракамы зеленымы*, которые покрыты *тернамы густымы*. Жители степей *вовки сироманьци* да *орлы сызокрыльци*. На этихъ степяхъ происходятъ боевыя схватки козаковъ съ турками и татарами. Вотъ передъ нами козакъ—*нетяга*, по прозванію *Голота*, который

«Не боиться ни огня, ни меча, ни третёго болота....
На козакови шапка-быка,
Зверху дирка,
Травою пошыта,
Витромъ пидбыта:
Куды вие—туды и повивае,
Козака молодого прохоложае».

Онъ побѣждаетъ татарина на полѣ *килыимськимъ* и высказываетъ желаніе, что бы оно

«Лито й зиму зеленило»

за то, что его

«при нещаслывий годыни сподобыло».

Торжествуетъ козакъ, но печальна была бы судьба его, если бы удалось татарину,

«Жывцемъ его у рукы взяты,
Да въ городъ Килію запродаты» [1].

Не смерти боится козакъ, а неволи турецкой: только въ неволѣ, среди ежедневныхъ истязаній на каторгѣ, онъ впадаетъ въ уныніе. Тогда онъ умоляетъ сокола *ясного*, чтобы онъ подалъ вѣсть о немъ отцу и матери:

«Передъ воритьмы мого батька и матери, говоритъ онъ,
сядь-пады,
Жалибненько проквылы,
Ще моему батькови и матери бильшого жалю завдай,
Та нехай мий батько добре дбае,
Скарбы збирае,
Зъ тяжкои неволи турецькои выкупае» [2].

---

[1]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 17.

[2]) Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг. I, 95—96.

Соколъ въ думахъ не только вѣстникъ, но и символъ вольной души козацкой. Въ одной думѣ говорится, что молодой соколенокъ попалъ въ неволю: запутали его тамъ въ серебряные путы, а около очей повѣсили дорогой жемчугъ, т. е. окружили всѣми приманками роскоши, что случалось не разъ съ плѣнниками, принимавшими бусурманскую вѣру, и особенно съ плѣнницами. Узналъ объ этомъ старый соколъ отъ орла-брата...

«На городъ-царьгородъ налитавъ,
На валу сидавъ,
Жалибно квылывъ-проквылявъ....
То соколя зачувало,
Смутно ся мало,
Головку склоняло
И крылечка опускало».

Чтобы разсѣять его тоску, турки сняли съ него и путы, и жемчугъ. Тогда

«Сокилъ налитавъ,
Та на крыла взявъ,
Та на высоку высоту пидносывъ....
«Эй, соколя мое, бездольне, безродне!
Лучше мы будемо по полю литаты,
Та соби жывности доставаты,
А нижъ у тяжкий неволи, у панивъ, прожываты:
Эй то жъ то у панивъ слава, що исты и пыты,
Та тильки неволенъ свитъ по свиту походыты» [1]).

Вотъ этотъ *вольный свитъ* и составлялъ для козака приманку, которая влекла его въ *степы шыроки*. Тамъ онъ дышалъ полною грудью, тамъ онъ сознавалъ свое человѣческое право жить, пока живется, пока есть убѣжденіе, что въ жизни не все еще потеряно. Онъ зналъ, что есть у него на родинѣ *отець* и *ненька-старенька* и *сестырци-жалибныци*, и *родына кревная*, *сердешная*, которые позаботятся о немъ въ минуту жизни трудную, ибо

Якъ-то бьеться птыця объ птыци,

---

[1]) Записки о южной Руси, Кулиша, I, 18.

А родына объ родыни:
Ой то такъ-то бьеться отець и маты объ своий кревний дытыни»[1]).

Зналъ онъ также, что не оставитъ его въ бѣдѣ *товарыство кревне* и *сердешне*. Съ этимъ *славнымъ*, *войнымъ людомъ* привыкъ онъ

«Неприятеля пидъ ногы топтаты»,

Чтобы

«славы-рыцарства достаты,
За виру хрыстиянську одностайно статы[2]),—

а въ часы отдыха

«пыты и гуляты,
Хорошии мысли маты»[3]).

Одною изъ этихъ мыслей, завѣтною мечтою его жизни, было умереть среди этого люда.

Только въ этомъ случаѣ онъ могъ надѣяться, что слава его

«Не вмре, не поляже»,

потому, что „лыцарство козацьке всякому роскаже[4]),—разскажетъ оно о томъ, какъ погибъ козакъ, какъ его похоронили. Утѣшится бѣдная мать, когда узнаетъ, что сына ея *по козацки поховалы*, что сами козаки приготовили и могилу ему,

«Шаблямы, надилкамы суходилъ копалы,
Шапкамы, прыполамы персть выбиралы,
И могилу насыпалы,
Въ семипьядни пыщали грымалы,
У сумерки жалибно выгравалы,
Славу козацьку выхвалялы[5]),—

---

[1]) Ibidem.

[2]) Малорус. и червонорусскія думы и пѣсни, Лукашевича, 36.

[3]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem, 56, 57. „Высока могыла“ составляла обычную принадлежность козацкихъ похоронъ, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстный стихотворецъ Климентій, жившій въ началѣ XVIII в.:

„Звычаи козацкіе въ тыхъ ричахъ бываютъ,
Же въ поляхъ кладутся и могилы высыпаютъ,
Того ради, же въ войскахъ бывали и въ полю
Изъ непріятелямы на потычкахъ въ бою,
Же бъ и по смертехъ щирость ихъ не запомынанна,
Дабы хвалебно людьмы честьнымы вспомынанна“.

Основа, 1861 г., Январь, 207.

а послѣ похоронъ

«цвиленькымы, сухенькымы військовымы сухарцямы помыналы» [1]).

Будетъ она

«козакамъ хусткы и рушныкы шыти даваты,
По церквамъ и по манастырямъ службы и паныхыды наниматы,
Заразомъ по своему сынови похоронъ и весилля одбуваты»,—

будетъ она

«крамни платкы купуваты,
Та лырныкамъ даруваты» [2]),—

чтобы они сына ея поминали.

Такова была жизнь въ степной Украинѣ, которая ближе лежала къ славному Запорожью—центру борьбы козачества съ мусульманскимъ міромъ. Много было въ этой жизни порывовъ и увлеченій, манила она къ себѣ славою героическихъ подвиговъ, давала она чувству свободы и независимости полное удовлетвореніе. Но недоставало ей прочныхъ устоевъ, культурнаго быта, недоставало той полноты и уютности, которыя бываютъ плодомъ семейнаго счастья, семейныхъ радостей. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ въ думахъ, такъ называемыхъ, любовныхъ мотивовъ, которые занимаютъ, какъ извѣстно, выдающееся мѣсто въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ. Есть у козака сестра и мать, которыя снаряжаютъ его въ походъ, которыя горюютъ въ разлукѣ съ нимъ, о которыхъ самъ онъ думаетъ въ походѣ. Но никогда не вспоминаетъ онъ о *дивчинѣ*, покинутой имъ въ родномъ селѣ, о любимой женѣ и дѣтяхъ. Не могъ не чувствовать онъ лишенія тѣхъ благъ жизни, которыя достаются въ удѣлъ простымъ смертнымъ, не обладающимъ ни мужествомъ, ни славою героя. Не могъ не чувствовать этого и пѣвецъ, который относился къ семейному очагу съ чувствомъ религіознаго уваженія:

«Де мужъ зъ женою живе-прожывае,
Тамъ святый Мыколай на радисть ухожае» [3]).

На этой семейной канвѣ пѣвецъ строитъ всю драму козацкой жизни: и борьбу козака съ матерью, которая умоляетъ его остаться дома, и одинокое скитальчество его вдали отъ роду-пле-

[1]) Записки юго-зап. отдѣла географич. общества, I, 21.

[2]) Изъ рукописнаго сборника народ. малорус. пѣсенъ.

[3]) Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 355.

мени, и неудачи его, если забывалъ онъ *отцеву* и *матчыну* молитву, и предсмертныя минуты его жизни, когда онъ проситъ товарищей своихъ, чтобы они „тило его поховалы, звиру—птыци на поталу не далы".

Отсюда глубоко скорбный, элегическій тонъ, которымъ проникнуты думы о походахъ козака въ степи. *Жалощи*, плачъ составляютъ, такъ сказать, органическую принадлежность самой фразеологіи этихъ думъ, въ которыхъ обыкновенно *сестра брату словамы промовляе, слизно рыдае*, козаки *жалибно выравають, славу козацьку выхваляють*.

Тѣ же *жалощи* въ царствѣ птицъ и животныхъ: голубь *жалибно гуде, жалю завдае*, орлы и волки *квылять-проквыляють*. Въ изображеніи природы преобладаютъ суровыя, темныя краски: *„ничка темная, хмары темни, лугъ темный, лисъ темный, туманы сыви, голубъ сывый, конь вороный и сывый, зозуля сывая и сызая, орелъ сызый, вовкъ сирый, сироманецъ*. Всѣ эти образы входятъ въ составъ сравненій съ явленіями человѣческой жизни, причемъ въ думахъ нерѣдко употребляется, такъ называемое, отрицательное сравненіе, необычное въ бытовыхъ пѣсняхъ:

«Не сыва зозуля закувала,
То вдова (мать) заплакала (или) розмовляла»
(Д. о матери-вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) [1]).

«Не сызи орлы заклекоталы,
Якъ то бидни невольныкы у тяжкий неволи заплакалы».
(Д. о невольникахъ) [2]).

Иногда сравненіе разростается въ аллегорическое изображеніе печальнаго событія, появляющагося въ сознаніи лица, о которомъ идетъ рѣчь, сперва въ видѣ смутнаго сновидѣнія, а потомъ со всею очевидностью неумолимой правды. Снится, напримѣръ, вдовѣ сонъ *чудный-пречудный, дывный-предывный*, будтобы сынъ ея въ походѣ женился, *понявъ соби турченю чужоземку* [3]). Она

---

[1]) Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 352.

[2]) Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, Максимовича, 1849, 10.

[3]) Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни Лукашевича, 45.

«Въ чорному оксамыти ходыть,
Билымы пидбийкамы пидбыта,
Сылу грошей мае,
Лику ихъ не знае,
Горда, пышна,
Панщыны не робыть,
Цареви, королеви головкы не склоныть».
(Д. объ И. Коновченкѣ) [1].

Долго не догадывалась вдова о значеніи этого роковаго сна, пока товарищъ ея сына не сказалъ ей горькой правды, что сынъ ея:

«Понявъ собѣ панянку—
У чыстому поли могылу-землянку:
На могыли травы зелененьки
И цвиты биленьки [2].

Тогда бѣдная мать

«Якъ стояла,
Такъ упала,
Свита божого не ввыдала» [3].

Сближеніе смерти съ бракомъ и могилы съ невѣстой или съ женой представляетъ, какъ извѣстно, одно изъ общихъ мѣстъ въ народной поэзіи, какъ великорусской, такъ и малорусской, но въ думахъ оно развито съ такими подробностями, которыя ясно указываютъ на склонность пѣвца находить въ горечи разъѣдающаго чувства особаго рода утѣшеніе.

Иное настроеніе встрѣчаемъ мы въ думахъ о борьбѣ козачества съ „ляхамы, мостивымы панамы". Широкою историческою кистью изображаетъ пѣвецъ эту братоубійственную борьбу двухъ родственныхъ племенъ, которыя далеко разошлись между собою въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи,—борьбу двухъ міровоззрѣній, двухъ порядковъ жизни—шляхетско-аристократическаго и народно-демократическаго. „Уже жъ мы теперъ, го-

[1]) Кіевскій телеграфъ 1873, № 59.
[2]) Народн. южнорус. пѣсни Метлинскаго, 424.
[3]) Кіевскій телеграфъ, 1873, № 59.

ворятъ козаки, ни въ чому воли не маемъ", ибо „вси *шляхы*, и *торгы*, и *церквы*, и *рикы козацьки жыды зарандовалы, а паны ляхы*

«Велыкую станцию вымышлялы,
Одъ козацькихъ, одъ мужыцькыхъ коморъ ключи одбиралы».

(Дума о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира и объ изгнаніи жидовъ арендарей изъ Украйны) [1]).

Распоряжались они чужимъ добромъ, какъ своимъ собственнымъ, не останавливались даже предъ оскорбленіемъ семейной чести женъ козацкихъ. И вотъ переполнилась чаша терпѣнія народнаго, и пролилась она цѣлыми потоками крови, подмывшими самыя основы польскаго государства.

Во главѣ движенія сталъ, какъ извѣстно, Богданъ Хмельницкій. Онъ обрисованъ въ думахъ, какъ вождь опытный и энергическій. Онъ пишетъ *листы*, дѣлаетъ воззванія къ народу, даетъ козакамъ *порядкы козацьки*. Отношенія его къ козакамъ самыя искреннія и сердечныя: они для него *диты*, *друзи-небожата* [2]), онъ для нихъ *батько козацькый* [3]). Думу думаетъ онъ тайно отъ всѣхъ:

«Тильки Богъ святый знае,
Що Хмельныцкый думае-гадае».

(Д. о походѣ въ Молдавію) [4]),

Но къ замысламъ *батька своего* козаки относятся съ полнымъ довѣріемъ. Они стоятъ предъ нимъ, *якъ малыи диты*. Они обращаются къ нему съ благожеланіями:

«Дай, Господы, щобъ мы зъ твоеи головы пылы и гулялы,
А непріятеля пидъ нози потопталы,
А вири хрыстіянськои на поталу въ вичный часъ не подалы!

(Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ) [5]).

Съ безпощадною жестокостью относится самъ Хмельницкій къ врагамъ своей родины:

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 53, ibidem, 56—65; Сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, 1849, 74.

[2]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 54.

[3]) Сборникъ украин. пѣсенъ, Максимовича, 1849 г. 75.

[4]) Украин. народ. пѣсни, Максимовича, 1834 г., 40.

[5]) Историч. пѣсни малорус. нар. Ант. и Драг. II, 15.

«Одъ сна уставайте», приказываетъ онъ козакамъ,
«Руський отченашъ чытайте,
Ляхивъ, мостивыхъ панивъ, у пень рубайте,
Кровъ ихъ лядську у поли зъ жовтымъ пискомъ мишайте».
(Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ) [1].

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ торжества козацкаго оружія надъ польскимъ въ думахъ о Хмельницкомъ рѣзко пробивается сатирическій тонъ.

Пѣвецъ воспроизводитъ обыденныя сцены жизни, въ которыхъ ярко выступаютъ передъ нами типическія черты поляка и еврея. Тотъ и другой не скрываютъ своего презрѣнія къ козаку, и въ то же время чувствуютъ въ немъ присутствіе бунтующей силы, которая ежеминутно можетъ прорваться неудержимымъ потокомъ. Они подозрительно слѣдятъ за каждымъ его дѣйствіемъ, смутно понимая, что живутъ, такъ сказать, на вулканѣ и дышутъ сгущеннымъ, удушливымъ воздухомъ, который долженъ разразиться грозой... Но вотъ наступила гроза. Сцена быстро измѣняется. Суетливо метаются изъ одного мѣста въ другое евреи: и трусливый *Оврамъ*, у котораго

«Бувъ невелыкый крамъ—
Тильки голкы да шпылькы—
Що ходывъ до за Днипромъ да дурывъ козацьки жинкы» [2].—

И богомольный Лейба, который «бижыть,
Ажъ жывитъ дрижыть,
Якъ на школу погляне,
Его сердце жыдивське зивьяне» [3],—

и *Сруль*, и *Гершко*, и *Шмуль*, и *Ицыкъ*, который взялъ свой *бычыкъ*, что-бы „кони поганяты

Да одъ пана Хмельныцького утикаты» [4].

Проклинаютъ они рабина Мошку за то, что бралъ

«На Вкраини одкупу не потрошку» [5].

---

[1]) Народныя южнорусскія пѣсни, Метлинскаго, 938.
[2]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 60.
[3]) Ibidem, I, 228.
[4]) Историч. пѣсни Антонов. и Драгоман., II, 27.
[5]) Ibidem., II, 28.

Вмѣстѣ съ евреями бѣгутъ и поляки, и они

«Догадлыви бувалы,
Уси по лисахъ, по кущахъ повтикалы» [1])

Съ чувствомъ удовлетвореннаго мщенія посылаетъ пѣвецъ въ догонку бѣгущимъ врагамъ язвительное слово упрека и злораднаго смѣха.

Но „не всуе поляки, по выраженію позднѣйшаго лѣтописца, жалѣючи утраты Украини, раемъ свѣта польскаго ее наричаху и провозглашаху“ [2]). Много разъ потомъ они возвращались назадъ, и снова „счыналыся велыки войны на Вкраини“ [3]), какъ при жизни Хмельницкаго, такъ и по смерти его. Самъ Хмельницкій не рѣшилъ задачи своей во всю ширину требованій, поставленныхъ ему народомъ, — не всѣ добились воли, не всѣ сдѣлались козаками. Изъ среды самаго козацкаго сословія начали выдѣляться *дуки - срибляныкы*, которые стремились къ порабощенію не только посполства, но и рядоваго козачества. Продолжалась такимъ образомъ жизнь, *смуткамы* и *печальмы* переполненная. Не было въ странѣ силы, которая могла бы разорвать этотъ заколдованный кругъ, гдѣ угнетаемые, часто превращались въ угнетателей. При этомъ и самый идеалъ народный не былъ поставленъ на почву правоваго порядка, обезпеченнаго матеріальной силой, которой обыкновенно располагаетъ государство.

До 1775 года жила еще запорожская Сѣчь, которая была слабымъ подобіемъ этой матеріальной силы,—и вотъ народъ создаетъ на этой, можно сказать, мнимой величинѣ фантастическій образъ запорожскаго гетмана, защитника бѣдныхъ и угнетенныхъ. Въ жалкомъ видѣ *козака-нетяги* слоняется онъ на путяхъ ордынскихъ, въ поляхъ киліимскихъ. Вотъ одинъ разъ приходитъ онъ въ городъ Черкасы, гдѣ была городовая знать, *значныс* козаки, *дуки-срибляныкы*. Входитъ онъ въ корчму, а вслѣдъ за нимъ являются и *дуки*. Стали они пить и гулять,

[1]) Ibidem, II, 112.

[2]) Лѣтопись Величка, Предисловіе къ I-му т.

[3]) Историч. пѣсни. Антоновича и Драг. II, 10.

насмѣхаясь надъ оборваннымъ козакомъ, а затѣмъ приказываютъ „Насти Горовий, шынкарци степовий“, что-бы она вытолкала *нетягу* „у потылыцю зъ хаты“. Слѣдуетъ затѣмъ комическая сцена борьбы шинкарки съ козакомъ, который, повидимому, сознаетъ, что не рыцарское дѣло воевать съ женщиной; поэтому онъ ограничивается только тѣмъ, что

«Козацькымы пьятамы у порогъ зачипае,
А козацькымы рукамы за одвирокъ хватае,
Пидъ мысныкомъ голову козацьку-молодецьку ховае».

Потѣшаются *дуки-сриблянъкы*. Одинъ изъ нихъ—болѣе добродушный

«Изъ кармана людську денежку выймавъ,
Насти кабашний до рукъ оддававъ».

Онъ приказываетъ ей на эту денежку отпустить *козаку-нетягу* хоть плохого пива. Посылаетъ Настя свою *наймычку* за этимъ пивомъ. *Наймычка*, конечно, на сторонѣ *козака-нетяги*. Принесла она изъ погреба добраго пива, но, желая скрыть это отъ хозяйки, она

«Въ свитлыцю вхожае,
Свий нисъ геть одъ кинвы одвертае,
Будто те пыво воняе».

Выпилъ козакъ пиво и сталъ бушевать:

«Эй вы, ляхове, вражи сынове», говоритъ онъ, «икъ порогу посувайтесь,
Щобъ було мени, козаку нетязи, де на покути изъ лантямы систы».

Вынимаетъ козакъ свой кожаный *чересъ* и высыпаетъ на столъ кучу червонцевъ. Сцена быстро измѣняется, *дуки-сриблянъкы* предлагаютъ ему угощеніе. Но козакъ, въ отвѣтъ на эту любезность, подходитъ къ окну, отворяетъ форточку и зоветъ своихъ джуръ. Прибѣгаютъ джуры и одѣваютъ козака въ богатое гетманское платье:

«Батьку козацькый», говорятъ они,
«Докы тоби тутъ пустуваты?
Часъ—пора иты на Вкраини батькуваты!»

Тогда только догадались *дукы-сриблянукы*, что это былъ никто иной, какъ самъ „Ганжа Андиберъ, гетманъ запорожськый". Дѣлаются они еще любезнѣе:

«Прысунься ты до насъ, кажуть, блыжче,
Поклонымося мы тоби нызче,
Будемъ радыться, чи гараздъ-добре на славний Украини
прожываты».

Козакъ не пьетъ, а проливаетъ напитки, предложенные ему дуками, *на свои дороги шаты*:

«Эй, шаты мои, шаты!» говоритъ онъ, пыйте, гуляйте!
Не мене шанують, васъ поважають».

Дума заканчивается тѣмъ, что онъ приказываетъ козакамъ своимъ высѣчь передъ окнами корчмы разжирѣвшихъ богачей, что-бы они его

«спомыналы
И до вику памьяталы».

Козаки исполняютъ приказанія гетмана, приговаривая:

«Эй, дукы вы, дукы!
За вамы лугы и лукы,
Нигде, нашому брату, козаку—нетязи, статы коня попасаты» [1]).

Рѣшеніе вопроса патріархальное и, во всякомъ случаѣ, неубѣдительное для одной стороны и безполезное для другой. Представитель безженнаго рыцарства, Ганжа Андиберъ, безъ сомнѣнія, не могъ найти выхода изъ того положенія, въ которомъ находились семейные козаки въ самой Украйнѣ, гдѣ гораздо было труднѣе стоять на высотѣ козацкаго долга,—не могъ онъ, конечно, и *батькуваты* на *Вкраини*. Здѣсь *козаки-нетяги* были безсильны въ борьбѣ за свое существованіе. Рано или поздно они должны были раздѣлить участь посполитаго люда, т. е. подчиниться домашнему закрѣпощенію.

[1]) Отрывки изъ думы мы привели по тексту, напечатанному въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша т. I, стр. 200—209.

Многіе изъ этихъ *нетяг* оставляли семью и убогое хозяйство свое и приставали къ войску, чтобы искать счастья, котораго не находили дома. Въ думѣ „о козацкой жизни“ изображается это явленіе, получившее, какъ видно, свои типическія черты въ эпоху разложенія козачества.

„Покидаю тебе“, говоритъ козакъ, обращаясь къ козачкѣ, и прошу тебя, что-бы ты берегла „худобу“. Въ чемъ-же эта „*худоба*?“

«У комыни клоччя смуга,
А въ запичку кишка муруга» [1]).

Выѣхалъ козакъ, не обращая вниманія на отчаянную мольбу жены остаться дома. Не сбылись заклятья ея, чтобы „побыло его въ чыстимъ поли тры недоли“: и добрый конь его не присталъ, и козаковъ онъ догналъ, и козаки его полюбили, и въ курень его пустили, да еще мало того „отаманомъ постановылы“. Казалось-бы, онъ все нашелъ, чего искалъ. Но тянетъ его къ домашнему очагу. Пріѣзжаетъ онъ домой. Оказывается, что козачка

«Чотыри недили хаты не топыла,
Вона зъ шынку не выходыла»,—
Что «коло его двора нема и кола»,—
Что жена его «горшкомъ воду носыть,
Ополоныкомъ диты напувае» [2])

Съ тайнымъ сознаніемъ своей вины выбѣгаетъ козачка на встрѣчу своему мужу, но козакъ

«Ии келепомъ по плечамъ прывитае,
Карбачемъ по спыни затынае» [3]).

Этотъ суровый привѣтъ перенесла козачка безъ огорченія. Въ ожиданіи счастливыхъ дней она угощаетъ козака, а на вопросъ злоязычныхъ сосѣдокъ, что у нея за знаки подъ глазами, она отвѣчаетъ, что пошла она

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1884 г., Декабрь, стр. 640.
[2]) Ibidem, 641.
[3]) Записки о Южной Руси, Кулиша, 1, 218.

«въ хливъ, по лучыну,
Та пидбыла соби очи на ключыну.
Оттакъ тая козачка добре дбала,
Свого козака покрывала» [1])

Что-же козакъ? Онъ сидитъ въ корчмѣ, да „медъ-выно кругляе,

«Корчму сохваляе:
«Гей корчмо наша, корчмо-княгыне,
Чомъ въ тоби козацького добра багато гыне?
И сама еси неошатно ходышъ,
И насъ, козакивъ-нетягъ, пидъ случай безъ свытокъ водышъ» [2]).

Въ этихъ словахъ, исполненныхъ ироническаго самообличенія, мы узнаемъ того-же пѣвца, который воспѣвалъ нѣкогда славные дни козачества... Перестроилъ онъ теперь струны своей кобзы, чтобы извлечь изъ нея иные тоны, близкіе къ отчаянію...

Таково въ общихъ чертахъ поэтическое настроеніе въ народныхъ малорусскихъ думахъ со всѣми его видоизмѣненіями. Свидѣтельствуетъ оно о томъ, что пѣвецъ стоялъ на высотѣ народно-національнаго самосознанія, представителемъ котораго было въ свое время козачество,—на высотѣ идеаловъ козацкой жизни съ ея шумною славою, съ ея недолговѣчной волей и измѣнчивой долей. Самое слово *козацкій* для него равнозначительно было со словами: *родной*, *свой*, поэтому онъ употребляетъ это слово для того, что-бы отличить свое отъ чужаго: *козацькая земля*, *вира*, *душа*, *голова*, *козацькее тило*, *козацьки церквы*, *шляхи*, *торги*, *рики*. Но, независимо отъ этого козацкаго міровоззрѣнія, онъ чувствуетъ въ себѣ способность отзываться на всѣ радости и печали козацкой жизни живымъ творческимъ словомъ, въ которомъ слышатся самыя разнообразныя и притомъ сложныя чувства: есть въ этомъ словѣ всѣ оттѣнки смѣха, какъ и всѣ оттѣнки горя, переплетающіеся между собою въ самыя разнообразныя сочетанія. Это слово могъ сказать только

[1]) Ibidem, 219.

[2]) Записки о южной Руси, Кулиша, I, 220.

пѣвецъ, усвоившій опредѣленный методъ мысли и чувства, тотъ методъ, который вырабатывается подъ вліяніемъ культурной привычки къ самонаблюденію, къ анализу пережитаго и передуманнаго. Мы думаемъ, что въ распространеніи этой привычки немало важную роль играла южно-русская школа. Внутренніе признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ мы видѣли выше,—теперь укажемъ внѣшнія черты, сближающія думы съ старинными произведеніями южнорусской литературы.

Нельзя не замѣтить въ языкѣ думъ книжныхъ, церковнославянскихъ элементовъ рѣчи. Они встрѣчаются въ значительномъ изобиліи не только въ поучительныхъ, но и въ историческихъ думахъ.

Во многихъ случаяхъ, напримѣръ, пѣвецъ отступаетъ отъ обычнаго русскаго полногласія, замѣняя слова: *голосъ*, *голова*, *золото*, *городы*, словами: *гласъ*, *глава*, *злато*, *грáды*,—или же прямо употребляетъ церковно-славянскія слова вмѣсто народныхъ: *персть*, *прахъ*, *устá*, *смиреніе*, *собраніе*, *возлюбыты*, *воздыхаты*, *вкушаты*, *аще*, *паче*, *найпаче* и проч. Даже формы церковно-славянскія нерѣдко онъ предпочитаетъ народнымъ: *одъ суставъ*, *пидъ ноги*, *будеши*, *рече*, и т. п.

Желая сохранить церковно-славянскій колоритъ рѣчи, пѣвецъ передѣлываетъ иногда слова такимъ образомъ, что они получаютъ не то книжный, не то народный видъ, напримѣръ: *опрощение*, *олаты*, *у руцяхъ*, *олии*. По поводу послѣдняго слова извѣстный исполнитель думъ Вересай замѣтилъ: „усе одно *вовки*, тильки тутъ не можно такъ казать“ [1]).

Другой кобзарь, Ѳедоръ Кононенко, пѣлъ одинъ разъ:

«Шапку изъ головы знимае»,

а въ другой разъ:

«Шлыкъ изъ головы знимае»,

но предложилъ записать это послѣднее выраженіе, объясняя первое тѣмъ, что онъ „по простому спивавъ“ [2]).

---

[1]) Записки юго-зап. отдѣла геогр. общества 1873 г., Матеріалы, стр. 13.

[2]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

Такимъ образомъ, въ сознаніи позднѣйшихъ кобзарей языкъ думъ не есть обыкновенный, простой языкъ. Безъ сомнѣнія, такъ же смотрѣли на него и древнѣйшіе кобзари въ эпоху созданія самихъ думъ. Можно полагать даже, что въ старину онъ менѣе отшлифованъ былъ въ народномъ духѣ, чѣмъ теперь,—по крайней мѣрѣ, не забыты были въ немъ старинныя слова, забытыя нѣкоторыми позднѣйшими кобзарями [1]). Изъ словъ этого разряда особенно любопытны тѣ, которыя въ самомъ построеніи своемъ представляютъ слѣды творческаго искусства въ сочетаніи церковно-славянскихъ особенностей рѣчи съ народными. Мы разумѣемъ такія сложныя слова, какъ *домодержавець*, *злосопротывна* (хвыля), *людославне* (Запорожье), *златоглави* и *златосыни* (киндякы) и т. п.

Очевидно, подобныя слова могли явиться въ думахъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ особеннаго умственнаго настроенія, которое искало для своего выраженія соотвѣтствующихъ красокъ не только въ народномъ, но и въ книжномъ словѣ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ.

Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, рифмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„(Паны) не только на здоровье ихъ (подданныхъ своихъ) *чигалы*, але и вѣру ихъ зломыты *умышлялы*, и власне яко зъ

[1]) Поразительный примѣръ забвенія старыхъ словъ встрѣчаемъ мы въ думѣ объ Ивасѣ Коновченко, записанной отъ бандуриста Василія Макуленко, жителя Седневскаго, черн. у. въ 1854 г.: „Изъ дан-годины“ вмѣсто: „изъ день-годины“, „ковыль-горелка“, вмѣсто „оковыта-горилка“, „герція“ вмѣсто „герць“ и т. п. Замѣчательно при этомъ, что одно искаженіе влекло за собою другое: выраженіе „еднораль полковницкый“ вынудило исполнителя думы исказить прозвище полковника, который называется у него то *Корсунскимъ*, то *Корсицкимъ* для рифмы. Искаженіе языка выразилось слабостью этого варіанта думы въ художественномъ отношеніи.

неволныкамы *поступалы*, одно податками *выдыраючи*, и работы на нихъ *вымышляючи*, за слово въ нѣвечъ *оборочаючи* и *забываючи*, и на Бога не *памятаючи*, и кровь невинную *проливаючи*".

(Слово о бездождіи, памятникъ конца XVII в.) [1]).

«То ще-то паны-Ляхы,
Мостивии паны,
По козакахъ и по мужыкахъ стациею *посталы*,
Да велыкую стацию *вымышлялы*,
Одъ ихъ ключи *поотбиралы*».

(Дума о бѣлоцерковскомъ мирѣ и войнѣ съ поляками) [2]).

Или: „на той часъ христіане жидовъ незбожныхъ *выганялы*, иншихъ мечемъ *забіали*, иншихъ въ рѣкахъ *топили* и иншихъ иншою смертію розмаитою *губили*".

(Мессія праведный, І. Галятовскаго) [3]).

«Тоди то козаки.... здобу хорошу собѣ коло жыдивъ-рандаривъ *малы*,
На славну Украину *прыбувалы*,
Очертомъ *сидалы*,
Сребро и злато на три части *паёвалы*».

(Дума о жидовскихъ откупахъ) [4]).

Еще примѣръ:

„Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виѳлеемскій повѣтъ, заразъ почали чинити по малыхъ дѣточкахъ невинныхъ *отвътъ*: отъ персей матернихъ *отрывали* да *погубляли*, и розмаитыи имъ смерти *завдавали*.... А дѣточки, яко немовятка будучи, того *не знаютъ*, они *доньмаютъ*, ижъ то съ ними жарти *маютъ*, за мечъ ручками *сягаютъ*, подъ мечъ головки свои *хилютъ*, а они, окаянные, головки имъ *истинаютъ*".

(Казанья на соборъ пресв. Богородицы по рукоп. 1751 г.[5]).

«То ще мы, брате, недобре *вчинялы*,
По улицяхъ добрымы киньмы *гулялы*,

---

[1]) Южнорусск. лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ, 1856 г.

[2]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 52.

[3]) Изд. Кіевопечерской лавры, 1664 г.

[4]) Записки о южной Руси, Кулиша, I, 63.

[5]) Матеріалы до литер. апокриф. Калитовскаго, 1884 г., стр. 22.

Диткы маленькии киньмы *розбывалы*,
Кровъ хрыстыянську безвынно *пролывалы*».
(Дума о бурѣ на Черномъ морѣ) [1]).

Замѣчательно при этомъ, что глагольная рифма, книжная по своему происхожденію, прочно утвердившись въ народныхъ малорусскихъ думахъ, отсюда уже въ свою очередь оказывала иногда замѣтное вліяніе на языкъ нѣкоторыхъ прозаическихъ произведеній старинной малорусской литературы. Такъ, въ Казаньи на соборъ Пресв. Богородицы эта рифма стоитъ въ непосредственной связи съ поэтическимъ настроеніемъ автора, которому знакомы были не только стихотворныя произведенія старинной малорусской школы, но и народныя малорусскія думы. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Сумцовъ, что „нѣкоторыя преступленія Ирода въ этомъ Казаньи напоминаютъ преступленія Алексія Поповича въ думѣ про бурю на черномъ морѣ,—горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольницкихъ думахъ“ [2]). Отсюда видно, что въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ, и обратно,—много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научные пріемы мысли и рѣчи.

Намъ нужно всмотрѣться въ типическія черты этихъ людей, чтобы выяснить для себя условія, среди которыхъ возможно было творчество народныхъ малорусскихъ думъ.

П. Житецкій.

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, т. I, 30.

[2]) Кіевс. Старина, 1887 г. Сентябрь, 20. Можно встрѣтить иногда отраженіе языка думъ даже въ дѣловыхъ бумагахъ. Такъ, въ духовномъ завѣщаніи Я. Лизогуба отъ 1698 г. говорится, чтобы сынъ его Евфимъ „матки своей ни въ чемъ, ховай Боже, не раздражалъ и не *квилячи* повинносъ синовскую противъ нея оказовалъ, т. е оную *чтивъ*, *шановавъ* и *поважавъ*“. (Кіев. Стар. 1882 г., Янв. 106).

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.[1]

По порученію В. В. Тарновскаго я производилъ раскопки на Княжей Горѣ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1891 г. Раскопки съ внѣшней стороны были обставлены очень хорошо: на горѣ устроено помѣщеніе для рабочихъ, работы производились очень тщательно, опытными землекопами въ числѣ десяти человѣкъ, нарочно для этой цѣли выписанными. Для того, чтобы ничего не пропустить, рабочіе были расположены такимъ образомъ, что каждому рабочему съ лопатой соотвѣтствовалъ другой, перебиравшій руками вынимаемую землю; благодаря такому способу, даже самыя мельчайшія бусинки не ускользнули отъ нашего вниманія. Работамъ отчасти мѣшалъ почти постоянно дувшій на горѣ вѣтеръ, поднимавшій мелкую и ѣдкую пыль. Во время моихъ отлучекъ надъ раскопками наблюдалъ А. И. Шелюжко, которому считаю долгомъ выразить мою искреннюю благодарность, такъ какъ, благодаря его вниманію, дневникъ раскопокъ велся безъ перерывовъ.

Относительно мѣстоположенія Княжей Горы къ даннымъ, сообщеннымъ раньше [2]), прибавлю еще слѣдующее. Кряжъ горы, въ 220 метровъ длиной, тянется по направленію сѣверо-востока. Валъ, отдѣляющій городище отъ поля, имѣетъ 16,5 мет. длины и 9,5 мет. ширины; высота его съ внутренней стороны 4 мет., съ наружной стороны рва—5,6 мет. Глубина рва—4

---

[1]) Статья эта читана въ извлеченіи въ засѣданіи Истор. Общ. Нестора Лѣтописца 8 декабря 1891 г.

[2]) См. „Княжа Гора“—„Кіевск. Стар.“ 1890, декабрь.

метра. Въ поперечномъ разрѣзѣ поверхность горы представляетъ очень небольшую ровную поверхность, отъ которой въ обѣ стороны идутъ отлогія покатости, каждая приблизительно въ 5 мет. ширины, переходящія затѣмъ въ довольно крутой обрывъ. Въ профиль Княжа Гора также не представляетъ ровной линіи: она понижается, начиная отъ вала къ серединѣ, и потомъ къ концу, выходящему на Днѣпръ, поднимается. Съ юго-восточной стороны горы ясно замѣтны слѣды дороги; сохранились они ближе къ валу; остальная же часть, направлявшаяся къ выходу оврага на Днѣпръ, разрушилась и сползла внизъ. Вообще овраги по бокамъ горы были въ древности не такъ глубоки и круты, особенно въ нижнихъ своихъ частяхъ, какъ теперь. Дорога, начинаясь на берегу Днѣпра, шла по боку горы и, постепенно поднимаясь, входила въ ровъ, отдѣляющій городище отъ поля. Вѣроятно въ валу былъ сдѣланъ въѣздъ, такъ какъ и теперь въ средней части вала замѣтно углубленіе. Что касается устья р. Роси, то, по собраннымъ свѣдѣніямъ отъ старожиловъ с Пекарей, оказалось, что не очень еще давно р. Рось впадала въ Днѣпръ гораздо ближе къ Княжей Горѣ, почти у самой ея подошвы.

По указанію проф. В. Б. Антоновича раскопки предполагалось начать у самаго обрыва къ Днѣпру и землю изъ первой выемки спустить внизъ, но, приступая къ раскопкамъ 17 мая, вслѣдствіе нѣкоторыхъ затрудненій пришлось немного отступить отъ края. Раскопки велись поперечными дугообразными разрѣзами въ среднемъ въ 25 метровъ длиной; постепенно такими разрѣзами, одинъ за другимъ, была пройдена вся поверхность горы и часть вала. Разрѣзы охватывали ровную верхнюю площадку, два отлогіе ската по бокамъ и части боковыхъ обрывовъ. Остальныя части боковъ будутъ изслѣдованы въ слѣдующее лѣто. Культурный слой, перевернутый почти вездѣ предшествующими раскопками крестьянъ, залегалъ слоями различной толщины: по серединѣ иногда его совсѣмъ не было, главнымъ образомъ въ началѣ горы отъ Днѣпра; на боковыхъ отлогихъ скатахъ онъ не превышалъ 0,7 метр., въ нижнихъ же частяхъ разрѣза былъ гораздо толще—въ среднемъ 1 метръ,

что объясняется сползаніемъ земли. Подпочву составляла желтая глина съ гнѣздами рыхлаго камня; особенно много его было въ средней части. Во время раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ попадались большіе полусгнившіе корни дубовъ отъ лѣса, росшаго на горѣ сравнительно въ недавнее время.

По снятіи культурнаго слоя обнаружилась поверхность горы въ своемъ первоначальномъ видѣ; имѣла она слѣдующій видъ: вдоль всей горы по срединѣ тянется бугоръ, состоящій изъ разной величины кусковъ рыхлаго камня съ прослойками желтой глины; на первый взглядъ этотъ бугоръ похожъ на стѣну бутовой кладки; высота его въ среднемъ равняется 1 метру, ширина основанія отъ 2 до 3 метровъ. Въ нѣкоторыхъмѣстахъ бугоръ имѣетъ расплывшуюся форму; тогда основаніе его гораздо шире и сливается съ остальной поверхностью горы. По обѣимъ сторонамъ бугра идутъ двѣ неширокія террасы, принимающія иногда видъ ровныхъ площадокъ метровъ въ 5 шириной. Площадки эти искусственнаго происхожденія; въ одномъ мѣстѣ можно было наблюдать, какъ покатый бокъ былъ снятъ, и получилась небольшая площадка, одной стороной прилегающая къ раздѣльному бугру, часть же несрѣзаннаго откоса въ полъ-метра толщиной составляла другую ея сторону и ясно указывала, какимъ образомъ была сдѣлана площадка. На всѣхъ такихъ площадкахъ обнаружены остатки печей. Печи простыя глинобитныя, всѣ почти плохо сохранившіяся; съ уцѣлѣвшимъ сводомъ найдена только одна. Устраивались онѣ такъ: по срединѣ площадки прямо на землѣ дѣлали изъ глины точокъ толщиной въ 0,15—0,2 снт.; точокъ этотъ располагался параллельно бугру и имѣлъ въ длину приблизительне 1½ метра, въ ширину—1 метръ или метръ съ небольшимъ. Одна изъ узкихъ сторонъ точка со стороны поля заканчивалась полукругомъ. Съ краевъ такого точка поднимался глиняный сводъ въ 0,1 метра толщиной. Такимъ образомъ получалась печь, выходившая отверстіемъ на сѣверо-востокъ. Низъ такой печи обыкновенно имѣетъ видъ гладкой потрескавшейся поверхности. Въ одномъ случаѣ на такомъ выжженномъ точкѣ найдены угли и куски пережженныхъ костей. Всѣхъ остатковъ печей, въ бо-

лѣе или менѣе разрушенномъ видѣ, обнаружено 22. Изъ нихъ, 9 находились на сѣверо-западной сторонѣ бугра, остальныя же 13—на юго-восточной. Расположены печи иногда очень близко одна отъ другой, напр.—на разстояніи всего лишь одного метра. Что касается числа найденныхъ печей, то, по всей вѣроятности, первоначально ихъ было гораздо больше; ихъ уничтожали крестьяне во время своихъ раскопокъ, чѣмъ можно объяснить и то обстоятельство, что въ одномъ мѣстѣ печи попадаются часто, а затѣмъ, на довольно большомъ протяженіи, ихъ вовсе не встрѣчается. Вообще, судя по расположенію печей въ мѣстахъ болѣе сохранившихся, первоначальное число ихъ должно было быть по крайней мѣрѣ въ два раза большее. Остатки печей обнаруживались родъ культурнымъ слоемъ на глубинѣ 0,6—1,5 метр. Начавши снимать часть вала, на довольно большой глубинѣ (2,15—2,8 метр.) нашли также 4 печи. Такимъ образомъ оказывается, что валъ былъ насыпанъ надъ остатками болѣе древняго поселка. Поселокъ этотъ состоялъ изъ небольшихъ хижинъ, иногда построенныхъ очень близко одна отъ другой. Изъ чего были сдѣланы хижины—теперь трудно сказать; остатковъ дерева, сгнившаго или обугленнаго, за небольшими исключеніями, совсѣмъ не найдено; нѣкоторое указаніе могутъ дать найденные, сравнительно въ небольшомъ числѣ, куски обожженной глины, на которыхъ съ одной стороны находятся отпечатки плетеныхъ вѣтвей — это остатки обмазки; слѣдовательно, на Княжей Горѣ были постройки плетеныя, обмазанныя глиной; но что были также и деревянныя, на это намекаютъ различнаго рода пробои, костыли и гвозди, найденные въ большомъ количествѣ; гвозди попадаются иногда очень большихъ размѣровъ—до 0,2 метр. На самой горѣ, какъ я уже сказалъ, обугленнаго дерева найдено очень мало—всего нѣсколько незначительныхъ кусковъ брусьевъ, но за то внизу оврага съ юго-восточной стороны, ближе къ выходу на Днѣпръ, въ крутомъ нижнемъ обрывѣ обнаруженъ на глубинѣ приблизительно въ полъ-метра сплошной слой мелкаго угля въ среднемъ въ 0,2 метр. толщины. Слой этотъ залегалъ на довольно большомъ протяженіи; попалъ онъ на

дно оврага вслѣдствіе сползанія горы и вѣроятно составляетъ остатки если не построекъ, то сожженнаго частокола, которымъ было обнесено городище на Княжей Горѣ. Каменныхъ построекъ на горѣ по всей вѣроятности не было; тамъ найденъ всего лишь одинъ незначительный обломокъ кирпича въ 5 снт. толщиной, на одной сторонѣ кирпича, вдоль его, параллельно расположены полукруглыя рельефныя полоски. Къ строительнымъ матеріаламъ можно было бы отнесть круги довольно большихъ размѣровъ съ дырой въ центрѣ, приготовленные изъ замѣчательно твердой кирпичной массы; такого рода круги дѣйствительно употреблялись въ велико-княжескую эпоху для постройки колоннъ, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, какъ кажется, съ особаго рода жерновами; я вернусь къ нимъ еще разъ впослѣдствіи.

Всѣхъ вообще предметовъ при раскопкахъ этого года добыто тысячи полторы. Они относятся къ двумъ эпохамъ: къ каменному вѣку—предметовъ сравнительно немного, и къ великокняжеской эпохѣ—такихъ большинство. Типичныхъ вещей бронзоваго вѣка при раскопкахъ не найдено, хотя можно было ожидать, такъ какъ между предметами съ Княжей Горы, раньше пріобрѣтенными у крестьянъ, было нѣсколько бронзовыхъ архаическаго стиля, именно: небольшой браслетъ изъ пластинки въ 1 снт. шириной, украшенный двумя рядами выпуклыхъ точекъ и, совершенно такого же характера, кольцо, безъ спайки, съ однимъ концомъ, завернутымъ спиралью.

Предметы каменнаго вѣка состоятъ изъ кремневыхъ, каменныхъ, костяныхъ и керамическихъ. Я раньше думалъ, что систематическими раскопками можно будетъ выяснить порядокъ залеганія предметовъ каменнаго вѣка по отношенію къ таковымъ великокняжеской эпохи, но при раскопкахъ оказалось, что культурный слой почти вездѣ перерытъ крестьянами, и никакой послѣдовательности въ нахожденіи предметовъ не замѣчалось. Каменныя орудія встрѣчались главнымъ образомъ ближе къ обрыву, что спускается къ Днѣпру; находили ихъ иногда почти что на поверхности. Керамическія издѣлія, особенно черепки, были разсѣяны по всей горѣ на разной глу-

бинѣ, хотя большинство найдено все таки ближе къ обрыву; много ихъ также попадалось прямо на поверхности, въ размытыхъ бокахъ горы. Болѣе опредѣленно положеніе костяныхъ орудій—они встрѣчались почти всегда въ самомъ низу культурнаго слоя, начиная съ середины горы вплоть до вала. Нѣсколько разъ костяныя острія находились среди рыбьей шелухи и костей почти что на поверхности желтой подпочвы и по нѣсколько штукъ вмѣстѣ.

Кремневыя орудія. Что кремневыя орудія приготовлялись на горѣ, на это указываютъ два ядрища со слѣдами отбитыхъ ножиковъ. Одно—темнаго кремня въ 6 снт. длиной, отъ него были отбиты три небольшіе ножика. Другое—изъ кремня пепельнаго цвѣта, со слѣдами многочисленныхъ неудачныхъ ударовъ, въ послѣдній разъ отъ него былъ отбитъ ножичекъ 4 снт. длины и 1½ снт. ширины. Здѣсь же, уже за одно, скажемъ и объ инструментахъ, служившихъ для отбивки. Инструменты эти очень просты—это, во первыхъ, кусокъ порфира неправильной овальной формы 9-ти снт. въ поперечникѣ, къ срединѣ онъ толще, болѣе же тонкіе края представляютъ шероховатую поверхность, получившуюся отъ частыхъ ударовъ о другой камень. Другой экземпляръ можетъ быть названъ отбойникомъ только предположительно; онъ изъ кварцевиднаго песчаника, неправильной круглой формы, 12 снт. въ поперечникѣ, со слѣдами отбоинъ, но не частыми. Кремень, изъ котораго приготовлялись орудія, находится въ видѣ валуновъ тутъ же въ оврагахъ. Шлифованныхъ кремневыхъ орудій не встрѣтилось—все отбивныя. Это, во первыхъ, ножъ изъ сѣраго кремня, повидимому не цѣлый, 6 снт. длины и 2 ширины; сохранилась нижняя часть съ луковицей, получившейся при отбивкѣ; обѣ стороны мелко подправлены какъ съ верхней, такъ и съ нижней стороны. Затѣмъ слѣдуетъ очень интересный и рѣдкій экземпляръ пилочки (таб. I, № 1); матеріаломъ послужилъ тонкій кремневый голышъ, совсѣмъ какъ есть, въ корѣ; нѣсколькими ловкими ударами отбойника на одной изъ сторонъ сдѣлано пять зубьевъ; длина этой миніатюрной пилочки 4 съ небольшимъ снтм., ширина въ самой широкой части—2 снт.;

она вѣроятно вставлялась стороной противоположной зубьямъ въ роговую или деревянную ручку и, въ такомъ видѣ, могла служить для пиленія кости; а что пилочка была въ работѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ полировка зубьевъ. Слѣдующій разрядъ кремневыхъ орудій составляютъ тѣ, которыя принято называть скребками, названіе собственно довольно неопредѣленное; изъ такихъ орудій найдено два тонкихъ изъ темнаго кремня—одинъ овальный въ 5 и $2^1/_2$ снт. въ поперечникахъ съ кругомъ подправленными краями, другой въ видѣ правильной трапеціи съ нижнимъ основаніемъ въ 5 снт. длины и вершиной—въ $2^1/_2$ снт., обѣ параллельныя стороны подправлены; и затѣмъ, пять болѣе грубыхъ, изъ которыхъ четыре небольшіе, пятый побольше. Скребкамъ обыкновенно приписывается назначеніе служить при выдѣлкѣ кожъ для соскабливанія мяса и жиру, откуда и происходитъ ихъ названіе; но между ними, особенно на береговыхъ стоянкахъ, попадается очень много такихъ крошечныхъ экземпляровъ, что они ни въ какомъ случаѣ не могли быть пригодными для вышеназванной цѣли, а имѣли вѣроятно какое ниб. другое назначеніе, которое пока трудно объяснить. Кромѣ перечисленныхъ, на Княжей Горѣ найдено еще пять небольшихъ кремней неправильной формы со слѣдами отбивки. Въ общемъ, издѣлій изъ кремня найдено очень немного.

Каменныя шлифованныя орудія встрѣтились въ бо́льшемъ количествѣ; приготовлялись они изъ мѣстныхъ кристаллическихъ породъ и изъ валуновъ, главнымъ образомъ изъ песчаника, діорита и гранита. За однимъ только исключеніемъ всѣ орудія найдены разбитыми, въ обломкахъ. Мы прежде всего остановимся на нѣкоторыхъ экземплярахъ, указывающихъ на фабрикацію орудій на Княжей Горѣ. Первое мѣсто занимаетъ часть молотка съ сохранившейся только задней частью; ширина его около 6 снт., толщина $3^1/_2$ снт.—молотокъ въ цѣломъ видѣ былъ небольшой; изломъ приходится какъ разъ на дырѣ, и тутъ можно прослѣдить за всѣмъ процессомъ сверленія: вполнѣ готовый молотокъ, кругомъ отшлифованный, начали сверлить; сверленіе производили круглой костью въ $2^1/_2$ сант. въ діаметрѣ,

полой внутри; для того чтобы ускорить сверленіе, въ нижней плоскости посрединѣ сдѣлано небольшое углубленіе; сверленіе шло успѣшно и уже была сдѣлана правильная дыра въ $2^1/_2$ снт. длины, до конца остался всего лишь 1 снтм.; но въ дырѣ оставался стержень, входившій въ полость кости, онъ вѣроятно мѣшалъ работѣ и его хотѣли удалить, и дѣйствительно, стержень былъ выбитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ раскололся и самъ молотокъ,—нужно себѣ представить отчаяніе владѣльца молотка, погубившаго однимъ неудачнымъ ударомъ столько затраченныхъ усилій. Три каменные стержня, въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, найденные въ разныхъ мѣстахъ на горѣ, также указываютъ на мѣстное производство орудій. Они получались при сверленіи полой костью; верхняя плоскость ихъ гладкая—это часть шлифованной поверхности орудія, нижняя, обыкновенно болѣе широкая, неровная и шероховатая, получилась послѣ того какъ стержень былъ выбитъ изъ дыры; первый изъ нихъ 2 снт. длины, верхняя плоскость его 1 снт. въ діаметрѣ, нижняя—$2^1/_2$ снт. въ діам.; второй—2 снт. длины, верхняя плоскость $1^1/_2$ снт. діам., нижняя $2^1/_4$ снт.; третій—$1^1/_2$ сант. длины, верхняя плоскость $1^3/_4$ снт. діам., нижняя—немного больше. Единственный цѣлый каменный предметъ—это булава, въ видѣ шара, къ низу немного съуживающагося и сверху приплюснутаго; въ діаметрѣ въ среднемъ $5^1/_2$ снт.; очень хорошо сдѣланная дыра для ручки имѣетъ 5 снт. длины и 2 въ діаметрѣ. Затѣмъ идутъ разбитыя орудія и куски ихъ. Передняя часть топора изъ глинистаго песчаника; топоръ сломанъ какъ разъ на дырѣ, но затѣмъ изломъ зашлифованъ, такъ что остались только самые незначительные слѣды дыры; такъ какъ эта часть топора еще довольно велика, то въ ней вѣроятно предполагалось просверлить новую дыру и пустить топоръ опять въ дѣло, съ этой цѣлью и была отшлифована задняя сторона; въ теперешнемъ видѣ топоръ имѣетъ видъ треугольника въ 9 снт. длиной и $4^1/_2$ снт. въ поперечникѣ при изломѣ, толщина 3 снт.; между лезвіемъ и дырой внизу находится выемка; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что топоръ орнаментированъ: на верхней плоскости идутъ три обронныя полоски—одна посрединѣ, двѣ по краямъ; найденъ

близко къ обрыву на самомъ раздѣльномъ бугрѣ, на незначительной глубинѣ. Передняя часть большого топора; остріе полукруглое; ширина $6^1/_2$ снт., толщина тоже $6^1/_2$ снт., длина дыры $5^1/_2$ снт.; въ нижней поверхности сдѣлана выемка для ускоренія сверленія; діам. дыры $2^3/_4$ снт. Самая передняя часть острія топора полукруглая; топоръ, вѣроятно, былъ довольно большихъ размѣровъ. Задняя часть молотка, ширина 6 снт., діаметръ дыры $2^1/_2$ снт. Часть топора-молотка съ дырой въ $4^1/_4$ снт. длины и 3 снт. ширины, изломъ на дырѣ. Боковой обломокъ молотка, длина дыры $5^1/_2$ снтм. Такой же обломокъ орудія изъ песчаника, длина дыры 6 снт., діаметръ—$2^1/_2$ снтм. Обломокъ молотка въ $5^1/_2$ снт. толщины. Цѣлую группу, довольно многочисленную, составляютъ орудія, которыя можно назвать пестами. Орудія эти попадаются въ Россіи и Западной Европѣ сравнительно рѣдко, гораздо чаще—въ Сибири и Сѣверной Америкѣ [1]). Песты употреблялись для растиранія зеренъ и краски; для послѣдней цѣли они служили еще въ ранній періодъ каменнаго вѣка [2]). Песты съ Княжей Горы трехъ видовъ. Первый — грушеобразный, найболѣе подходитъ по своей формѣ къ пестамъ; цѣлый найденъ одинъ—изъ песчаника, вышина $9^1/_2$ снт., основаніе съ закругленными краями имѣетъ въ длину 7 снт., въ ширину 6; кверху пестъ съуживается и представляетъ отшлифованную кругомъ поверхность, принаровленную такъ, чтобы удобно было держать руками; затѣмъ есть еще половина такого же песта изъ песчаника и часть гранитнаго. Слѣдующій разрядъ составляютъ песты въ видѣ небольшихъ тумбочекъ, неправильной четыреугольной формы; они всѣ изъ песчаника; для растиранія употреблялась не только нижняя поверхность, но и верхняя, которая поэтому также имѣетъ закругленную форму; цѣлыхъ найдено три—въ 8, $6^1/_2$ и $5^1/_2$ снт. высоты и 4—5 снт. въ поперечникѣ; кромѣ того, есть еще одна половинка. Третій видъ, который можно отнесть къ пестамъ подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ,—это кубики

[1]) Анучинъ, „О нѣкоторыхъ своеобразныхъ древнихъ каменныхъ издѣліяхъ изъ Сибири", въ Трудахъ VI Съѣзда, т. I, стр. 41 и слѣд.

[2]) Оссовскій, „Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка въ Россіи", Труды VI Съѣзда, т. I, стр. 54.

изъ песчаника со всѣми гранями обточенными и закругленными, такъ что кубики близко подходятъ къ формѣ шара; всѣхъ найдено 5—три въ 5 снт. въ поперечникѣ и затѣмъ въ $4^1/_2$ и 4 снтм. Сюда же относится очень интересный экземпляръ въ видѣ шара съ отбитой частью; на одной закругленной сторонѣ—гладкій желобокъ—это остатки дыры; шаръ сдѣланъ изъ разбитаго каменнаго орудія. Что орудія этого рода служили для расширенія, а не для шлифовки, на это указываютъ закругленія по краямъ тѣхъ поверхностей, которыми работали; эти закругленія никоимъ образомъ не могли произойти отъ шлифованія. Для послѣдней цѣли могъ служить тоже пестикъ, въ $6^1/_2$ снт. вышины, изъ твердой породы камня; низъ его представляетъ плоскую гладкую поверхность. Къ шлифованымъ камнямъ, имѣющимъ плоскія, а не закругленныя поверхности, можетъ быть отнесенъ небольшой валунъ песчаника съ отшлифованной одной стороной, и кусокъ песчаника въ 13 снт. длины съ нижней гладкой поверхностью и верхней полукруглой. Кромѣ того, на Княжей Горѣ найдено еще около 10 кусковъ разныхъ камней въ видѣ обломковъ отъ орудій, съ одной или нѣсколькими шлифованными поверхностями.

Костяныя издѣлія, встрѣчающіяся въ здѣшнемъ краѣ сравнительно рѣдко, имѣютъ съ Княжей Горы довольно многочисленныхъ представителей. Начнемъ съ самаго простѣйшаго вида ихъ. Это острія или, какъ ихъ иногда называютъ, шила, приготовленныя изъ расколотыхъ костей (табл. I, №№ 3 и 10). Дѣлали ихъ слѣдующимъ образомъ: брали довольно тонкую круглую кость, полую внутри, раскалывали ее, и полученныя куски кости съ одной стороны оттачивали на камнѣ, оттачивали при этомъ только самый конецъ, остальную же часть кости оставляли въ необдѣланномъ видѣ. Нѣсколько экземпляровъ сдѣлано изъ плоской кости (таб. I, № 5). Всѣхъ орудій такого рода найдено болѣе тридцати. Встрѣчались онѣ, какъ я уже говорилъ, большей частью въ самомъ нижнемъ пластѣ культурнаго слоя. Величина ихъ различна: начиная отъ 3-хъ снт. постепенно доходитъ до 17 снт. На одномъ экземплярѣ, въ $4^1/_2$ снт. длины, въ широкомъ нижнемъ концѣ продѣлана дырочка (табл. I, № 10). Инструменты этого рода

могли служить шилами, но вѣроятно употреблялись и для другихъ надобностей, напр. при орнаментировкѣ гончарныхъ издѣлій. Интересно одно остріе въ 10 снт. длины (таб. I, № 6); оно сдѣлано не изъ расколотой кости, а изъ цѣлой, полой внутри; болѣе тонкій конецъ отточенъ, а въ нижнее широкое отверстіе могла вставляться палка и все орудіе тогда имѣло видъ копья. Было также одно остріе или шило, приготовленное изъ кости большой рыбы. Слѣдующій затѣмъ разрядъ составляютъ четыре орудія, изъ которыхъ три имѣютъ видъ лопатокъ съ отточеннымъ концомъ, онѣ сдѣланы изъ большихъ колотыхъ костей и имѣютъ въ длину $4^1/_2$, $7^1/_2$ и 11 снтм. (таб. I, № 4); четвертое (таб. I, № 2)—изъ сплошной круглой кости, какъ кажется ископаемой, въ 12 снт. длины, съ одного конца сглажено съ двухъ сторонъ на подобіе долота, такъ что получилось лезвіе въ 3 снт. ширины, къ противоположному концу оно тоньше; вѣроятно вставлялось въ ручку и исполняло роль топора. Быть можетъ, такого сорта орудія служили для обработки дерева. Къ орудіямъ съ опредѣленнымъ назначеніемъ относится нѣсколько штукъ рыболовныхъ крючковъ. Первый (табл. I, № 7), на которомъ я остановлюсь подольше, сдѣланъ изъ довольно тонкой костяной пластинки, сохранился не вполнѣ, и въ настоящемъ видѣ имѣетъ $4^1/_2$ снт. длины); довольно далеко отъ нижняго конца находится зазубрина, противоположная же ей сторона представляетъ ровную плоскость; въ нижнемъ концѣ проверчена дырочка; этотъ крючекъ представляетъ большую аналогію съ крючками, употребляемыми и теперь алеутами; но вышеописанный экземпляръ составляетъ только часть крючка; въ цѣломъ видѣ, какъ это можно видѣть на алеутскихъ крючкахъ, эта часть приставлялась стороной противоположной зарубкѣ къ узкой костяной или перламутровой пластинкѣ, къ которой и привязывалась—внизу шнуромъ, продѣтымъ въ дыру, вверху же—поверхъ стержня (на нашемъ экземплярѣ отломаннаго); перламутровая блестящая пластинка играетъ въ этомъ случаѣ роль блесны. Другой крючекъ сохранился почти совсѣмъ (таб. I, № 15)—онъ изъ круглой кости въ 10 снт. длины; на разстояніи $4^1/_2$ снт. отъ нижняго конца (немного отломаннаго) сдѣлана

довольно большая зарубка, верхній конецъ, гдѣ прикрѣплялась леса, задѣланъ въ видѣ головки. Отъ третьяго экземпляра (таб. I, № 8), повидимому ближе всего подходящаго къ типу теперешняго крючка, сохранился только стержень, въ верхней части котораго сдѣлано кругомъ три насѣчки—для того чтобы не сползала привязанная леса. Послѣднее простѣйшее и древнѣйшее орудіе для рыбной ловли представляетъ жерлица (таб. I, № 14), въ видѣ небольшого кусочка кости, въ 6 снт. длины, кругомъ обточеннаго и къ обѣимъ концамъ заостреннаго; леса привязывалась посрединѣ. Трудно объяснить назначеніе костяныхъ небольшихъ конусовъ, иногда сдѣланныхъ изъ сплошной кости, иногда же (и чаще), съ отверстіемъ съ широкаго конца (таб. I, №№ 12 и 16); ихъ всѣхъ найдено 8; длина отъ 4 до $8^1/_2$ снтм.; у одного изъ нихъ, самого меньшаго (таб. I, № 12), верхній острый конецъ сточенъ въ три грани,—быть можетъ, онъ служилъ для сверленія. Изъ привѣсокъ найдена только небольшая овальная костяная пластинка 3-хъ снт. длины съ дырой у края (таб. I, № 9). Обыкновенно между перечисленными костяными предметами каменнаго вѣка встрѣчаются зубы дикихъ животныхъ съ отверстіями для привѣшиванія,—на Княжей Горѣ найдено много зубовъ, но слѣдовъ дырокъ ни въ одномъ экземплярѣ не замѣчено. Кромѣ вышеперечисленныхъ болѣе или менѣе цѣлыхъ костяныхъ издѣлій, найдено много обломковъ, о которыхъ трудно сказать что-ниб. опредѣленное.

Керамическія издѣлія. Производство ихъ сосредоточивалось также на самой горѣ; такъ, тамъ найденъ довольно большой кусокъ глины, приготовленной или оставшейся отъ выдѣлки издѣлій. Издѣлія эти состоятъ изъ посуды и такъ наз. грузилъ. Работа производилась прямо руками безъ помощи гончарнаго круга; глина сравнительно хорошаго приготовленія,—примѣсь кварца замѣчена только въ одномъ случаѣ; обжигъ также довольно хорошъ, хотя все еще остается неровнымъ. Къ сожалѣнію не найденно ни одного сосуда, относящагося къ этому періоду, цѣлымъ,—все куски, и куски при томъ недостаточные, чтобы по нимъ можно было возстановить форму этихъ первобытныхъ сосудовъ; можно лишь сказать, что въ большинствѣ

случаевъ они были большихъ размѣровъ, хотя найдена, напр., и одна очень маленькая чашечка съ густой примѣсью крупнаго кварца, относящаяся вѣроятно къ болѣе раннему періоду этой эпохи. Днища сосудовъ были двухъ родовъ: конусообразныя и плоскія, слѣдовъ клеймъ на нихъ не замѣчено. Толщина стѣнокъ въ среднемъ равняется 1 снтм. Наружная сторона сосудовъ или оставалась гладкой, лишь съ бороздками отъ лопатки, которой выглаживался сосудъ, или покрывалась орнаментомъ. Украшались орнаментомъ какъ верхнія части сосудовъ вмѣстѣ съ ободкомъ, такъ и весь сосудъ сплошь, даже и дно. Орнаменты весьма разнообразны; самый простой видъ ихъ—углубленія, сдѣланныя пальцемъ; вѣроятно, съ самаго начала такія углубленія произошли не намѣренно, вслѣдствіе поддерживанія сосуда рукою въ время лѣпки, затѣмъ уже ихъ помѣщали рядами, именно съ цѣлью украшенія; послѣ, палецъ замѣняетъ круглая палочка или кость, и углубленія съ соотвѣтствующими возвышеніями на другой сторонѣ, получаютъ правильную круглую форму; черепковъ съ орнаментомъ послѣдняго рода встрѣтилось на Княжей Горѣ очень немного; гораздо больше орнаментовъ изъ разнаго рода насѣчекъ, нарѣзовъ въ видѣ сосонокъ, треугольниковъ и т. п.; затѣмъ идутъ отпечатки веревочки, отпечатки-бороздки съ перегородками разной величины и формы; кромѣ орнаментовъ, сдѣланныхъ вглубь, очень много налѣпныхъ въ видѣ полосокъ и шишекъ. Эти простѣйшіе виды въ разнообразныхъ сочетаніяхъ даютъ громадное число орнаментовъ, такъ что положительно, что ни черепокъ, то и новый орнаментъ. На сравнительно немногихъ черепкахъ отъ верхнихъ частей сосудовъ продѣланы дыры, служившія для подвѣшиванія,—дыры воронкообразныя, что указываетъ на то, что онѣ продѣланы уже въ обожженномъ сосудѣ, тогда какъ всѣ орнаменты сдѣланы по сырой глинѣ. Грузила встрѣчаются разной формы и величины—шарообразные, въ видѣ усѣченнаго конуса, приплюснутаго шара, цилиндра съ перехватомъ посрединѣ, въ видѣ двухъ конусовъ, сложенныхъ вмѣстѣ основаніями и т. п. Онѣ всѣ ручной лѣпки и очень часто покрыты орнаментомъ такимъ же разнообразнымъ и такихъ же рисунковъ, какъ и черепки. Всѣхъ такого рода

грузилъ, какъ цѣлыхъ, такъ и сломанныхъ, найдено около сорока штукъ, хотя большихъ между ними есть всего штукъ пять, всѣ же остальныя средней величины и попадаются даже совсѣмъ небольшіе, которыя, можетъ быть, служили украшеніями. Приготовлялись также грузила изъ старыхъ черепковъ, которые обтачивали въ кружки и продѣлывали въ срединѣ дыры; найдено семь кружковъ только лишь обточенныхъ, но безъ дыръ, грузилъ же готовыхъ, сдѣланныхъ изъ черепковъ, найдено 17. Отмѣтимъ то обстоятельство, что черепки, изъ которыхъ сдѣланы грузила, двухъ родовъ,—одни болѣе грубые ручной лѣпки, другіе—изъ глины хорошо приготовленной и обожженной и со слѣдами гончарнаго круга; эти послѣдняго рода грузила нужно отнесть къ болѣе позднему времени. Скажемъ здѣсь за одно и о крупныхъ грузилахъ, сдѣланныхъ изъ камня; ихъ немного: овальной формы въ 11 снт. длины изъ мергеля, у края продѣлана дыра; четыреугольная плитка песчаника 11½ снт. длины и 7 ширины, у верхняго, болѣе тонкаго края, дыра; неправильной формы плитка шифера также съ дырой у края; шиферная же плитка овальной формы съ косой дырой; тонкая плитка сидерита, съ отколотымъ пластомъ, въ видѣ треугольника съ полукруглымъ основаніемъ; дыра, продѣланная въ вершинѣ, состоитъ изъ двухъ сходящихся воронокъ; небольшой четыреугольный кусокъ сидерита разломанъ какъ разъ на дырѣ, которая имѣетъ такой же видъ, какъ у предыдущаго грузила. Есть еще одно грузило, тоже довольно крупное, сдѣланное изъ кирпичной массы, или даже прямо изъ куска тонкаго кирпича, оно неправильной четыреугольной формы, съ большой дырой у края, дыра носитъ ясные слѣды тренія веревкой, быть можетъ оно болѣе поздняго происхожденія. Закончимъ отдѣлъ керамики указаніемъ на небольшой желобъ неизвѣстнаго назначенія, сдѣланный изъ очень плотной глины; онъ имѣетъ видъ корытца въ 12 снт. длины, 5 ширины и 1 глубины, одна изъ узкихъ сторонъ котораго сглажена.

Къ числу предметовъ, одинаково относящихся какъ къ каменному вѣку, такъ и къ болѣе позднимъ эпохамъ, принадлежатъ пряслицы, сдѣланныя изъ сланца чернаго, сѣраго, фіо-

летоваго и розоваго цвѣта; мѣстонахожденіе этого сланца въ овручскомъ уѣздѣ волынской губ., гдѣ и обнаружены громадныя фабрики пряслицъ; на Княжу Гору пряслицы доставлялись вѣроятно уже въ готовомъ видѣ, такъ какъ слѣдовъ обработки, въ видѣ испорченныхъ и недоконченныхъ экземляровъ, не найдено. Въ заключеніе укажемъ на тѣ остатки пищи первобытнаго человѣка, которые обнаружены на Княжей Горѣ; это, во первыхъ, рыба средней величины—шелуха и кости ея довольно часто попадались въ нижней части культурнаго слоя, иногда вмѣстѣ съ костяными одудіями простѣйшаго вида; затѣмъ, пищей служили днѣпровскія раковины—Unio pictorum; онѣ встрѣчались въ разныхъ слояхъ, въ одномъ случаѣ были найдены въ довольно большомъ числѣ. Громадное количество костей разныхъ животныхъ изъ породъ нынѣ существующихъ, костей большей частью разбитыхъ, а иногда и обугленныхъ, указываетъ, что и мясная пища не была въ пренебреженіи у этихъ береговыхъ жителей; хотя конечно не всѣ кости остались отъ этого періода; вѣроятно, большинство ихъ—остатки пищи болѣе поздней эпохи; но какія изъ костей древнѣе, какія новѣе—разобраться въ этомъ теперь безъ помощи палеонтологіи, вслѣдствіе смѣшенія слоевъ, нѣтъ никакой возможности.

Предметы великокняжеской эпохи, находимые въ Юго-Западной Россіи, состоятъ главнымъ образомъ изъ дорогихъ украшеній, рѣже монетъ, и представляютъ богатые клады, порученные землѣ въ минуту опасности. Болѣе же простые предметы домашняго обихода попадаются лишь изрѣдка или въ могилахъ, или прямо въ землѣ, при какихъ нибудь случайныхъ раскопкахъ; въ послѣднемъ случаѣ, вслѣдствіе долгой живучести типовъ этихъ незатѣйливыхъ предметовъ домашняго обихода, является трудность при опредѣленіи эпохи. Въ этомъ отношеніи Княжа Гора представляетъ замѣчательную и единственную въ своемъ родѣ мѣстность. Здѣсь, во время раскопокъ прошлаго лѣта, кромѣ очень богатыхъ и многочисленныхъ украшеній, найдена такая масса простыхъ бытовыхъ предметовъ, что мы можемъ съ большей или меньшей полнотой составить себѣ понятіе о всей жизни поселка на Княжей Горѣ

семь вѣковъ назадъ въ различныхъ внѣшнихъ ея проявленіяхъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что многіе предметы съ Княжей Горы, касающіеся тѣхъ или другихъ занятій и ремеслъ, поразительно сходны съ таковыми и нынѣ употребляемыми въ крестьянскомъ быту, такъ что на первый взглядъ невольно является сомнѣніе въ такой ихъ глубокой древности, но сомнѣніе это уничтожается совмѣстнымъ нахожденіемъ этихъ вещей съ типичными вещами X—XIII ст. и потомъ, тѣмъ фактомъ, что до сихъ поръ на Княжей Горѣ не найдено ничего, что можно бы было прямо отнесть къ болѣе поздней, чѣмъ мы указали, эпохѣ. Да и сами предметы, послѣ болѣе тщательнаго разсмотрѣнія во всей ихъ совокупности, оказываются носящими въ себѣ черты глубокой старины. Приступая къ раскопкамъ, мы главнымъ образомъ и имѣли въ виду эти простыя, но цѣнныя для насъ, мѣдныя, желѣзныя, глиняныя вещи. Мы надѣялись, и, какъ оказалось, не напрасно, что крестьяне окрестныхъ селъ, руководствуясь въ своихъ раскопкахъ спросомъ на извѣстнаго рода вещи и матеріальной стоимостью ихъ, оставятъ на нашу долю эти заржавленные косы, серпы, ножи, крючки и т. п., и дѣйствительно такого рода вещей въ слояхъ уже перерытыхъ крестьянами, а иногда и въ нетронутомъ культурномъ слоѣ, найдено очень много, такъ что одинъ и тотъ же предметъ имѣется иногда въ очень многихъ экземплярахъ. Какъ бы въ видѣ сюрприза подъ конецъ раскопокъ открыто четыре клада, которые въ общей сложности представляютъ богатѣйшій подборъ разнаго рода украшеній, очень интересныхъ съ художественной точки зрѣнія. Хотя вещи этихъ кладовъ въ большинствѣ случаевъ уже извѣстны, но какъ дополненіе къ другимъ предметамъ, для полной характеристики состоянія культуры на Княжей Горѣ, клады эти пришлись какъ нельзя болѣе кстати. Кромѣ этихъ четырехъ кладовъ съ золотыми и серебряными вещами, найденъ еще одинъ съ исключительно желѣзными предметами, служившими вѣроятно въ хозяйствѣ одного лица, здѣсь были: наральникъ, серпъ, долото, стамеска съ роговой ручкой, желѣзные тонкіе обручи отъ ведра и еще нѣсколько болѣе мелкихъ. Помимо этого, всѣ остальныя

добытыя вещи находились спорадически на всемъ протяженіи горы, на разной глубинѣ, не рѣдко на самой подпочвѣ. Большое количество найденныхъ предметовъ указываетъ на сравнительно большую населенность данной мѣстности, хотя остатковъ самихъ обитателей горы найдено не много: кромѣ довольно рѣдко попадавшихся разрозненныхъ костей и череповъ, открыто всего лишь пять цѣлыхъ скелетовъ; пока еще не сдѣлано точныхъ измѣреній ихъ, и лишь можно сказать, что вообще населеніе Княжей Горы того времени, судя по этимъ пяти представителямъ его, обладало хорошимъ сложеніемъ; черепа ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ современныхъ европейскихъ; у одного индивидуума, вѣроятно обладавшаго воинственнымъ характеромъ, нижняя челюсть была перебита почти что посрединѣ, послѣ она срослась, хотя все таки обладатель ея лишился навсегда нѣсколькихъ зубовъ. Изъ частей жилища сохранились, и то не вполнѣ, однѣ печи; мы уже знаемъ какъ онѣ устроены, а что эти печи относятся къ княжескому времени, объ этомъ свидѣтельствуютъ вещи этой эпохи, находимыя на одномъ уровнѣ съ печами, а одинъ небольшой кладъ, состоящій изъ серебряныхъ серегъ открытъ въ самомъ устьи одной печи. Постройки, вслѣдствіе недостатка въ мѣстѣ, отличались вѣроятно небольшими размѣрами, ходъ къ нимъ шелъ по остававшемуся свободнымъ возвышенному срединному бугру; кромѣ этого и тѣхъ немногихъ предположеній, которыя мы высказали раньше, у насъ нѣтъ ничего, что́ бы ближе опредѣлило устройство и внѣшній видъ жилищъ того времени.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію мелкихъ вещей, имѣющихъ то или другое отношеніе къ жилищу. Отмѣтимъ прежде всего три желѣзные креста, 20—30 снт. длиной, съ утончающимся нижнимъ концомъ; они вѣроятно помѣщались сверху жилища или часовни; одинъ изъ нихъ найденъ на расчищенной площадкѣ, гдѣ также обнаружены и остатки печи. Всѣ три креста разной формы: первый — 18 снт. длины, верхній и два боковые конца заканчиваются кружками; 2-й—19 снт. длины, концы расширены; 3-й—27 снт. длины, подъ средокрестіемъ помѣщенъ полумѣсяцъ, вверху была еще небольшая перекла-

динка, но не сохранилась. Есть еще четвертый обломанный желѣзный крестикъ 8 снт. длины. Совершенно такого же рода желѣзный крестикъ, какъ три предыдущіе, съ заостренной нижней оконечностью я видѣлъ въ музеѣ Одесскаго общества исторіи и древностей, но мнѣ не удалось узнать, откуда онъ и при какихъ обстоятельствахъ найденъ. Есть еще три небольшіе мѣдные креста съ изображеніемъ распятія, два изъ нихъ вырѣзные, а одинъ какъ бы взятъ изъ верхней части энколпіона; съ исподней стороны ихъ придѣланы мѣдные гвозди, посредствомъ которыхъ кресты прикрѣплялись или къ дощечкамъ, и тогда исполняли роль иконъ, что встрѣчается и теперь, или же прибивались къ верхней перекладинѣ у дверей, какъ это обязательно и понынѣ дѣлаютъ всѣ старообрядцы. Изъ другихъ принадлежностей жилища найдены гвозди, пробои, завѣсы, скобы, задвижки, кольца, замки, ключи и т. д. Гвозди кузнечной работы, шляпки ихъ или круглыя или продолговатыя, на одномъ гвоздѣ шляпка состоитъ изъ четырехъ расположенныхъ крестообразно изогнутыхъ пластинокъ; на многихъ гвоздяхъ есть слѣды огня, многіе изъ нихъ найдены въ такомъ видѣ, какъ бы они находились вбитыми въ дерево, которое теперь уничтожилось, дерево повидимому было толстое, въ видѣ брусьевъ, и болѣе тонкое, въ видѣ досокъ разной толщины. Завѣсы въ большинствѣ случаевъ устроены очень просто и состоятъ изъ двухъ продѣтыхъ одинъ въ другой пробоевъ. Наружные запоры имѣютъ видъ—или желѣзной полосы съ отверстіемъ для пробоя, или желѣзнаго перекрученнаго прута, сбитаго вмѣстѣ и къ концу расширяющагося въ продолговатое кольцо; внутреннія задвижки состоятъ изъ продолговатой желѣзной полоски съ закругленными краями и съ узкимъ во всю длину отверстіемъ, такая задвижка двигалась по вбитымъ въ косякъ стержнямъ; для того чтобы не легко было ее сдвинуть, на внутреннихъ сторонахъ отверстія нарѣзывались зубья, задерживавшіе стержни. Всѣ эти предметы разной величины и совершенно сходны съ тѣми, которые и теперь мастерятъ сельскіе кузнецы. Отличаются отъ современныхъ своимъ устройствомъ замки, которыхъ въ общемъ найдено около ста штукъ, они имѣютъ видъ

желѣзнаго цилиндра съ припаянной тонкой трубочкой, въ нихъ входитъ желѣзная дужка; замки разной величины—отъ 4-хъ до 12 снт. длины; большинство на цилиндрахъ имѣетъ украшенія въ видѣ продольныхъ припаянныхъ полосокъ, зигзаговъ и поперечныхъ обручиковъ; есть также два большихъ замка у которыхъ дужка съ одной стороны прикрѣплена на шарнирѣ, другимъ же концомъ входитъ внутрь замка—какъ и теперь. Это все наружные замки, изъ внутреннихъ не найдено цѣлаго ни одного, но, какъ кажется, есть куски отъ нихъ. Ключи также отличаются своеобразнымъ устройствомъ и состоятъ изъ желѣзныхъ стержней, иногда рѣзныхъ, на одномъ концѣ которыхъ въ перпендикулярномъ, рѣже горизонтальномъ направленіи придѣланы рожки, имѣющіе сообразно съ отверстіемъ въ замкѣ разную форму, на другомъ концѣ стержня обыкновенно находится кольцо для привѣшиванія ключа; длина стержня доходитъ до 20 снт.; такихъ ключей найдено больше пятидесяти; найдены также три ключа—маленькій и 2 большихъ, такой формы какъ теперь.

Для храненія разнаго рода припасовъ возлѣ жилищъ устраивались такъ называемыя пашенныя ямы; ихъ всѣхъ вдоль по горѣ найдено 5; двѣ съ сѣверо-западной стороны бугра и три съ юго-восточной; ямы выкапывались въ желтой глинѣ, составляющей подпочву, и, благодаря присутствію камней, иногда очень плотной. Четыре изъ нихъ имѣли круглую форму, одна—четыреугольную; вотъ ихъ размѣры: съ сѣверо-западной стороны—1) глубина 1,6 мет., діаметръ 1,2 мет., на днѣ слой истлѣвшаго проса 1—$1^1/_2$ верш. толщиной; 2) глубина 1 мет., діаметръ 1—5 мет., на днѣ немного рыбьихъ костей; съ юго-восточной стороны—1) глубина 2 м., яма книзу расширяется, такъ что діаметръ вверху равняется 1 метру, а внизу 1,2 мет., 2) сейчасъ же возлѣ предыдущей ямы обнаружена другая. неправильной формы, въ 1 метръ глубиной, 3) четыреугольная яма 2,8 мет. глубиной и 2,15 и 1,4 м. по сторонамъ.

Изъ простыхъ домашнихъ орудій отмѣтимъ: кресала для высѣканія огня; онѣ сдѣланы или изъ сплошного продолговатого куска стали въ 7 снт. длиной и 2 шириной, или же съ

продольнымъ отверстіемъ въ срединѣ. Очень многочисленный отдѣлъ составляютъ желѣзные ножи—ихъ найдено около 80 штукъ; длина ихъ различна—отъ 7 и до 16 снт., всѣ они узкіе, только одинъ $4^1/_2$ снт. ширины, съ одной рѣжущей стороной; обыкновенно у тупаго края проведена одна или двѣ бороздки; ножи вставлялись въ деревянныя или костяныя ручки—на нѣкоторыхъ экземплярахъ и до сихъ поръ замѣтны слѣды приставшаго дерева, а одинъ ножъ найденъ съ цѣлой круглой костяной ручкой въ $7^1/_2$ снт. длины; у сравнительно небольшаго числа экземпляровъ ручка состояла изъ двухъ пластинокъ кости или дерева, приложенныхъ на продолженное лезвіе и скрѣпленныхъ заклепками; видно, что ножи были въ частомъ употребленіи, такъ какъ многіе изъ нихъ сильно сточены; складныхъ ножей не найдено. Найденные пять экземпляровъ ножницъ по устройству ни чѣмъ особеннымъ не отличаются отъ современныхъ, только развѣ немного грубѣе; кольца, въ которыя вкладываются пальцы, сдѣланы просто изъ загнутыхъ нижнихъ концовъ; размѣры ножницъ 15—19 снтм.; есть еще ножницы для стрижки шерсти, 14 снт. длиной. Къ предметамъ домашняго обихода относятся также небольшіе мѣдные щипчики 8 снт. длиной, кромѣ того, есть цѣлый отдѣлъ предметовъ, назначеніе которыхъ пока нельзя объяснить; это, прежде всего, неглубокія мѣдныя чашечки съ круглымъ или квадратнымъ отверстіемъ въ срединѣ; въ эти отверстія вставлялись круглыя или четыреугольныя стержни въ 12 и менѣе снт. длины, нижній конецъ которыхъ представляетъ или плоскую головку, довольно устойчивую, или же развѣтвляется въ нѣсколько завитковъ; чашечекъ такихъ разной величины—отъ 5 до 10 снт. въ діаметрѣ, найдено около 15, стержней же прямыхъ три и фигурныхъ два; единственный экземпляръ такой чашечки въ 12снт. діам. найденъ укрѣпленнымъ на трехъ ножкахъ въ 3 снт. вышиной. Затѣмъ попадаются, иногда по нѣсколько одинаковыхъ штукъ, желѣзные предметы тоже съ трудно объяснимымъ назначеніемъ, таковы напр.: овальныя кольца, треугольныя звѣзды съ заостренными шипами по краямъ, и нѣкоторые другіе. Очень велико число обломковъ посуды; посуда была глиняная, деревянная и металлическая. Глиняную посуду мы раздѣляемъ на привозную

и мѣстнаго приготовленія, какъ та, такъ и другая сдѣлана при помощи гончарнаго круга; послѣдняя состояла главнымъ образомъ изъ горшковъ съ широкимъ отверстіемъ, формы близко подходящей къ современной, предназначавшихся для варки пищи; размѣры ихъ были самые разнообразные: начиная съ небольшихъ въ 7—8 снт. вышиной, горшки, или въ этомъ случаѣ макотры, доходятъ, судя по обломкамъ, до очень большихъ размѣровъ. Орнаментъ на нихъ состоитъ изъ параллельныхъ полосокъ и неровныхъ, полукруглыхъ углубленій; ушки, обыкновенно по одному, изъ прилѣпленной широкой глиняной полоски. Гораздо меньше посуды, тоже мѣстнаго приготовленія, другой, болѣе вычурной формы, съ узкимъ небольшимъ или высокимъ горлышкомъ, прямымъ или воронкой; ушки съ двухъ сторонъ, изъ куска глины съ круглымъ отверстіемъ. Сосуды послѣдняго рода являются типичными представителями великокняжеской эпохи, они часто попадаются и въ самомъ Кіевѣ [1]); недалеко отъ дер. Монастырка, что возлѣ Трактомирова, тамъ, гдѣ находятся остатки Зарубскаго монастыря, мы случайно набрели нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ кажется, на мастерскую такихъ сосудовъ, она расположена на самомъ берегу Днѣпра. На Княжей Горѣ найденъ цѣлымъ только одинъ такой сосудъ, онъ въ видѣ баклаги съ узкимъ горлышкомъ, вышина его 20 снтм. Лучше сохранились очень миніатюрные сосуды, два изъ нихъ имѣютъ форму кувшинчиковъ, приблизительно въ 6 снт. вышиной и 4 въ діаметрѣ, а три остальные—небольшихъ флакончиковъ, довольно грубой работы, $3^1/_2$ снт. вышиною и $2^1/_2$ въ діаметрѣ, на нихъ замѣтны слѣды глазировки, въ видѣ шероховатой стекловидной массы. Посуда, которую мы считаемъ привозною съ юга, состоитъ изъ большихъ амфоръ. Глина въ нихъ совершенно отличается отъ глины вышеописанныхъ горшковъ, она краснаго или пепельнаго цвѣта и очень хорошей выдѣлки, но, какъ кажется, не годится для огня, что было и лишне такъ какъ амфоры предназначались для храненія вина, меда и другихъ припасовъ.

[1]) Нѣсколько цѣлыхъ экземпляровъ хранится въ Церковно-археологическомъ музеѣ. при Кіевской Дух. Академіи.

Амфоры найдены въ обломкахъ, которыхъ также очень много, и лишь въ одномъ мѣстѣ подобрано много черепковъ, лежавшихъ въ одной кучѣ; они принадлежали двумъ амфорамъ, изъ которыхъ отъ одной только удалось склеить нѣсколько большихъ частей, а у другой, недостаетъ только бока и можно вполнѣ возстановить ея форму; она имѣетъ 45 снт. вышины и 30 снт. въ діаметрѣ въ самой широкой части, съ двухъ сторонъ узкаго въ 6 снт. горлышка придѣланы двѣ длинныя ручки, книзу амфора съуживается, но не оканчивается острымъ конусонъ, а переходитъ постепенно въ чашеобразное, но все таки не устойчивое, дно. Многочисленные обломки другихъ днищъ показываютъ, что онѣ были такого же устройства. На этой, лучше всего сохранившейся, амфорѣ есть нѣсколько нарѣзовъ, представляющихъ изъ себя первопачальные знаки собственности; такъ, подъ ручкой помѣщенъ небольшой прямоугольный крестъ, дальше шелъ повидимому цѣлый рядъ фигуръ: сначала въ родѣ андреевскаго креста съ параллельными полосками вверху, внизу и посединѣ, рядомъ—остатки какъ-бы буквы М, изъ этого же вѣроятно ряда, отдѣльный черепокъ съ нарѣзами—въ видѣ четыреугольника съ поперечной вертикальной полоской и двумя косыми горизонтальными. На одномъ изъ кусковъ другой амфоры, найденной вмѣстѣ съ первой, есть знакъ въ родѣ треугольника съ закругленными углами. Затѣмъ, нѣсколько такихъ знаковъ собственности вырѣзано на найденныхъ отдѣльно трехъ ручкахъ отъ амфоръ; на первой знаки помѣщены въ двухъ мѣстахъ: вверху—въ видѣ двухъ широкихъ нарѣзовъ, и внизу ручки—въ видѣ трехъ узкихъ, косыхъ; на другой—три узкіе нарѣза сходятся подъ углами въ точкѣ; на третьей находится ясно опредѣленная мѣтка изъ двухъ буквъ М В, съ помѣщеннымъ горизонтально надъ ними андреевскимъ крестомъ. Къ числу привозной посуды несомнѣнно относится верхняя часть небольшаго сосуда, покрытая хорошей глазурью. Изъ деревянной посуды сохранились обуглившіеся куски точеной чашки въ 4 снт. вышиной и приблизительно 18 снтм. въ діаметрѣ. Были также въ употребленіи и деревянныя ведра, въ которыхъ между прочимъ сохранялись припасы; во время раскопокъ найдено нѣсколько

большихъ комьевъ обуглившагося пшена, комья эти отчасти сохранили форму той посуды, въ которой помѣщались, и посудой этой были ведра; отъ нихъ сохранились даже куски дерева, приставшіе къ комьямъ пшена. Отъ деревянныхъ сундуковъ остались только однѣ желѣзныя части—боковыя ручки, петли и оковка; оковки состоятъ изъ вырѣзныхъ пластинокъ желѣза съ дырочками для гвоздей, имѣютъ видъ онѣ или узкой полоски съ копьеобразнымъ концомъ, или болѣе вычурную форму, напр.—андреевскаго креста, затѣмъ, какъ кажется, двухъ лошадинныхъ головокъ съ крестомъ посрединѣ. Что имѣли мѣсто въ хозяйствѣ боченки и кадки, на это указываетъ съ одной стороны присутствіе инструментовъ, употреблявшихся въ бочарномъ производствѣ, съ другой—нахожденіе тонкихъ желѣзныхъ обручей. Металлическая посуда почти исключительно сдѣлана изъ мѣди; на первомъ мѣстѣ стоитъ часть небольшой чашечки, сплошь орнаментированной конусообразными шишечками съ полемъ между ними, раздѣланнымъ полосками и бисеромъ. Цѣлая узкая чашечка, украшенная орнаментомъ и отчасти позолоченная, найдена вмѣстѣ съ другими вещами въ богатомъ кладѣ. Другого характера большая широкая чашка, съ гранеными сторонами, вышиной въ $5^1/_2$ снтм. и съ діаметромъ вверху въ 12 снтм., внизу 6 снт.; она орнаментирована точками, у края ея находится три ушка для цѣпочекъ; ушки прикрѣплены заклепками въ формѣ львиныхъ головокъ, въ ушкахъ сохранились остатки желѣзныхъ цѣпочекъ, можетъ быть въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чашкой отъ вѣсовъ. Есть еще нѣсколько обломковъ мѣдной посуды, имѣвшей повидимому форму кувшиновъ и небольшихъ чашекъ. Но самый многочисленный отдѣлъ составляютъ мѣдные ведра и котелки; матеріаломъ для нихъ служила тонкая листовая мѣдь; ведра сдѣланы не изъ одного сплошнаго куска, а изъ нѣсколькихъ частей, скрѣпленныхъ между собою мѣдными заклепками; скрѣпленіе было настолько прочно, что въ такихъ котелкахъ можно было варить пищу, какъ это можно заключить по цѣлому экземпляру котелка, находящемуся въ музеѣ университета св. Владиміра. Во время раскопокъ найдены сотни кусковъ листовой мѣди съ многочисленными заклеп-

ками, много также найдено ушекъ и дужекъ къ ведрамъ, онѣ большей частью желѣзныя; по дужкамъ можно судить и о размѣрахъ ведеръ; оказывается, что начиная съ самыхъ небольшихъ, они доходятъ до размѣровъ большихъ котловъ; только въ одномъ случаѣ найдена, какъ кажется, часть желѣзнаго ведра. Для большей прочности въ верхней части ведеръ по ободку вправлялся мѣдный или желѣзный прутъ. Сравнительно на небольшомъ числѣ кусковъ, главнымъ образомъ верхнихъ частей, находится несложный орнаментъ. Къ нѣкоторымъ кускамъ отъ ведеръ пристали остатки ихъ содержимаго, но безъ химическаго анализа трудно сказать что это такое.

Мы не нашли ничего, что бы дало намъ представленіе о формѣ одежды обитателей Княжей Горы. Приготовлялась же одежда прежде всего изъ холста—въ нѣсколькихъ случаяхъ найдены истлѣвшія нитки, а на одномъ мѣдномъ бубенчикѣ замѣтны приставшіе кусочки холста, сохранившіеся благодаря мѣдной окиси. Найденныя ножницы для стрижки шерсти даютъ право предположить выдѣлку шерстяныхъ тканей и производство изъ нихъ одежды. Была также, какъ видно, и очень богатая одежда—въ одномъ мѣстѣ отрыты небольшіе куски золотой парчи (таб. II, №№ 34, 35 и 36) и штампованныя нашивки на одежду. Парча двухъ рисунковъ; кромѣ того, вмѣстѣ находились остатки тканыхъ золотыхъ полосокъ; серебряныя позолоченныя нашивки, въ количествѣ трехъ, разной формы: круглая (она черезъ нѣкоторое время послѣ отрытія разсыпалась), продолговатая четыреугольная (немного попорченная (таб. II, № 37) и треугольная (таб. II, № 38), у нихъ у всѣхъ по краямъ маленькія дырочки для пришиванія. Для застегиванія употреблялись небольшія мѣдныя пуговки въ видѣ шарика съ ушкомъ, бубенчики (къ одному изъ нихъ, какъ я выше упомянулъ, пристали кусочки матеріи отъ одежды), костяныя пуговицы (таб. I, № 23), ихъ найдено около 15 штукъ, но цѣлыхъ всего 5; онѣ точеныя съ круглой дырой въ центрѣ, самая большая изъ нихъ—$2^1/_2$ снт. въ діаметрѣ, верхняя часть и ободокъ украшены орнаментомъ изъ черточекъ и кружковъ. Судя по числу найденныхъ какъ раньше, такъ и во время на-

шихъ раскопокъ, образковъ и крестовъ, нужно признать твердо установившимся обычай ношенія таковыхъ. Ихъ надѣвали или прямо на тѣло, для чего предназначались обыкновенно небольшіе крестики-тѣльники, или поверхъ одежды; въ послѣднемъ случаѣ брались кресты-энколпіоны, доходящіе иногда до большихъ размѣровъ, и образки, иногда по нѣсколько вмѣстѣ. Крестиковъ тѣльниковъ найдено немного: одинъ янтарный съ орнаментомъ изъ кружковъ, нѣсколько мѣдныхъ, и два каменныхъ, т. н. корсунскихъ, хотя эти послѣдніе могли носиться и поверхъ платья; одинъ изъ нихъ шестиугольный (таб. II, № 3), 3-хъ снт. длины съ двумя одинаковыми поперечными перекладинками, три конца его обложены кругомъ золотой пластинкой, найденъ онъ въ кладѣ. Другой каменный крестъ, четыреугольный, 4-хъ снт. длины, обложенъ по концамъ серебряной пластинкой со вставленными камнями въ видѣ ромбиковъ, какъ кажется изъ мастики. Изъ образковъ, носимыхъ поверхъ платья, очень замѣчательны два, найденные въ кладѣ (таб. II, №№ 2 и 4); оба они золотые, круглые, въ $4^1/_2$ снт. въ діаметрѣ; каждый образокъ концентрическими кругами раздѣляется на четыре части: въ первомъ крайнемъ кружкѣ симметрично расположены 8 камней въ гнѣздахъ, слѣдующій ободокъ покрытъ орнаментомъ травами, возлѣ него ближе по срединѣ идетъ третій, въ видѣ желобка, здѣсь прежде помѣщался жемчугъ, теперь не сохранившійся, средній сплошной кружокъ занятъ изображеніями, сдѣланными византійской перегородчатой эмалью. На одномъ образкѣ (таб. II, № 2) находится погрудное изображеніе Божіей Матери съ лицомъ, немного обращеннымъ въ сторону, правая рука лежитъ на груди, лѣвая приподнята, съ лѣвой стороны головы помѣщены буквы М и А въ видѣ монограммы. На другомъ (таб. II, № 4)—повидимому изображеніе Іоанна Богослова; поза придана такая же, только въ обратную сторону, справа головы буквы І Ѳ съ титломъ наверху. Къ образкамъ придѣланы ушки, также со вставленными камнями; почти всѣ камни, можетъ быть вслѣдствіе дѣйствія огня, которому отчасти былъ подверженъ кладъ, плохо сохранились. Обратныя стороны совершенно гладкія. Позы эмалевыхъ изображеній, выражающіе

обращеніе къ кому то, даютъ поводъ предположить, что въ срединѣ между этими образками, находился еще одинъ съ изображеніемъ Іисуса Христа, до насъ не дошедшій, и тогда вся группа имѣла видъ такъ наз. „Денисуса“. Цѣлыхъ четвероконечныхъ крестовъ-энколпіоновъ найдено 7 и болѣе 15 половинокъ и обломковъ, нерѣдко испорченныхъ огнемъ. Величина энколпіоновъ различна: 6—10 снт. въ длину. Изображенія на нихъ сдѣланы рельефомъ или вырѣзаны вглубь, и линіи заполнены какой то металлической массой. Есть нѣсколько типовъ крестовъ, между ними нѣсколько повидимому болѣе раннихъ чѣмъ остальные; такъ, есть половина энколпіона съ немного удлиненнымъ нижнимъ концомъ, на немъ очень грубо рѣзными линіями изображена стоящая фигура прямо, впереди ея помѣщена другая, доходящая до пояса первой, тоже прямо; быть можетъ, это изображенія Божіей Матери и Христа, вверху находится надпись буквами древней формы: ПАNАГИА; крестъ этотъ 7-ми снт. длиной. Изъ болѣе новыхъ энколпіоновъ отмѣтимъ два, оба они найдены цѣлыми. Первый сильно окисленъ, но все таки замѣтно, что по концамъ онъ былъ украшенъ повидимому эмалевыми кружками; когда его только что вынули изъ земли, то еще были ясно видны нитки, которыми онъ былъ перевязанъ накрестъ, что-бы не распадался, внутри его находилась какая то истлѣвшая масса. Превосходной сохранности другой энколпіонъ; на лицевой сторонѣ его помѣщенно рельефомъ поясное изображеніе Божіей Матери съ воздѣтыми руками, по четыремъ угламъ—левъ, телецъ, орелъ и человѣкъ; на оборотной сторонѣ, въ срединѣ на перекладинѣ расположена одежда Спасителя, надъ нею небольшой крестъ и по бокамъ его копье и губка на палкѣ, по угламъ—погрудныя изображенія святыхъ. Очень интересенъ затѣмъ вырѣзной ангелъ съ державой въ правой рукѣ и въ очень тонко отдѣланной одеждѣ (таб. II, № 8); длина его $4^1/_2$ снт., вверху придѣлано ушко, изображеніе вылито изъ мѣди, вѣроятно съ примѣсью серебра. Чтобы покончить съ отдѣломъ крестовъ и образковъ, скажемъ за одно о трехъ каменныхъ и одномъ мѣдномъ образкахъ, хотя они повидимому не предназначались для ношенія на

груди. Мѣдный образокъ состоитъ изъ пластинки въ 8 снт. длины и $2^1/_2$—4 снт. ширины, на которой помѣщается рельефное изображеніе святаго во весь ростъ съ благословляющей правой рукой и съ евангеліемъ въ лѣвой; надписей нѣтъ, вверху небольшая дырочка. Изъ каменныхъ образковъ цѣлый только одинъ (таб. II, № 13). Онъ сдѣланъ изъ сланца пепельнаго цвѣта и представляетъ изъ себя довольно толстую дощечку снт. 5 длиной съ погрудными изображеніями высокимъ рельефомъ на одной сторонѣ св. Николая, а на другой св. Сисинія, очень интересны надписи: НИКУЛА и СИСѢNИІ. Отъ второй небольшой односторонней иконки такого же камня сохранилась только нижняя половина—здѣсь былъ изображенъ воинъ, держащій въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой щитъ. Третій обломокъ составляетъ вѣроятно часть большого образка; уцѣлѣло лишь изображеніе Божіей Матери съ буквами МР и ѲУ по бокамъ; вверху, какъ кажется, изображеніе ангела и затѣмъ часть головы Спасителя; иконка эта тонкой, художественной работы. Вообще образки и кресты заслуживаютъ полнаго вниманія и всесторонняго изученія.—Очень разнообразныя украшенія, обнимающія собою почти всѣ, извѣстныя изъ великокняжеской эпохи, виды, сосредоточивались главнымъ образомъ въ 4-хъ найденныхъ кладахъ,—спорадическія находки ихъ немногочисленны. Начнемъ съ головной повязки; отъ таковой найдено всего два мѣдныхъ покрытыхъ серебромъ полукольца; въ цѣломъ видѣ повязка состояла изъ цѣлаго ряда такихъ полуколецъ, нашитыхъ на жгутъ, сдѣланный изъ какой нибудь матеріи. Кажется, часть повязки составляютъ и 4 мѣдныхъ кольца съ несовсѣмъ пригнутыми концами; они составлены изъ двойной проволоки съ частыми насѣчками (таб. II, № 17). Самый многочисленный разрядъ украшеній составляютъ серьги. Онѣ нѣсколькихъ типовъ. Самый простой—гладкая серебряная проволока, свернутая въ кольцо, одинъ конецъ проволоки обыкновенно заостренъ, другой же или остается тупымъ, или расплющивался и заворачивался спиралью; такихъ серегъ найдено болѣе 70-ти (таб. II, №№ 31 и 33). Затѣмъ идутъ серьги т. н. кіевскаго типа (таб. II, №№ 6, 15, 16, 20, 21, 23, 25, 26 и 28),

состоящія изъ большаго кольца съ надѣтыми на него тремя шариками, ажурными или сплошными, покрытыми бисеромъ; работа этихъ шариковъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ достигаетъ верха совершенства; серегъ кіевскаго типа найдено серебряныхъ—болѣе 30-ти, и 6 золотыхъ. Найдено всего двѣ серебряныя серьги, также состоящія изъ большаго кольца, но вмѣсто шариковъ, посединѣ помѣщена большая буса въ формѣ двухъ конусовъ, сложенныхъ основаніями (таб. II, № 27). Совершенно другой характеръ носятъ большія замкообразныя серьги, составленныя изъ двухъ выпуклыхъ пластинокъ, спаянныхъ вмѣстѣ, ихъ найдено 6 серебряныхъ и одна золотая. Серебряныя въ свою очередь раздѣляются на нѣсколько видовъ; такъ, три серьги украшены ажурнымъ ободкомъ въ видѣ арокъ, посединѣ ихъ находятся кружки, въ которыхъ были изображенія, теперь плохо видныя; онѣ были также украшены жемчугомъ, такъ какъ для него устроенъ круглый желобокъ (таб. II, № 14). На четвертой изъ серегъ ободокъ изъ арокъ замѣненъ рядомъ припаянныхъ шариковъ, обѣ стороны ея раздѣланы чернью въ видѣ сложнаго орнамента, отчасти стертаго долгимъ ношеніемъ серьги (таб. II, № 12). Двѣ остальныя серьги не имѣютъ украшеній по ободку, на одной изъ нихъ орнаментъ также сдѣланъ чернью, а на другой наколами и изображаетъ на одной сторонѣ двухъ птицъ, съ сдвинутыми вмѣстѣ головами и разставленными врозь лапами, а на другой—въ срединѣ полумѣсяцъ и съ четырехъ сторонъ полоски орнаментовъ. Небольшая золотая серьга очень пострадала отъ огня, такъ что почти совсѣмъ уничтожилась перегородчатая эмаль, которою она была украшена; эмалью на одной сторонѣ изображена птица съ распущенными крыльями, а на другой орнаментъ. Для шеи есть нѣсколько различныхъ украшеній; такимъ прежде всего можетъ быть ожерелье (таб. II, № 18), составленное изъ узкихъ золотыхъ или серебряныхъ штампованныхъ пластинокъ, ихъ найдено около 25 штукъ, 4-хъ рисунковъ; хотя такого рода ожерелье могло служить и головной повязкой. Типичнымъ шейнымъ украшеніемъ великокняжеской эпохи являются обручи, т. н. шейныя гривны (таб. II, № 32); ихъ найдено 4,—двѣ изъ

мелко перевитой серебряной проволоки и двѣ изъ перекрученной вертикальной спиралью серебряной узкой полоски, эти двѣ послѣднія гривны пострадали отъ огня. Разнаго рода бусъ найдено болѣе сотни; бусы были: золотыя, въ видѣ миніатюрнаго боченочка (таб. II, № 10)—такихъ двѣ; серебряныя, такой же формы (таб. II, № 12)—тоже двѣ, затѣмъ болѣе 60 простыхъ стекляныхъ или же очень красивыхъ изъ композиціи, притомъ, начиная отъ самыхъ крошечныхъ до большихъ; есть 7 бусъ изъ горнаго хрусталя, на горѣ же найдены и необдѣланные куски хрусталя, а также трехгранная буса, но еще безъ дырочки—все это указываетъ на мѣстное приготовленіе этихъ бусъ. Изъ сердолика найдено 4 бусы, изъ хальцедона 1, изъ розоваго песчаника 5 большихъ продолговатыхъ, штукъ 15 янтарныхъ, разной величины и формы, изъ мѣстнаго янтаря, и одна изъ раковины Cyprea moneta, со срѣзаннымъ верхомъ. Очень интересна буса, сдѣланная изъ кусочка черепка, съ обѣихъ сторонъ покрытаго зеленой глазурью; обстоятельство, что такимъ черепочкомъ такъ дорожили, говоритъ о незнакомствѣ съ глазировкой сосудовъ и о рѣдкости таковыхъ. Между бусами, составлявшими ожерелье, вставлялись привѣски; одна изъ найденныхъ привѣсокъ имѣетъ видъ овальнаго выпуклаго медальона, отчасти прорѣзного, орнаментъ котораго состоитъ изъ сдѣланнаго изъ шариковъ креста и сходящихся подъ угломъ прямыхъ линій, медальонъ мѣдный (таб. II, № 1); остальныя пять привѣсокъ имѣютъ форму полумѣсяца, обращеннаго концами внизъ; два такихъ полумѣсяца золотые съ орнаментомъ травами (таб. II, № 5), два мѣдные и одинъ желѣзный. Къ привѣскамъ нужно отнесть и предметы, которые можетъ быть имѣли значеніе амулетовъ; штукъ пять ихъ сдѣланы въ формѣ небольшихъ мѣдныхъ кинжальчиковъ съ дырочкой по срединѣ (таб. II, № 29), на нѣкоторыхъ дырочки нѣтъ; одинъ имѣетъ видъ крошечнаго свинцоваго топорика съ дырочкой для привѣшиванія (таб. II, № 30). Браслеты были мѣдные, серебряные, золотые и стекляные. Отъ мѣднаго браслета, сдѣланнаго изъ витой проволоки, найденъ только одинъ обломанный конецъ. Вполнѣ и превосходно сохранившимися най-

дены два серебряные браслета, также изъ витой толстой проволоки, одинъ большой (таб. II, № 24), другой поменьше; на концахъ перваго, сдѣланныхъ въ видѣ продолговатыхъ головокъ, помѣщена чернью арабская надпись на такихъ же головкахъ другаго браслета сдѣланъ орнаментъ, тоже чернью. Неизвѣстный доселѣ, какъ кажется, типъ представляетъ изъ себя браслетъ, составленный изъ серебряныхъ полушариковъ, соединенныхъ колечками, на серебряныхъ же цѣпочкахъ къ этому браслету прикрѣплены двѣ подвѣски въ видѣ желудей (таб. II, № 24); всѣхъ звеньевъ отъ браслета сохранилось 14. Золотой браслетъ найденъ только одинъ—онъ состоитъ изъ очень изящной цѣпочки мелкими колечками (таб. II, № 9). Обломковъ стеклянныхъ браслетовъ найдены сотни, стекло въ нихъ разныхъ цвѣтовъ. Изъ двухъ найденныхъ серебряныхъ колецъ, одно слѣдано изъ завернутой серебряной полоски безъ спайки, другое изъ двухъ перевитыхъ проволокъ къ концамъ утонченныхъ, тоже безъ спайки. Два золотые кольца совершенно такой формы какъ послѣднее серебряное, притомъ одно изъ этихъ колецъ громадныхъ размѣровъ и очень массивное (таб. II, № 11). Перстней также два серебряныхъ и два золотыхъ; щитокъ одного изъ серебряныхъ гладкій, на щиткѣ другого (таб. II, № 22) выгравированъ крестъ съ орнаментомъ; у золотыхъ перстней четыреугольные щитки имѣютъ гнѣзда для камней, но сами камни не сохранились. Какъ можно видѣть изъ приведеннаго перечисленія, разнаго рода украшенія были въ большомъ ходу у жителей Княжей Горы; на нѣкоторыхъ предметахъ есть ясные слѣды частаго и долгаго употребленія. Несомнѣнно, что большинство изъ указанныхъ украшеній было принадлежностью женскаго убора, хотя нѣкоторыя, какъ напр. шейныя гривны, могли носиться и мущинами. Близкое отношеніе къ украшеніямъ имѣютъ зеркала. Онѣ сдѣланы изъ сплава мѣди и олова или серебра и всѣ имѣютъ круглую форму; одна сторона гладко отшлифована, на другой въ центрѣ помѣщается ушко, въ которое продѣвается шнурокъ (въ одномъ экземплярѣ даже сохранился кусочекъ такого шнурка), поле кругомъ ушка покрывалось орнаментомъ изъ прямыхъ и кривыхъ линій. Цѣлыхъ

зеркалъ найдено 8 штукъ, затѣмъ есть еще одна половинка и нѣсколько кусковъ. Размѣры ихъ различны—отъ 15 до 5 снтм. въ діаметрѣ. Пропорція металловъ, какъ видно, не всегда бралась одинаково, такъ какъ однѣ зеркала бѣлѣе, другія—болѣе желтаго цвѣта. Какъ принадлежность, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мужскаго костюма, являются желѣзныя шпоры; ихъ найдено всего 4; состоятъ онѣ изъ заостреннаго стержня, прикрѣпленнаго къ дужкѣ, охватывавшей каблукъ, концы дужки загнуты и оканчиваются пряжками для ремня. Къ мужскому костюму относятся также желѣзныя и мѣдныя пряжки отъ поясовъ.

Пища состояла изъ мяса (найдена масса костей), рыбы (большое число различныхъ рыболовныхъ принадлежностей указываютъ на развитіе этого промысла), и растительныхъ продуктовъ. Изъ хлѣбныхъ растеній обнаружены рожь, просо и гречиха. Рожь найдена какъ въ видѣ обугленныхъ зеренъ, такъ и въ видѣ комьевъ муки. Мололи зерно посредствомъ особенныхъ жернововъ; хотя мы не можемъ возстановить устройство мельницъ, но, по всей вѣроятности, онѣ были ручныя. Жернова приготовлены изъ очень крѣпкой кирпичной массы; кусковъ разбитыхъ жернъ найдено много, толщина ихъ различна: отъ 2 до $^1/_2$ вершка, также различны и размѣры ихъ; найденный цѣлый жернововъ имѣетъ $^1/_2$ метра въ діаметрѣ; обыкновенно одна сторона такихъ жернововъ представляетъ шероховатую поверхность, другая, предназначавшаяся собственно для размола,—гладкая. Очень распространеннымъ, какъ видно, продуктомъ было просо; оно найдено въ истлѣвшемъ видѣ на днѣ одной пашенной ямы, затѣмъ много иногда довольно большихъ кусковъ его въ видѣ сплавившагося пшена попадалась на всемъ протяженіи горы и наконецъ, въ нижней части одного разбитаго горшка, найдена перепаленная пшенная каша. Менѣе всего найдено гречихи — нѣсколько зеренъ ея сохранилось внутри одного желѣзнаго замка. Открыты, кромѣ того, куски сосуда съ приставшими къ стѣнкамъ остатками какой то жидкой пищи, которую нельзя опредѣлить безъ анализа. Упомянемъ еще о находкѣ двухъ обугленныхъ лѣсныхъ орѣховъ, въ которыхъ въ каждомъ были продѣланы три неболь-

шія дырочки—не знаю для какой цѣли, и о косточкѣ финика, также обугленной; вѣроятно финики составляли дорогое и рѣдкое лакомство. Изъ напитковъ употреблялся медъ, такъ какъ жители горы были знакомы съ пчеловодствомъ, и, быть можетъ, вино, на что намекаютъ многочисленные остатки амфоръ.

Занятія и ремесла обитателей Княжей горы характеризуются найденными орудіями и инструментами. Изъ земледѣльческихъ орудій для вспахиванія земли служило рало. Сохранившіяся желѣзныя части его состоятъ изъ наральника, въ видѣ толстаго треугольнаго наконечника, который надѣвался на дерево; величина ихъ отъ 20 до 25 снт. длины и снт. 15 ширины; по двумъ краямъ, сходящимся подъ угломъ, и посрединѣ для большей крѣпости иногда придѣлывались къ нимъ толстыя желѣзныя полосы; всѣхъ наральниковъ найдено 4—три цѣлыхъ и одинъ сломанный. Впереди наральника прикрѣплялся большой желѣзный ножъ—„чересло“, который разрѣзывалъ землю, поднимаемую послѣ раломъ; такихъ ножей найдено 6, длина ихъ 45—50 снт. и ширина 6—7 снт. Совершенно отличаются отъ современныхъ косы; онѣ сдѣланы изъ довольно толстой желѣзной полосы, приблизительно въ 40 снт. длины и $4^1/_2$ снт. ширины, и при концѣ немного загнуты; косъ найдено 3 цѣлыхъ, одна съ отломаннымъ концомъ и два обломка. Интересно то обстоятельство, что, какъ мнѣ передавали, эти косы имѣютъ большое сходство съ косами, нынѣ употребляемыми Якутами. Больше найдено серповъ, длина ихъ обыкновенно 35 снт., ширина различна—отъ 2 до 4-хъ снт.; цѣлыхъ есть 6 и 12 обломковъ. Растенія, культура которыхъ была извѣстна обитателямъ Княжей Горы, насколько можно судить по открытымъ остаткамъ ихъ, были рожь, просо, гречиха и овесъ. Три найденные заступа указываютъ на существованіе огородничества; устройство заступовъ совершенно такое, какъ и теперь: овальное желѣзко набивалось на деревянную лопату, но одинъ изъ найденныхъ заступовъ немного другой формы—желѣзко не овальное, а скорѣе треугольное; длина заступовъ 15 снт., ширина тоже около этого; есть еще одно желѣзко, повидимому отъ заступа, которое устроено иначе,

чѣмъ предыдущіе, именно такъ, что лопата не входила въ него, а оно прибивалось на конецъ лопаты. Во время раскопокъ не добыто ничего, что можно было бы отнесть къ огороднымъ продуктамъ. Кромѣ перечисленныхъ, найдено еще нѣсколько разныхъ орудій, которыя могли равнымъ образомъ употребляться какъ при земледѣліи, такъ и въ огородничествѣ; сюда относятся кикри—одна въ родѣ теперешней сапы, но гораздо массивнѣе, и двѣ другихъ — узкихъ съ заостренными обоими концами въ 17 и 20 снт. длиной, и, затѣмъ, цѣлый рядъ небольшихъ желѣзныхъ лопатокъ съ втулками для деревянныхъ ручекъ; такихъ лопатокъ найдено до 20 штукъ, длина ихъ доходитъ до 13 снт. Изъ костей домашнихъ животныхъ очень часто попадались кости лошади. Отъ конской сбруи сохранились: желѣзныя удила, состоящія изъ двухъ соединенныхъ желѣзныхъ стержней и двухъ большихъ колецъ по концамъ ихъ; удилъ цѣлыхъ и сломанныхъ найдено около 15, затѣмъ больше 40 разной величины желѣзныхъ пряжекъ и столько же желѣзныхъ колецъ. Въ качествѣ привѣски въ сбруѣ могъ служить найденный желѣзный полумѣсяцъ 9-ти снт. въ поперечникѣ. Стремена того времени близко подходятъ къ современнымъ; стремя составляетъ дужка съ отверстіемъ вверху для ремня и нижняя перекладина въ видѣ сплошной овальной пластинки, на которую ставилась нога; стремена желѣзныя; изъ 8-ми найденныхъ цѣлыми, одно повидимому дѣтское. Изъ домашнихъ животныхъ были также быки,—найдены кости, и овцы, на что намекаютъ ножницы для стрижки шерсти. Очень интересны подковы для быковъ (по опредѣленію крестьянъ); ихъ найдено двѣ, представляютъ онѣ изъ себя неширокія желѣзныя полоски въ 9 снт. длиной, немного изогнутыя, имѣющія на одномъ концѣ шипъ а по срединѣ нѣсколько четыреугольныхъ дырочекъ для гвоздей. Несомнѣнно, что послѣ разбора и опредѣленія костей, будутъ констатированы и другія домашнія животныя.

Очень распространеннымъ занятіемъ между жителями Княжей Горы было рыболовство. Орудіями для него служили остроги, крючки и сѣти. Острогами били крупную рыбу; ихъ найдено 3 двухъ видовъ: съ однимъ стержнемъ, оканчиваю-

щимся зарубкой—такихъ 2, и съ двумя такими же стержнями въ родѣ вилки; остроги перваго рода имѣютъ 20 и 25 снт. длины, второго — 16 снт. длины. Но какъ видно, болѣе всего ловили рыбу удками. Крючки для удочекъ разнообразны. Есть два мѣдныхъ небольшихъ крючка въ 3 снт. длиной; затѣмъ громадное число желѣзныхъ—болѣе 120 штукъ, поперечникъ загиба у нихъ, составляющаго собственно крючекъ—отъ 2-хъ до $5^1/_2$ снт.; по величинѣ загиба дѣлался и стержень, онъ отъ $3^1/_2$ до 12 снт. длины, но есть 3 или 4 крючка, у которыхъ загибъ средней величины, а стержень удлиненъ до 14 снт. На внутренней сторонѣ крючковъ сдѣланы зарубки, лёса же прикрѣплялась или къ кольцу, которымъ оканчивался стержень (такихъ немного), или привязывалась прямо къ стержню, на концѣ немного расплющенному. Болѣе усовершенствованный видъ представляютъ 4 крючка; это обыкновенные желѣзные крючки, но впаенные въ продолговатыя овальныя свинцовыя пластинки, которыя въ данномъ случаѣ играютъ роль блесны; длина ихъ отъ $2^1/_2$ до 12 снт. Хотя остатковъ сѣтей и не найдено, но на существованіе ихъ указываетъ, во первыхъ, найденная желѣзная лапка 7-ми снт. длиной; одинъ конецъ ея снабженъ тремя крючками, а другой оканчивается кольцомъ, къ которому прикрѣплялся шнурокъ; лапка эта служила для подниманія затонувшихъ сѣтей; во вторыхъ—большія тяжелыя грузила, которыя не пригодны для удокъ; таковыми могли быть нѣкоторыя вышеописанныя каменныя и, кромѣ того, свинцовыя, уже несомнѣнно принадлежащія великокняжеской эпохѣ. Между послѣдними, есть одно очень тяжелое, въ видѣ овальнаго куска свинца съ продѣланной дырой. Слѣдующія затѣмъ свинцовыя грузила могли одинаково привѣшиваться какъ къ сѣтямъ, такъ и къ удкамъ. Между ними всего два, въ видѣ небольшого конуса, остальныя, которыхъ болѣе сорока, состоятъ изъ узкой свинцовой пластинки, свернутой въ трубочку, пластинки разной ширины — отъ 2 до 5 снт. Во время раскопокъ найдено также нѣсколько кусковъ листоваго свинца, отъ которыхъ отрѣзывались по мѣрѣ надоб-

ности полоски для грузилъ; одинъ изъ такихъ листовъ довольно большой—около 30 снт. въ квадратѣ.

На занятіе жителей охотой указываютъ найденные клыки дикаго кабана и оленьи рога, послѣдніе шли на разнаго рода подѣлки, какъ напр. ручки для инструментовъ. Можетъ быть, впослѣдствіи среди добытыхъ костей найдутся кости и другихъ дикихъ животныхъ. Для охоты употреблялись тѣ же орудія, что и для войны—стрѣлы, копья, но о нихъ дальше.

Орудія, указывающія на пчеловодство, состоятъ изъ 3-хъ желѣзныхъ прутьевъ, оканчивающихся съ одной стороны узкимъ длиннымъ ножемъ для подрѣзыванія, и съ другой—небольшой лопаткой для выбиранія меда.

Признаками гончарнаго ремесла служатъ клейма на сосудахъ. Клейма обнаружены на сосудахъ, которые мы считаемъ мѣстнаго производства; помѣщаются они всегда на днищахъ, самый простой видъ ихъ—кольцо, сдѣланное рельефомъ, такихъ болѣе всего; затѣмъ есть клеймо, довольно неясное, изъ двухъ концентрическихъ колецъ, оно помѣщено на днѣ типичной баклаги, далѣе есть еще слѣдующія клейма: кольцо, раздѣленное пополамъ прямой выпуклой полоской; кольцо съ неяснымъ изображеніемъ звѣзды въ срединѣ; неправильный треугольникъ съ маленькимъ кольцомъ въ срединѣ; правильно сдѣланный треугольникъ съ небольшими треугольниками, приставленными къ угламъ, такъ что клеймо очень напоминаетъ букву Д. Днищъ съ клеймами, сравнительно съ общимъ числомъ найденныхъ днищъ, немного.

Изъ кузнечныхъ инструментовъ найдена небольшая наковальня $6^1/_2$ снт. длины, одна сторона ея представляетъ квадратъ въ 5 снт., другая 3 снт.; затѣмъ большой молотъ 11 снт. длины съ квадратными сторонами въ 5 и 7 снт.; кромѣ того, есть еще три молотка гораздо меньше: узкій молотокъ $15^1/_2$ снт. длины съ однимъ четыреугольнымъ концомъ и другимъ, расклепаннымъ лопаткой; молотокъ 11 снт. длины, одинъ конецъ его квадратный, другой немного сплющенъ; изъ четырехъ найденныхъ напильниковъ, три плоскіе въ 14, 16 и 17 снт. длины, и одинъ—съ одной стороны плоскій, а другой—полукруглый,

24 снт. длины; какъ небольшіе молотки, такъ и напильники могли употребляться и въ другихъ ремеслахъ. Найденъ также кусокъ желѣзнаго шлака, что тоже имѣетъ отношеніе къ кузнечному ремеслу, и большой правильный кругъ въ 13 снт. діам. и 3—4 снт. толщины плохого желѣза, служившаго вѣроятно матеріаломъ.

Между цѣлыми найденными зеркалами есть одно, не вполнѣ отлитое; вѣроятно не хватило матеріала и оно осталось въ неотдѣланномъ видѣ, эта половина зеркала даетъ указаніе на существованіе литейнаго искусства; на одномъ изъ цѣлыхъ зеркалъ есть даже клеймо мастера въ видѣ буквы Т. Найдено около десяти разныхъ кусковъ литой ажурной мѣди, поправленной иногда рѣзцомъ, представляющихъ красивые орнаменты изъ крестовъ, арокъ и т. п.; пока трудно сказать, что они изъ себя представляли, такъ какъ обломки сравнительно незначительны. Найдено также нѣсколько небольшихъ брусковъ мѣди, вѣроятно служившихъ въ качествѣ матеріала. Орнаменты на мѣдныхъ пластинкахъ выбивались и посредствомъ штампа; ихъ встрѣтилось нѣсколько, какъ болѣе простыхъ, каковы—выбитые полушарики, спираль, кругъ изъ двухъ полосокъ веревочкой съ рядомъ шариковъ въ срединѣ, грубое изображеніе птички, такъ и болѣе художественной работы. Къ послѣднимъ относится небольшая мѣдная пластинка, на которой изображена въ кругѣ, изъ двухъ выпуклыхъ полосокъ съ шариками внутри, птица—гусь или скорѣе утка; всѣ особенности этой породы птицъ переданы очень реально; для симметріи круга голова у птицы повернута назадъ; всѣ части птицы вполнѣ естественны, только въ одномъ случаѣ художникъ, убоясь видно такого полнаго реализма, снабдилъ приподнятое крыло декоративнымъ завиткомъ.

Относительно того, были ли свои ювелиры на горѣ, мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ украшеній были привозныя, какъ напр. серебряный браслетъ съ арабской надписью и еще другія.

Изъ столярныхъ и плотничьихъ инструментовъ есть нѣсколько, которые остались неопредѣленными; изъ опредѣленныхъ есть, прежде всего, цѣлый подборъ желѣзныхъ топоровъ. Они

разной формы; у однихъ верхняя часть совершенно прямая, лезвіе ровное, въ нижней части сдѣлана выемка подъ прямымъ угломъ, у другихъ—лезвіе полукруглое и нижняя выемка изогнута кривой линіей; третій видъ, ближе всего подходящій къ теперешнимъ топорамъ, имѣетъ верхнюю и нижнюю стороны идущими подъ угломъ отъ обуха и заканчивающимися полукруглымъ лезвіемъ; въ общемъ топоры напоминаютъ теперешнія малорусскія „сокыры“. Длина топоровъ отъ 14 до 21 снтм. Цѣлыхъ найдено 8, и около 10 обломковъ. Долота сдѣланы изъ сплошнаго желѣза безъ ручки, остріе срѣзано или на одну сторону, или на двѣ; ихъ найдено три: 16, 19 и 27 снт. длины. Стамески есть маленькія и большія, ровныя и полукруглыя; онѣ вставлялись въ ручки, одна узкая стамеска въ 13 снт. длины, вставлена въ ручку изъ оленьяго рога въ 10 снт. длиной. Изъ трехъ найденныхъ буравчиковъ, не превышающихъ длиной 13 снтм., два имѣютъ крупную нарѣзку и одинъ мелкую. Отъ рубанка сохранилось только желѣзко 8-ми снт. длины и $4^1/_2$ снт. ширины. Струги состоятъ изъ желѣзной полосы, согнутой полукругомъ, съ одной рѣжущей стороной; по концамъ этой полосы приправлялись ручки; струговъ найдено 2, средней величины. Есть еще инструментъ въ родѣ струга, у него желѣзная полоса согнута въ кольцо, къ которому придѣлана ручка; этотъ инструментъ предназначался для выбиранія дерева при выдѣлкѣ корытъ, мисокъ и т. п., для этой же цѣли служили и нѣкоторые другіе изъ найденныхъ инструментовъ. Струги же, кромѣ обчистки дерева, могли употребляться для вырѣзыванія обручей; къ бочарному ремеслу повидимому должны быть также отнесены два продолговатые желѣзные бруска, потредствомъ которыхъ набивали обручи. Небольшія стамески и рѣзцы, помимо столярныхъ работъ, пригодны и для рѣзьбы по дереву, хотя остатковъ рѣзного дерева не сохранилось. За то уцѣлѣли небольшіе фрагменты кости съ вырѣзанными орнаментами. Есть также три костяные свистка въ 5 снт. длины съ вырѣзанными дырочками; въ одномъ свисткѣ такихъ дырочекъ три (таб. I, № 20). Найдено нѣсколько кусковъ кости, отпиленныхъ и распиленныхъ, предназначенныхъ для работы въ качествѣ матеріала. Загадку

представлеютъ двѣ костяныя пластинки съ острыми рожками на одномъ концѣ и съ четырьмя продѣланными въ каждой дырочками (таб. I, №№ 17 и 26). О знакомствѣ обитателей Княжей Горы съ токарнымъ искусствомъ говорятъ найденные обугленные куски деревянной чашки.

Для оттачиванія разнаго рода инструментовъ служили бруски, сдѣланные изъ обыкновеннаго краснаго песчаника. Бруски разной формы и величины; большинство ихъ—продолговатые, четыреугольные; почти всѣ сильно сточены; ихъ найдено около 50 штукъ. Въ одномъ случаѣ попался большой кусокъ песчаника, сточенный полукругомъ; онъ, быть можетъ, составляетъ часть точильнаго колеса. Орудія оттачивались какъ плоскія, такъ и острыя, оставлявшія въ этомъ случаѣ бороздки на брускѣ. Для болѣе тонкаго оттачиванія употреблялись небольшія точилки изъ темнаго и свѣтлаго сланца, нѣкоторыя изъ нихъ четыреугольныя, другія круглыя; онѣ иногда привѣшивались, и для этой цѣли въ нихъ продѣлывались дыры; найдено ихъ немного—4 или 5 штукъ.

Жители Княжей Горы занимались между прочимъ и торговлей. Изъ предметовъ, указывающихъ на это занятіе, во время раскопокъ найдена небольшая мѣдная чашечка отъ вѣсовъ $4^1/_2$ снт. въ діаметрѣ, съ тремя дырочками по краямъ. Чашкой вѣсовъ могла быть и большая, съ остатками цѣпочекъ, описанная выше. Найдено также два мѣдныхъ предмета, которые, быть можетъ, служили разновѣсками; одинъ изъ нихъ въ видѣ квадратной плитки въ $3^1/_2$ снт. и около двухъ снт. высоты, въ срединѣ сдѣлано чашеобразное углубленіе, вѣсъ $37^1/_2$ золотн.; другая въ видѣ цилиндра около $3^1/_2$ снт. въ поперечникѣ и $2^1/_2$ высоты, въ срединѣ также круглое углубленіе, вѣсъ $34^1/_4$ золотн. На торговыя сношенія указываетъ нахожденіе такихъ предметовъ какъ пряслицы, производство которыхъ сосредоточивалось въ овруцкомъ у. волынск. губ., а на сношенія съ болѣе отдаленными мѣстностями—раковина Cyrgea moneta и обломокъ большой также морской раковины, бусы стекляныя и изъ композиціи, амфоры, зерно финика, серебряный браслетъ съ арабской надписью и др.

Къ сожалѣнію не найдено ни одной монеты съ опредѣленіемъ мѣста чеканки и даты, найдено только пять серебряныхъ гривенъ кіевскаго типа, которыя были мѣстною монетою. На трехъ гривнахъ, на плоской сторонѣ ихъ, находятся рѣзы, которые служили, или знаками собственности, или знаками счета; состоятъ они изъ двухъ параллельныхъ линій, перечеркнутыхъ, на первой гривнѣ одной линіей, на второй двумя, на третьей тремя, также параллельными; гривны вѣсятъ: 1) $37^3/_4$ зол. 2) 38 зол. (три полоски), 3) $38^1/_4$ зол., 4) $38^1/_2$ зол. (двѣ полоски) и 5) $38^3/_4$ зол. (одна полоска).

Къ орудіямъ войны относятся прежде всего стрѣлы; стрѣлы найдены костяныя и желѣзныя; первыя, можетъ быть, относятся къ болѣе раннему періоду, чѣмъ великокняжескій, но во всякомъ случаѣ, мы сюда отнесли только тѣ костяныя стрѣлы, которыя очевидно сдѣланы не посредствомъ сглаживанія и тренія, а металлическими инструментами. Самый грубый экземпляръ представляетъ довольно большая стрѣла—около 10 снтм. длины (таб. I, № 13), сдѣланная изъ трубчатой кости. Болѣе правильно отдѣлана ромбическая стрѣла (таб. I, № 19). Вполнѣ же совершенный экземпляръ представляетъ продолговатая стрѣла (таб. I, № 21), украшенная посрединѣ и очасти по краямъ выпуклыми полосками, длина ея 5 снтм. Цѣлый разрядъ составляютъ костяныя стрѣлы, сдѣланныя изъ длинной пластинки, срѣзанной въ четыре грани, такъ что въ разрѣзѣ получается узкій ромбъ (таб. I, №№ 18 и 22); остріе у нихъ закруглено, конецъ же, который вставлялся въ древко, срѣзанъ съ двухъ сторонъ, на срѣзанныхъ плоскостяхъ нарѣзаны насѣчки для большаго укрѣпленія въ древкѣ; такихъ стрѣлъ цѣлыхъ найдено 6, самая длинная изъ нихъ—$9^1/_2$ снт. длины, кромѣ того, около десяти сломанныхъ. Кость въ этихъ стрѣлахъ хрупкая и темная, только одинъ экземпляръ не потерялъ ни цвѣта, ни крѣпости и вообще замѣчательно сохранился (таб. I, № 18). Къ стрѣламъ могутъ быть также отнесены костяные конусы, о которыхъ сказано выше, имѣющіе внизу отверстіе (таб. I, №№ 12 и 16). Громадное разнообразіе представляютъ желѣзные наконечники срѣлъ. Они разной величины и формы: ром-

бовидные, листообразные, треугольные, въ видѣ стаместки, въ видѣ тяжелаго четыреугольнаго острія и т. д. Всѣ эти наконечники имѣютъ острый нижній стержень, который вбивался въ древко; есть только 4 стрѣлы съ втулкой, въ которую вставлялось древко; всѣхъ вообще стрѣлъ найдено болѣе 170 штукъ. Для большаго удобства при натягиваніи тетивы употреблялись кольца; одно такое костяное кольцо найдено во время раскопокъ (таб. 1, № 11); на внутренней сторонѣ замѣтны слѣды отъ тетивы въ видѣ бороздокъ. Переходомъ отъ стрѣлъ къ копьямъ служатъ три плоскіе наконечника въ 7 и 9 снт. длины со стержнями, у двухъ изъ нихъ стержни эти на концѣ загнуты; наконечники эти вставлялись въ ручки и могли служить дротиками. Простѣйшій видъ копья представляетъ заостренный четыреугольный прутъ съ втулкой, въ которую вставлялась палка; есть два такихъ копья—22½ и 26 снт. длины. Затѣмъ, желѣзный прутъ принимаетъ въ разрѣзѣ видъ ромба, для ручки сдѣлана втулка, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ копьяхъ; ромбическихъ копій найдено 3—въ 25, 29 и 30 снт. длины. Изъ плоскихъ листообразныхъ копій найдено одно легкое въ 3 снт. ширины, по бокамъ втулки идетъ орнаментъ изъ двухъ рядовъ дырочекъ, копье сломано и въ настоящемъ видѣ имѣетъ 27 снт. длины; кромѣ этого, есть три цѣлыхъ, очень тяжеловѣсныхъ, въ 5 и 6½ снт. шириной и въ 33, 36 и 39 снт. длиной. Нѣсколько найденыхъ четырехгранныхъ кусковъ могутъ быть какъ отъ копій, такъ и отъ мечей. Послѣднихъ не найдено ни одного, встрѣчались только перекладины отъ нихъ и кольца отъ ноженъ. Перекладиной прежде всего можетъ быть костяной предметъ въ видѣ узкой толстой пластинки въ 6 снт. длиной, съ продолговатымъ отверстіемъ въ срединѣ (таб. I, № 24). Желѣзныя перекладины (найдено 4 штуки) сдѣланы изъ желѣзной пластинки, къ концамъ съуживающейся, въ 6, 9, 9½ и 10 снт. длиной; пластинки или ровныя, или съ пригнутыми книзу концами, въ срединѣ находится узкое отверстіе въ 2, 2½ и 3 снт. длиной. Такъ какъ мечей не найдено, то только по этимъ перекладинамъ можно судить о формѣ ихъ, именно, отверстія, продѣланныя въ перекладинахъ, съ одной стороны болѣе ши-

рокія, съ другой узкія, даютъ основаніе предположить, что клинки были не обоюдоострые, а съ одной тупой стороной, были ли они прямые, или изогнутые въ видѣ сабли—неизвѣстно. Только въ одномъ случаѣ перекладина имѣетъ одинаковые концы по бокамъ щели, во всѣхъ же другихъ случаяхъ одинъ конецъ гораздо длиннѣе другого; это обстоятельство также говоритъ въ пользу того, что только одна сторона была острая. Кажется, мы имѣемъ образецъ, хотя плохой, этого рода оружія; найденный обломокъ состоитъ изъ ручки въ 10 снт. длиной и части клинка; клинокъ, острый съ одной стороны, имѣлъ повидимому у тупого края борозду; ширина его $3^1/_2$ снт., длина сохранившейся части 11 снт. Отъ ноженъ, которыя повидимому были деревянныя, сохранилось нѣсколько желѣзныхъ ободковъ съ кольцами для привѣшиванія и желѣзные же наконечники. Къ оружію можно отнесть также желѣзную булаву, въ видѣ граненаго куба 4-хъ снт. вышины, съ дырой для ручки, и мѣдный шаръ, съ ушкомъ для ремня, ремень приклѣплялся къ ручкѣ и одрудіе имѣло видъ кистеня. Найдены только незначительные куски повидимому отъ шишака, именно, верхняя часть съ желѣзнымъ шпицемъ и кусокъ полукруглой бляхи отъ нижняго ободка.

Что касается языка обитателей Княжей Горы, то нѣкоторыя свѣдѣнія могутъ дать надписи на образкахъ и крестахъ; такъ напр., произношеніе имени Николая въ формѣ Никулы, затѣмъ названіе складныхъ крестовъ-энколпіоновъ панагіями и нѣкоторыя другія, въ общемъ немногочисленныя. Гораздо больше матеріала представляютъ эти надписи для палеографіи; даже при поверхностномъ просмотрѣ можно замѣтить, что надписи по начертаніямъ буквъ относятся къ разному времени, но все таки большинство ихъ славянскія. Вообще надписи на образкахъ и крестахъ Княжей Горы заслуживаютъ подробнаго изученія съ палеографической точки зрѣнія; въ нихъ пока заключаются единственныя указанія на эпохи, которыя пережилъ поселокъ на Княжей Горѣ.

Добытый археологическій матеріалъ не даетъ намъ никакихъ указаній касательно соціальнаго строя жизни поселка.

Только развѣ съ экономической стороны нѣкоторыя данныя представляютъ найденные клады. Кладовъ найдено четыре. Всѣ они представляютъ разную цѣнность. Самый богатый состоитъ изъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ вещей; вещи слѣдующія: *золотыя*—двѣ бусы; кусокъ плетеной цѣпочки; нѣсколько продолговатыхъ бляшекъ отъ повязки; двѣ подвѣски полумѣсяцами; тяжелое витое кольцо; такое же кольцо поменьше; два перстня съ гнѣздами для камней; браслетъ изъ цѣпочки колечками; пять серегъ кіевскаго типа; небольшая замкообразная серьга съ испорченной эмалью; два образка съ эмалевыми изображеніями Божіей Матери и Іоанна; *серебряныя*—небольшая бусинка; 14 звѣньевъ отъ браслета съ двумя привѣсками въ видѣ желудей; нѣсколько бляшекъ отъ повязки; перстень съ выгравированнымъ крестомъ; замкообразная серьга; такая же серьга съ ажурнымъ ободкомъ; витой браслетъ; 4 шейныхъ обруча; *мѣдныя*—складной крестъ (энколпіонъ) средней величины; небольшая орнаментированная чашечка; 7 круглыхъ бляшекъ съ отверстіями въ срединѣ; миніатюрный кинжальчикъ съ дырочкой; кольцо изъ мѣдной бляхи; два предмета неизвѣстнаго назначенія. Кладъ этотъ пострадалъ отъ огня, нѣкоторыя вещи испорчены, а нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ расплавилось и слилось въ одну массу. Найденъ онъ недалеко отъ вала, съ юго-восточной стороны горы на глубинѣ 6—7 вершковъ, чѣмъ объясняется и то обстоятельство, что огонь досталъ вещи; кладъ найденъ прямо въ землѣ безъ всякой посуды. Второй, менѣе богатый кладъ, найденъ въ небольшомъ черепяномъ кувшинѣ съ той же стороны горы и на такой же глубинѣ; онъ состоитъ изъ слѣдующихъ серебряныхъ вещей: 5 замкообразныхъ серегъ; 19 серегъ кіевскаго типа разныхъ рисунковъ; 16 серегъ изъ толстой проволоки, завернутой кольцомъ; пять шестиугольныхъ слитковъ—гривенъ кіевскаго типа; кромѣ этихъ серебряныхъ вещей еще только одна золотая серьга кольцомъ изъ тонкой проволоки. Третій кладъ, найденный безъ всякой посуды все съ той же стороны и на такой же глубинѣ, заключаетъ лишь серебряныя вещи: 33 гладкія проволочныя серьги; 7 серегъ кіевскаго типа; гладкое сереб-

ряное кольцо и серебряный перстень. Четвертый кладъ, найденный съ той же стороны при отверстіи печи, состоитъ изъ 19 гладкихъ проволочныхъ серегъ. То обстоятельство, что клады найдены на такой незначительной глубинѣ, указываетъ на поспѣшность съ какою онѣ были схоронены; три изъ нихъ, найденные безъ посуды, вѣроятно были сложены въ платки и въ такомъ видѣ зарыты. Обиліе въ одномъ и томъ же кладѣ многихъ одинаковыхъ украшеній даетъ основаніе предположить, что клады принадлежали не одному лицу, а нѣсколькимъ, и можетъ быть составляютъ имущества цѣлыхъ семей. Присутствіе въ одномъ изъ кладовъ гривенъ намекаетъ на профессію обладателя клада, именно, на профессію торговца. Другіе предметы уже прямо указываютъ на классъ ремесленниковъ, каковы напр. гончари, кузнецы, плотники и др.

Единственный изъ обрядовъ, остающійся изслѣдователямъ отъ исчезнувшаго народа, есть обрядъ погребенія. При нашихъ раскопкахъ на Княжей Горѣ только въ пяти случаяхъ найдены цѣлые, нетронутые скелеты. Два костяка обнаружены съ юго восточной стороны; одинъ изъ нихъ лежалъ головой на сѣверо-западъ, на разстояніи 5-ти метровъ отъ раздѣльнаго бугра, въ узкой ямѣ, на глубинѣ 1,35 мет. отъ поверхности; другой— въ такой же узкой ямѣ, на глубинѣ 1,2 мет. и на 2,6 мет. отъ бугра, головой на юго-западъ, руки у него были сложены на груди. Три остальные скелета найдены съ сѣверо-западной стороны, на глубинѣ около 1 мет. и на разстояніи 1,4 мет. отъ бугра; лежали они такъ, что голова одного приходилась у ногъ другого; головы на юго-западъ; руки у всѣхъ положены на грудь. Нахожденіе этихъ скелетовъ на горѣ среди бывшихъ жилищъ, построенныхъ очень тѣсно, затѣмъ то обстоятельство, что трупы были зарыты неглубоко, показываетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ нормальнымъ обрядомъ погребенія, всѣ эти признаки указываютъ на поспѣшность погребенія, вынужденную быть можетъ осадой, когда не было возможности схоронить мертвыхъ за валомъ.

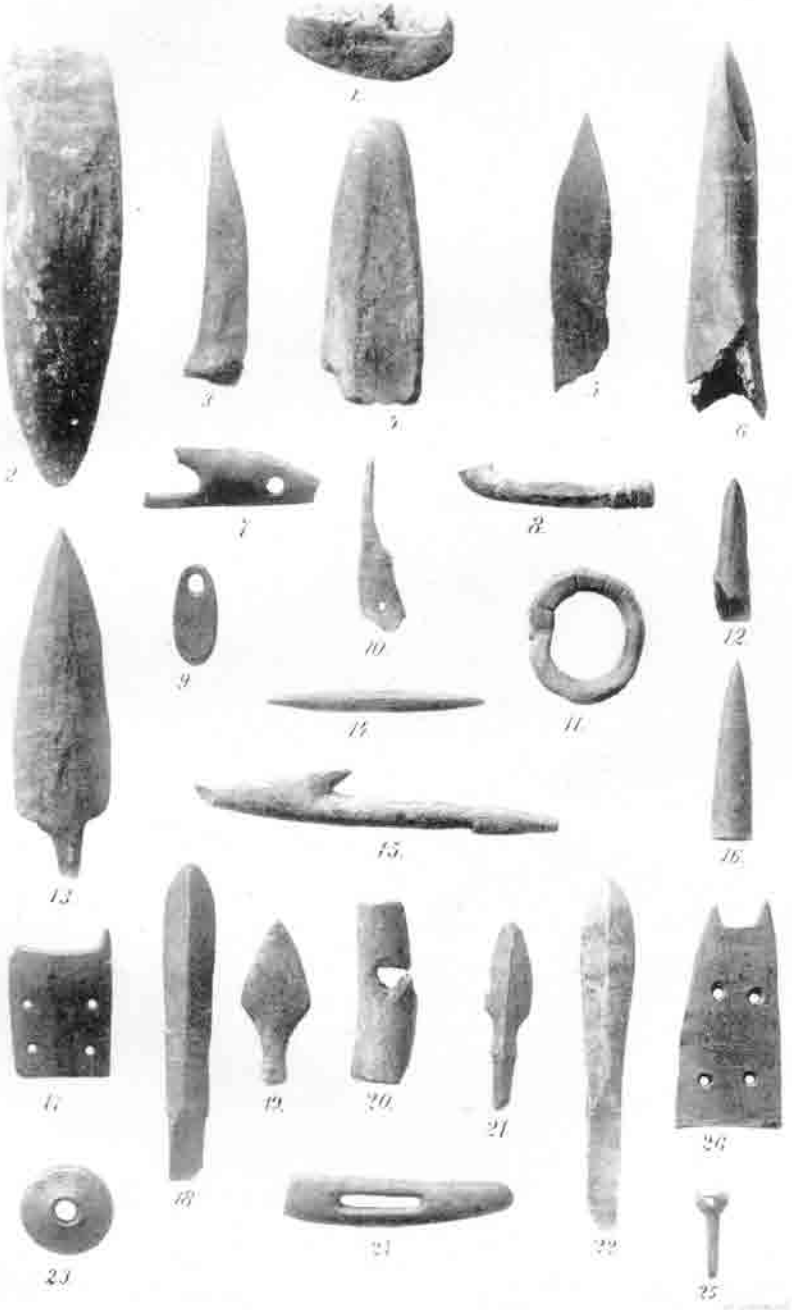
Въ общемъ мы должны признать, что поселокъ на Княжей Горѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время своего суще-

ствованія, достигъ сравнительно высокой степени культуры. Даже на самыхъ незначительныхъ вещичкахъ сказывается стремленіе къ изящному, которое въ укашеніяхъ достигаетъ полнаго развитія. Изъ другихъ, болѣе мелкихъ, чертъ характера жителей Княжей Горы отмѣтимъ большую религіозность, на что указываютъ многочисленные кресты и образки; затѣмъ, пожалуй еще домовитость въ одномъ изъ ея проявленій, именно, въ заботѣ о цѣлости своего добра, такъ какъ найденные замки составляютъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ отдѣловъ, что однако, съ другой стороны, не особенно говоритъ въ пользу строгой нравственности жителей поселка.

Жизнь поселка, прошедшая нѣсколько ступеней развитія и достигшая извѣстной полноты и разнообразія, была внезапно прекращена. Разрушеніе поселка, сопровождавшееся пожаромъ, произошло вѣроятно въ половинѣ XIII ст., такъ какъ большинство найденныхъ предметовъ относится именно къ этому времени.

Что касается того, съ какимъ собственно поселкомъ мы имѣемъ дѣло на Княжей Горѣ, то вопросъ этотъ вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Съ одной стороны, географическое положеніе указываетъ на городъ Родню, съ другой же, кромѣ единственнаго лѣтописнаго упоминанія о Роднѣ подъ 980 г., мы не имѣемъ никакихъ лѣтописныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей, несомнѣнно существовавшей и развивавшейся жизни этого поселка. Быть можетъ, вопросъ этотъ объясняется вообще неполнотой свѣдѣній въ нашей первоначальной лѣтописи.

Ник. Бѣляшевскій.

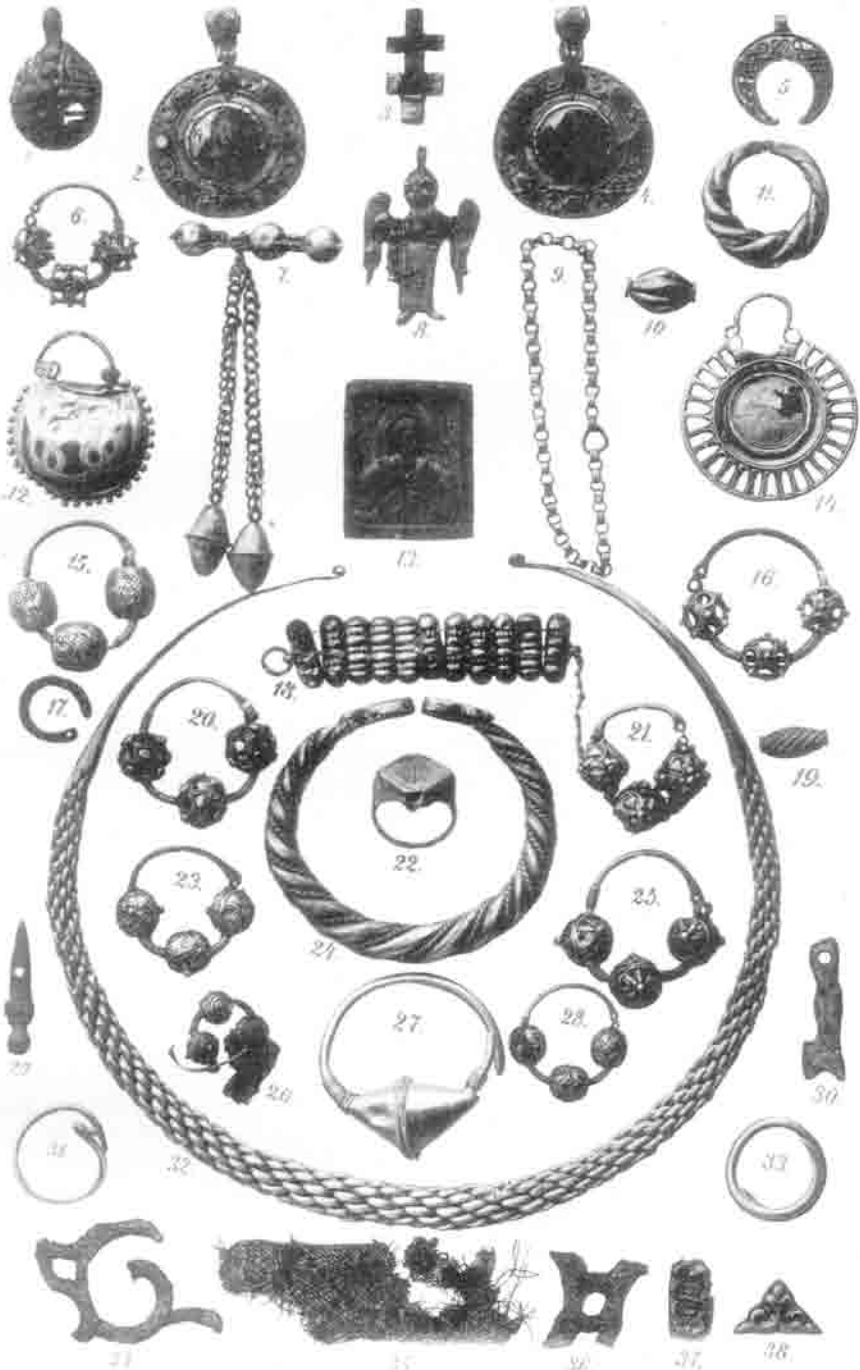


Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Въ $^1/_2$ натуральн. величины.

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.

Таблица II.



Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Въ $^1/_2$ натуральн. величины.

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУМЪ.

(По поводу статьи г. Равиты о думахъ).

Въ польскомъ литературно-художественномъ еженедѣльникѣ „Тыгодникъ“ (Варшава) за 1890 г. намъ пришлось познакомиться съ довольно любопытной въ извѣстномъ смыслѣ статьей г. Ф. Равиты „Думы“ (№№ 16, 17, 18 и 19), гдѣ авторъ пытается между прочимъ рѣшить вопросъ о томъ, что такое малорусская дума въ ея существѣ, какова ея древность, въ чемъ заключались причины ея появленія. Съ нѣкоторыми особенностями взглядовъ г. Равиты мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей и кстати указать степень основательности этихъ взглядовъ и права ихъ на научное вниманіе.

Статья начинается любопытнымъ признаніемъ автора, что польская литература „очень мало занимается литературою родственныхъ народовъ“, что прежде всего невыгодно отзывается на ней же самой. Этотъ укоръ современному польскому обществу весьма справедливъ: кто не знаетъ глубокаго равнодушія поляковъ (я говорю о *господствующемъ* въ польскомъ обществѣ теченіи) къ инославянскимъ изученіямъ. По отношенію къ русскимъ вообще, а въ частности къ малоруссамъ такое отношеніе еще непонятнѣе, еще непростительнѣе, и г. Равита совершенно вѣрно заявляетъ, что поляки и русскіе, живя бокъ о бокъ, часто даже одною государственною жизнію (какъ во время Рѣчи Посполитой—поляки, малороссы бѣлоруссы, теперь въ Австріи—поляки и червоноруссы, а въ Россіи—поляки и всѣ три русскихъ племени), не могли не вліять другъ на друга

въ племенномъ, общественномъ и культурномъ отношеніи, а между тѣмъ факты такихъ взаимныхъ вліяній и воздѣйствій все еще не выяснены...

Въ частности, разбирая вопросъ о малорусской народной поэзіи, г. Равита болѣе или менѣе полную самородность и самобытность усвояетъ только одному ея отдѣлу—думамъ; только этотъ отдѣлъ пѣсенъ онъ считаетъ полнымъ выразителемъ духа и всего душевнаго склада южнорусскаго народа. Преклоняясь предъ художественною силою думъ, малорусской эпикѣ 18 и 19 вв. онъ не придаетъ почти никакого поэтическаго значенія, отнимая у нея „свѣжесть, силу и другія черты артистическаго творчества".

Обстоятельство это онъ объясняетъ тѣмъ, что народъ, подобно пташкѣ пѣвчей, творитъ лишь при условіи извѣстной свободы въ культурныхъ, общественныхъ, экономическихъ и проч. отношеніяхъ. Мысль эта, если даже и признать ея справедливость съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями, можетъ однако быть отнесена лишь къ 19 вѣку, но едвали къ 18, когда еще происходили и стычки съ татарами, и частыя войны съ турками, въ коихъ южнорусское козачество играло далеко не послѣднюю роль, и разныя другія обстоятельства, которыя должны были, напротивъ, будить народную мысль и чувство, напр.: коліивщина. Убійственной для духа народнаго работѣ козаковъ на каналахъ г. Равита придаетъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ преувеличенное значеніе, да наконецъ не одна же эта работа заполнила собою весь 18 вѣкъ!...

Противорѣчивыя мысли мы встрѣчаемъ въ общемъ мнѣніи г. Равиты о присущей будто-бы единственно лишь думамъ самородности и самобытности въ области южнорусской народной поэзіи. Настаивая неоднократно на такой самородности и самобытности, онъ однако самъ же заявляетъ и о томъ, что бандура, или кобза—вовсе не исключительно южнорусское музыкальное орудіе и ссылкою на мнѣніе извѣстнаго слависта Миклошича доказываетъ, что это орудіе было извѣстно не только грекамъ и римлянамъ, а позже болгарамъ, чехамъ, даже полякамъ, но и турецко-татарскимъ племенамъ, между прочимъ и

мадьярамъ; что, будучи ассирійскаго происхожденія, бандура перешла въ Южную Русь изъ многочисленныхъ греческихъ поселеній на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Думы, по мнѣнію г. Равиты, тоже по своему происхожденію стоятъ въ тѣсной, непосредственно преемственной связи съ пѣснями древнихъ греческихъ рапсодовъ; особенности этихъ пѣсенъ были будто-бы усвоены населеніемъ южной Руси главнымъ образомъ въ византійскій періодъ русской исторіи, и къ таковымъ особенностямъ, перешедшимъ въ южнорусскія думы, онъ относитъ, наприм., ритмическую форму стиха и способъ декламаціи при помощи скандованія. Позднѣйшее козачество нашло въ нихъ уже готововую этическую форму, въ которую и вложило содержаніе своей поэзіи, въ видѣ изображенія героическихъ сторонъ своей жизни, которыя оно нашло нужнымъ увѣковѣчить при помощи существовавшей уже до того думы! Въ одномъ мѣстѣ (295 стр.) онъ даже прямо утверждаетъ, что „думы въ собственномъ значеніи этого слова,—вовсе не пѣсни, а лишь декламація, речитативъ, возглашаемый и звучавшій *такъ же точно*, какъ и у греческихъ пѣвцовъ (dumy... wygłaszane tak samo, jak się wyglaszały rapsody greckie). Помимо отмѣченнаго уже нами противорѣчія, въ этихъ мысляхъ слишкомъ много преувеличенія, что́, конечно, броситься въ глаза всякому, кто имѣетъ хоть какое нибудь понятіе о предметѣ! Можно ли въ самомъ дѣлѣ серьезно говорить о „способѣ декламаціи при помощи скандованія“, будто бы перенятомъ южнорусскими кобзарями отъ греческихъ рапсодовъ? Какое-такое скандованіе нашелъ авторъ въ нашихъ думахъ? Развѣ не ясно для всякаго, что стихосложеніе думъ основано вовсе не на метрическомъ, а на чистомъ тоническомъ началѣ? Что стихи думъ, при всей ихъ вольности въ смыслѣ величины (я говорю о неодинаковой длинѣ стиховъ, что составляетъ въ думахъ обычное явленіе) то и дѣло риѳмуются между собою, что можно даже наблюдать въ нихъ чередованіе удареній, хотя и въ зачаточномъ состояніи? Слишкомъ рисковано, наконецъ, искать возникновенія думъ въ византійскомъ періодѣ русской исторіи, такъ какъ почти не имѣется (за исключеніемъ развѣ „Слова о полку

Игоревѣ“) предшествующихъ, подходящихъ къ дѣлу, явл
Вообще мнѣнія г. Равиты о тѣсномъ, непосредственномъ
исхожденіи думъ отъ греческихъ рапсодій кажется намъ сл
комъ ужъ мало состоятельнымъ... Повидимому и самъ ав
не очень то увѣренъ въ правдоподобности этого своего мнѣ
по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ (295 стр.) онъ, на
ственный же вопросъ: какъ пѣли бандуристы (древніе п
шественники козацкихъ кобзарей?) отвѣчаетъ: не знаемъ и
когда не узнаемъ! (Nie wiemy i nie będziemy nigdy wiedzi
такой отвѣтъ является однако же довольно страннымъ,
припомнить его же предположеніе, что бандуристы суть
мые преемники греческихъ кобзарей съ ихъ „декламаціею
помощи скандованія“.

Изъ другихъ мнѣній г. Равиты, неосновательныхъ
даже невѣрныхъ, отмѣтимъ еще одно, бросающееся прямо
глаза своею странностію и рѣшительно неизвѣстно на ч
основанное. Онъ утверждаетъ, что сѣвернорусскія былины
заключаютъ въ себѣ ничего изъ древнихъ южнорусскихъ т
дицій, кромѣ именъ великокняжескаго времени! (do bylin, opr
nazwisk z wielkoksiążęcej epoki: Władimir, Krasnoje Sołnysz
Dobrynia i t. d. nic się więcej nie dostało). Можно ли быть
такой мѣрѣ мало знакомымъ съ этимъ вопросомъ, принима
за такую задачу, какъ опредѣленіе законовъ происхожде
произведеній народнаго творчества? (Статья г. Равиты озагл
лена очень притязательно для общедоступнаго еженедѣльн
изданія: „Очерки изъ исторіи народнаго творчества“).

Кто же не знаетъ, что взгляды народа на князя Вла
міра—Красное Солнышко въ былинахъ находятъ себѣ по
полное подтвержденіе въ лѣтописяхъ, что былинный Владим
является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ двойникомъ лѣтописна
Такъ, напр., сущность отношеній лѣтописнаго Владиміра
дружинѣ отразилась и въ былинахъ, гдѣ отношенія Владим
Красна Солнышка къ богатырямъ имѣютъ тотъ же патріа
хальный характеръ. Въ дружину могъ попасть всякій „муж
(не „мужикъ“: этотъ оставался при своихъ деревенскихъ д
лахъ), была бы въ немъ только сила и храбрость, и къ Кра

ну Солнышку отовсюду собираются и извѣстные, и неизвѣстные богатыри, привлекаемые его ласковостію, его „почесными“ пирами, любовью къ которымъ отличался и лѣтописный Владиміръ. Былинный Владиміръ Красное-Солнышко набоженъ и часто бываетъ „у обѣденьки церковныя“; у лѣтописнаго князя Владиміра—христіанина набожность тоже является преобладающею чертою. Даже пресловутая трусость былиннаго Красна-Солнышка находитъ себѣ объясненіе въ той неохотѣ къ военнымъ походамъ, какую мы замѣчаемъ въ лѣтописномъ Владимірѣ-христіанинѣ, и въ тѣхъ неудачахъ, какія иногда случались съ нимъ (вспомнимъ, напр., его войну съ Печенѣгами, когда ему пришлось разъ даже укрываться отъ врага подъ мостомъ, гдѣ и былъ данъ имъ обѣтъ построить, въ случаѣ спасенія, церковь!).

Такихъ сопоставленій можно было бы привести еще немало, но и приведенныхъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, какъ неосновательно указанное мнѣніе г. Равиты о былинахъ, и какъ онъ, повидимому, самъ мало освѣдомленъ въ вопросахъ о происхожденіи и характерѣ разныхъ видовъ русскаго народнаго творчества, безъ чего однако едва ли можно пускаться на такой утлой ладьѣ въ безбрежное море „очерковъ изъ исторіи народнаго творчества“.

А. Степовичъ.

ГЕТМАНЪ МАЗЕПА и ОСТЕРСКІЯ ОБЩІЯ ЗЕМЛИ.

(Изъ исторіи землевладѣнія въ лѣво-бережной Украинѣ).

Помѣщаемый ниже универсалъ гетмана Мазепы показался намъ не лишеннымъ интереса въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны, онъ представляетъ собою небольшую, но характерную страничку изъ исторіи той борьбы городовъ и селъ съ монастырями за земли, которая началась еще въ XVII в. и затѣмъ красною нитью проходитъ чрезъ всю исторію Малороссіи XVIII в.; съ другой,—онъ яркими чертами обрисовываетъ намъ и организацію власти и управленія, и ту крайнюю неопредѣленность компетенціи власти, предѣловъ ея дѣятельности и правъ, которыя существовали въ Малороссіи XVII и XVIII в. Мы займемся универсаломъ лишь съ точки зрѣнія поземельныхъ отношеній.

Въ мѣстности, къ которой относится нашъ документъ, борьба городовъ и селъ за земли получила особенно рѣзкій характеръ, вслѣдствіе пріобрѣтенія здѣсь, въ области кіевской и остерской сотень, монастырями громадныхъ пространствъ земли. Почти вся полоса земли по Днѣпру отъ Десны до границъ нынѣшней черниговской и полтавской губ., и даже далѣе къ югу, находилась въ рукахъ то Кіево-Печерской лавры, то Межигорскаго, то Михайловскаго, то Братскаго монастырей и т. д., пріобрѣвшихъ ее, главнымъ образомъ, путемъ дареній или и просто купли (какъ напр. с. Чернинъ со всѣми угодьями, которое продалъ Межигорскому монастырю Скуминъ Тышкевичъ въ началѣ XVII в.[1]).

[1]) См. Рум. опись, документы остерской сотни, т. 8, № 1, 2, 3 и сл.

Если границы, отдѣлявшія имѣнія одного монастыря отъ другого и были (какъ видно изъ документовъ) проведены болѣе или менѣе точно, то нельзя сказать того же о восточныхъ границахъ ихъ, гдѣ они соприкасались съ землями, издавна принадлежавшими на правахъ общаго владѣнія и г. Остру, и селамъ, тянувшимъ къ нему. Здѣсь стремленіе раздвинуть предѣлы собственности до береговъ Десны и овладѣть всѣмъ пространствомъ и лѣсовъ, и полей, и сѣнокосовъ, отдѣлявшихъ монастырскія приднѣпровскія земли отъ теченія Десны, становятся рано замѣтными и выражаются въ созданіи близъ Десны небольшихъ владѣній въ видѣ оазисовъ, которые могли послужить центромъ дальнѣйшаго распространенія монастырской собственности. Но большая часть мѣстности, лежавшая по обѣимъ берегамъ Десны, съ центромъ въ Острѣ, съ незапамятныхъ временъ составляла предметъ общаго пользованія[1]) и Остра, и селъ, тянувшихъ къ остерскому замку. Въ половинѣ XVI в., какъ видно изъ люстрацій, не только с. Выползовъ (или Выползковъ), но даже Чернинъ и масса другихъ составляли одно цѣлое съ Остромъ и тянули къ нему. Если временно нѣкоторыя села (какъ Выползовъ и др.) и попадали въ пользованіе либо кіевскихъ стольниковъ (напр. Яловицкаго), либо судей земскихъ (напр. Аксака), то лишь, большею частью, пожизненно[2]), и въ XVII в. (къ 1652) многія изъ нихъ уже возвращены были вновь городу, какъ напр., то же село Выползовъ[3]). Послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, общія земли, принадлежавшія Остру, были сохранены за городомъ, и въ пользованіи его жителей и жителей селъ, тянувшихъ къ нему, находились, напр., на правомъ берегу Десны большія пространства лѣсныхъ и сѣнокосныхъ угодій, „вольныя пущи“ карпиловская, лутавская, выползовская и др. Только часть деревень мало по малу перешла въ частныя руки, благодаря раздачѣ ихъ на рангъ. Когда въ 1730 г. назначено было слѣд-

[1]) Ib., ост. сотня, документы с. Бѣликовъ и Остра, въ томѣ документовъ, относ. до городовъ и цеховъ кіевскаго полка.

[2]) Люстрація 1550 г., Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII. т. I, стр. 342.

[3]) Ib., стр. 597.

ствіе о маетностяхъ, то оказалось, напр., что села Выползовъ, Карпиловка и т. д., объявленныя было войсковыми, переходили въ XVII в., какъ ранговыя, изъ рукъ полковника Солонины въ руки знатнаго товарища Подтеребы („за службу"), затѣмъ полковника Григорія Карповича. Послѣдній, „на прошеніе монаховъ Кіево-братскаго монастыра, ордеромъ своимъ обывателемъ карпиловскимъ приказалъ, абы до монастыра Братского на опалъ дровъ привезти плитами, который ордеръ монахи Кіево-братского монастыра взявши у змѣнника Мазепи, по оному на с. Карпиловку и уѣздніе села въ подтвержденіе и въ содержаніе тѣхъ сѣлъ универсалъ мимо вѣдома полковника и старшины полковой подступно виправили" [1]). Переходъ села Карпиловки и др. въ руки монастыря, переходъ, утвержденный гетманами до Мазепы, явился именно создателемъ оазиса, вдобавокъ закрывшаго путь изъ Остра въ „вольныя пущи" остерскія. Уже въ 1686 году гетману Самойловичу, въ отвѣтъ на „суплѣку", поданную ему отъ „обывателей, козаковъ и мѣщанъ" Остра, пришлось выдать Остру охранный универсалъ. Въ виду „кривдъ", якобы учиняемыхъ „отцомъ ректоромъ и игуменомъ братскимъ кіевскимъ", а именно отнятія у Остра „кгрунтовъ старинныхъ, полей, сѣножатей и пущи", гетманъ заявляетъ, что онъ не давалъ „полювъ, сѣножатей и лѣсовъ острянскихъ пречетному отцу ректору", и потому постановляетъ, чтобы „онъ (ректоръ) не мѣлъ ихъ въ томъ кривдити" и чтобы остряне пущу и др. угодья „заживали и теперъ, якъ и здавна" [2]). Но, видимо, универсалъ оказалъ мало дѣйствія, ибо и новому гетману, Іоанну Мазепѣ, опять пришлось вѣдаться съ тѣми же жалобами. И болѣе всего жалобъ вызывало то обстоятельство, что монастырь неизвѣстнымъ намъ путемъ пріобрѣлъ с. Выползовъ, чрезъ который шелъ главный путь въ „вольныя острянскія пущи". Уже въ 1689 году протесты и жалобы жителей и старшины Остра

---

[1]) Слѣдствіе о маетностяхъ, кіевскій полкъ, f° 4—5. На владѣніе этими селами монастырь получилъ и утвердительную Высочайшую грамоту отъ царей Іоанна и Петра 1694 г. Р. О. докум. остерской сотни, т. 7, док. с. Карпиловки.

[2]) Универсалъ 1686 г. іюля 8 дня, Р. О. документы относ. до городовъ и цеховъ кіевскаго полка.

и остерской сотни, вынудили Мазепу издать по вопросу о Выползовѣ новый универсалъ [1]).

Новый гетманъ принялъ въ началѣ сторону Остра, призналъ справедливою „суплѣку“ его, „жебы село Выповзовъ, здавна къ городовѣ вашему належное, по прежнему знову ваше было для спокойного уезджаня въ пущу, за тымъ селомъ найдуючуюся, і для безпечного уживаня всякихъ грунтовъ і хуторовъ въ томъ селѣ маючихъ“. Онъ обратился даже къ игумену и ректору братскаго монастыря съ просьбой уступить село В. жителямъ Остра. Но „жадане“ его не имѣло успѣха. Игуменъ на отрѣзъ отказался отъ уступки, и гетману пришлось лишь оградить права и опредѣлить обязанности обѣихъ сторонъ. Монастырь,— такъ было постановлено Мазепой,—„повиненъ самими *тилко тяглими тамошними людми* виползовскими *владѣти*, а козакамъ тамъ живучимъ і вамъ всѣмъ, хтоли колвекъ якіе маетъ въ селѣ хуторѣ, кгрунта, фолварки і всякія угодія, жадного утиску і перешкоди чинити, также і до пущи здавна городовѣ вашему прислушаючой уежджати не маетъ забороняти“.

Повидимому „справа“ о пущѣ должна была закончиться, но универсалъ Мазепы также мало обезпечилъ права острянъ, какъ и универсалъ его предшественника. „Чиненіе“ препятствій и „утисковъ“ со стороны управителей монастырскихъ, и карпиловскаго, и выповзовскаго, не только не прекратилось, но еще болѣе усилось, вызывая новыя и еще болѣе энергическія жалобы. И это тѣмъ болѣе, что монастырь сталъ ссылаться на разрѣшеніе, данное ему тѣмъ же Мазепою, на его универсалъ, котораго, впрочемъ, онъ не предъявлялъ, ибо его у него еще не было. Видимо, отдача совершилась на словахъ. Гетманъ, по крайней мѣрѣ, сталъ увѣрять въ іюнѣ 1693 года, что уже три года тому назадъ, т. е. въ 1689—90 гг. онъ будто бы отдалъ Выповзовъ монастырю, т. е. въ то самое время, когда онъ писалъ свой универсалъ въ пользу Остра. Три года шло препирательство, три года гетмана осаждали жалобами, пока онъ не послалъ грознаго универсала, отъ 27 іюня 1693 г., который мы сообщаемъ въ пол-

[1]) Ib. Универсалъ отъ 2 января 1689 г.

номъ его видѣ, а почти два мѣсяца позже, 4 августа 1693 же года, не выдалъ универсала и монастырю. „Да тамъ же въ острицкомъ уездѣ, писалъ гетманъ остерской старшинѣ, вновь надаемъ селце, называемое Выповзовъ, *зо всѣми до него здавна належными кірунтами, полями, сеножатми, лесами и озерами*, для вспартя недостатковъ того брацкого монастиря кіевского, *позволяючи зъ него всякіе пожитки привлащати и звичайную повинность отъ тяглихъ людей мѣти*[1]). Строго предписывалъ онъ, „абы нѣхто зъ старшини войсковой и мѣской не важился помененному отцу ректору зо всею братьею въ тихъ добрахъ и въ пріисканію зъ нихъ всякихъ пожитковъ жадной наименшой трудности и перешкоди чинити".

Окончательная отдача Выповзова монастырю уже не ограничилась только тяглыми людьми, какъ то значилось въ универсалѣ 1689 года. Село отдано было съ землями и угодьями, вопреки универсаламъ и Самойловича, и самаго Мазепы, и потому даже грозный тонъ универсала не содѣйствовалъ дѣлу умиротворенія. Противорѣчивыя распоряженія лишь усиливали обостренность борьбы, такъ что въ 1694 году оказалось необходимымъ послать цѣлую коммиссію для улаженія отношеній, запутанныхъ двойственною политикой гетмана[2]). Были призваны обѣ стороны, „острянскіе" жители и чернцы братскаго монастыря, и вотъ что обнаружилось при разборѣ спора коммиссарами. Жители Острa предъявили универсалы Самойловича 1686 г., Мазепы 1689 и 1693 (іюня 27 дня), въ силу которыхъ права ихъ на выповзовскую пущу были, повидимому, поставлены внѣ всякихъ сомнѣній. „Волній и безпечній въ пущу выповзовскую по дерево вступъ, ведлугъ стародавняго уживаня, безъ жадное одъ отцевъ братскихъ перешкоди" вытекалъ всецѣло изъ предъявленныхъ актовъ. Но намѣстникъ монастыря, отецъ Парѳеній Родовичъ, и городничій карпиловскій, отецъ Лазарь Тарасовскій,

---

[1]) Р. О., докум. остерской сотни, т. 7 док. с. Карпиловки.

[2]) Два акта этой коммиссіи, одинъ, исключительно относящійся до выповзовской пущи, отъ 24 окт. 1694 г., и второй, касающійся и другихъ спорныхъ пунктовъ, перевоза на Деснѣ и т. д. (1694 4 сентября), находятся въ Р. О., докум. относящ. до городовъ и цеховъ кіевскаго полка.

„продуктовали“ въ свою очередь универсалъ того же гетмана Мазепы и тоже несомнѣнно утверждавшій и ихъ права. Мазепа, какъ мы знаемъ, выдалъ монастырю универсалъ отъ 2 августа 1693 г. То былъ единственный универсалъ, который 70 лѣтъ позже могъ предъявить монастырь, когда документы такого рода были потребованы Румянцевымъ. Въ 1730 г., какъ мы тоже видѣли, „подступно“ взятый универсалъ не былъ предъявленъ, и въ слѣдствіи о маетностяхъ отмѣчено: „а якого году универсалъ, о томъ не показалы“ [1]). Членамъ коммиссіи былъ предъявленъ универсалъ Мазепы отъ 14 іюня 1693 г., универсалъ, слѣды котораго затѣмъ исчезаютъ, но о которомъ коммиссары сообщили слѣдующее: „а той универсалъ дванадцями днями датою упредилъ унѣверсалъ послѣдній острянскій; о которомъ унѣверсалѣ, братству кіевскому данномъ, острянамъ і всему полку кіевскому всякое кондиціи людемъ вступъ по дерево не только до пущи карпиловское і лутавское, але і до пущи виповзовское забороняетъ і запрещаетъ“ [2]).

Остерской старшинѣ, козакамъ, мѣщанамъ и поспольству остерскому въ виду этого оставалось подчиниться рѣшенію коммиссаровъ и принять съ совершенно неожиданными ограниченіями „вѣчное постановлене“, а именно, что „острянамъ не толко до пущи виповзовское по всякое дерево волній вступъ и произдъ безъ докладу, але и до карпиловское и лутавское пущи *по лежачое дерево и по сухое* волній также *безъ докладу виздъ* маетъ бити, а *по дерево* зась *сирое* и на *будиноѣ зложое* до карпиловское и лутавское пущи *повинни будутъ остряне.... зъ докладу городничого карпиловского вжижджати и дерево рубати; а без докладу кождій такое дерево рубаючій грабежови подпадаетъ и подлѣгаши маетъ, а если би таковой чоловѣкъ и таковое дерево рубаючій не далъ себе в лѣсѣ албо на дорозѣ постиженій пограбити, таковаго передъ судъ належній запозвати городничому волно будетъ, а судъ слушную и неодволочную справедливость учинити повиненъ*, подъ закладомъ на кождого сее постановлене доброволне ломаючого до скарбу войскового тысячу золотих“.

[1]) Слѣдствіе о маетностяхъ, кіевскій полкъ. f° 5.

[2]) Р. О, циг. выше актъ коммиссіи.

Какъ сложились дальнѣйшія отношенія между монастыремъ и жителями Остра, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Но, несомнѣнно, они не улучшились, несмотря на „вѣчное постановлене“. Тридцать четыре года спустя, въ 1728 году, гетману Даніилу Апостолу пришлось вновь разбирать „справу“ между монастыремъ и острянами. Слѣдуя старымъ обыклостямъ, городничій карпиловскій, отецъ Іезекіиль, сталъ „заборонять острянамъ свободной уиздъ в пущу“, что и вызвало новое разбирательство спора коммиссарами, присланными какъ со стороны ректора, отца Иларіона Левицкаго, такъ и отъ полковника кіевскаго, Танскаго. Разбирательство привело къ „вѣчному постановленю“, но уже съ новыми добавленіями, показывающими, что споръ между монастыремъ и Остромъ принялъ болѣе широкіе сравнительно съ прежнимъ временемъ размѣры. Было повторено вновь все то, что постановлено и въ 1694 г. относительно дровъ и строевого лѣса. Но устраненъ былъ совершенно какой либо платежъ и датокъ со стороны острянъ за право рубить строевой лѣсъ (его, этотъ платежъ, очевидно, старались ввести). Затѣмъ дозволено было козакамъ и др. жителямъ „палити уголя без докладу“, а также „рыбалкамъ по поймамъ риби уловити на московскомъ островѣ, лежачомъ за Десною, поневажъ тотъ островъ остерскій“ [1]).

Что касается до правъ собственности на земли, лежавшія вокругъ Выповзова, т. е. именно тѣ, изъ за въѣзда въ которыя шла борьба и часть которыхъ одно время была пожалована Мазепой монастырю, то ихъ удалось удержать козачамъ и мѣщанамъ Остра за собою. По крайней мѣрѣ во время составленія „Описи“ въ 1766 году, монастырь, посылая вѣдомость тяглымъ людямъ своимъ, живущимъ въ Выповзовѣ, не отмѣтилъ никакихъ земель, которыя бы принадлежали ему. „Въ томъ селе монастырскомъ, говорится въ Описи..., никакихъ монастырскихъ принадлежностей нетъ, и именно поля пахатного, заросльхъ лесомъ земель..., вигонныхъ для скота местъ, рибнихъ ловель, футоровъ, лесовъ къ строенію годнихъ и дровя-

[1]) Р. О., документы, относ. до городовъ и цеховъ Кіевскаго полка.

ныхъ, сеннихъ покосовъ нетъ". Въ селѣ сидѣли только одни монастырскіе крестьяне (33 двора), да два козака. Весь доходъ монастыря составляли, во первыхъ, денежные взносы съ крестьянъ, во вторыхъ, барщина, которую крестьяне были обязаны выполнять въ пользу монастыря. Сумма взносовъ составляла 22 р. 60 к. въ годъ со всѣхъ дворовъ, а панщину отбывалъ среднимъ числомъ по 4 дня въ недѣлю каждый дворъ.

4-го декабря 1891 г.

И. Лучицкій.

1693.

Їхъ царского пресьвѣтлого величества войска запорожского гетманъ Иоанъ Мазепа.

Всѣмъ обще обывателемъ полку Киевского, яко войсковому товариству, такъ и посполитимъ людемъ, а особливе города Остра и города Козелця сотникомъ, атаманомъ, войтомъ и всѣмъ жителемъ ознаймуемъ, ижъ донесена перед нас суплѣка ваша, в которой ви прозбу свою и предложене виражаете, абисмо ми, гетманъ, села Виповзка законникамъ брацкимъ во власть не давали, именуючи великую собѣ быти в томъ кривду и шкоду, если бы оное село од мѣста Остра одийти мѣло, особливе будто до пущи волной чрезъ тое загорожена вам будет дорога. Для чего з великим прилежанием договоруетеся у насъ того, щобъ тое село при городѣ Острѣ непремѣнно было захорано. Дивуемся теди ми велце тому вашому дерзновенію, же ви такою своею прикрою суплѣкою намъ докучати смѣете, хотячи нашу гетманскую в зуполной владзи будучую по своей хотѣ уняти волю. А зась намъ невольно учинити того, що укажетъ нашъ рейментарскій здоровій розсудокъ и респектъ? Сами то признаваютъ розумние люде, же то рѣчъ добрая и хвалебная, ижъ з давнихъ часовъ цари и князи и иніи земскіи владзци и панове мѣстцы і месца святіи наданями своими ущедрали і убогачали. А для чого ж би теперъ, за рейменту нашого, не мѣло тое дѣятися, що естъ прилично и пожиточно не тилко до пондори, але и до розширеня хвали бжой? За такую теди вашу прикрую суплѣку, ижъ ви волю нашу зневолити усилуете, годилося било намъ сихъ вашихъ посланнихъ зневажити и до васъ отписати сурово, лечъ, якъ вѣдаемъ, же не з совѣта всего

вашего товариства і посполства, але од кілкохъ особъ тое дѣется, которихъ часу своего обличити въ том не занехаемъ. І, такъ бачним разсужденіемъ нашимъ все тое вам покриваючи, ласкаве до вас одписуемъ, нехай вамъ вѣдомо будетъ, що уже тому лѣтъ три, якъ ми тое село Виповзокъ офѣровали на мнстирь брацкій, але для того до сего часу еще им не подавали в поссесію, же било потребно намъ оное для випроваженя деревнѣ до потребной до мурованя церквей брацкой і пустинно николской. Яко теди негодится намъ того слова нашего одмѣнити, такъ муситъ тое село бити во власти мнстира оного брацкого. Однакъ, яко тилко самыхъ людей того села тяглихъ имъ подаемъ в послушенство, а лѣсовъ и боров вашихъ острицкихъ і полковихъ до того села имъ неодводилисмо і не одграничилисмо, такъ ви не маете себѣ тим турбовати, жеби пущи до города Остра і всего того полку кіевского належной они, законники, в потребахъ вашихъ боронити вамъ мѣли, яко жъ не машъ у нихъ столко сили, аби в томъ вамъ перечили, а до того і ми волѣ іхъ в томъ разширатися недопустим. Якою теди пущею перед сімъ ви до города Остра и до всего полку пожитковали, тоей и тепер без жадной трудности можете заживати, чого будте певне надежни. Що предложивши, зичимъ вам всѣмъ доброго од Господа Бога здоровя. Данъ въ Батуринѣ, юня 27 дня 1693 року.

Звишменованій гетманъ рукою власною (М. П.).

(Румянцевская опись, документы къ исторіи городовъ и цеховъ кіевскаго полка, рукоп. библіотеки университета св. Владиміра).

„Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ, собранныя 1776 года".

(РУКОПИСЬ А. И. ЧЕПЫ).

Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій въ своей разнообразной дѣятельности за время своего свыше тридцатилѣтняго (1764—1796 г.г.) управленія Малороссіей, въ званіи президента малороссійской коллегіи и затѣмъ кіевскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго генералъ-губернатора, обратилъ между прочимъ вниманіе и на народныя суевѣрія и сталъ принимать строгія мѣры противъ, такъ называемыхъ, чародѣевъ, наиболѣе способствовавшихъ, конечно, укорененію суевѣрій въ народной массѣ. Сталъ онъ такъ поступать въ первые же годы своего управленія, несмотря на то, что, при назначеніи своемъ на должность малороссійскаго генералъ губернатора, онъ былъ поставленъ въ исключительно трудныя условія: Румянцевъ принялъ новую должность въ замѣнъ уничтоженной гетманской власти, а такъ какъ въ Малороссіи оставалось не мало поклонниковъ бывшей гетманщины, то онъ долженъ былъ на своемъ лицѣ вынести всѣ непріязненныя чувства и придирчивыя требованія, которыми обыкновенно сопровождается ломка государственныхъ учрежденій» [1]).

Уже весною 1767 года былъ опубликованъ и разосланъ два раза—19 марта и 2 апрѣля—въ полковыя канцеляріи указъ малороссійской коллегіи, которымъ предписывалось «публиковать вездѣ, дабы всякъ проѣзжающій и проходящій имѣлъ крупную осторожность отъ такихъ злодѣевъ, которые напаиваютъ людей нѣякимъ ядовитымъ питьемъ и сыскивать такихъ между шатающимися безпашпортными и проѣзжающими по какимъ либо пашпортамъ, не будетъ ли кто гдѣ та-

[1]) Чтенія въ истор. общ. Нестора Лѣтописца. Кн. 5, отд. III, стр. 93.

кого зелія и питія составлять, прилежно присматривать, а за поимкою представлять на уряды къ поступленію по законамъ и правамъ, обѣщая таковому, кто такого злодѣя или таковыя зелія составляющаго объявитъ и обличитъ, 20 злотыхъ вознагражденія».

Очевидно, что у этихъ «злодѣевъ», пользовавшихся въ своей предосудительной дѣятельности пріемами чародѣевъ, было желаніе вызвать волненіе въ народной массѣ съ какими-либо тайными цѣлями.

Если мы вспомнимъ современныя выше приведенному указу обстоятельства, то, быть можетъ, обнаруженная Румянцевымъ поспѣшность въ опубликованіи вышеприведеннаго указа и принятыя имъ мѣры могутъ быть съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ объяснены предположеніемъ, что пріемы чародѣйства были пущены въ ходъ съ цѣлями политическими, чтобы усилить противодѣйствіе правительственнымъ мѣропріятіямъ, вызвавъ смуту умовъ. Вотъ какъ характеризуетъ настроеніе Малороссіянъ въ эту эпоху новый ея изслѣдователь г. Теличенко.

Въ первые мѣсяцы 1767 г. [1]) «вся гетманщина сверху до низу была взволнована необыкновеннымъ для нея событіемъ: императрица Екатерина II призывала своимъ манифестомъ отъ 14 декабря 1766 г всѣ сословія Малороссіи—шляхетство, рыцарство, гражданство и земство—въ задуманную ею коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общенароднаго благоденствія. Манифестъ Императрицы вызвалъ въ Малороссіи довольно разнорѣчивые толки и всевозможныя сомнѣнія. Несмотря на дѣятельную роль и участіе новаго правителя Малороссіи, графа Румянцева, въ разъясненіи и популяризаціи содержанія Высочайшаго манифеста, послѣдній былъ далеко не всѣми понятъ въ желательномъ для вѣнценоснаго автора смыслѣ и немногіе изъ украинцевъ взглянули на него въ смыслѣ намѣренія Императрицы «возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья», какъ это было обѣщано при уничтоженіи гетманства. Предубѣжденные противъ всякихъ реформъ и новшествъ, Малороссіяне какъ бы не хотѣли понимать истиннаго либеральнаго смысла манифеста Императрицы и циркулярныхъ листовъ о выборахъ графа Румянцева, съ которыми онъ обратился по изданіи манифеста ко всѣмъ сословіямъ Малороссіи».

---

[1]) Кіевская Старина, т. XXX, стр. 164.—Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г. К. 1864. Стр. 1.

Понятно, что въ такое смутное время представителямъ оппозиціонныхъ взглядовъ было очень на руку пустить въ ходъ даже чародѣйство, чтобы увеличить броженіе, а Румянцеву необходимо было принять противъ этого энергическія мѣры, такъ какъ по культурному состоянію всѣхъ классовъ населенія тогдашней Украйны чародѣйство пользовалось правами полнаго гражданства. На правобережьи этотъ культурный «пережитокъ» [1]) до конца XVIII вѣка имѣлъ еще «свою административно юридическую санкцію [2])—въ судебныхъ процессахъ этого времени признается возможность чародѣйственнаго сношенія съ нечистымъ, или чортомъ, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, не говоря уже о менѣе важныхъ проявленіяхъ знахарской, колдовской силы, вѣра въ которую, если и потеряла теперь свою гражданственность, то все таки сохранилась въ народной массѣ въ формѣ различныхъ суевѣрій и повѣрій» [3]), и даже не въ одной только народной массѣ. Г. Ефименко отмѣчаетъ фактъ, относящійся ко времени всего за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, по поводу подозрѣнія, взведеннаго на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г., что въ Слободской Украинѣ холеру приписывали отравленію источниковъ и что *уѣздныя полицейскія власти* вполнѣ раздѣляли народное воззрѣніе на причину холеры [4]).

Чародѣйство, помимо исключительныхъ случаевъ, какъ какія-либо тайныя политическія цѣли, имѣло большое примѣненіе въ эпоху Румянцева въ Малороссіи въ обыкновенномъ житейскомъ быту при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. И противъ подвизавшихся на этомъ поприщѣ съ болѣе невинными цѣлями Румянцевъ принималъ строгія мѣры, почему 29 февраля 1776 г. былъ опубликованъ слѣдующій указъ:

«По производству въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ судахъ дѣлъ о чародѣяніяхъ видимо, что и по сіе время не истребилось между простолюдинами таково злотворство, которое хотя ничего прямо въ себѣ не заключаетъ, кромѣ одного обмана, вселяющаго въ легковѣрныя души пустое воображеніе и страхъ, однакожъ многіе изъ простолюдиновъ по вкоренившемуся о сихъ злочинствующихъ сумнѣнію страждутъ больше нежели бъ по лживымъ ихъ вымысламъ могло что-

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1891 г. Мартъ, стр. 439.

[2]) Кіевская Старина, т. XV, стр. 196.

[3]) Срв. Чубинскій. Труды этнографической экспедиціи, т. I, стр. 387 сл.

[4]) Кіев. Старина, т. VI, стр. 578 сл.

либо вредное приключиться. Я рекомендую коллегіи предписать судамъ генеральному и всѣмъ гродскимъ, такожъ и полковымъ канцеляріямъ, что естьли-бъ кто гдѣ могъ быть примѣченъ въ чародѣйствѣ, таковыхъ тотчасъ забирать подъ караулъ въ суды и доходить въ чемъ состоитъ сей чародѣйственный ихъ промыслъ и какъ гдѣ оной употребляли и, открывъ ихъ враки, или лучше сказать сумасбродства строго наказывать по законамъ, употребляя удобовозможные способы сходные съ законами, таково злочиніе вовсе истребить, а легковѣрныхъ въ ихъ суевѣріи оберечь. Графъ Румянцевъ-Задунайскій. 1776 г., февраля 29, № 89».

Насколько распространено было во второй половинѣ XVIII в. по всей Украинѣ убѣжденіе въ дѣйствительности чародѣйства, можно судить по нѣкоторымъ, сохранившимся до нашего времени, дѣламъ по обвиненію въ чародѣйствѣ.

Въ 1767 и 1768 годахъ въ дубенскомъ магистратѣ тянулось дѣло, въ которомъ подсудимымъ былъ нѣкій мѣщанинъ Тимко-Середа.

Свидѣтельскія показанія, собранныя по этому дѣлу, указываютъ, что Середа занимался постоянно чародѣйствомъ; такъ, онъ былъ приглашенъ солдатомъ Лашкевичемъ приготовить такое средство, чтобы росли дѣти у Лашкевича. Онъ сварилъ какіе-то два состава, указалъ ихъ употребленіе и часть одного изъ нихъ унесъ съ собою для другой практики. Послѣ его ухода, Лашкевичъ показалъ оставленные составы какой то бабѣ, которая признала одинъ изъ нихъ надлежащимъ, а о другомъ сказала, что его не годится и въ домѣ держать.

Главное же обвиненіе противъ Середы состояло въ томъ, что онъ сообщилъ мѣщанкѣ Духинской какой-то составъ, которымъ она облила мельника Карпа, когда тотъ въ совершенно пьяномъ видѣ лежалъ безъ чувствъ на дорогѣ, вслѣдствіе чего Карпъ получилъ параличъ обѣихъ ногъ. Свидѣтели показали, что самъ Середа похвалялся, что онъ произвелъ болѣзнь Карпа. Онъ говорилъ многимъ свидѣтелямъ: «заработалъ я въ этомъ дѣлѣ 8 злотыхъ... Я, по просьбѣ Яцька Мельника, отнялъ ему ноги... Бѣсъ его не возьметъ, а до пояса отниметъ у него движеніе, потому-что меня Яцько Мельникъ просилъ, чтобы онъ пересталъ ходить...» Приговоръ магистратскій въ актовой книгѣ не записанъ [1]).

Весною того-же 1767 г. жившій въ Кіевѣ иностранецъ, Мартынъ Шеферъ, пришелъ къ капитану Соловкову, вѣдавшему поселив-

[1]) Матеріалы этнограф. etc., т. I, вып. 2, стр. 335 сл.

шихся въ Кіевѣ иностранцевъ, съ жалобой на свою жену, Аксинью Григорьеву, мѣстную уроженку, что она производила де надъ нимъ чародѣйство. При произведенномъ дознаніи выяснилось, что Аксинья дѣйствительно однажды говорила, что хотя де она намѣрена была очаровать своего мужа, но не очаровала, а въ другой разъ хвалилась, бьючи рука объ руку, что она такъ мужу своему сдѣлаетъ, что онъ не будетъ о себѣ знать, хлопецъ ли онъ или дѣвка и что она де сейчасъ пойдетъ въ квартиру и сдѣлаетъ это. Протоколъ дознанія былъ переданъ въ духовное правленіе кіево-подольской протопопіи.

Въ январѣ 1777 г. канцеляристъ Матвѣй Кудрявцевъ словесно донесъ кіевскому полиціймейстеру Семену Бутышеву о «причиненныхъ женѣ его печерскаго больницкаго монастыря поваромъ Ивкою волшебствахъ». Показанія свидѣтелей при дознаніи обнаружили, что на рождественскихъ святкахъ у Кудрявцева собрались его знакомые и изрядно выпили, послѣ чего его жена не успѣла переступить черезъ порогъ изъ сѣней въ горницу, гдѣ сидѣли гости, какъ упала и ей сдѣлалось дурно. Бывшій въ числѣ гостей поваръ Іовъ, видя это, взялъ снѣгу и, положивъ сначала себѣ въ ротъ, далъ потомъ и Кудрявцевой, вслѣдствіе чего ее «зачело мучить и подымать съ полу и на полъ, самъ же онъ пошелъ домой». Когда его вернули обратно, то, пришедши, онъ и потребовалъ стаканъ воды и «зачелъ мѣрить на правой локоть Кудрявцевой воду и послѣ вымѣриванья давать ту воду пить вопервыхъ Кудрявцевой, а потомъ Кудрявцеву и гостямъ, и потомъ сказалъ,—будешь теперь все пить и веселиться и моей хозяйкѣ ничево не будетъ, только ночью одна притчинка еще зделаитца и чтобы при ней сидѣли люди и держали крѣпко за правую руку». При производствѣ дознанія по этому дѣлу у полиціймейстера, пострадавшая отъ чародѣйства Іова показала: «требовала я для поправленія своего здоровья у вахмистра Василія Жилина ладону херувимского и свѣчи страстной, почему упоминаемый Жилинъ и послалъ жену свою за оными и принесши взяла я и пошла въ чуланъ, где сама себя окуривала при мужѣ своемъ; въ тожъ самое время на моей подушке показался лежитъ не знать откуда болшой червякъ чорной длинок) съ палецъ и положила ево на жаръ, въ тотъ, въ которомъ былъ ладонъ и свеча, а кухарь Іовъ, услыша отъ ладона духъ и отъ свечи благовонной, сказалъ, что де не по моему дѣлаютъ, а я того не люблю, и зачело ево трести, и унимала, чтобы оной еще бы на нѣсколко время обождалъ, но онъ нимало медля выбѣжалъ и побѣжалъ въ свой домъ; послѣ-жъ того куренія остатние часы препро-

вождала сномъ благополучно, однако имѣю по сіе время не прежнее здоровье, а слабость во всемъ корпусѣ» [1]).

Пріемами чародѣйства пользовались у насъ на Руси въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Вслѣдствіе вѣры народной массы въ демоническое значеніе болѣзней [2]) самое широкое примѣненіе чародѣйства было въ случаяхъ лѣченія болѣзней, постигавшихъ какъ людей, такъ и домашнихъ животныхъ. Кромѣ того, пріемы чародѣйства были въ ходу для предотвращенія могущихъ постигнуть бѣдъ, чтобы способствовать успѣху различныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и чтобы повліять въ извѣстномъ смыслѣ на окружающихъ людей. Пріемы чародѣйства состояли въ знахарскихъ дѣйствіяхъ и въ словесныхъ заклинаніяхъ или шептаніяхъ, причемъ въ послѣднихъ чародѣйственная сила, по народному убѣжденію, заключается или въ таинственномъ смыслѣ произносимыхъ знахарями непонятныхъ словъ, или въ призываніи или упоминаніи Бога и христіанскихъ святыхъ, или въ заклинаніи принявшихъ образъ людей или животныхъ злыхъ духовъ.

Если бы было болѣе подготовленныхъ къ собиранію этнографическихъ данныхъ людей и если бы были средства къ изданію научнымъ образомъ всего того матеріала, который можетъ быть собранъ еще и въ настоящее время въ сферѣ народныхъ суевѣрій, то мы имѣли бы богатѣйшія данныя для изученія народнаго міровоззрѣнія и быта, такъ какъ суевѣрное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ обыденной жизни проходитъ яркой ниткой въ житейскомъ быту нашего селянина; но, къ сожалѣнію, и въ томъ, и въ другомъ, всегда ощущается недостатокъ.

Подробное изученіе народныхъ суевѣрій могло бы имѣть и практическіе результаты, такъ какъ при ближайшемъ ознакомленіи съ ними можно бы подмѣтить причины ихъ глубокаго воздѣйствія на народную психологію, разъяснить народу всю ихъ нелѣпость и замѣнить потребность въ суевѣрномъ объясненіи какого-либо явленія и въ чародѣйственномъ устраненіи его желаніемъ разъяснить себѣ истинныя причины его возникновенія и примѣнить раціональные пріемы, чтобы обусловить нормальный исходъ его.

Что касается малороссійскихъ суевѣрій, то, кромѣ изслѣдованій на основаніи архивнаго матеріала В. Б. Антоновича, Амф. Лебедева,

---

[1]) Андріевскій. Историческіе матеріалы. Вып. 9, стр. 212—223.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1889 г. т. XXVII, стр. 300.

г. Сѣлецкаго [1]), да нѣсколькихъ случайныхъ современныхъ замѣтокъ и записей, пріютившихся на страницахъ «Кіевской Старины» [2]), они представляютъ еще богатое поприще для собиранія и изученія, на которомъ съ успѣхомъ работали въ послѣднее время проф. Сумцовъ въ своихъ «Культурныхъ пережиткахъ» [3]) и д ръ Талько-Гринцевичъ, дѣлавшій недавно докладъ въ с.-петербургскомъ географическомъ обществѣ «о народной медицинѣ». Полный библіографическій указатель записей и замѣтокъ по части народныхъ суевѣрій можно найти у М. Комарова — «Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, прысливъивъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь». (Одесса, 1890 г.), а также нѣсколько записанныхъ заклинаній.

Хотя и тѣ пріемы чародѣйства, которые могутъ быть наблюдаемы въ современномъ сельскомъ быту, являются запоздалыми культурными пережитками, передающимися изъ-устъ въ уста, а слѣдовательно, мало измѣняющими свою форму и могущими послужить образчикомъ народныхъ суевѣрій и болѣе отдаленной поры, а тѣмъ болѣе конца прошлаго столѣтія, но по счастливой случайности мы можемъ ознакомиться до нѣкоторой степени съ малороссійскими суевѣріями эпохи Румянцева по современной имъ записи, составленной въ 1776 году извѣстнымъ собирателемъ археографическихъ и этнографическихъ матеріаловъ объ Украинѣ, Адріаномъ Ивановичемъ Чепой, полезная научная дѣятельность котораго остается и по-нынѣ безъ надлежащей оцѣнки, вслѣдствіе полнаго отсутствія пока какихъ-либо біографическихъ данныхъ о немъ.

И. В. Стороженко.

Рукопись А. И. Чепы.

1. Кровь удержать. Первый способъ: «Ишло три калѣчечки черезъ три рѣчечки. Якъ тѣмъ калѣчечкамъ той воды не носити и не пити, такъ бы тебѣ, крове, нейти у сего раба Божого (имя рекъ), аминь (девять разъ)». Сіе переговорить трижды.

---

[1]) Матеріалы этнограф. etc., т. I, вып. 2, стр. 323—360.—„Кіев. Стар.“ т. XXVIII, стр. 1—21.—„Кіев. Стар.“ т. XV, стр. 193.

[2]) „Кіев. Стар,“ 1885 г., № 12, стр. 730; ibidem, 1883 г., № 7, стр. 586 etc.

[3]) „Кіев. Стар.“, т. XXVII, ст. 300—317.

Другой способъ: «На бѣломъ морѣ стоятъ бѣлые попы и бѣлые дяки. Тамъ они бѣлыя книги читаютъ и кровь замовляютъ». Трижды сказавши, плюнуть на рану.

Третій способъ: «Ѣхалъ святый Георгій на червономъ конѣ и въ червономъ жупанѣ; сострѣлся съ своимъ братомъ булатомъ; втялись они острымъ мечемъ и не втялись; втялись въ червоный камень, якъ изъ того каменя кровь не текла и рана не болѣла, такъ бы въ (имя рекъ) раба Божого кровь не текла и рана не болѣла». Трижды сказать.

2. Выпонять черви, у скота бывающіе. «Есть въ удовы девять сыновъ. Изъ девяти семь, изъ семи пять, изъ пяти три, изъ трехъ одинъ, а изъ одного ниодного, чтобъ выпали черви всѣ изъ (такой-то по шерсти) скотины». Сіе проговорить трижды; что и заочно можно сдѣлать, спросивши о шерсти.

3. Предохраненіе отъ зла и легко родить. Есъ, ели, елила, еѳеосъ, етиръ, еели, елъ, ерваонъ. Кто сіи слова при себѣ носить будетъ, тому никакое зло вредить не можетъ, а беременная женщина, имѣющая сіи слова при себѣ, легко родитъ дитя.

4. Остановить змѣю. Гдѣ увидишь гадину ползущую, то на томъ ея пути положи сдѣланный съ прутьевъ или стеблинокъ крестъ; гадина на то мѣсто возвратится и будетъ ползать около креста.

5. Способы отъ ужаленія змѣею человѣка и скотины. Первый способъ: «Господи Боже нашъ! помоги и допомоги мнѣ грѣшному человѣку, а ты змѣя, Царице Листрице, созови свои сестры и посестры, выйми свой синій зубъ и синія жилы изъ (имя рекъ) раба Божого, бѣлокураго ли, черноволосаго-ли, русаго-ли и проч.

Второй способъ, ежели злѣйшая укуситъ: Проговоря просьбу къ Богу Всемогущему, говори: «Анно, Царице Мистрице» и далѣе все такъ говорить, какъ выше написано, отъ слова: «созови» и проч.

Третій способъ, ежели наизлѣйшая укуситъ: Тоже начало проговоря къ Богу, говоришь: «Рей гадина, обитающая на бѣломъ морѣ, на кудрявомъ деревѣ, запрещается отъ Матери Божіей Пречистой Приснодѣвы Маріи, чтобъ ея команды гады, укусившая (имя рекъ) человѣка или скотину (по роду и шерсть сказать) ни чѣмъ не вредила и язва исцѣлена да будетъ силою и молитвами Матери Божіей, которая повелѣваетъ уязвленному человѣку (имя рекъ) омитись непочатою чистою водою».

Четвертый способъ: «Первымъ разомъ, лѣпшимъ часомъ, Господи Боже! мнѣ поможи и допоможи. Харіе, и ты Хавріе, и ты

веретѣльнице, въ морѣ на днѣ все возвиженіе на тебѣ, заказуйте всему гаду рябому, половому черному и всему пресмикающемуся на земли отъ раба Божіего (имя рекъ) и отъ скотины (по цвѣту шерсти) отъ бѣлой кости, жилъ и крови». Такъ говорить по трижды, рано поутру и ввечеру.

6. Уничтожить влюбчивость и пьянство. Когда случится увидѣть, что гадюка, или ужъ, поймавши жабу, давитъ, тогда палочкою или плетью оную жабу оборонить. И ежели кто влюбится въ кого, либо люди приманены въ шинкъ обаянно, тогда тѣхъ персонъ, тѣмъ чѣмъ жабу оборонилъ, вдарить и говорить: «якъ страшно жабѣ отъ гадюки пропадать, что она утѣкаетъ и боится, такъ бы вы втѣкали отъ дѣвки, или отъ горѣлки».

7. Отъ неплодія. Тотъ пупецъ, который баба при рожденіи дитяти отрѣжетъ, намочить въ водѣ и давать пить неродящей женщинѣ, станетъ родить.

8. О ковтунѣ на головѣ. Ковтунъ на головѣ изъ волосовъ дѣлающійся у мужчины или женщины вырѣзать ножницами, закопать въ землю и прибить осиновымъ коломъ, то никакого вреда не будетъ. Сіе можно сдѣлать надъ ковтунами у лошадей бываемыми.

9. Отъ перелоговъ конскихъ и другихъ животныхъ. Говори: «Боже! помоги и допомоги! Сидитъ войтъ и атаманъ въ концѣ стола, а діаволъ подъ столомъ. Стали судити, кому что удѣлити: атаману рукавицы, войту нагайлицы, а жиду перелоги». Трижды сіе сказать, обойшовши себя и плевать назадъ себя за всякимъ разомъ.

10. Чтобы потная лошадь не обпилась воды. За однимъ духомъ три раза скать: «пейте кони орданъ-воду Рождество Христово въ (такой-то день, надобно упоминать о будущемъ днѣ Рождества), вода вороная и кони вороные (или какой масти будутъ).

11. Отъ лихорадки. Первый способъ дьячка села Семеновки (пирятинскаго уѣзда) стараго Романа: «Господи благослови! Ишовъ святый Авраамъ съ святымъ сыномъ Исаакомъ золотымъ мостомъ и встрѣтили дѣвицъ простоволосыхъ семьдесять четыре и стали ихъ пытати, что вы за люди.— «Мы де Иродовы дочки идемъ въ христіанскую землю людей мучити и красну кровь выпивати». И взялъ святой Авраамъ со святымъ сыномъ Исаакомъ золотый жезлъ, стали ихъ бити и тлумити. «О святый Авраме и Исааче! не бій насъ, не тлуми насъ». Кто сію заповѣдь будетъ знати, того во вѣкъ трясовица не будетъ держати, рабы Божіей (имя рекъ). Сіе, написавши на паперѣ, носить на шеи три дни. Потомъ спалить и выпить въ водѣ

святой вечернѣй, но предъ тѣмъ прочитати трижды — «Богородице Дѣво» и трижды Отче нашъ, и на каждой стихъ по три поклона положить.

Другой способъ: Обрѣзавъ ногти на рукахъ и ногахъ въ самомъ пароксизмѣ, привязать къ живому раку и пустить въ воду.

Третій способъ: Въ мартѣ мѣсяцѣ наловить раковъ и живыхъ налить спиртомъ или крѣпкою водкою въ банкѣ. Сей спиртъ давать больнымъ лихорадкою въ самомъ пароксизмѣ оздоровѣетъ.

12 Отъ горячки. Давать питье слѣдующее: мужескому полу взять у голуба и изъ подъ праваго крыла изъ медіанной жилы впустить въ сырую воду крови немного, расколотить и давать пить, женскому полу такимъ же образомъ приготовлять кровь изъ голубки.

13. Отъ судороги у собакъ. Ежели собака заболѣетъ судоргою, то бить его немножко мѣшкомъ, который былъ съ пашнею.

14. Пожаръ уничтожить. Взявши въ руки то яйцо, или писанку, что въ день Свѣтлаго Воскресенія напередъ отъ кого получить, оббѣжать около пожара трижды, говоря сіе: «Во имя отца и проч. Огню Лавриче! якъ твоя жена на желѣзныхъ сковородахъ испеклася, якъ она не шумѣла и не стогнала и не болѣла и своей силы не расширяла, такъ и ты, огню Лавриче! теперь своей силы не расширяй и больше не гори и не шуми по сей часъ и по мои слова». За каждымъ разомъ сказать аминь девять разъ.

15. Предохранить домовство отъ зла, чародѣйствомъ наносимаго. Когда въ осень на полѣ зеліе, называемое перекотиполе, качается, то взять оное зеліе, когда катится, ставши такъ, чтобы оно само въ руки вкотилось, положить оное въ округъ домовства на углахъ въ скрытныхъ мѣстахъ. Къ дому тому никакое зло отъ людей насылаемое не пристанетъ.

16. Отъ презору очей на человѣка и птицы. Первый способъ: Проговоря о Бозѣ, говори: «вылетѣлъ чорный воронъ изъ чорнаго моря; очи у него червоные, носъ, ногти и наногти; отогналъ онъ враки и врачища отъ (имя рекъ человѣка, жены, дитяти) стрѣченые и поперечные, мужичіе, женскіе, хлопочіе, дѣвчачіе, и всякаго рода». Сіе трижды сказать, перекрестивши себя и уреченнаго.

Другой способъ: «Ишло двѣ бабы по воду съ двумя глеками. Глеки побились, ураки минулись и яко маково зерно откатились отъ (имя рекъ) раба Божіего, или птицъ, и кто урекъ, и той утѣкъ».

17. Отогнать волковъ и птицъ. Волки, чтобы ничего не вредили и на нивахъ птицы не ѣли посѣяннаго зерна, то какъ скоро

оторутся плугами, снять съ плуга борозенное колесо и обнесть вокругъ хутора, надѣть его на колъ, тамъ гдѣ держится скотъ. При засѣвахъ нивъ сіе колесо вывезти съ собою и обнести вокругъ засѣяннаго поля.

18. О камнѣ жабинцѣ. Способъ сыскать оный: взявши большую жабу, называемую ропуху, заключить въ горшокъ или глекъ, въ которомъ много дырокъ навертѣть и, завязавши, установить въ гнѣздо большихъ муравьевъ, которые мясо ея объѣдятъ, тогда въ ономъ горшкѣ между костьми сыщется камень. Сей камень отвращаетъ отраву; ежели укуситъ кого гадина, пчелы, осы и шершни, то онымъ потереть укушенное, тотчасъ исцѣлится.

19. Что и для чего класть подъ Пасху для освященія. 1) Перецъ въ зернѣ крамовый, чтобы загодовывать птицъ и пчелъ, въ предохраненіе отъ уроковъ.

2) Морковь коренье—отъ курячей слѣпоты.

3) Хлѣбъ и соль—закармливать скотъ, коней и пчелъ.

4) Сало, хрѣнъ, яйцы, чеснокъ, масло, макъ и пшеницу—на разныя потребы и на посѣвъ. Все оное хранить годится.

20. Открывать кладъ. Кладъ выкопанный иногда покажется угольемъ, то чтобы онъ объявился, то въ то уголье положить человѣческаго калу, отчего кладъ явится въ своемъ видѣ.

21. О мудростяхъ надъ ружьемъ. Чтобы ружье неспалило, то помазать кремень медвѣжьимъ жиромъ. Чтобы исправно било и неживило, то убить пулею или дробью птицу или животное, дать полежать сутки, не вынимая пули или дроби. Потомъ оные взять и распустить съ оловомъ, надѣлать пуль и дроби и тѣмъ стрѣлять. Ружья никто неизурочитъ, ежели, убивши птицу крука, вынять желчь и оною вымазать ружье.

22. Отъ презору очей на ружье. «Господи! очисти грѣхи мои, очисти и оружіе мое. Царь желѣзо! Булатъ желѣзо! Сивъ свинецъ! Буенъ порохъ! Уроки и урочища стрѣченые и попереченые, мужичіе и жоначіе».

23. Уничтожить заговоръ ружья. «Христосъ воскресе! діаволъскую силу моя пуля пронесе».

24. О водѣ отъ гусени и для росту часнику и луку. Въ чистый четвергъ набрать изъ рѣки или колодезя воды на самомъ разсвѣтѣ, держать ее, а какъ капуста сойдетъ, покропить тою водою, то не будетъ гусени. Тоже будетъ, ежели въ садахъ покропить дерево. Въ осень, когда садятъ часникъ, обмочить въ той водѣ зубки, будутъ

выростать больше головки. Въ сей же водѣ мочить сѣмена цибули, выростетъ крупная.

25. *Открыть злодѣйство.* Когда что украдено, то взявъ книгу Псалтирь и сыскавъ въ 10 каѳизмѣ псаломъ—«Боже судъ твой Цареви даждь» —вложить къ самому оному псальму ключикъ отъ небольшаго желѣзнаго замка, концомъ, прищепнуть его книжкою, взять двоимъ человѣкамъ средними пальцами подъ кольцо ключика и сказавъ: «Ежели (имя рекъ, на кого подозрѣніе по имени и прозванію, уворовалъ, то изъяви его, Господи Боже!» и читать на изусть, или изъ другой псалтира упомянутый псальмъ; тутъ то, ежели именуемый виновенъ, повернется книжка, упадетъ на землю и точно тотъ виноватъ остается, якожъ на невиннаго книжка не повернется и не упадетъ.

26. *Табакъ, что бы росъ великій.* Сажаючи оный полить, только первый разъ сказать: «нехай тебе чортъ больше поливае, а не я».

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи славянофильства на Руси. Въ трудѣ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова «Исторія Университета Св. Владиміра», помѣщены нѣкоторыя выдержки изъ циркуляра Министра Народ. Просв. графа Уварова, гдѣ были изложены правительственныя воззрѣнія въ 40-хъ годахъ по вопросамъ о народности и о народныхъ началахъ. Циркуляръ этотъ имѣлъ въ виду указать тѣ точки зрѣнія, какихъ по этимъ вопросамъ должны были держаться наставники среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Въ виду глубокаго интереса самаго циркуляра, считаемъ не лишнимъ привести его цѣликомъ, какъ-бы въ дополненіе къ стр. 532—534 «Исторіи Университета Св. Владиміра».

Списокъ съ предписанія г. Министра Народнаго Просвѣщенія г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, отъ 27 мая 1847 года, № 696.

Въ концѣ прошлаго столѣтія родилась между сплеменными намъ народами на западѣ, именно въ Богеміи, мысль, что всѣ народы славянскаго происхожденія, разсѣянные по Европѣ и подвластные разнымъ скипетрамъ, должны когда либо слиться въ одно цѣлое, составить Государство Славянское. Эта мысль мало по малу овладѣла всѣми вѣтвями славянскаго племени въ Европѣ, сперва въ литературномъ, потомъ и въ политическомъ смыслѣ.

Отъ этого движенія повсюду между народами славянскаго происхожденія усилилось стремленіе къ изученію языковъ, древностей и всѣхъ памятниковъ славянскихъ племенъ; но, къ сожалѣнію, это развитіе отдѣльныхъ вѣтвей славянскихъ недолго оставалось въ мирныхъ предѣлахъ науки: скоро подпало оно искаженію, частію отъ вліянія общихъ тревожныхъ идей политическихъ, частью отъ возбужден-

ныхъ предразсудковъ религіозныхъ, частію отъ собственныхъ недоразумѣній каждаго племени. Европейское понятіе о славянствѣ раздробилось уже на столько вѣтвей, сколько находится отдѣльныхъ земель. Названіе славянства, драгоцѣнное для восьмидесяти милліоновъ, раздѣленныхъ на многіе народы, занимающихъ безмѣрное пространство, по языку своему помнящихъ единое происхожденіе и древнее родство, какъ оказывается нынѣ, употребляется во зло подъ личиною чистаго братства. Эти идеи запада о славянствѣ естественно тяготѣютъ къ Россіи, какъ средоточію племенъ славянскихъ, потому что и въ языкѣ русскихъ, и въ вѣрѣ, и въ законахъ дышетъ и бодрствуетъ древнее начало народной жизни, отъ различныхъ судебъ историческихъ давно умершее въ другихъ славянскихъ народахъ. Но и у насъ западныя понятія могутъ увлечь людей пылкихъ и непрозрѣвающихъ опасности своихъ мечтаній.

Для охраненія преподавателей принадлежащихъ къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, долженствующихъ проливать въ юные умы учащихся благотворный свѣтъ истинныхъ полезныхъ знаній и чувствъ любви къ престолу и вѣрѣ отъ вреднаго вліянія разрушительныхъ началъ, почитаю священнымъ долгомъ съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, изложить значеніе народнаго начала въ видахъ правительства и мысли о семъ важномъ современномъ вопросѣ передать Вашему Превосходительству для конфиденціальнаго сообщенія ихъ преподавателямъ и цензорамъ, въ вѣдомствѣ Вашемъ состоящимъ.

Вопросъ о славянствѣ въ отношеніи къ намъ представляетъ двѣ стороны: одну, которую злонамѣренные могутъ употреблять на возбужденіе умовъ и распространеніе опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержитъ въ себѣ святыню нашихъ вѣрованій, нашей самобытности, нашего народнаго духа, въ предѣлахъ законнаго развитія имѣющую неоспоримое право на попеченіе правительства. Русское славянство, въ чистотѣ своей, должно выражать безусловную приверженность къ православію и самодержавію; но все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ есть примѣсь чуждыхъ понятій, игра фантазіи или личина, подъ которой злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей. Раскрытію этого начала мы обязаны ближайшимъ знакомствомъ съ церковно славянскимъ языкомъ, на которомъ чтеніе священнаго писанія недавно чуждое высшимъ слоямъ общества, нынѣ понятно юному поколѣнію, одолжены знакомствомъ и съ другими славянскими нарѣ-

чіями, полезнымъ и необходимымъ для ученыхъ изслѣдованій языка отечественнаго. Этимъ же направленіемъ главнѣйшіе памятники нашей древней славяно-русской словесности вышли изъ забвенія; множество актовъ и документовъ обнародованы на иждивеніи правительства.

Но этому славянскому русскому, нами во всей чистотѣ принимаемому, должна быть чужда всякая примѣсь политическихъ идей; тогда остальнымъ началомъ, въ немъ сокровеннымъ, будетъ Государственное начало, на которомъ непоколебимо стоитъ тронъ и Алтарь собственно русское начало, русскій духъ наша святыня.

Въ этомъ славянствѣ мы, русскіе, должны искать своего роднаго начала, источника и народнаго просвѣщенія. Каждый народъ въ періодѣ самобытности своей вмѣщаетъ въ себѣ два элемента: общій, наслѣдственный отъ народа—родоначальника, исчезающаго въ поколѣніяхъ, и частный, составляющій личность народа. Общій элементъ въ насъ есть родовой, славянскій; частный, нашъ собственный, русскій. Посредствомъ личности своей каждый народъ развиваетъ въ жизни человѣчества особую мысль Провидѣнія и содѣйствуетъ исполненію благихъ его предначертаній. Такъ всѣ славянскія государства были въ свое время славны и могущественны, и всѣ какъ бы по-очереди, пали: Моравія, Болгарія, Сербія, Померанія, Чехія, Кроація, Славонія, Далмація, Боснія, Польша. Многіе Славяне даже потеряли языкъ свой вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о прежней самобытности: въ Померанія, Мекленбургѣ, Саксоніи и въ другихъ странахъ Германіи славянское нарѣчіе вытѣснено нѣмецкимъ, въ Мореѣ—греческимъ, въ Венгріи—мажіарскимъ. Этимъ славянамъ, утратившимъ значеніе свое, свойственно съ сожалѣніемъ вспоминать славное прошедшее. Но Россія по волѣ Провидѣнія выдержала удары судебъ и пріобрѣла самобытность: претерпѣвъ многоразличныя, долговременныя бѣдствія, внутреннія и внѣшнія, она одна возносится надъ могилами единородныхъ государствъ и своею собственною личностью представляетъ безпримѣрную Имперію по необъятности владѣній, многочисленности обитателей и могуществу народнаго духа, благоговѣйно преданная своей вѣрѣ, своему Государю, сохранившая свой языкъ, знаменіе народнаго ума, народныхъ доблестей, народнаго чувства. Тогда какъ прочіе славянскіе народы, въ изнеможеніи своемъ отъ чуждаго владычества, еще гордятся общимъ славянскимъ происхожденіемъ, Россія, не помрачившая славы предковъ, славна своими народными доблестями, славна прошедшимъ и настоящимъ.

Итакъ, независимо отъ общаго славянства, въ дѣйствительности не существующаго, а измѣнившагося въ нѣсколькихъ славянскихъ племенахъ, мы должны слѣдовать за своими судьбами, свыше намъ указанными, и въ своемъ родномъ началѣ, въ своей личности народной, въ своей вѣрѣ, преданности къ престолу, въ языкѣ, словесности, въ Исторіи, въ своихъ законахъ, правахъ и обычаяхъ мы обязаны утвердить живительное начало русскаго ума, русскихъ доблестей, русскаго чувства. Вотъ искомое начало народное и не славянорусское, а чисто русское непоколебимое въ своемъ основаніи— собственно наша народность.—Великій преобразователь Россіи не все вновь въ ней создалъ: стихіи для его творенія уже были приготовлены вѣнценосными его предшественниками. Могучею волею Петръ I совершилъ въ свое царствованіе то, для чего потребны столѣтія; но онъ совершилъ то, до чего народы достигаютъ и въ постепенномъ своемъ развитіи. Какія слѣдствія его преобразованій? Мы, оставаясь русскими по духу и сердцу, сравнились съ европейцами въ образованности. Ломоносовъ, для пересозданія слова русскаго, тамъ же искалъ сокровищъ науки, гдѣ Петръ Великій находилъ ихъ для пересозданія государства. Чего жъ намъ ожидать отъ соплеменныхъ народовъ?—Отвѣтъ мы находимъ въ исторіи и прошедшей, и современной. Святая Русь бѣдствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престолъ и вѣру, одна подвигалась твердымъ и быстрымъ шагомъ на поприщѣ гражданскаго своего развитія, одна ополчалась противъ двадцати народовъ, вторгнувшихся въ ея предѣлы съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ. Все, что имѣемъ мы на Руси, принадлежитъ намъ однимъ, безъ участія другихъ славянскихъ народовъ, нынѣ простирающихъ къ намъ руки и молящихъ о покровительствѣ, не столько по внушенію братской любви, какъ по расчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма.

Съ такимъ воззрѣніемъ на нашу народность, я обращаю слово преимущественно къ тѣмъ представителямъ, которымъ досталось обработывать на ученомъ поприщѣ участокъ славный, но и трудный— русскій языкъ и русскую словесность, съ прочими соплеменными нарѣчіями, какъ вспомогательными средствами для роднаго языка, Русскую исторію, исторію русскаго законодательства: имъ предпочтительно предъ другими принадлежитъ возбужденіе духа отечественнаго не изъ славянства, игрою фантазіи созданнаго, а изъ начала русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ. Преподаватели, слѣдуя видамъ и направленію

правительства, и научая ввѣренное имъ юношество тому или другому предмету, да поучатъ его впредь по-русски мыслить и чувствовать: только этимъ способомъ будущіе члены общества составятъ одну великую семью съ одинакими мыслями, съ одинакою волею, съ одинакимъ чувствомъ.

Таково воззрѣніе Правительства на славянство вообще и на славянство въ отношеніи къ Россіи; таковы мысли о началѣ народномъ и народности, источникахъ народнаго Просвѣщенія, коими слѣдуетъ руководствоваться при направленіи умовъ учащагося юношества.

Университетъ св. Владиміра, младшій между русскими университетами, созданный щедротами Государя Императора и всегда составляющій предметъ его особыхъ попеченій, имѣетъ прекрасное, но вмѣстѣ и трудное назначеніе сливать и примирять между собою, на поприщѣ нравственнаго образованія, два доселѣ враждебныя начала, оба исходящія изъ одного корня славянскаго, соприкосновенныя во многихъ отношеніяхъ, но издавна разлученныя гибельнымъ вліяніемъ противоборства вѣковаго. На преподавателяхъ университета св. Владиміра лежитъ обязанность самаго бдительнаго вниманія,—обязанность тѣмъ настоятельнѣйшая, что подъ личиною славянства легко можетъ укрыться мятежный духъ польскій, готовый уловить умы неопытнаго юношества и коварно увлечь его за собою. Проникнутые чувствомъ истинно-русскимъ и чуждые ложныхъ понятій мнимаго славянства, преподаватели университета св. Владиміра внушатъ и питомцамъ своимъ, что для насъ ничего не можетъ быть славнѣе имени Русскаго, того знаменитаго нашего имени, которое съ основанія государства нашего, повторялось и повторяется милліонами народа въ жизни общественной. Да слышится въ университетахъ имя Русскаго, какъ слышится оно въ русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ воображаемаго славянства, сохранилъ вѣру отцевъ нашихъ, языкъ, нравы, обычаи—всю народность.

Я не скрываю предъ собою, что вышеупомянутыя уклоненія отъ прямого пути возможны; но въ тоже время и увѣренъ, и имѣлъ счастіе всеподданнѣйше выразить Всемилостивѣйшему Государю Императору увѣреніе, что учащіе и учащіеся, принадлежащіе къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, оправдаютъ ожиданія и надежды Монаршія: и это увѣреніе, съ полнымъ убѣжденіемъ въ точности его исполненія, передаю въ настоящемъ случаѣ самимъ дѣлателямъ на ученомъ поприщѣ.

Богъ намъ да поможетъ въ великомъ дѣлѣ народнаго Просвѣщенія, отъ котораго зависитъ настоящее и будущее Россіи!

Въ заключеніе я долженъ присовокупить, что это открытое и положительное изложеніе видовъ правительства въ дѣлѣ о началахъ русскаго просвѣщенія безсомнѣнно возбудитъ во всѣхъ благонамѣренныхъ стремленіе по мѣрѣ силъ оправдать довѣренность правительства и употребить всѣ старанія къ охраненію духа учащагося юношества отъ соблазна понятій, намъ непріятныхъ и вредныхъ. Между тѣмъ правительство, слѣдя неослабно развитіе сего важнаго, по обстоятельствамъ, дѣла тогда только было бы вынуждено обратиться къ мѣрамъ другаго рода, когда ожиданіе его могло бы оказаться тщетнымъ и мѣры кротости и довѣрія не достигли бы благой цѣли.

Ваше превосходительство не оставите обращать особенное вниманіе на содержаніе сего предписанія и повременно доносить мнѣ о наблюденіяхъ Вашихъ по вышеизложеннымъ предметамъ, равно какъ и о распоряженіяхъ, кои, по мѣстнымъ соображеніямъ, могли бы въ послѣдствіи оказаться полезными.

Письмо Ив. Носа къ прилуцкому полковнику Дм. Горленку о свадьбѣ его сына. За девять лѣтъ до событій, погубившихъ Мазепу и его союзниковъ, одинъ изъ ближайшихъ къ нему людей, родственникъ его, прилуцкій полковникъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко, женилъ единственнаго сына своего Андрея на дочери полковника миргородскаго, а послѣ гетмана, Данила апостола—Маріи. Самъ онъ, какъ видно изъ приводимаго ниже письма, на свадьбѣ не присутствовалъ. Въ ту осень 1700 года часть малороссійскихъ войскъ приняла участіе въ шведской войнѣ, отправясь подъ начальствомъ Обидовскаго въ Ливонію. Въ числѣ другихъ были тамъ и козаки прилуцкаго полка. Но Горленко не принималъ участія въ походѣ, остался же дома, ожидая, по малороссійскому обычаю, молодыхъ къ себѣ послѣ свадьбы.

Жениха сопровождали многіе изъ сослуживцевъ отца и, какъ бы во главѣ ихъ, полковой судья Иванъ Носъ. Ему поручено было извѣщать о всемъ ходѣ дѣла, о числѣ и персоналѣ ожидаемыхъ гостей, къ пріему которыхъ надо было приготовиться. Носъ и даетъ отчетъ полковнику въ возложенномъ на него порученіи. Тонъ письма дышетъ покорнымъ искательствомъ. Не такъ, вѣроятно, относился къ Гор-

ленку этотъ самый Носъ девять лѣтъ спустя, когда, за выдачу Меньшикову Батурина, онъ попалъ на полковничій урядъ въ Прилукѣ, а Горленко очутился въ эмиграціи. На полковничествѣ Носъ водворенъ былъ генераломъ Гинтеромъ, однимъ изъ помощниковъ князя Долгорукаго, усмирявшаго послѣ полтавской битвы мятежные полки.

Въ то время, къ которому относится печатаемое письмо, Носъ безмятежно веселился еще въ Хомутцѣ, родовомъ имѣніи Анастоловъ и въ Великихъ Сорочинцахъ, полковничьей резиденціи, гдѣ происходило вѣнчаніе. Политическая диференціація этой, однородной пока, «весельной компаніи» произойдетъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, при иныхъ обстоятельствахъ... — Сообщаемое письмо,—скорѣе записка, въ которой все дышетъ интересами данной минуты,—принадлежитъ къ числу не особенно многочисленныхъ частныхъ писемъ, ближе вводящихъ въ бытовую обстановку былой жизни, чѣмъ обильнѣе сохранившіеся, но и болѣе сухіе офиціальные документы. Оригиналъ его сохранился въ нашихъ семейныхъ бумагахъ.

В. Г.

«Мосци пане полковнику прилуцкій, нашъ велце мосцивый пане и милостивый добродѣю!

Много можетъ благословеніе Божіе и вашей милости пана и добродѣя нашего, албо, вѣмъ, за его поспѣшествомъ, щастливое во всей доровѣ нашой зъ наймылшымъ его милостію паномъ сыномъ вашой милости панства маючи поведеніе, еще предъ заходомъ солнца въ пятокъ до Хомутця приспѣлисмо. Отколѣ, по вигодномъ ночлѣгу, службѣ Божой и снѣданю рушившися и въ полъ дороги призвойтое отъ стрѣтающаго насъ годныхъ персонъ принявши повитане, до Сорочинецъ власне на позный яко бы обѣдъ, оздобне яко быти могло, вихалисмо, где, по обыкновенію веселную трактуючи церемонѣю и подарки роздавши, южъ щасливе дня нынѣшняго предо престоломъ Божіимъ дожывотная (сдай Боже на незамѣреніе Сѣта) между его милость паномъ сыномъ вм. м. панства и между ей милости панскою доркою его милости пана полковника миргородцкого нераздрѣшимымъ шлюбу союзомъ, при бытности тыхъ такъ годныхъ особъ которыхъ имя и число посилаемый отъ насъ вм. м. пану и добродѣевѣ доводно изъявитъ реестръ, укрѣпилася пріязнь.

Якіе зась зъ его милостю паномъ полковникомъ миргородцкимъ маютъ до дому вм. м. панства быти персоны, того яко отнюдь не можно было довѣдатися, такъ и вм. м. пану доносити трудно. Панъ

сотникъ хиба нашъ полковый, по отиздѣ нашомъ, который конечне сего дня на ночь до Хомутця быти старается, можетъ о маючыхъ быти особахъ вм. м. пану и добродѣеви доволно и доводно учынити извѣстно. А мы, тое тылко на сейчасъ предложивши по выиздѣ кто зъ нами въ приданѣхъ будетъ, ознаймити неомѣшкаемъ и мосцеся вашой панской навсегда, зъ найнижшыми услугами нашими, отдаемъ.

Вм. м. пану и добродѣеви всего добра сердечно жычливій и найнижшій слуга Иванъ Носъ, судья полку прилуцкого со всѣю компанѣею веселною. З Сорочинецъ, отъ 8 сентемврія 1700 року».

Замѣчательный универсалъ гетмана Мазепы. На страницахъ «Кіевской Старины» за предыдущіе годы и въ вышедшихъ отдѣльными изданіями трудахъ А. М. Лазаревскаго собрано не мало данныхъ для изображенія того процесса, какъ малороссійская козачья старшина послѣ Хмельницкаго безъ устали захватывала въ собственность оставшіяся свободными послѣ изгнанія поляковъ изъ лѣвобережной Украины, все равно занятыя или не занятыя козаками, земли; какъ она, не довольствуясь трудомъ посполитыхъ, обращала въ подданство или, по тогдашнему выраженію, въ послушенство свободныхъ козаковъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ всѣ тягости войнъ Хмельницкаго, и какъ гетманы изъ-за узкихъ личныхъ интересовъ въ чемъ могли помогали при этомъ старшинѣ. Въ недавнее время г-жа Ефименко напечатала въ «Вѣстникѣ Европы» (августъ 1891 г. стр. 515—569) блестящій опытъ свода этихъ данныхъ въ одну цѣлую яркую картину.

Но до сихъ поръ не было извѣстно, чтобы со стороны гетманскаго уряда были попытки стать на сторону обижаемыхъ козаковъ и защитить ихъ хоть сколько-нибудь отъ злоупотребленій старшины. Теперь оказывается, что шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ гетманомъ Иваномъ Степановичемъ Мазепою въ 1691 г. Выражается онъ въ предлагаемомъ вниманію читателей «Кіевской Старины» универсалѣ, который и остается скорѣе свидѣтелемъ добрыхъ намѣреній Мазепы, нежели его настойчивости въ приведеніи задуманнаго въ исполненіе. Универсалъ печатается съ современной копіи, найденной нами въ книгѣ актовъ «мѣйскаго уряда» м. Борисполя за 1612—1699 г., о которой мы сдѣлаемъ въ непродолжительномъ времени особое сообщеніе. Правописаніе оригинала оставлено въ печати безъ измѣненія.

А. Стороженко.

Пресвѣтлѣйшихъ державнѣйшихъ великихъ государей ихъ царского пресвѣтлого величества войска запорожскаго гетманъ Иванъ Мазепа.

Ихъ же царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникови кіевскому пану Константию Мокиевскому, обозному, судии, асауломъ полковимъ, сотникомъ, атаманомъ и всему старшому и меншому того полку товариству, войтомъ, бурмистромъ и всякого чину людемъ, доброго жичачи здоровя, ознаймуемъ, ижъ дошло намъ вѣдати, же нѣкоторіе зъ духовнихъ и зъ свѣцкихъ людей особи, зъ ласки Божой и монаршой и зъ респекту нашого, рейментарской маетности подъ собою маючиѣ, не поглядуючи на тутошние малороссійские обикновенія и на войсковіе порядки, не такъ, якъ би ся годило, але збитечне зъ жителями тихъ маетностей поступуютъ, статлихъ людей надъ мѣру обтяжаютъ, а козаковъ приневоляютъ во свое подданство. А если козакъ который по своей старинности держится реестра войскового и пилнуетъ козацъкое службы, то такого розными способами кривдятъ, чинячи такую налогу, жеби албо зъ козацтва въ мужицтво силомоцю его притягнути, албо цале зъ житя маетности тоѣ прочъ витиснути; черезъ що многіе козаки, надъ право волности войсковой, необичнои утерпѣли тягкости. А надъ то якоби и тое дѣется, же тиѣ особы, маетностями владѣючи, вивѣдуючие о давнихъ кгрунтахъ, поляхъ и сѣножатехъ панскихъ, якие за лядское держави при дворцахъ бывали, а отъ першое войны славное памети гетмана Хмельницкаго пришли подъ область козацкую, смѣютъ оніе отъ козаковъ отнимати и приворочать подъ свою владзу. Що якъ противъ права войскового и противъ самое слушности, такъ и противъ волѣ нашое гетманское дѣется; кгдижъ що колвекъ добръ рухомихъ и лежачихъ, першихъ лѣтъ войни Хмельницкого, отвагою рицерства войска запорозского зостало отнято и завладѣно, и уже черезъ такъ не мало лѣтъ утверждалося козацкимъ зажиганемъ, зъ того жадная рѣчъ не повинна быти отъ козаковъ отбирана. Поневажъ война оная Хмельницкаго была вщата не изъ иншихъ якихъ неуважнихъ завзятостей, тилко за вѣру чистую и за церкви благочестия достойнаго, которые до униѣ римское кгвалтовне были потягнены, а тутже и за волности войсковиѣ, которіе ярмомъ тяжкимъ были притиснени. Прото годни тиѣ отважники того и теперь заживати повинни, що имъ тогда шаблею и кровию загорнулось въ руки; а еслибы хто померъ, то потомки ихъ на томъ сидѣти мають. А такъ мы, гетманъ, черезъ сей нашъ унѣверсалъ, якъ духовного чина просимъ,

такъ и свѣцкимъ людемъ приказуемъ, абы власти свои надъ маетностями заживали мѣрне, такъ, якъ малоросийское несетъ обикновеніе, не чинячи подданимъ жадныхъ вымисловъ и збиточныхъ тягкостей, а особливе абы козаковъ, здавна въ тихъ маетностяхъ мешкаючихъ, жадною и найменшою кривдою не домикали, и ґрунтовъ жадныхъ здавна ими завладѣныхъ, хочъ бы такъ доводилось же за державы польское панскими найдовались, отнимать онихъ не важилися; опрочъ хибабы такие панские давніе ґрунта пусто, а не въ подѣлу и заживанію козацкомъ найдовались, то можнобъ державцомъ нинѣшнимъ владзою своею ихъ огорнути; а що колвекъ, яко ся вышей помянуло, зъ початковихъ лѣтъ войни Хмелницкого, любъ слушнимъ подѣломъ, любъ завладѣніемъ зъ позволенія старшихъ въ область козацкую пришло, зъ того конечне абы отъ козаковъ жадное рѣчи не отбирано и ничимъ ихъ, ани порываемъ на послуги, ани витяганемъ датковъ не обтяжано; ижбы козаки всѣ въ реестру войсковомъ найдуючиеся и услугъ козацкихъ не лениво и не хилтяно щиримъ прилежаніемъ всегда пилнуючиѣ, при зуполнихъ войсковихъ правахъ и волностехъ найдовались и спокойне до всихъ духовнихъ и свѣцкихъ маетностий безъ жадное жили турбации. Бо велмибъ тое било непристойне и не справедливо, если бы козаковъ въ чиихъ же колвекъ маетностехъ живучихъ которіе одни съ продковъ своихъ, а другие своими отвагами и кровавыми працами на волности собѣ заробили, теперь подъ рейментомъ нашимъ приневоление въ подданские работы и посполитие повинности были. А претожъ, ктоби таковий, любъ зъ духовнихъ, любъ зъ свѣцкихъ особъ смѣлъ козаковъ въ подданство приневолати, албо онихъ кривдити и акимъ колвекъ обременяти обтяженямъ, одийскати зъ подданнихъ здавна владзѣ ихъ будучи ґрунта, албо вытискати онихъ зъ маетностей; противъ такого каждого мы гетманъ, звѣрхностю нашого рейментарского козаковъ боронячи, на отпоръ стати хочемъ, маючи мы въ нашемъ намѣреніи, же зъ докладомъ монаршимъ у такового упорного державци маетности во общое владѣние войсковое одобрати роскажемъ. А докладаемъ тутъ и тое, же яко козаковъ въ реестрѣ войсковомъ будучихъ отъ налоговъ всякихъ и отъ повинностей посполитихъ боронимъ, заховуючи ихъ при волностехъ належачихъ, такъ и посполитихъ тяглихъ людей въ реестръ козацкий приймовати не кажемъ, жебы якъ козаки свои козацъкое службы, такъ и посполитие люде свои тяглое повинности непремѣнно якъ теперь, такъ и во всѣ потомніе часы пилновали. О чомъ вправзний у насъ есть монарший

указъ, и на томъ и наше есть непремѣнное постановленіе. Всего тедн того панъ полковникъ и старшина полковая зъ сотниками осмотривати повинни, абы сее унѣверсалное виразное гетманское предложеніе наше ненарушне было заховано. А хто окажется въ якимъ колвекъ пунктѣ быти противенъ, о томъ абы намъ не закрито давано знати. Пилно и зъ великимъ потверженемъ приказуемъ и поручаемъ всѣхъ Господу Богу. Данъ въ Батуринѣ ноеврия 20 1691. Звишменованный гетманъ рукою власною.

Мѣстце печати войсковой звиклой гетманской.

Старинное поученіе переяславскому семинаристу при вступленіи его въ Кіевскую Академію. Поученіе это написано переяславскимъ іеромонахомъ Мисаиломъ Бонячевскимъ, родомъ изъ с. Комаровки переяславскаго уѣзда, для его внучатнаго племянника и воспитанника Никиты Васильевича Дрозда-Бонячевскаго, когда послѣдній, окончивши курсъ Переяславской семинаріи, вступалъ въ Кіевскую Академію. О. Мисаилъ не только внушалъ своему питомцу правила доброй жизни, но и стремился пробудить въ немъ благородное честолюбіе, разсказывая ему о судьбахъ его предковъ какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Разсказъ о. Мисаила, основанный на семейныхъ преданіяхъ, имѣетъ и историческій интересъ, сообщая любопытныя подробности о потомствѣ знаменитаго ватажка времени Руины, носившаго титулъ полковника, Дрозда (см. Костомаровъ, Руина, изд. 1882 г. стр. 77—92). Заботы престарѣлаго іеромонаха не пропали даромъ: питомецъ его Никита Васильевичъ Дроздъ-Бонячевскій вышелъ очень образованнымъ для своего времени человѣкомъ и служилъ впослѣдствіи переводчикомъ Государственной и Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи и секретаремъ Россійскаго посольства во Флоренціи. Поученіе печатается съ копіи, сохранившейся въ с. Хоцкахъ переяславскаго уѣзда въ семействѣ Дроздовъ-Бонячевскихъ, съ передачей всѣхъ особенностей ея правописанія.

А. Стороженко.

Благодать Божія присно да будетъ съ тобою, чадо Никито!
Аминь.

Зъ десятаго года возраста твоего азъ усыновихъ тя съ братіею твоею, и седмь лѣтъ до днесь пѣстовахъ тя и трудихся о воспитованіи и просвѣщеніи твоемъ. Нынѣ же зане совершилъ еси въ Перея-

славѣ ученіе твое и отходиши въ Кіевскую Академію, азъ е старый, и Богъ вѣсть аще паки узрю тя: дніе бо лѣтъ нашихъ аще въ силахъ осмьдесятъ и множае ихъ трудъ и болѣзнь: того ради пишу тебе для всегдашней памяти сіе, може послѣднее мое наставленіе. Во первыхъ, имѣй страхъ Божій, иже есть начало всякія премудрости: сирѣчь, соблюдай заповѣди Божіи и вси христіанскіи добродѣтели, въ нихъ же до днесь утверждати тя тщихся. Не пропускай ни единого дне безъ молитвы ко Богу, яко всѣхъ благъ подателю, ниже праздниковъ безъ церковнаго его славословія. Всякую же четыредесятницу поновляй душу твою святою исповѣдію и пречистыми таинствами. Присно же обучай себѣ ко благочестію изъ священныхъ писаній; и буди исправенъ предъ Богомъ и предъ людьми вѣрнымъ словомъ, и житіемъ чистымъ. Люби родственниковъ твоихъ и добродѣющихъ тебѣ, сирѣчь усердствуй имъ и буди благодаренъ. Чествуй старшихъ, наставниковъ же и учителей своихъ слушайся со благоговѣніемъ. Съ ровными обходись тихо и не провозносися; отъ бесѣдъ же нелѣпыхъ и злыхъ уклоняйся. Нижшихъ не презирай, ниже глумися, и никому не твори, чего самъ себѣ не хочешь. Се есть начало премудрости, средина же ей—познаніе сущихъ въ поднебеснѣй и всякое полезной искусство, науками и размышленіемъ стяжаемое; а конецъ—приложеніе сихъ къ жизни, яже тѣмъ и паче оживотворяется, и благодать тебѣ и ближнимъ твоимъ; долгота бо живота, рече Царь Соломонъ, въ десницѣ премудрости, въ шуйцѣ же ея богатство и слава. Удобно же видится отъ любящихъ ю и обрѣтается отъ ищущихъ ю. Приступи убо къ ней всею душею, взыщи ю, прилѣжно учася въ Кіевѣ, да поспѣшнѣе вся сія стяжаеши; да отецъ твой и дядя Никита улучатъ черезъ тебя отраду и облегченіе подъ старость, и да весь родъ твой Дроздовъ, зъ стародавнаго своего славы и богатства достоянія низпадшій, паки черезъ тебе возстанетъ. Дрозды бо, праотцы твои, быша издревлѣ на Русѣ и подъ Литвою и подъ Ляхами благородніи и сильніи крѣпостію и совѣтомъ защитники отечества и православной вѣры противъ бусурмановъ и Латиновъ; но десятихъ же лѣтѣхъ приложенія Малороссіи къ Московскому Царству, еже бысть въ лѣто отъ воплощенія Господня ҂АХ҃НА (1654), сущу Гетьману Бруховецкому и велію повсюду смятенію, егда злокозненный Дорошенко за Днѣпромъ со единомышленники своими, враговъ придержавшимися и поставившими его надъ собою Гетьманомъ, искаше вси тамошніи полки покорити, а Михаилъ Дроздъ, полковникъ Братславскій, отецъ прапрадѣда твоего, храбро ему сопротивляшеся, то, оскудѣвшей силѣ

его, взятъ бысть со градомъ Братславомъ и убіенъ отъ Дорошенка за вѣрность къ царю и къ законному Гетьману, иже за то притекшую къ нему вдову Дроздову и малолѣтняго его сына Данила, прапрадѣда твоего прія честно, и предстательствомъ старшины Адамовича, родственника ей, и Чечери, даде имъ панскій грунтъ и дворъ съ подданными и всѣми угодіями въ Хоцкомъ на помѣстье. Се начало Дроздоваго роду въ томъ селѣ купно же и вина его упадку: аще бо и бѣ уже старшій Даниловъ сынъ Гавріилъ, прадѣдъ твой, Атаманомъ, обачѣ отъ раздѣлу реченнаго грунту съ братіею несогласія ради, и отъ пожару—домъ его вельми изнеможе поставшимъ же паки воинскимъ смуткомъ и убіенну ему бывшу отъ Татаръ въ походѣ Крымскомъ, еще въ горшее паде расточеніе: дѣти бо его, сіе есть: дѣдъ твой Григорій съ братіею, осиротѣла малолѣтны, подданіи, нажившись ихъ добромъ, отступиша, сусѣдніи же паны и козаки въ долгое межгетманство при новизнахъ управныхъ и земскихъ велію часть Дроздовой земли себѣ присвоиша. Егда убо возросте дѣдъ твой съ братіею, никому же ихъ некнижнихъ заступающу, нужда имъ бѣ и самимъ уже остатокъ ей пахати, въ козаки учинившеся, въ нихъ же тако и отецъ твой Василій съ дядькомъ Никитою и ты съ братіями Андреемъ и Грицкомъ родистеся. Ты же прозываешися нынѣ Бонячевскимъ ради мене, яко пѣстуна и брата твоей бабки, по роду нашему Боняку, а по просту Буняку, иже произыде отъ одного воеводы иноплеменническаго, крестившагося въ плѣну на Кіевѣ съ двоима сынами въ Литовское обладаніе, и угодивши совѣтомъ и храбростію Гетьману Предславу Ландзикронскому и кралю Сигмунду Кажиміровичу Ягайлову, воспрія отъ нихъ волости на Волыни и тако живяше, откуды и Симсонъ Бонякъ, юноша и рицеръ благообразный, бѣ въ нарядѣ у краля Ганрѣя Валуя въ лѣто Господне ҂аф҃од (1574) и обрѣте благодать предъ очима его, яко же быти ему при немъ и отъити во франьскую страну, идѣже окаянный преклонься въ Латинскую ересь проименовася Мархисомъ—по писаніямъ его во свояси, отъ нихъ же проклятъ. Возтавшу же на Боняковъ гоненію, убѣжаша на сей бокъ Днѣпра въ Комаровку, идѣже воліею Божіею родъ сей до днесь во смиреніи своемъ ведется. Вся сія памятуй, да паче потщишися въ наукахъ, обаче не неради о здравіи твоемъ: есть бо главизна благодати. Иди убо и пиши мнѣ часто: сего ради даю тебѣ со крестомъ, иконою приснодѣвы Маріи и другими потребами еще и печатку мою, на ней же по синевицѣ могила, бунякъ бо есть сказуемое могила, якоже и наречеся единъ изъ сыновъ предреченнаго

воеводы, отшедшій во страны греческія. Знаменіе же рода твоего есть птица Дроздъ на червленныхъ крокваxъ съ копіемъ и шаблею, и свыше шоломъ. Богъ да благословитъ и соранитъ тя во всѣхъ путяхъ твоихъ. Аминь. Писахъ въ лѣто мірозданія ҂зсп҃. Рождества Христова ҂аѱо҃в (1772) Індикта е҃, мѣсяца Августа. Вуй и богомолецъ твой, Каѳедральный Екклисіархъ, Іеромонахъ недостойный Місаилъ.

Уніятская колядка. Слѣдующая колядка извѣстна въ уманскомъ уѣздѣ подъ именемъ уніятской. Въ настоящее время она приходитъ въ забвеніе, и ее можно услышать только отъ стариковъ, и то въ нѣсколько затемненномъ видѣ. Въ моемъ дѣтствѣ я долженъ былъ учить эту колядку и знать ее, какъ въ нѣкоторомъ родѣ народный катихизисъ. Въ «Очеркахъ исторіи южно-русскихъ апокрифически х сказаній и пѣсенъ»—Н. Ѳ. Сумцова (стр. 145) эта колядка называется *Еванђелистой пѣсней.* Колядка состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, которые, начиная отъ одного, идутъ до 12-ти въ такомъ порядкѣ:

«А ты, Янчыкъ навченòй
Межъ школами выбжанòй!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то иденъ есть?»
—Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ намы!
«А ты, Янчыкъ навченóй,
Межъ школами выбжанóй!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то два есть?
—Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ намы!
«А ты, Янчыкъ навченóй,
Межъ школамы выбжанóй!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то три есть?»
—А три патріархи,
Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ намы!

‹А ты, Янчыкъ навченòй и т. д.
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то четыре есть?›
—Четыре лысты Евангелысты,
А тры патріархи,
Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ нами!

Такимъ образомъ идутъ вопросы все далѣе, а въ отвѣтахъ повторяется все предыдущее; поэтому достаточно будетъ привести послѣдній вопросъ, чтобы знать этотъ своеобразный катехизисъ.

‹А ты Янчыкъ навченóй,
Межъ школами выбжанòй!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то дванадцять есть?›
—А дванадцять апостоливъ,
Одынадцятый самъ Господь,
Десять Божихъ прыказаній,
Девять Божихъ (чиновъ) ангельскихъ,
Восимъ Божихъ радостій,
Симъ сакраментивъ,
Шисть крали илии (sic) на Пресвентій Маріи,
Пять разъ серпенóй (sic) серцы Панокъ безвинной,
Четыре лысты Евангелысты,
А три патріархи,
Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ намы!›

Здѣсь непонятный шестой отвѣтъ нѣсколько объясняется изъ сопоставленія его съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ галицкой колядки: шесть ‹грають лелію панянковъ Маріовъ›. («Очерки» Сумцова, 145).

Пятый отвѣтъ, надо полагать, произошелъ изъ такого выраженія: пять разъ цѣрпяно́й, цѣрпи Панокъ безвинно́й.

Слово *выбжанòй* происходитъ отъ глагола—выбжити—выводить, воспитать: *пчолы выбжили матку*.

Такія выраженія, какъ: *на Пресвентій Маріи, симъ сакраментивъ сокрулюе* указываютъ дѣйствительно на польское, или уніятское происхожденіе вышеприведенной колядки.

Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.**

Распоряженіе генералъ-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Кіевъ (1764 г.)

1764 г. іюня 9-го дня по указу Е. И. В. генералъ аншефъ и кіевской губерніи генералъ-губернаторъ и кав. Глѣбовъ, по увѣдомленію обрѣтающагося въ Константинополѣ д. ст. сов. и резидента Обрескова о назначенномъ отъ Порты Отом. къ высоч. Е. И. В. посланникѣ Дервишъ-Эфендіѣ, усмотря изъ имѣющихся въ кіев. губ. канц. дѣлъ, что предъ симъ для встрѣчи при васильковскомъ форпостѣ оного Дервишъ-Эфендія, присланнаго въ 1755 г. отъ турецкого двора ко двору Е. И. В. посланникомъ, и для пріему и довольствія его пищею и протчимъ опредѣленъ и отправленъ былъ въ состоящій за васильковскимъ форпостомъ карантинной домъ кіев. горн. секундъ (что нынѣ премьеръ) маіоръ Ефремовъ и при немъ одинъ порутчикъ, одинъ лѣкарь да для кароулу и посылокъ ундеръ офицеровъ четыре, капралъ одинъ, гранадеръ тридцать человѣкъ, переводчикъ и два толмача, а какимъ образомъ оному маіору Ефремову въ принятіи и довольствованіи онаго посланника поступать, о томъ дана была ему инструкція; а по учиненному имъ ген. анш. и кав. Глѣбовымъ, сего іюня 2 дня опредѣленію и по посланнымъ указамъ и ордерамъ предложено находящемуся въ Кіевѣ при молд. гус. полку брегадиру Подгоричани для встрѣчи упоминаемаго турецкаго посланника нарядить изъ того молд. гус. п. сто человѣкъ гусаръ съ лошадьми и со всею принадлежащею воинскою аммуниціею и съ потребнымъ числомъ офицеровъ и по востребованіи, въ прибытіе онаго посланника къ здѣшней границѣ, быть онымъ гусарамъ во всякой готовности; васильковской погр. таможни директору Карасеву для оного жъ тур. посланника состоящій въ ниж. городѣ Кіева дворѣ Е. И. В. пѣвчаго Андрѣевскаго домъ, въ которомъ оной Карасевъ по найму имѣетъ жительство, очистить; а находящемуся при васильковскомъ форп. кіев. гарн. подполковнику Панину состоящій при томъ же форпостѣ казен. карант. домъ осмотрѣть и какъ для оного тур. посланника и для его свиты покой, такъ и для лошадей его жъ конюшни и для повозокъ сарай имѣть въ надлежащей готовности и исправности и, ежели что требовать будетъ какой либо починки, оную ему исправить; кіевскому магистрату для онаго-жъ посланника и для его свиты надлежащее число удобныхъ квартиръ въ ниж. гор. Кіевѣ отвесть и содержать оныя во всякой готовности; и для равномѣрной оного жъ тур. посланника встрѣчи отъ ген. войск. канц. требовано о командированіи изъ состоящихъ въ близости къ Кіеву мало-

россійскихъ кіевскаго или переяславскаго полковъ ста человѣкъ козаковъ съ потребнымъ числомъ старшинъ,—*приказалъ:*

1-е) для встрѣчи и пріему при васил. форп. помянутаго имѣющаго сюда быть тур. посланника командировать, по прежнему примѣру, кіев. гарн. сек. маіора Гущина и при немъ одного оберъ-офицера, да для карауловъ и посылокъ изъ воинскихъ служителей добропорядочнаго и трезваго состоянія, а именно: четырехъ ундеръ-офицеровъ, одного капрала, 30 человѣкъ гренадеръ, одного барабанщика, одного флейтщика, и одного фельдшера, съ принадлежащею амуниціею; но какъ о точномъ времени сюда оного тур. посланника пріѣзду еще неизвѣстно, то быть онымъ военнослужащимъ до пріѣзду посланничего при своихъ командахъ, неотлучая однако ихъ никуда, а по пріѣздѣ онаго посланника къ здѣшней границѣ и по востребованію его Гущина означенныхъ оберъ и ундеръ офицеровъ съ командою поручить ему Гущину, о чемъ въ кіев. об. коменд. канц. и къ нему Гущину послать ордеры, а находящагося при К. Г. К. кол. ин. д. переводчика Равича и двухъ толмачей отправить въ Васильковъ въ то время, къ которому точной пріѣздъ онаго посланника назначенъ будетъ;

2-е) понеже не безъизвѣстно, что состоящій въ ниж. г. Кіевѣ Андрѣевскаго домъ нѣкоторой требуетъ подчинки, то оному сек. м. Гущину, какъ объявленной нѣвчого Андрѣевскаго, такъ и назначенные отъ кіев. маг-та въ ниж. г. Кіевѣ для тур. посланника и для его свиты обывательскіе мѣщанскіе домы, кои кіев. маг-тъ долженъ ему Гущину показать, такъ и состоящій за вас. форп-мъ каз. кар. домъ немедленно осмотрѣть и, какой въ чемъ оной нѣвчаго А-го домъ требуетъ починки и въ коликое время ту починку можно исправить и что на ту починку, на матеріалы и за работу мастеровымъ, потребно денегъ или не сыщется-ль въ ниж. г. Кіевѣ, кромѣ онаго А-го дому, такого, въ которомъ оному тур. посланнику безнужно стоять было можно, тако жъ въ какомъ состояніи каз. карант. домъ находится, и буде по усмотрѣнію его Гущина явится для постою онаго посланника какой либо и мѣщанской домъ способенъ, то оной кіев. маг-ту велѣть содержать въ готовности и чистотѣ, а кои будутъ неспособны, то вмѣсто тѣхъ требовать отъ кіев. маг-та другихъ и о томъ къ нему, генералъ-губернатору, репортовать, а между тѣмъ, какимъ образомъ оному сек. м. Гущину въ принятіи оного посланника при границѣ и въ протчемъ поступать, о томъ для дачи ему изготовить съ надлежащимъ наставленіемъ ин-

струкцію; по полученіи жъ о точномъ времени пріѣзду онаго посланника въ Кіевъ извѣстія, о заготовленіи по тракту отъ Кіева до С.-Петербурга, по числу имѣющейся при оном посланникѣ свиты, подводъ, куда надлежитъ писать; что жъ принадлежитъ до лѣкаря, то въ посылкѣ онаго отсюда въ Васильковъ нужды не предусматривается для того что нынѣ при томъ васил. форп., по указу медиц. кол., для предосторожности отъ повѣтренной болѣзни находятся пограничные докторъ Полѣтика да лѣкарь Лигда, которой, что до его должности принадлежитъ, яко то въ пользованія больныхъ и въ протчемъ, долженъ исправлять и въ пріѣздъ тур. посланника къ здѣшней границѣ, о чемъ къ оному доктору Полѣтикѣ послать ордеръ; а въ протчемъ надлежаще къ пріѣзду и отправленію изъ Кіева онаго посланника чинить приготовленія.

А. А.

Рукописныя замѣтки на поляхъ книги „Миръ человѣка съ Богомъ", Иннокентія Гизеля, кіевской печати 1669 года. Книга эта составлена извѣстнымъ южно-русскимъ ученымъ XVII вѣка Иннокентіемъ Гизелемъ для руководства священникамъ при совершеніи таинствъ и особенно таинства покаянія, по образцу римско-католическихъ руководствъ, извѣстныхъ подъ обычнымъ названіемъ *Casus conscientiae*. Въ 1888 году дефектный экземпляръ этой книги доставленъ въ библіотеку церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи изъ полтавской губерніи преподавателемъ Полтавскаго Епархіальнаго женскаго училища В. Ковалевскимъ. Экземпляръ этотъ представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что на поляхъ его есть значительное число рукописныхъ замѣтокъ, въ которыхъ, по поводу тѣхъ или иныхъ требованій книги, изображаются современные автору замѣтокъ недостатки дѣйствительной жизни. Замѣтки писаны въ концѣ XVII вѣка, вѣроятно, какимъ либо священникомъ, получившимъ школьное образованіе, и могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для изображенія религіозно-нравственнаго и соціальнаго положенія малорусскаго общества въ это время. Независимо отъ содержанія, онѣ не безъинтересны и по языку, приближающемуся къ простонародной малорусской рѣчи того времени. Представимъ параллельно, съ одной стороны, текстъ книги «Миръ человѣка съ Богомъ» или, по крайней мѣрѣ, содержаніе пунктовъ ея, которыхъ касаются замѣчанія, а съ другой — самыя эти замѣчанія:

„Миръ человѣка съ Богомъ“:

Стр. 147. „Апостолъ глаголетъ: блудодѣянія ради, кійждо свою жену да имать“.

Стр. 148. Форма или совершеніе брака: „Азъ тебе взимаю себѣ въ жену, азъ тебе взимаю себѣ въ мужа“.

Стр. 149. Іерей долженъ испытывать о соизволеніи супружескомъ „и сіе благословеніемъ своимъ іерейскимъ утвердити долженъ“.

—Объ исповѣди передъ бракомъ въ смертныхъ грѣхахъ.

—„Добра супружескія... первое есть чадородіе“.

—„Второе есть вѣрность, дабы ни одинъ отъ супружниковъ не осквернилъ употребленія супружескаго ложемъ чуждымъ“.

Стр. 150. О томъ же.

—„Жена привязана есть закономъ, в нелико время живетъ мужъ ея“.

Стр. 151. Первое препятствіе къ браку есть насиліе.

Стр. 152. „Подобнѣ яко же до куплѣ требѣ совѣщанія вѣдающаго извѣстно о вещи извѣстной, яже та сама непремѣнно имат куплена быти“.

—Не имѣющій употребленія разума не можетъ имѣть и соизволенія на бракъ.

Стр. 154. Не безопасно вступать въ супружество и съ такимъ, который до брака лишался разума.

—Жениху должно быть не менѣе 14, а невѣстѣ не менѣе 12 лѣтъ.

Стр. 155. „Можетъ бо кто иногда на время, чрезъ чарованіе сотворити

Замѣчанія:

Добро то барзо Апостолъ святни учинилъ: бо лѣпшей терпѣти если жона перед очима и меншей раздеженіа безмѣрного: нижели щодніа залоти строити не маючи жоны своее.

Перед тым того николи паны не знали: ажъ Могила есть отворил имъ очи, а пред ся и того при шлюбѣ не употребляютъ тилко чи шлюбиш: шлюбую: чи любиш: люблю а болше нычого (абы тилко взят хутшѣи ползолотого)

Рѣдко то бывает хиба в розумныхъ поповъ.

Тому тепер смѣются простаки, навет по браку рок цѣлы не причащ... повѣдают же грѣх за...

То так бы мѣло быти, але не всѣ того намѣреніа.

Рѣдко и тое живет.

Козаки едною жункою не контентуются, але що город то инша.

А коли покинетъ тут одного там другого а тамъ третего то попе вѣнчай рад не рад мусиш. Ажъ тут и от Бога грѣхъ. и от пастира бѣда попу.

Тего тепер не маш хиба в неволѣ, ховай Боже.

Много так стрелцѣ московские ошусти чинят: же барзо людеи ошукивуют.

Але свати грѣшат що такихъ зводят.

А если же хто потаит з ных недуг свой, то и паче разорятись имат супружество такое безгрѣшно.

Тилко то у Литвѣ такихъ женят: и в Москвѣ: а у нас нѣт.

Того барзо мно(го) у дурной Руси же (рѣдко) живет веселе же б... которое

сице немощнымъ коего отъ супружниковъ".

Неспособные къ супружеству должны жить, какъ братъ и сестра, и неразлучаться.

Стр. 156. Черноризци и черноризицы да не женятся".

Супругъ, безъ соизволенія другаго супруга, не можетъ поступать въ монахи.

Грѣхъ, если бы духовникъ, или врачъ, въ бѣдѣ чьей великой, не хотѣлъ просить совѣта у разумнѣйшаго [1]).

—„Изобрѣтеніе новостей неподобающихъ".

—„Аще кто изъ залога плодоноснаго пріемлетъ плоды, и истязуетъ возвращенія взаимъ данныхъ пѣнязей своихъ всецѣлыхъ".

—„Аще бы кто умалялъ честь дня святаго работою, или оставленіемъ божественныя литургіи".

—О подаяніи убогимъ.

—„Егда кто паче мѣры мыслитъ о стяжаніи богатства".

—„Наслиіе или хищеніе, егда кто пріобрѣтаетъ имѣнія чуждая неправеднѣ":

—Продаваніе вышше цѣны.

—„О лжѣ купецкой".

—„Отпечатлѣніе писаній до иного писанныхъ; еже творити грѣхъ есть смертенъ".

—„Послушати пѣсней или словесъ студныхъ, съ сладостію и вожделѣніемъ тѣлесности, или съ бѣдою до того, смертенъ есть грѣхъ".

—„Степень нечистоты, „иже услаждаются въ ароматахъ и благоуханіяхъ женъ безстудныхъ".

—„Мерзкое употребленіе табаки".

з молод(ыхъ) не было почар(свано)... албо панна албо младенецъ.

Тото сут панове распутнаки на васъ.

.... щеринъ архимандритою былъ ... оженился.

А в Москвѣ якому не подобалас жена то постриженет тую поневоли да другую поимет себѣ за жону.

У нашихъ попув простых тое завше есть.

Казнодѣи мудріе тое чинят.

Так чинят всѣ арендарѣ.

Не знают по селахъ ни недили: ни свята.

Мало тепер милосердных людей.

Всѣ куцѣ таковы и господарѣ нѣкоторые.

По—Лащовску.

О крамарѣ.

Жаден купец без того обыстися не можетъ: аж бы пересталъ торговати.

Ахъ их много ест же собѣ за намѣншіи грѣхъ того не мают.

А на веселяхъ у простакувъ що човпется срамне ест изглаголати. (О горе что не слушаютъ и увѣщанія священническаго).

В Полщѣ того много есть.

Чтѣте табачники и разумѣйте что творите заживаючи сѣ часто.

---

[1]) Съ сего пункта и до 256 страницы нѣтъ указаній на страницы книги потому, что нумерація въ разсматриваемомъ экземплярѣ утрачена.

—Нарочитое возбужденіе похоти".

—Обжорство.

Стр. 256. Не слѣдуетъ цѣловаться съ женщинами.

—Допускается женщинѣ цѣловаться въ крайнихъ случаяхъ.

Стр. 257. Невозбранно цѣловаться образомъ честнымъ.

Стр. 258. Степень нечистоты—ножное ликованіе или плясаніе.

—Воспрещеніе плясать духовнымъ.

—Желаніе осквернитьсѧ во снѣ.

Стр. 260. Услажденіе нечистымъ сновидѣніемъ.

Стр. 265. „Аще бы кто отъ невоздержанія въ дни постныя ялъ мясо, упивалсѧ".

—„Аще бы кто, не истрезвившись добрѣ, службу совершалъ.

—О чревоугодіи и расточительности.

Стр. 266. Яденіе человѣческаго тѣла.

Стр. 268. Объяденіе.

Стр. 269: О принужденіи къ пьянству.

—Упиться ради исцѣленія здравія извинительно.

Стр. 270. О пьянствѣ.

Стр. 272. „Къ стяжанію мудрости потребно есть воздержаніе".

Стр. 274. О блевотинѣ и отрыжкѣ.

Стр. 291. Подобаетъ духовныхъ наипаче почитать".

Стр. 292. О неустойчивости при малыхъ мученіяхъ.

Стр.327. Нелюбовь къ исправляющимъ.

Яко тые которые пют конфертативу.

Але и горѣлка недобра и горчица и воробячее мясо и bulbus родъ есть цибули.

А звлаща на ноч небезпечно много ясти.

Якъ у Москвѣ цѣлуютъ жонь пред всѣми, явне.

Грызнеровнымъ то трудно.

Як и на свѣтлое воскресеніе.

Тото на Украинѣ и похвала у мужику.

Зрите духовницы.

Бывает и таа мысль у людей.

И тое бывает лихо у молодыхъ наибарзей.

Казацкая то и цнота еще.

Тут то попы вникнѣте.

В Полскои политицѣ тое живет.

Але в великій голод: и люден люде ѣдят: якъ было под Кремянцемъ Берестоцкого лѣта (Anno 1651).

А на веселяхъ и бенкетахъ: що чинят политикове.

А що ж бы то была за чест: же бы хто з неѣ не впившись пошол трезво.

Наприклад гды бы вина венгерского доброго кварту выпити.

Так те ж и есть же болшей піанства загуба людем бѣдным.

Знаменай. А нащо ж п. п. казнодѣи предъ казанемъ вино пют або горѣлку любъ правда не кождій.

А простакови то и не честь коли он не ублюется бо еще з того хвалится.

Ахъ як на Украинѣ мѣсто чести безчестіа много.

Знаменай сие лютое непостоянство. Добре чинят москалѣ хоч як мучат то оттерпится.

Простаки всѣх духовных не любят а

Стр. 328. „Ни во что же веще духовныя почитать“.

—О лѣности.

—Разсѣянность въ церкви.

Стр. 335. Сопротивленіе познанной истинѣ, напр. о геенѣ, страшномъ судѣ.

Стр. 340. Озлобленіе убогихъ.

Стр. 344. О выкупѣ плѣнныхъ.

—О непогребеніи на св. мѣстѣ и по чину церковному богохульниковъ, ереиковъ и т. п.

Стр. 345. Невѣжду научити.

Стр. 352. „Пищею же и одеждою мѣрною должны доволными быти“.

—Отъ избытка церковныхъ имѣній нужно подавать убогимъ.

Стр. 354. Милостыня должна быть отъ праведнаго прибытка.

Стр. 355. „Лучше бы не даяти, яко да уцѣломудрятся“.

Стр. 369. „Самъ себе явѣ согрѣшая злословилъ“.

Стр. 377. Поздравленіе необязательно и по отношенію къ друзьямъ.

Стр. 382. О честолюбіи и корыстолюбіи епископовъ.

—Нужно посвящаться только ради добра церкви.

—Епископъ долженъ имѣть при себѣ учительныхъ людей, если самъ не учителенъ.

—О созваніи помѣстныхъ соборовъ.

Стр. 384. Приходской священникъ долженъ помогать въ смертоносіе, хоть и чрезъ другаго священника.

—О знаніи прихожанами молитвъ.

звлаща попувъ.

Якъ козаки.

Нашы всѣ дяки и попы сами не знают що читают.

А в москалювъ то то и справа що в церкви о всемъ размовляти.

Мало простаки тому вѣрят.

А у Москвѣ поти шелепами бют за долгъ, поки ажъ отдастъ.

Немаш тепер такихъ же бы искупилъ.

А наши попы того ничого не глядятъ абы тилко заплативъ гораздъ.

Почни тилко запорозцовъ учити сам обачишъ.

А блаваты жъ где подѣнемо не пурпуры.

Николи того у ктиторовъ не бывало и не будет.

А козаки наши в Полши церквы подрали да тут на Украинѣ мѣсто своего надают на церквы еще и хлюбятся з того (мовячи яко давъ мое то).

Тут то броварники картники гултае нехаи научатся що ходячи на тутунъ осмачка просят або на щасте пройграт.

Яко попы и чернцѣ що в корчмах упиваются.

А на Украины що дня конечне треба здоровкатися.

Тепер и жадного епископа не маш: же бы духовне для церкве тилко посвящался.

Добра, але рачей для свѣцкаго добра посвящаются.

У греков уже тепер учителя немашъ, всѣ купцѣ да кушнерѣ и епископи и митрополиты.

Того николи не маш ради злых временъ.

То южъ можнаа реч чрезъ викариювъ але сам не пуйдет.

А другий пупъ и самъ не знае що и Отче наш умѣет.

Стр. 385. Не разрѣшать имѣющаго наложницу, если не разстанется съ нею.

Москалѣ всѣ начальныи люде тут живучи на службѣ маютъ наложницы и великое лихо човпут а мусятъ ихъ попы розгрѣшати: бо заразъ бы кабалу на попа ложили або казали его окрасти или обезчестити.

Стр. 386. Обличеніе явногрѣшниковъ.

—„Аще бы проповѣдали ложная нѣкая чудеса“.

—Въ проповѣдяхъ не слѣдуетъ заботиться о томъ. чтобы говорить новое.

Стр. 387. О нравоученіи въ проповѣдяхъ.

—О монахахъ, живущихъ внѣ монастыря.

—Несоблюденіе обѣта нищеты.

В римскомъ костелѣ тое ведется, а в нас похлѣбства много и страшно тое чинити.

У неуков попув того много.

Теперь тото и казнодѣя щощо новогo повѣде, а без концептов и не казане.

Мало теперь таких жебы нравоученіе перестерегали, а хоч хто такъ и учит: то не любят и слухати.

Ест такихъ много на Вкраинѣ.

Стр. 391. О притираніяхъ лица.

А шкатула где з грошми подѣнется. А солетерка з вудками: а барила з настоями: А ящѣ: А шаты строенне. А конѣ колясы пахолки хлопцѣ.

Стр. 392. О блудѣ между обрученными.

Тое тилко в Полщѣ а въ Москвѣ, а тутъ у нас того немашъ.

Стр. 394. Грѣхъ не отдавать до науки или художества дѣтей.

А по игрищах що дѣют и необрученіи, а трудно ихъ вывести хиба бы свѣцкая власт.

Ахъ мню я в том грисѣ за моего Артемона: любо не по волѣ моей болши з немощи.

Стр. 400. „Мзду отъ господей вземше и отдѣлавше отбѣгаютъ“.

Все тое злое на Украини за законъ маютъ.

Стр. 405. Грѣхъ приневоливать къ супружеству.

Тое дѣлаютъ москалѣ.

Стр. 408. Грѣхъ, „аще судиша судьи неотносящееся къ нимъ.

Якъ козаки судятъ малженство.

Стр. 416. О своевольныхъ купахъ наѣздническихъ.

Якъ теперъ Кнашки Мурашки.

Стр. 417. Христіанъ въ плѣнъ берутъ.

Все тое было за Хмелницкого и теперъ ест.

Стр. 418. Плѣнные проклинали родителей своихъ.

Як слышу на катаргах дѣется. ховай Боже.

Стр. 419. Грѣхъ—продавать по высокой и покупать по низкой цѣнѣ.

Всѣ, всѣ Киане звлаща наибарзнѣй.

Стр. 420. Вывозятъ хорошую монету, а привозятъ худую.

Греки Москва тое чинятъ.

—Объ исповѣди и сожалѣніи о грѣхахъ.

Стр. 440. Объ исповѣди и выборѣ вопросовъ для кающагося.

Стр. 441. Объ исповѣди.

Стр. 443. О постриженіи священниковъ.

Стр. 449. О духовникахъ, не смѣющихъ обличать кающагося.

У москалюв и не знают що то жаловати за грѣхи: толко всего каюса батушку.

А у Московскихъ требниках хоч бы святій пришолъ исповѣдатися, наслухается чого и на ум ему николи не приходило. Тото дурнота.

Нигды того ничого духовники наши не знаютъ хто не учился казус Конс-циенціи иже ест сиа книга ныне.

Тепер стригутся попы щобъ панщины не робити тилко.

Такого мѣлъ небожчикъ Бруховецкій духовника з Канева Онофрія; що дрижал перед ним он: а не сповѣдаючійся панъ Бруховецкій.

Н. П.

Библіографія.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ четвертый. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Спб. 1891.

Прекрасное изданіе гр. Толстаго и проф. Кондакова довольно быстро подвигается впередъ и въ настоящемъ выпускѣ уже приближается къ осуществленію поставленной издателями задачи «представить историческое образованіе и развитіе древне-русскаго искусства въ точныхъ снимкахъ съ художественныхъ памятниковъ русской древности и старины» [1]). Въ первыхъ трехъ выпускахъ разсматриваются памятники народовъ, жившихъ на русской территоріи до появленія русскаго государства, въ настоящемъ выпускѣ изданіе впервые касается памятниковъ искусства христіанскаго (византійскаго) и возникшаго подъ его непосредственнымъ вліяніемъ древне-русскаго. Имя проф. Кондакова, одного изъ извѣстнѣйшихъ изслѣдователей византійскаго искусства, служитъ ручательствомъ научнаго достоинства сочиненія. Все это придаетъ настоящему выпуску особенный интересъ.

По содержанію книга распадается на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ описаны христіанскіе памятники Крыма: развалины Херсонеса, пещерные города Крыма, а также развалины нѣкоторыхъ другихъ храмовъ и нѣкоторые памятники древне-христіанскаго искусства, найденные въ Крыму. Во второмъ отдѣлѣ описаны многіе храмы Грузіи и Арменіи, а также древніе кресты, иконы и евангелія, въ нихъ находящіяся (особенно подробно описана Хахульская икона Божіей Матери въ Гелатскомъ монастырѣ). Въ третьемъ отдѣлѣ находится подробное описаніе Кіево-Софійскаго собора и краткія свѣдѣнія о

[1]) См. „Русскія древности“, вып. I, предисловіе.

Михайловскомъ и Кириловскомъ монастыряхъ; въ заключеніе представлено описаніе древнихъ кіевскихъ монетъ и печатей. Кромѣ описанія отдѣльныхъ памятниковъ, въ книгѣ встрѣчаются и общія замѣчанія о нихъ,—такъ описанію христіанскихъ базиликъ Херсонеса предпосланы общія свѣдѣнія объ этомъ типѣ храмовыхъ изданій, описанію грузинскихъ храмовъ—обстоятельная характеристика грузинской церковной архитектуры и орнаментики. При описаніи отдѣльныхъ памятниковъ составитель высказываетъ свое мнѣніе о ихъ древности и историческомъ значеніи, нерѣдко расходящееся съ общепринятымъ, но основанное на сравнительно археологическомъ изученіи памятника (таковы мнѣнія о древности Инкерманскихъ храмомъ и многихъ Грузинскихъ монастырей). Иногда приводятся и мнѣнія другихъ изслѣдователей, къ сожалѣнію не въ формѣ точныхъ ссылокъ, которыя могли бы послужить указаніемъ для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ; впрочемъ этотъ недостатокъ въ извѣстной степени пополняется помѣщеннымъ въ концѣ книги спискомъ источниковъ. Таково въ общихъ чертахъ богатое и разнообразное содержаніе книги. Вся книга состоитъ изъ 176 стр. съ 168 рисунками, исполненными съ обычнымъ изяществомъ, къ которому пріучили читателей первые выпуски книги. Древностямъ Крыма посвящено 35 стр. съ 28 рис.; древностямъ Кавказа 75 стр. съ 58 рис.; древностямъ Кіева 64 стр. съ 82 рисунками.

Отдавая полную справедливость указаннымъ уже достоинствамъ изданія, не можемъ не указать и на нѣкоторые недостатки. Такъ распредѣленіе отдѣловъ книги кажется намъ не совсѣмъ пропорціональнымъ значенію описываемыхъ памятниковъ для поставленной издателями задачи—представить образованіе и развитіе древне-русскаго искусства: второй отдѣлъ представляется намъ болѣе подробнымъ, чѣмъ того требовала необходимость (особенно подробное описаніе и многочисленныя, хотя и художественно выполненныя, изображенія Хахульской иконы; третій, посвященный памятникамъ Кіевской древности—слишкомъ краткимъ. Форма изложенія представляетъ тотъ-же недостатокъ, какъ въ первыхъ выпускахъ: слишкомъ много мѣста отведено описанію отдѣльныхъ предметовъ, въ ущербъ общимъ разъясненіямъ, имѣющимъ особенно важное значеніе въ виду широкаго распространенія изданія въ обществѣ. Большое неудобство для пользованія книгою представляетъ отсутствіе оглавленія и даже раздѣленія текста на главы. Не смотря на популярный характеръ изданія, нѣкоторые спеціальные термины оставлены безъ объясненія, напр.: на

стр. 63—экседра, на стр. 82—флеронъ, на стр. 23—колобій; впрочемъ послѣднее слово объяснено на стр. 35; за то терминъ «Деисусъ» объясненъ два раза—на стр. 84 и 123. На стр. 107 встрѣчается опечатка, которая можетъ привести читателя въ недоумѣніе: говоря о «крайней миніатюрности» фигуръ на одномъ крестѣ, авторъ указываетъ размѣръ фигуръ Іоанна Златоуста *«всего 0,025 милиметра»* (вѣроятно нужно читать метра, или 25 милиметровъ). Само собою разумѣется, что всѣ эти недостатки не умаляютъ значенія изданія, составляющаго одно изъ самыхъ видныхъ явленій русской исторической литературы.

Для мѣстнаго изданія особый интересъ представляетъ третій отдѣлъ книги. Большая часть этого отдѣла посвящена описанію К.-Софійскаго собора. Описаніе это представляетъ сокращенное изложеніе сочиненія гг. Айналова и Рѣдина[1]), которое составляетъ объяснительный текстъ къ изданнымъ Им. Р. Арх. Общ. снимкамъ съ мозаикъ и фресокъ Кіево-Софійскаго собора. Изслѣдованіе это, по словамъ авторовъ, «появленіемъ въ свѣтѣ обязано главнымъ образомъ проф. Н. П. Кондакову, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго оно писалось и обработывалось». Нельзя не порадоваться, что проф. Кондаковъ нашелъ возможнымъ сдѣлать доступною для обыкновеннаго читателя сущность этого прекраснаго но мало-распространеннаго изданія.

«Въ современномъ видѣ церковь Св. Софіи, говоритъ проф. Кондаковъ, походитъ болѣе на церкви монастырскія, нежели на ту «митрополію»—великую церковь, какую имѣлъ въ виду создатель храма Ярославъ. Въ настоящее время самый характеръ зданія, нѣкогда залитаго свѣтомъ, необходимымъ для глубокаго тона его мозаикъ, совершенно искаженъ, по причинѣ того, что храмъ погруженъ во мракъ облѣпившими его до верху пристройками». «Первоначальный планъ собора заключалъ въ себѣ пять нефовъ и соотвѣтственно имъ пять алтарныхъ абсидъ.... Съ трехъ сторонъ образуемаго пятью нефами квадрата устроены хоры и внутри этого же квадрата заключается вся мозаическая и фресковая роспись» (стр. 114—115). Опредѣливъ такимъ образомъ объемъ древняго храма, авторъ переходитъ къ подробному описанію мозаики и фресокъ, иллюстрируемому мно-

---

[1]) Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи Д. Айналова и Е. Рѣдина. Спб. 1889. Отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ Имп. Русск. Арх. Общества“, т. IV.

жествомъ снимковъ. Особенный интересъ представляетъ здѣсь новое, принадлежащее проф. Кондакову, объясненіе фресовъ лѣстницъ [1]). По мнѣнію автора содержаніе лѣстничныхъ фресокъ К.-С. собора взято исключительно изъ древности византійской и никакого прямого отношенія къ древне-русскому быту не имѣетъ (стр. 148)».

За описаніемъ Софійскаго собора слѣдуетъ краткое описаніе Михайловскаго монастыря и сохранившагося въ немъ мозаичнаго изображенія Тайной Вечери, а также—нѣкоторыхъ фресокъ Кирилловскаго монастыря. Не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что издатели дали далеко не полное описаніе кіевскихъ древностей. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ни церкви Спаса на Берестовѣ, ни Трехсвятительской (св. Василія), ни Печерской, ни Выдубецкаго монастыря. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ церквей не сохранились въ древнемъ своемъ видѣ, но, во первыхъ, этого нельзя сказать обо всѣхъ названныхъ церквяхъ, а во вторыхъ, даже неполные остатки древнерусской архитектуры представляютъ большой интересъ для исторіи образованія русскаго искусства. Такое умолчаніе представляется намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что нѣкоторые изъ названныхъ храмовъ упоминаются въ книгѣ, но совершенно случайно и безо всякихъ объясненій,—такъ на стр. 124 упомянута фреска ц. Спаса на Берестовѣ, на стр. 75—печерская Богоматерь.

Нельзя не пожалѣть также, что изъ христіанскихъ древностей Кіева разсматриваются одни только храмы и не упомянуты древніе барельефы, иконы, кресты и т. п., какъ это сдѣлано относительно монастырей Грузіи. Мѣстныя церкви, а также коллекціи общественныя и частныя могли-бы представить для этого достаточный матеріалъ.

Трудно согласиться съ слѣдующимъ отзывомъ автора о мозаикѣ Михайловскаго монастыря: «общій характеръ стиля ниже софійской мозаики; уже нѣтъ той цѣльности въ манерѣ представленія апостольскихъ группъ, и мастеръ, не имѣя къ тому ни силъ, ни средствъ, ищетъ наивнаго разнообразія въ постановкѣ фигуръ; пропорціи утрированы до крайности: несоразмѣрно малы головки, руки и ноги, драпировки спутаны, и подъ одеждами не чувствуется тѣла. Въ техническомъ отношеніи мозаика отличается сѣрыми, безцвѣт-

---

[1]) Подробное изложъ. этого объясненія см. у Айналова стр. 102—133 съ ссылкою на ст. Н. П. Кондакова „о фрескахъ лѣстницъ К.-С. собора и въ Зап. Имп. Русск. Арх. Общества“ т. III.

ными тонами и страдаетъ обиліемъ камня и шифера» (стр. 162—3). Соглашаясь съ указаніемъ на несовершенство техники (доказательствомъ можетъ служить, кромѣ сказаннаго, и сравнительная непрочность Михайловскихъ мозаикъ), мы никакъ не можемъ согласиться съ отзывомъ о концепціи фигуръ, и авторитетному мнѣнію пр. Кондакова можемъ противопоставить не менѣе авторитетное мнѣніе пр. Прахова, который въ своей рѣчи объ открытіи фресокъ Кирилловскаго монастыря[1]) говоритъ: «Сравните фрески и мозаики Софійскія, греческія XI вѣка, съ Михайловскими мозаиками и Кирилловскими фресками, русскими XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенности, что въ живописи XII в. стиль, прежде условный и нѣсколько деревянный, уступаетъ мѣсто бо́льшей естественности, бо́льшей свободѣ. *Взгляните на эти двѣ мозаики: Евхаристію Софійскаго алтаря и Евхаристію Михайловскаго алтаря* и для примѣра сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ Іисусу Христу съ чашей—вы неминуемо отдадите преимущество Михайловскому изображенію.... *Стиль колеблется*, такъ какъ въ принесенныя Византіею формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить *живыя наблюденія*.... Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII началомъ самостоятельной художественной дѣятельности». Намъ кажется, что достаточно взглянуть на помѣщенныя въ книгѣ изображенія Софійской и Михайловской Евхаристіи, чтобы видѣть, кто изъ двухъ ученыхъ спеціалистовъ вѣрнѣе оцѣнилъ ихъ значеніе въ исторіи русскаго искусства.

В. Щербина.

Ал. С. Фаминцынъ: Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа: балалайка, кобза, бандура. торбанъ, гитара. Спб. 1891 г. Ц. 3 р. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками.

Недавно мы давали отчетъ на страницахъ «Кіевской Старины» о замѣчательной книгѣ г. Фаминцына «Гусли»; теперь приходится говорить и еще объ одной его книгѣ, пожалуй, еще болѣе любопытной и замѣчательной. Повидимому, авторъ задался цѣлію исподволь, въ рядѣ изслѣдованій, изучить и выяснить весь кругъ музыкальныхъ орудій русскаго народа на сѣверѣ и югѣ Россіи. И нужно сознаться, почтенный авторъ владѣетъ всѣми средствами для

[1]) Ж. М. Н. П. 1883. № 3.

этого: замѣчательной начитанностью, полнымъ знаніемъ предмета, въ которомъ онъ чувствуетъ себя хозяиномъ, трезвымъ критическимъ чутьемъ и чувствомъ мѣры. Въ настоящей книгѣ, какъ намъ кажется, предметъ исчерпанъ вполнѣ.

Состоитъ она изъ 6 главъ, сообразно количеству разсматриваемыхъ «родовыхъ» музыкальныхъ орудій, и изъ музыкальнаго приложенія, въ которомъ помѣщены ноты (пѣсни и пляски) для балалайки, бандуры (изъ репертуара покойнаго слѣпца бандуриста Остапа Вересая) и гитары.

Мы разсмотримъ главнымъ образомъ тѣ результаты изслѣдованія г. Фаминцына, которые относятся къ наиболѣе занимающимъ насъ инструментамъ кобзѣ и бандурѣ. По его, вполнѣ вѣроятному, мнѣнію, хотя въ настояще время *кобза* и *бандура*, *кобзарь* и *бандуристъ*—выраженія тождественныя, «но нѣкогда существовало различіе между ними, съ теченіемъ времени утратившееся, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было бы нужды называть одинъ и тотъ же предметъ, тѣмъ болѣе принадлежавшій къ обиходной жизни малорусса, двумя различными именами. Притомъ же оба эти имени—не русскія, а иностранныя, исходящія изъ двухъ прямо противоположныхъ центровъ. Произойти могла такая двойственность названія такимъ образомъ: старинный инструментъ, вошедшій въ употребленіе въ народѣ, современемъ могъ замѣститься другимъ, болѣе новымъ, до извѣстной степень сходнымъ съ первымъ, но, вѣроятно, болѣе усовершенствованнымъ; имя новаго инструмента не въ силахъ было исторгнуть изъ народной памяти названія сходнаго съ нимъ прежняго, хотя и менѣе совершеннаго музыкальнаго орудія, и въ результатѣ должно было получиться перенесеніе народомъ стараго названія на новый сходный предметъ, который и оказался, вслѣдствіе того, носителемъ двухъ именъ—своего собственнаго и перенесеннаго на него болѣе древняго, чужаго»[1]).

---

[1]) Относительно взаимнаго отношенія этихъ музык. орудій, изъ которыхъ о малорусской кобзѣ собственно ничего не извѣстно, г. Фаминцынъ приводитъ сообщеніе г. Ригельмана, писавшаго въ 1785—6 г. что „игра ихъ (т. е. малороссовъ) бываетъ болѣе на скрипкахъ, на цымбалахъ, на гусляхъ, на бандурѣ и на лютнѣ, притомъ и на трубахъ. А сельскіе по деревнямъ играютъ также на скрипкахъ, на кобзѣ (родъ бандуры) и на дудкахъ“. Это свидѣтельство прямо указываетъ на первоначальную нетождественность кобзы и бандуры. (Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. 1848 г. IV стр. 87).

Что казается до названій *кобза* и *бандура*, то первое авторъ вполнѣ справедливо признаетъ турецко-татарскимъ: слово это, въ формѣ *кобза*, *кобозъ*, *кобузъ* извѣстно было несомнѣнно и древнимъ половцамъ [1]), и татарамъ. Даже у теперешнихъ минусинскихъ татаръ (въ енисейской губ.) употребляется для сопровожденія при пѣніи народныхъ богатырскихъ пѣсенъ балалайко-образное музыкальное орудіе, называемое *кобызъ*. Такъ же точно, намъ кажется, и *бзура* крымскихъ татаръ есть сокращенное кобзура. У турокъ *копузъ*—нѣчто въ родѣ гитары, снабженной одною толстою струною Въ Венгріи тоже издавна встрѣчаемъ названіе «кобзъ» или «кобозъ», каковое, напримѣръ, въ словарѣ 1604 г. переводится черезъ слова: пандура, лира. У румынъ и до сего дня употребляется струнное музыкальное орудіе «кобза», очень схожее съ лютнею.

Что же касается слова «бандура, пандура», то г. Фаминцынъ производитъ его отъ арабскаго танбура, изъ котораго будто бы по перестановкѣ, образовались, пандура или пандзура (болгарск.) и бандура (испанск. bandurria, француск. mandore, итальянск. mandola, англ. bandore и пр.). Ненародное происхожденіе бандуры, явившейся въ Малую Русь изъ западной Европы чрезъ Польшу, выразилось и въ томъ еще, что нѣкоторыя существенныя части бандуры слывутъ у малороссовъ подъ иноземными названіями; таковы: *дейка* (голосная доска, верхнякъ, отъ нѣмец. Decke), *бунты*, (длинныя струны, отъ нѣмецк. Bünde, навязки, лады на шейкѣ), названія струнъ: *басы*, прима, терція. Названія эти, по справедливому замѣчанію г. Фаминцына, свидѣтельствуютъ не только о заимствованіи вообще, но о заимствованіи сравнительно позднемъ [2])... Описанія, даваемыя авторомъ избраннымъ имъ музыкальнымъ орудіямъ, отличаются замѣчательною обстоятельностью и снабжены множествомъ всякаго рода рисунковъ, нотныхъ

---

[1]) Въ извѣстномъ латино-персидско-куманскомъ словарѣ 1303 г. (Codex Cumanius, неизвѣстно кѣмъ составленъ) встрѣчается слово *кобузчи* = игрецъ на кобзѣ, по переводу В. В. Радлова; тамъ же есть и слово: кобсаганъ—псаломъ, псалмопѣніе.

[2]) По поводу филологическихъ объясненій г. Фаминцына мы должны замѣтить, что они иногда не отличаются ни опредѣленностію, ни устойчивостью. Такъ, мы уже говорили выше, что слово „пандура, бандура“ онъ выводитъ, путемъ перестановки, изъ арабско-персидскаго „танбуръ“. На страницѣ же 32 въ примѣчаніи онъ самое это названіе „танбуръ“ пытается произвести, путемъ той же перестановки, изъ древняго восточнаго названія одного музыкальнаго орудія „пандура“, о которомъ упоминаютъ Атеней, Юлій Поллуксъ и другъ.

примѣровъ и пр. Относительно каждаго орудія указанъ его строй, способъ игры на немъ, составныя части, разновидности, извѣстнѣйшіе представители игры и пр., такъ что читатель имѣетъ возможность получить самое полное и отчетливое понятіе о занимающемъ его предметѣ. Особенно пріятно видѣть въ авторѣ начитанность въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ и вообще то вполнѣ законное уваженіе, съ какимъ онъ относится къ свидѣтельствамъ этихъ могучихъ произведеній народнаго творчества объ изучаемыхъ имъ предметахъ. Это, впрочемъ, иначе и быть не можетъ, если хотятъ обслѣдовать предметъ съ возможною всесторонностью, полнотою и безпристрастіемъ. Въ заключеніе назовемъ тѣхъ лучшихъ представителей игры на указанныхъ музыкальныхъ орудіяхъ, свѣдѣнія о которыхъ находимъ въ книгѣ г. Фаминцына. Изъ бандуристовъ отмѣчены имъ въ особенности Бѣлиградскій (впослѣдствіи замѣчательный лютнистъ, прославившійся и за границею), Григорій Михайловъ (дворцовый), Андрей Шутъ и знаменитый Остапъ Вересай; изъ торбанистовъ указаны Григорій и Каэтанъ Видорты, Онуфрій Ворожбюкъ и Иванъ Александровъ, уроженецъ вологодской губ.

Григорій Видортъ (род. въ 1764 г.) былъ, по свидѣтельству г. Максимова (см. «Сибирь и Каторга») однимъ изъ торбанистовъ Вацлава Ржевускаго, погибшаго въ повстаніи 1831 г., и въ честь своего господина, любителя коней и украинской музыки, слагалъ пѣсни, распѣвавшіяся впослѣдствіи по Сибири сосланнымъ на каторгу его ученикомъ Ворожбюкомъ. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ, приведенная въ книгѣ г. Фаминцына:

Гей выихавъ нашъ Ревуха
Въ чистый степъ гуляты,
Перевисывъ черезъ плечи
Сагайдакъ богатый.
Грай море! чорне море, биле море,
Сыне море, гала—гиду гу-гу-гу-гу...
Сивы кони поимали
Гнѣдые и чорны
Тишьте мене, щобъ не тужилъ,
Ревуха моторный
Грай море! и т. д. (припѣвъ).
Шахтамиръ, Тамира, (имена коней)
То мои соколы!
Колы всяду, смило иду
Не спаду николы.
Грай море! и т. д.

Григорій Видортъ умеръ въ 1831 г. уже на службѣ у Евстафія Сангушки, передавъ свое искусство сыну Каэтану, послѣднему, по словамъ г. Фаминцына, *торбанисту-художнику*. Сынъ Каэтана уже не обладалъ дарованіями дѣда и отца, но еще продолжалъ тѣшить игрою на торбанѣ и пѣніемъ прежде сложенныхъ пѣсенъ Сангушка Романа. Игра на торбанѣ представляетъ, по своему размашистому, шляхетско-удалому характеру рѣзкую противоположность жалобному напѣву бандуриста, сопровождаемому трогательнымъ наигрышемъ его тоскливаго друга—кобзы. Несомнѣнно, игра торбанистовъ отразила на себѣ общій характеръ богатыхъ домовъ польскихъ вельможъ съ ихъ разнузданною жизнію, какъ и самъ инструментъ служилъ, главнымъ образомъ, къ униженному восхваленію и льстивому возвеличенію этихъ распущенныхъ людей. Этимъ, быть можетъ, можно объяснить то любопытное обстоятельство, что торбанъ, перешедшій въ Великую Русь изъ Малой, послужилъ въ первой изъ нихъ, главнымъ образомъ, для увеселенія посѣтителей корчмы и кабака, пѣсни же торбанистовъ скоро прославились необычайной нескромностью и цинизмомъ своего содержанія.

А. Степовичъ.

---

1) Коваленко «О народной медицинѣ въ переяславскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи», въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1891 г. IX 141—150.
2) Řehoř, Lidova lečba u haličskych Malorusů, въ Časopis Musea českeho 1891 г. LXV ч. 2 стр. 281—297.

Въ послѣднее время въ Западной Европѣ и въ Россіи обращено серьезное вниманіе на медицину народную. Въ этой области фольклора сошлись интересы представителей различныхъ спеціальностей, медиковъ и этнографовъ. Въ европейской научной литературѣ существуютъ крупныя изслѣдованія о народной медицинѣ англійскаго ученаго *Блэка* (Black), испанскаго—*Рубіо*, нѣсколько статей нѣмецкихъ ученыхъ (Яна и др.). Въ текущемъ году вышелъ обширный и цѣнный трудъ *г. Удзѣла* „Medycyna i przesądy lecznicze ludu polskiego“. Русская литература о народной медицинѣ довольно богата, но весьма разбросана. Главные труды принадлежатъ *г. Флоринскому* (лѣчебники и травники), *г. Демичу* (акушерство и гинекологія у народа) и *г. Аршинову* (о народномъ лѣченіи въ казан. уѣздѣ). Малорусская этнографическая литература въ послѣднее время дала двѣ статьи о народной медицинѣ: *г. Коваленка* «О народной медицинѣ въ Пере-

яславскомъ у. Полтавской губ. въ IX кн. Этнограф. Обозр. и статью г. *Řehoř'a* о народной медицинѣ галичанъ въ послѣдней книжкѣ Часописа Чешскаго Музея. Статьи эти взаимно дополняютъ одна другую.

Статья г. Коваленка составлена исключительно по личнымъ наблюденіямъ. Въ статьѣ находятся краткія замѣтки о міровоззрѣніи народа, о положеніи въ уѣздѣ земской медицины, объ отношеніи къ ней крестьянъ, о знахаряхъ и др. лицахъ, занимающихся въ селахъ лѣченіемъ помимо научно-образованныхъ врачей. Статья написана живымъ слогомъ, читается легко, но бѣдна содержаніемъ.

Гораздо содержательнѣе статья г. *Řehoř'a*. Авторъ говоритъ по своимъ личнымъ наблюденіямъ, по фактическимъ даннымъ, разбросаннымъ въ разныхъ галицко-русскихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Pokucie» Кольберга. Личныхъ наблюденій немного, и при чтеніи статьи трудно разобрать, что собственно взято авторомъ непосредственно изъ народной жизни. Въ статьѣ перечисляются и мѣстами описываются народныя лѣчебныя средства отъ головной боли, болѣзней глазъ и зубовъ, кори, оспы, рожи, коросты, опухолей, кровотеченій, лишаевъ, чирьевъ, бородавокъ, заѣдъ, заногтицы и др. Приведено нѣсколько заговоровъ, не представляющихъ по содержанію чего-либо новаго или оригинальнаго. Указано много травъ, входящихъ въ галицко-русскую народную медицину. Вообще статья г. Р. составляетъ полезный вкладъ въ малорусскій фольклоръ. **Н. С.**

Письма Вас. Ив. Туманскаго и его неизданныя стихотворенія. Черниговъ 1891 года.

Это рядъ писемъ поэта пушкинской эпохи В. И. Туманскаго къ своей двоюродной сестрѣ С. Г. Туманской, совершенно частнаго, даже интимнаго характера. Но этотъ самый характеръ, по своей непосредственности, сообщаетъ письмамъ бытовой, можно сказать, даже историческій интересъ: такъ проникнуты они духомъ своего времени, такъ вводятъ въ него читателя. Нельзя не признать поэтому счастливою мысль издателя книги, графа Г. А. Милорадовича, обнародовать эту частную переписку. Еще раньше, въ 1881 г. въ Петербургѣ, имъ же изданы «Стихотворенія В. И. Туманскаго». Напечатанные въ настоящей книгѣ стихи являются дополненіемъ къ прежде изданнымъ и взяты изъ оставшихся послѣ смерти автора бумагъ, альбомовъ и т. п.

В. И. Туманскій (1800—1860 г.г.) былъ внукомъ послѣдняго малороссійскаго генеральнаго писаря Вас. Григ. Туманскаго, смѣнив-

шаго А. Я. Безбородка. Онъ учился въ харьковской гимназіи, Петропавловскомъ училищѣ въ Петербургѣ и слушалъ лекціи въ Парижѣ. Въ Петербургѣ былъ близокъ съ лучшими литераторами того времени. Въ 1823 году онъ поступилъ на службу въ канцелярію новороссійскаго генералъ-губернатора М. С. Воронцова и переѣхалъ жить въ Одессу. Въ 1824 году познакомился и сблизился съ Пушкинымъ, бывшимъ тогда въ ссылкѣ въ Бессарабіи. Потомъ служилъ по дипломатической части, участвовалъ въ редакціонныхъ трудахъ Адріанопольскаго мирнаго трактата, былъ секретаремъ посольства въ Константинополѣ. Въ 1840 году перешелъ въ Государственный совѣтъ, гдѣ оставался до 1850 г. Послѣднимъ трудомъ Туманскаго были занятія по обязанности члена комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Измѣненіе отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами, задерживавшихъ матерьяльное и нравственное развитіе огромной массы населенія, онъ считалъ давно необходимымъ. Въ Комитетѣ онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей, вслѣдствіе чего былъ избранъ первымъ членомъ редакціонной коммиссіи. Проэктъ положенія объ улучшеніи быта крестьянъ полтавской губерніи, отличавшійся ясностью и сжатостью изложенія, писанъ имъ. Туманскій былъ избранъ депутатомъ въ Петербургъ для представленія проэкта, но не могъ принять выбора по болѣзни. Онъ умеръ до освобожденія крестьянъ, 23 марта 1860 года.

Стихи В. И. Туманскаго—(кромѣ него было еще два лица этой фамиліи, занимавшіеся поэзіей: братья Ант. Ант. и Ѳед. Ант. Туманскіе; послѣдній авторъ знаменитаго стихотворенья «Птичка»)—стали появляться въ печати съ 1817 года и мелькали въ журналахъ и альманахахъ во всю пушкинскую эпоху.

Вѣрный послѣдователь пушкинской школы, Туманскій не лишенъ былъ поэтическаго таланта, стихъ его легокъ, нерѣдко образенъ. Во всѣхъ произведеніяхъ его просвѣчиваетъ благородный его характеръ и образованіе. Это-элегіи, посланія къ друзьямъ, сонеты, стихи въ альбомы и т. п. излюбленныя по формѣ, типичныя произведенія пушкинскаго вѣка русской поэзіи. Написана имъ еще «Исторія Государственнаго Совѣта», до сихъ поръ неизданная.

Литературную извѣстность Туманскому, больше чѣмъ его собственныя произведенія, сообщила одна, посвященная ему, строфа «Евгенія Онѣгина», въ которой Пушкинъ шутитъ надъ несуществующими одесскими садами, воспѣтыми Туманскимъ. Стихотвореніе, къ которому относится эта строфа, называется «Одесса». (Стих. Туманск.

Спб. 1881, стр. 85). Въ письмахъ и стихахъ Туманскаго разсѣяны многія черты интересныя для характеристики жизни и общества юга во время пребыванія тамъ Пушкина.

Изданныя нынѣ письма Туманскаго читаются какъ романъ, да они и внушены нѣжнымъ и постояннымъ чувствомъ, которому предѣлы поставлены были, кажется, родственною близостью. На протяженіи девяти лѣтъ (1822—31) длится эта бесѣда: разсказывается много о себѣ и объ окружающемъ, но чувствуется, что остается несказаннымъ что-то, самое главное. Въ 1834 году С. Г. Туманская выходитъ замужъ. Нѣсколько раньше этого времени обрывается и переписка. Къ позднѣйшему времени относится только два письма, которыя звучатъ какой то грустной оглядкой на безвозвратно минувшую молодость.

В. И. Туманскій, внукъ генеральнаго писаря, принадлежалъ ко второму поколѣнію, смѣнившему мупредставителей малороссійской генеральной старшины. Но по всему складу своему онъ является уже представителемъ иной общественности, удержавшимъ національныя черты развѣ лишь въ глубокихъ основахъ характера, въ южной мягкости, полировкѣ. Къ этому времени все малороссійское въ новообразовавшемся дворянствѣ давно ужъ стало синонимомъ простонароднаго. Культурнаго наслѣдства генеральная старшина потомкамъ своимъ не оставила.

Z.

Обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губ. — Л. Б. Вейнберга (съ предисловіемъ и рисунками Е. Л. Маркова) Воронежъ. 1891.

Г. Вейнбергъ, довольно извѣстный мѣстный писатель, въ послѣднее время заявилъ себя изданіемъ *Матеріаловъ по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній* и небольшими изслѣдованіями и статьями въ воронежскихъ изданіяхъ и въ »Русскомъ Архивѣ«. На изданія его, являющіяся при сотрудничествѣ г-жи Полторацкой, уже обращено было вниманіе спеціалистовъ, какъ на важное пособіе при изученіи Воронежскаго края. Кромѣ этихъ работъ, г. Вейнбергъ принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ »Воронежск. Губ. Вѣдомостяхъ« статьями разнообразнаго содержанія, трактующими и о злобѣ дня, и о мѣстной жизни, а также самыми разнообразными компиляціями. Намъ кажется, что послѣднее обстоятельство отчасти вре-

дитъ г. Вейнбергу, такъ какъ заставляетъ его разбрасываться, часто говорить поверхностно, наконецъ выходить изъ области фактовъ, ему хорошо извѣстныхъ, и высказывать мало вѣроятныя гипотезы. По крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ его трудѣ, о которомъ въ настоящее время мы намѣрены говорить, эти недостатки г. Вейнберга особенно ярко бросаются въ глаза.

Цѣль изданія—дать небольшой альбомъ мѣстныхъ древностей съ очеркомъ ихъ. По внѣшности изданіе очень удовлетворительно; рисунки, большею частью (хотя и не всѣ), характерные. Мысль дать такой альбомъ, даже помимо претензіи на новизну очерковъ, сама по себѣ, заслуживаетъ вниманія и сочувствія. Но г. Вейнбергъ желаетъ дать намъ также »изслѣдованіе«. Изъ предисловія отъ автора мы узнаемъ, что предъ нами »трудъ еще незаконченный; это не болѣе, какъ результатъ предварительныхъ изслѣдованій; тѣмъ не менѣе, начало сдѣлано«. Экскурсіи совершались г. Вейнбергомъ »частью по собственному почину, частью же по порученію Имп. Археологической Коммиссіи и г. начальника губерніи«. Такимъ образомъ, продолженіе труда г. Вейнберга впереди; въ настоящей книгѣ онъ обращаетъ вниманіе почти исключительно на вопросы топографическіе, съ небольшими экскурсами въ область исторіи; археологическія изслѣдованія пока не производились.—Кромѣ предисловія «отъ автора» въ книгѣ есть еще 2 предисловія. Первое, г. Позняка, сообщаетъ намъ о томъ, что »горе людямъ, не имѣющимъ исторіи или забывающимъ ее, и что книга издана въ пользу дѣтскаго пріюта. Второе, г. Маркова, болѣе пространное, разъясняетъ значеніе древностей и отношеніе къ нимъ нашего общества. Правда, мысли г. Маркова справедливы, даже не новы, но о нихъ въ настоящее время распространяться даже въ провинціальномъ изданіи, предназначенномъ для публики, излишне.

Своимъ небольшимъ замѣткамъ о нѣкоторыхъ древностяхъ Воронежской губ. г. Вейнбергъ предпосылаетъ геологическій очеркъ побережья Дона. Главная цѣнность работы автора состоитъ въ опредѣленіи топографіи нѣкоторыхъ упоминаемыхъ древними источниками мѣстностей при верхнемъ Донѣ. Благодаря близкому и личному знакомству съ мѣстностью и сопоставленію извѣстій, опредѣленіе это ему удается вполнѣ. Г. Вейнбергъ иногда очень мѣтко опровергаетъ высказанные ранѣе взгляды по изслѣдуемымъ имъ вопросамъ. Ему удается въ первый разъ съ полною вѣроятностью установить поло-

женіе Донской бесѣды, Червленаго яра, Дивьихъ горъ [1]). Особенно любопытны пещерные памятники по Дону, *Дивьи горы*, производящія на путешественника сильное впечатлѣніе;—послѣднее отразилось на лиризмѣ при описаніи ихъ г. Вейнбергомъ. Въ нихъ сохранились пещерные храмы (Дивогорскій монастырь, Шатрище). Съ четверти XVII в. (послѣ пораженія Остряницы) явились здѣсь поселенцы изъ Украины. Наиболѣе цѣнныя изслѣдованія, отчасти затронутыя авторомъ и теперь, можно ожидать впослѣдствіи по вопросу о слѣдахъ хазарской народности въ Воронежской губ. Въ настоящее же время г. Вейнбергъ привелъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ и соображеній. Будемъ надѣяться, что ему же удастся разъяснить этотъ сложный и любопытный вопросъ, хотя для рѣшенія его необходимо изслѣдовать подробнѣе обычаи и вѣрованія, такъ называемыхъ, «субботниковъ», изслѣдовать самымъ тщательнымъ образомъ языкъ ихъ, наконецъ обратить вниманіе на антропологическія особенности и прослѣдить, насколько возможно, всѣ извѣстія о хозарахъ [2]). Пока авторъ останавливается на указаніяхъ упоминаній объ имени хозаръ въ документахъ XVI и XVII в. «Какъ въ царскихъ грамотахъ, такъ и въ другихъ письменныхъ памятникахъ этой эпохи, въ особенности же въ земельныхъ документахъ, касающихся праваго прибережья р. Воронежа, начинаютъ появляться указанія на Казарскія городища и поля, нерѣдко съ прибавкою слова *стараго*». Далѣе г. Вейнбергъ приводитъ (изъ писцовыхъ книгъ) рядъ фамилій, какъ Шандырь, Бырынь, Салманъ, Ханинъ и много другихъ восточнаго происхожденія, равно какъ и слѣдующія прозвища, представляющія повидимому переводъ съ какого нибудь восточнаго языка: Вострая игла, Широкіе штаны, Высокій колпакъ, Вострый глазъ, Каменное ожерелье, Пробитый лобъ и другія. Необходимо знать однако, насколько эти фамиліи являются необычными по сравненію съ писцовыми книгами другихъ мѣстностей. Во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ быть твердыми точками опоры при рѣшеніи даннаго вопроса. Болѣе цѣнны

---

[1]) Какъ быстро исчезаютъ памятники древности, можно видѣть изъ слѣдующаго. При первомъ посѣщеніи г. Вейнбергомъ Донской бесѣды были имъ найдены 7 столбовъ и 1 столъ; спустя же очень непродолжительное время изъ 7 столбовъ уцѣлѣли только 2.—Окрестные жители ломаютъ ихъ для постройки шоссе.

[2]) Весной настоящаго года г. Вейнбергъ въ Императорскомъ Географич. Обществѣ читалъ рефератъ о слѣдахъ хозарской народности въ предѣлахъ Воронежской губ. Но онъ ничего существеннаго не прибавляетъ къ статьѣ его въ разсматриваемой нами книгѣ.

нерѣдко встрѣчающіяся въ воронежскихъ писцовыхъ книгахъ *имена*: Казаринъ, Казариновъ сынъ. Въ народномъ преданіи существуютъ указанія на жидовъ, жидовскія могилы. Въ связь съ этимъ авторъ ставитъ ересь іудействующихъ, съ которою церкви пришлось вести борьбу отъ св. Митрофана до св. Тихона († 1783 г.), епископовъ Воронежскихъ. «Субботниковъ» въ настоящее время мало; живутъ они преимущественно въ Бобровскомъ и Павловскомъ уѣздахъ.

Заканчивается книга описаніемъ памятниковъ въ Воронежѣ, сохранившихся отъ эпохи Петра Великаго.

Наиболѣе слабыми представляются намъ филологическіе экскурсы автора. Приведемъ одинъ примѣръ филологическихъ соображеній г. Вейнберга. «По поводу этого названія (Буилъ камень)—говоритъ онъ—не могу не высказать слѣдующую догадку. Не принадлежалъ ли Бу-илъ къ числу языческихъ боговъ, какъ и Ярилъ? Не произошло ли слово *иль* отъ *эль*, эль Шадай? и не слышится ли *Бу* въ польскомъ словѣ Bòg (Богъ)? Не обиталъ ли первый на возвышенностяхъ, а второй въ ущельяхъ, а послѣдній въ ущельяхъ и овражкахъ и не отсюда ли названіе бугоръ, буеракъ? Что касается втораго (?), то воронежцы еще въ концѣ прошлаго столѣтія чествовали и пиршевали кулачнымъ боемъ Ярыла подъ яромъ? Не было ли то 2 воинственныхъ злыхъ божка и не отсюда-ли смылъ словъ яр-ость и буй-ность,– также не назывался ли приближенный къ нимъ (?) бу-яр-инъ, впослѣдствіи боярин, какъ буеромъ — боеракъ?... Далѣе столько же произвольныхъ сближеній, безъ всякаго объясненія. Такія сближенія не имѣютъ ровно никакой цѣны: словъ, начинающихся съ слога *бу* можно подыскать пожалуй и больше 16, приводимыхъ г. Вейнбергомъ. Но подыскать ихъ безъ всякой системы, объясненій и принципа еще не значитъ высказывать «догадки, на которыя желательно, чтобы спеціалисты обратили свое вниманіе».—Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 60), понимая невѣрно простое указаніе первоначальной лѣтописи о дани вятичей и радимичей хозарамъ «по щелягу», г. Вейнбергъ говоритъ: «нѣтъ никакого основанія, полагаю, смѣшивать (?) славянское *шеляѓъ* съ западно-европейскимъ шиллингомъ, ибо послѣдн. не древнѣе перваго». Оспаривать эти слова едва ли нужно. Приномнимъ, что польская форма szelą̨g, церков. славян. СТЛѦГЪ имѣютъ суффиксъ *ang* необычный въ чисто славянскихъ словахъ, что и другія слова съ этимъ суфиксомъ, напр. пѣнѧзь, кънѧзь, витѧзь, кладѧзь заимствованы у нѣмцевъ. Церковно-славянская форма этого слова: с(ъ)тлѧзь,

стьлѧзь, стлѧгъ.—Странно, по нашему мнѣнію, сближеніе въ одномъ мѣстѣ имени *Саркелъ* съ титуломъ *епископъ Сарскій* и Подонскій.

Книга г. Вейнберга, представляющая собою не изслѣдованіе, а скорѣе путевыя замѣтки любознательнаго туриста, имѣетъ конечно значеніе, какъ объяснительный текстъ къ альбому мѣстныхъ древностей. Намъ, однако, кажется, что авторъ напрасно поторопился съ изданіемъ, не закончивъ еще своихъ работъ и изученій мѣстныхъ древностей.

Арк. Л—нко.

Bibliografia litewska od 1547 do 1701, przedstawil Maurycy Stankiewicz. Krakow 1889 (Studya bibliograficzna nad literaturą Litewską II).

Небольшая книжка подъ этимъ заглавіемъ представляетъ, тѣмъ не менѣе, очень важное и цѣнное явленіе научной литературы о Литвѣ. Въ предисловіи авторъ ея констатируетъ тотъ фактъ, что въ настоящее время нѣтъ ни одного труда, который хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ представилъ обзоръ исторіи литовской литературы. А между тѣмъ эта литература, хотя и незначительная въ количественномъ отношеніи, не можетъ быть совсѣмъ игнорирована. Г. Станкевичъ предпринялъ поэтому рядъ изысканій, могущихъ подготовить болѣе подробное изложеніе литературнаго движенія у литовцевъ. Въ 1-мъ выпускѣ его «Этюдовъ», изложена исторія литов. библіи, напечатанной въ Лондонѣ въ 1663 г. Второй выпускъ посвященъ библіографическому обзору сочиненій, вышедшихъ на литовскомъ языкѣ съ 1547 по 1701. Всѣхъ сочиненій описано г. Станкевичемъ 59. Авторъ не ограничивается только заглавіемъ сочиненія, онъ даетъ историко-литературныя комментаріи, приводитъ цитаты изъ нихъ и т. д. Благодаря всему этому, его этюдъ получаетъ особенное значеніе. На стр. I—XVI указаны главные труды, касающіеся исторіи литературы у литовцевъ. Нѣкоторыя дополненія къ книгѣ г. Станкевича сдѣланы были въ рецензіи «Живой Старины» (1891, вып. 2). Кстати замѣтимъ, что Импер. географическимъ обществомъ печатается въ настоящее время полная литовская библіографія, составленная г. Балтромайтисомъ.

Арк. Л—нко.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—12. Сѣверный Вѣстникъ—12. Наблюдатель—12 Русскій Арх.—12 Русское Обозрѣніе—12. Русскій Вѣстникъ—12. Русская мысль—12. Историческій Вѣстникъ—12. Русская Старина—12. Biblioteka Warszawska—1—11. Ateneum—1—12. Przewodnik naukowy i literacki—1—11.

Вѣстникъ Европы XII. 1891 г. Въ отдѣлѣ: литературное обозрѣніе—краткій отзывъ и содержаніе книги Грушевскаго: «Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія (стр. 849—851).

Историческій Вѣстникъ XII. 1891 г. *Иловайскій.* Первый Лжедмитрій. Въ статьѣ этой излагается вкратцѣ предположеніе Костомарова о личности Лжедмитрія (стр. 658—659).

Ясинскій. Мои литературные дебюты. Воспоминанія автора о первыхъ его литературныхъ дебютахъ въ «Кіевлянинѣ» и «Кіевскомъ Вѣстникѣ», касавшихся вопровъ мѣстнаго управленія въ 1870 г. (стр. 668—670).

Икскуль. Старый конногвардеецъ. Разсказъ ведется отъ имени стараго солдата-малоросса Николаевскаго времени, характеризующій любовь солдата къ Государю (стр. 676—691).

Въ отдѣлѣ критики: краткій разборъ книги Пыпина: «Исторія Русской этнографіи. Томъ III. Этнографія малорусская» (825—827).

Тамъ же краткій отзывъ о книгѣ Боцяновскаго: «Публичная библіотека въ Житомирѣ. По поводу ея 25-тилѣтія» (стр. 828—829).

Въ смѣси — краткій некрологъ извѣстнаго публициста А. А. Гатцука и ученаго архимандрита Леонида, въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ разрабатывавшихъ вопросы, касающіеся Малороссіи и ея исторіи (стр. 861—862).

Русская Мысль XII. 1891 г. *Всев. Миллеръ.*—Экскурсы въ область эпоса. Окончаніе статьи о вліяніи тюркскихъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ (стр. 75—107).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ—рецензіи на книгу г. Романова «Бѣлорусскій сборникъ. Вып. IV» (стр. 538); Соболевскій — «Лекціи по исторіи русскаго языка (стр. 539); Корчакъ-Чепурковскаго: — «Отчетъ о состояніи врачебной помощи и народнаго здоровья въ херсонскомъ уѣздѣ въ 1890 г.» (стр. 553) и краткій похвальный отзывъ о книжкахъ на малорусскомъ языкѣ: «Оповидання» Грыцька Чулая, «Робинзонъ» К. Чайченко и «Чья робота важча?» В. Чайченка (стр. 556).

Ateneum. 1891. 1—12. 2. *Sejm galicyjski r. 1890 przez d ra A. Starżyńskiego.* (стр. 274—299)

7. Разборъ книги «Archiwum ks. Sanguszków» przez A. Prachaskę.

12. Zasiedlienie Ukrainy. II (W epoce litewskiej) Przez Al Jabłonowskiego. (Начало 1888, +1 стр. 115—138, 308-319).

Biblioteka Warszawska. 1881. 1—11. 6—7. Obrona granic Rzeczypospolitej od Tatarów, przez K. Górskiego (439—461 и 93—107).

8. Intryga Salomonka, kartka z dziejów Jana Mazepy, przez Ad. Darowskiego.

9. Kupiectwo lwowskie w XVI w. przez Wł. Łozińskiego (429—453).

Przewodnik naukowy i literacki. 1891. 1—11. 1—8. Szkice geograficzne z Karpat, przez A. Behmana (стр. 1—9, 97—106, 193—202, 289—293, 385—392, 481—491, 577—585, 673—682).

2—4. Wołyń i Podole w 2 połowie XVI w. przez R. (163—172, 252—260, 342—352).

2—3. Prawne stosunki własnosti tabularnej w Galicji, prez d-ra A. Pilata (127—134, 229—229).

5. Rzut oka na starozitną przeszłość Krzemience, przez I. D. K. (435—439).

5—7. Lasy wielkiej fortuny na kresach, przez Fr. Rawitę (459—466, 543—550э 646—652).

7—10. Przejazdki po Wołyniu, obrazki z przeszłośći i z teraznijszośći, przez X (634—645, 748—757, 939—948).

9—11. Radymno, miasteczko i klucz biskupów przemyskich, przez d-ra A. Prochaskę (769—777, 865—874, 977—986).

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1890 и въ 1891 г. [1]).

Анеенко В. Флора Крыма. Т. I. Ботанико-географ. очеркъ Таврическаго полуострова. Диссертація на степень магистра ботаники. (Съ 2 хромол. табл., картой и 2 политип.). Спб. 1890. 8 д. 129 стр.

Акты, издаваемые виленскою археограф. коммиссіею. Т. XVII. Акты Гроднен. земск. суда. Вильно. 1890. 4 д. LXXIII+559 стр.

Акты по дѣлу гор. Павловска съ именующими себя павловскими старожилами о землѣ. Производство острогожск. окруж. суда. Спб. 1891. 8 д. VII + 337 стр.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ (1754—1766) (Отт. изъ «Кіев. Ст.»). К. 1891. 8 д. 102 стр.

Антоновичъ Костъ. Якъ вибирати посла до Ради державнои. Львôвъ. 1891. 8 д. 15 стр.

Apologie der orthodoxen griechisch-orientalischen Kirche der Bukowina. Nr. 1 und 11, beleuchtet von einem griechisch-katholischen Seelsorger in der Bukowina. Czernowitz. 1890. 8 д. 29 стр. Ц. 30 cnt.

Архивъ кн. Воронцова. Кн. 37. М. 1891. 8 д. X + 472 стр. Ц. 3 р.

Архивъ юго-западной Россіи, изд. коммис. для разбора древн. актовъ, состоящей при кіев. под. и вол. ген.-губернаторѣ. Ч. 7. Т. II. Акты о заселеніи ю.-о-зап. Россіи. К. 1890. 8 д. II + II + 644 стр. Ц. 2 р,

Багалѣй Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго «Описаніе Старой Малороссіи». Спб. 1891. 8 д. 148 стр.

Бажаньскій Порфирій. Исторія руского церковного пинія. Львôвъ. 1891. 8 д. 86 стр. Ц. 50 cnt.

Balzer Oswald. Regestr złoczyńców grodu Sanockiego 1554—1638. (Materyały historyczne, wydawnictwo Towarzystwa histor. we Lwowie, t. I.). Lwów. 1891. 8 д. Стр. XVI + 263 + 2 нен.

Барановскій Мечиславъ. Наука погляду. Провидникъ методичний до Образивъ, видаванихъ Товариствомъ педагогичнимъ. ЗошитъI, часть 1 и 2 Львôвъ.1891. 8 д. 77 стр. Ц. 40 cnt.

---

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ №№ 1—226 „Правительственнаго Вѣстника“ и №№ I—XII „Przewodnik'a Bibliograficzn'ago“ за № 1891 г.

Барановскій Бол. Приписи, видносящися до испытивъ квалификаційнихъ до шкилъ народнихъ, звичайнихъ и видиловихъ. Львôвъ. 1890. 8 д. 41 стр.

Бартошевскій І. d-r. проф. Педагогика руска, альбо наука о воспитанію. Львôвъ. 1891. 8 д. VIII + 392 стр.

Баштовий І. Украинство на литературнихъ позвахъ зъ Московщиною. Львôвъ 1891. 16 д. 214 стр Ц. 50 cnt.

Бобровскій П. О. Матеріалы къ исторіи русской греко-уніатской церкви, Копіи писемъ члена брестскаго капитула, виленскаго официала А. Ю. Сосновскаго въ 1826, 27 и 28 гг. (Извл. изъ Ж. М. Н. Пр. 1891 г.). Спб. 1891. 8 д. 70 стр. Ц. 75 к.

Бобровскій П. І. Ант. Юр. Сосновскій, старшій соборный протоіерей. настоятель Св.-Николаевской церкви въ Клещеляхъ. (Одинъ изъ тріумвировъ брестскаго капитула). Ист.-біогр. очеркъ. (Изъ Литов. Еп. Вѣд.). Вильна. 1890. 8 д. VI + 202 стр.

Бобровскій П. О. Упраздненіе супрасльской греко-уніатской епархіи и возстановленіе виленской митрополичьей епархіи. Изслѣдованіе. (По док. арх. Св. Синода въ дѣлахъ гр.-уніатскихъ). Вильна. 1890. 8 д. 58 стр.

Bołsunowski K. Znaki pieczętne na ołowiu, plomby, znajdywane w Bugu przy mieście Drohiczynie, studium sfragistyczne. (Odb. z. Wiad. numizm.-archeol.). Kraków. 1891. 4 д. 12 стр.

Боржевскій Л. А. Къ вопросу о пастбищныхъ сервитутахъ. К. 1891. 8 д. 11 стр.

Bostel Ferd. Zydzi ziemi Lwowskiej i powiatu Żydaczowskiego w r. 1765 (Odb. z t. VI Arch. kom. histor. Ak. umiej.). Kraków. 1891. 8 д. 22 стр.

Брайловскій С. Василій Ивановичъ Туманскій. Біограф. и ист.-литер. очеркъ съ приложеніемъ неизданныхъ произведеній поэта. Изд. ж. «Пантеонъ Литературы». Спб. 1890. 8 д. 48 стр. Ц. 50 к.

Брянцевъ П. Д. Очеркъ древней Литвы и Западной Россіи. Вильна. 1891. 8 д. VI + 150 стр. Ц. 60 к.

Budzynowski dr. Kronika miasta Sambora, zebrana i wydana ku uczczeniu 500-letniej rocznicy założenia m. Sambora. Sambor. 1891. 8 д. 52 стр.

Будиловичъ А. свящ. Историческій очеркъ могилевской Св.-Параскоіевской церкви въ связи съ образомъ окатоличенія и ополяченія Завепрянской Руси (до р. Быстрицы). Варш. 1890. 8. д. 218 стр.

Bucher B. Galizische Thongefässe Mittheilungen des k. k. oester Museums t. VI. 1891. Wien. Стр. 279—281.

Бѣляшевскій Н. Княжа гора. Изд. ред. «Кіев. Ст.» К. 1891. 8 д. 9 стр.

Wapowski Bernard. De bello a Sigizwundo I, rege Poloniae, contra Moscos gesto a. 1508. Edidit Ios. Korzeniowski. (Odb. z t. XV Scriptores rer. polon.). Cracoviae. 1891. 8 д. 11 стр.

Верхратскій Іванъ. Мотили шкодники господарству. Львивъ. 1890. 8 д. 28 стр. съ 8 рис.

Wigura St. Złotobrody emir, powieść ukraińska. Lwów. 1891. 8 д. 1 нен. + 266 стр. Ц. 2 złr. 40 cnt.

Wickenhauser Fr. Ad. Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina. Bd. II. Moldavisch und russich Kimpolonng der Lippowaner Czernowitz. 1891. 8 д. III + 109 стр.

Wickenhauser Fr. Ad. Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina. IV. 2. Geschichte des Bisthums Radouz und

des Klosters Gross-Skit. Czernowitz. 1891. 8 д. 117 стр. Ц. 1 złr. 20 cnt.

Викторовъ-Пархомовичъ В. М. Чумакъ, або сыроту и осинне сонечко прыгріе. Оперетта у 3 діяхъ. К. 1891. 8 д. 120 стр.

Witkiewicz. S. Na przełęczy. Wrażenia i obrazy z Tatr. Ozdobione 135 drzeworytami w tekscie. Краковъ. 1890. 8 д. 254 стр.

Владиміровъ П. В. проф. Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя. Рѣчь, произн. на торжеств. актѣ Имп. унив. св. Владиміра 16 янв. 1891 г. (Отт. изъ Унив. Изв. 1891 г.). К. 1891. 8 д. 46 стр. Ц. 60 к.

Волкодаевъ. Краткій очеркъ 25-лѣтней дѣятельности зміевскаго земства. (1865—1889). Изд. зміев. уѣзд. земства. Х. 1890. 8 д. 37 стр. + 2 табл.

Волынскій народный календарь на 1891 г. Изд. Ѳ. И. Досинчука. (Годъ 3-й). Житомиръ. 1890. 8 д. 149 + 25 стр. Ц. 20 к.

Вся Одесса за 20 к. Путеводитель по городу и справочная книга для пріѣзжихъ. Планы города и театровъ. Изд. Н. Аксюка. (Годъ изд. 3-й). Од. 1891. 8 д. IV + 151 стр.

Въ Бескидахъ (Разсказъ изъ карпато-русской жизни). (Извлечен. изъ №№ 321 и 322 «Одесск. Вѣстн.» Од. 1890. 8 д. 12 стр.

Wysocki Włodzimierz. Oksana, szkic sielankowy. Kijów i Odessa. 1891. 8 д. 72 стр. Ц. 60 к.

Galizien und die Bukowina, ausgegeben am 29 oct. 1890 (Post-Curse IX и X.). Wien. 1890. 8 д. 38 стр. съ картами. Ц. 35 cnt.

Galizien und. Bukowina, ausgegeben am 19 Iuni 1891. (Post-Curse IX und X). Wien. 8 д. 40 стр. + 2 карты. Ц. 35 cnt.

Галя и Назаръ или добро за зло. Повѣсть, заимствованная изъ соч. Т. Г. Шевченко. М. 1890. 16 д. 106 стр.

Гамовъ И. Два брата. Дума изъ малорус. преданій. (О чемъ говорила бандура?). Гомель. 1890. 16 д. 32 стр. Ц. 15 к.

Ганкевичъ Микола. Про жиночу неволю въ историчнимъ розвою. Студія. Львôв. 1891. 8 д. 49 стр. Ц. 30 cnt.

General-Karte Neue von Mittel-Europa in 260 Blättern, hgb. von k. k. militär-geographischen Institut. Wien. 1890. Folio. 1: 1,200,000. (Oświęcim, Kowel, Kobrin, Drogiczyn, Rokitno, Żytomir, Troppau, Krakau, Radom, Lublin, Siedlce, Turka, Zamość, Łuck, Pińsk, Starokonstantynow).

Herb nadany miastu Lwowowi dyplomem cesarza Iósefa II dnia 6 listopada 1789, z pieczęciami rajców lwowskich z w. XIV i ławników lwowskich z w. XV, oraz wizerunkiem herbu papieża Syxtusa i herbu miasta Lwowa na dyplomie papieża Syxtusa V. z d. 15 września 1586 r. Lwów. Folio. Carton chromolitogr.

Герсевановъ М. Н. Обводнительныя и ирригаціонныя работы въ южной Россіи. (Сообщ. въ Имп. рус. технич. общ.). Изъ Зап. Имп. рус. техн. общ. 1891 г.). Спб. 1891. 8 д. 29 стр. и 2 табл.

Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій или присоединеніе Малороссіи. Историч. пов. М. 1891. 16 д. 107 стр.

Giżowski Iuliusz. Iełena, rzecz osnuta na tle stosunków ludowych na Bukowinie. Lwów. 1891. 8 д. 144 стр. Ц. 60 cnt.

Главные моменты въ хозяйственномъ развитіи Херсонскаго края. Изд. херсон. губ. зем. упр. Херсонъ. 1890. 8 д. 16 стр. Ц. 20 к.

Глибовъ Л. И. Домырового! Жартъ въ 1 діи. Спб. 1891. 8 д. 39 стр. Ц. 15 к.

Гнѣвушевъ М. Историческая записка о состояніи находящагося подъ Высоч. покровительствомъ Ея Императорскаго Величества кіев. женскаго училища дух. вѣдомства въ теченіи перваго 25-лѣтія его существованія. 1861—1886. К. 1890. 8 д. 77 стр.

Гоголь Н. Ночь предъ Рождествомъ. Народное изд. М. 1891. 8 д. 70 стр. Ц. 20 к.

— Вій. Народ. изд. М. 1891. 8 д. 63 стр. Ц. 20 к.

— Страшная месть. Нар. изд. М. 1891. 8 д. 64 стр. Ц. 20 к.

— Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. М. 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 10 к.

— Майская ночь или утопленница. М. 1891. 16 д. 48 стр. Ц. 15 к.

— Заколдованное мѣсто. Народн. изд. М. 1891. 8 д. 32 стр. съ 6 рис. Ц. 10 к.

— Пропавшая грамота. Съ рис. Народн. изд. М. 1891. 8 д. 30 стр. Ц. 10 к.

Гоголь. Тарасъ Бульба. Шуша 1891. 16 д. 61 стр. (Переводъ на армянскій яз.)

— Тарасъ Бульба. Пов. Народ. изд. М. 1892. 8. д. 162 стр. ц. 25 к.

Годичный актъ въ кіев. дух. академіи 15 окт. 1889 г. К. 8 д. 50+39 стр.

Голубевъ С. Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (В. І.) (Отт. изъ V кн. «Чт. въ общ. Нестора лѣт.»). К. 1891. 8 д. VI+83 стр.

Гольбаинъ. Кистяки, образки зъ житя. Львовъ. 1891. 16 д. 98 стр. п. 15 cnt.

Горленко В. П. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. (Отт изъ «Кіев. Ст.» 1890 г.) К. 1891. 8 д. 15 стр.

Gorczak Bronisław. Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Т. III. 1432—1534. Т. IV. 1535—1547. Lwów. 1890. 4 д. XII+XXXV+556 стр. и IX+XXXIII+647 стр. Ц. по 8 zlr. за томъ.

Гошкевичъ М. И врачъ. Заболѣваемость, смертность и брачность г. Херсона въ 1889 г. (Къ матеріаламъ по медиц. статистикѣ г. Херсона). Съ табл. Херсонъ 1890. 8 д. 150 стр.

Грушевскій М. Волынскій вопросъ 1097—1102 г. (Отт. изъ ж. «Кіев. Стар.»). К. 8. д. 37 стр.

Дашкевичъ Н. П. Описанія Черноморья, составленное Эмидіемъ д'Асколи въ 1634 г. (От. изъ V кн. «Чт. въ ист. общ. Нестора лѣт.»). К. 1891. 8 д. XI+46 стр.

Deiches Ernest. Halszka z Ostroga w dramacie i historyi (Odbitka ze Swiata). Kraków. 1891. 8 д. 24 стр.

Dembitzer Chaim Natan. Klilath Iof, historya rabinów miasta Lwowa od r. 5278 do r 5650, todzież najsłynniejszych rabinów i autorów Polski i Litwy od r. 1492 do r. 1692, z rozprawą o synodzie 4 krajów w Polsce i Litwie, z uwagami krytycznymi i wstępem. Kraków. 1888. 8 д. X+20 нен. стр.

Dzieduszycki Wojciech. Listy ze wsi. Serya II. Lwów. 1890. 8 д. IX+430 стр. Ц. 3 zlr. 20 cnt.

Діатроповъ П. врачъ. Рождаемость и смертность населенія одесскаго градоначальства въ 1890 г. Изд. одес. гор. упр. Од. 1891. 8 д. 63 стр. и 8 табл.

Дивка-чернобрывка и сорокъ разбойниковъ. Народная казка. К. 1890. 16 д. 32 стр.

Добромильскій Д. К. Краткія свѣдѣнія о бессарабской губ. и географическія замѣтки. Для начал. народ. школъ Бессарабіи. Елисаветградъ. 1891. 8 д. 28 стр. Ц. 20 к.

Dowie Menie Muriel. A girl in the Karpathians. London. 1891. 8 д. 301 стр. Съ иллюстр. и картой Польши.

Довнаръ-Запольскій М. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до к. XII ст. (Изъ Унив. Изв. 1890—91 г.) К. 1891. 8 д. VII+170 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Drzewiecki Józef. Pamiętniki 1772—1852, wydane na nowo przez ks. dra St. Pawlickiego C. R. prof. Un. Jag. Kraków. 1891. 8 д. 3 нен.+366+1 нен. стр. Съ 2 портр. Ц. 2 złr. 40 cnt.

Дѣятели слободской Украины прошлаго вѣка. А. III. (Отт. изъ «Кіев. Стар.»). К. 8 д. 23 стр.

Д-чъ В. М. Кузнецъ Вакула или договоръ съ дьяволомъ. Пов. изъ малорос. жизни. М. 1890. 16 д. 72 стр.

Екатеринославскій календарь на 1891 г. съ адресъ-календаремъ г. Екатеринослава. Екатеринославъ. 1891. 8 д. 136 стр. Ц. 25 к.

Е. С. Семейная жизнь въ Подоліи въ 1 пол. прошлаго вѣка. (Отт. изъ ж. «Кіев. Ст.») К. 1891. 8 д. 12 стр.

Житіе и успеніе св. равноапост. вел. князя кіевскаго Владиміра. К. 1890. 8 д. 44 стр.

Житіе преп. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ ихъ сподвижниковъ. М. 16 д. 143 стр.

Житіе преп. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ. Спб. 8 д. 16 стр.

Житія преп. Антонія и Ѳеодосія, чудотв. печерскихъ. М. 16 д. 36 стр.

Житія св. верховныхъ апостолôвъ Петра и Павла. Написавъ сильскій душпастиръ. Львôвъ 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 10 cnt.

Житіе св Димитрія, митрополита ростовскаго и ярославскаго. М. 8 д. 48 стр.

Житіе св. о. Николая архіепископа Миръ ликійскихъ, чудотворця. Написавъ сельскій душпастиръ. Львôвъ. 1890. 16 д. 31+1 нен. стр. Ц. 10 cnt.

Житія св., препод и богоносн. отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія Кіево-печерскихъ. М. 16 д. 106 стр.

Житіе св. преподобно-мученика Макарія, архимандрита овручскаго, переяславскаго чудотворца. К. 1890. 8 д. 31 стр.

Житіе угодникôвъ Божихъ трехъ святителивъ: 1) св. Іоана Златоустого, 2) св. Василія Великого, 3) св. Григорія Богослова. Написавъ сельскій душпастиръ. Львовъ. 1891. 16 д. 38+2 нен. стр. Ц. 8 cnt.

Жудро Ѳ Исторія Могилевскаго Богоявленскаго братства. Могилевъ на Днѣпрѣ 8 д. 112 стр.

Zagrodzki Józef. Kilka słów o dawniejszych dziejach Przemyśla z powodu 500-letniej rocznicy nadania mu prawa magdeburskiego. Przemyśl. 1890. 8 д. 26 стр.

Зенкевичъ Хр. Хр. Настоящее и прошедшее Крыма. Краткій географ. и истор.-этногр. очеркъ. В. 1. Керчь. 1890. 8 д. 53 стр., ц. 20 к.

Зерцаловъ С. Степное скотоводство въ новороссійскомъ краѣ, его прошлое и настоящее. Одесса. 1891. 8 д. 97 стр.

Зинченко Н. Мысъ Ѳіолентъ и Георгіевскій монастырь въ Крыму (891—1891) (По поводу 1000-лѣтняго юбилея основанія монастыря). Изд. ж. «Колосья». Спб. 1891. 8 д. 22 стр.

З *Івановець Іванъ* Життя хліборобивъ. Три этнографични образки. (Просвита № 134). Львовъ. 1891. 8 д. VI+38+2 стр., ц. 10 cnt.

3. *Хлебовки дьякъ*. Мандривки Ивана Войтовича по свити Божомъ. Землякамъ своимъ на хосенъ списавъ. Львивъ, 1891. 16 д. 31+1 нен. стр., ц. 8 cnt.

Iełowicki Alexander. Moje wspomnienia. Wyd. 3. Kraków. 1891. 8 д. 2+483+2 стр., ц. 1 złr. 80 cnt

Извлеченіе изъ протоколовъ совѣта кіев. дух. академіи за 1888—89 г. К. 1890. 8 д. 343+50 стр.

Iił. Uwagi na czasie I—III (Odb. z Reformy) Kraków 1891. 8 д. ц. 20 cnt. (I. Sprawa ruska, wspomnienia, spostrzeżenia, uwagi, wnioski (15).

Ienike L. Stefan Czarniecki. Urywek historyczny. Варш. 1891 8 д. 168 стр., 1 портр. и 1 рис.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ централ. архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. и. д. архиваріуса сего архива М. Веревкина. Вып. 21. Витебскъ. 1891. 4 д X+500+XL стр. Ц. 2 р.

Историческій очеркъ развитія херсонской земской сельско-хозяйственной статистики. Изд. херс. губ. зем. управы. Херсонъ. 1890. 8 д. 24 стр., ц. 30 к.

Историческое описаніе гор. Кременчуга съ его уѣздомъ. Сравненіе прежняго судопроизводства съ современнымъ. Кременчугъ. 1891. 8 д. 40 стр.

Календарь черниговской епархіи на 1891 г. Годъ 1-й. Черниговъ. 1890. 8 д. 334+2 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Календарь черниговской губ. на 1891 г. Изд. черниг. губ. стат. ком. (Т. 5-й). Черниговъ. 1890. 8 д. 317+V стр. Ц. 1 р.

Callimachus Philippus Buonacorsi. Vita et mores Gregorii Sanocei, Leopoliensis archiepiscopi, edidit dr Ludovicus Finkel (Odbitka z Monumenta Poloniae hist. t. VI) Leopoli 1891. 4 д. 56 стр.

Каразинъ Н. Изъ русской жизни. Въ Малороссіи. (Безпл. прил. къ жур. «Сѣверъ» за 1891 г.). Спб. 4 д. 6 рис.

Karwicki Iózef Dunin. Wędrówka od źródeł do ujścia Horynia. Kraków. 1891. 8 д. 142 стр. 1 zlr. 30 cnt.

Карманный путеводитель по Ялтѣ и окрестностямъ. Изд. 2-е. Ялта. 1891. 16 д. 37+LIX стр. Ц. 20 к.

Karta hydrograficna Galicyi z izohietami wykreślonymi w odstępach co 100 mm. opadu za r. 1889. (Dod. do Czasop. techn.). Lwów. 1890. Folio. 1: 1,250,000.

Кю И За батьковскій грѣхъ. Пов. изъ украинск. преданій. М. 1890. 16 д. 108 стр.

Keller F, C. Wild-Wald-und Sumpfbilder aus Westrussland, Reiseerinnerungen. Klagenfurt 1890. 8 д. 117 стр.

Кернеренко Г. Щетынныкъ. (Зъ народного життя). Харьковъ. 1891. 16 д. 24. стр.

Кіевскій карманный путеводитель-календарь съ видами и планами города и театровъ на 1891 г. Изд. Г. Н. Шора. К. 1890. 16 д 147+56 нен. стр. Ц. 30 к.

Клаусъ А. Изслѣдованіе грузоваго движенія по дорогамъ черниговской губ. Изд. ред «Земск. сборн. черниг г.» Черниговъ. 1891. 8 д. 16 стр.

Klonowicz Sebastyan. Ziemie Czerwonej Rusi, Roxolania, przekład Ludwika Kondratowicza. Złoczów. Lwów. Poznań. 1891. 16 д. 65+3 нен. стр. Ц 12 cnt.

Клоповъ А. А. Сборникъ таблицъ, относящихся къ изслѣдованію дви-

женія грузовъ по Днѣпру, его притокамъ и днѣпровско-бугской системѣ, произведенному въ 1890 г. Тверь. 1891. 2 д. 97 стр.

Kolberg Oskar. Chełmskie, obraz etnograficzny. T. II, z materyałów pośmiertnych wydał dr. Iz. Kopernicki. Kraków. 1891. 8 д. VI+265 стр., ц. 3 złr.

— Przemyskie, zarys etnograficzny, kosztem museum im. Dzieduszyckich we Lwowie z pośmiertnych materyałów wydał dr Iz. Kopernicki. Kraków. 1891. 8 д. XX+243 стр. съ портр. автора и 4 рис.

Колесса Олександеръ. При Каменному затони. Исторична картина 3 р. 1648. Львовъ. 1891. 32 д. 18 стр.

Кондратченко М. Перший снипъ. (Збирничокъ творивъ). К. 1891. 16 д. 26 стр., ц. 10 к.

Костенко Ф. А. I. Помылылысь. Водев. въ 1 д. съ куплетами. II. Закохани. Вод. въ 1 д. «Хорови писни народни». Новочеркасскъ. 1891. 16 д. 66 стр., ц. 50 к.

Костомаровъ Мик. Исторични монографіи. Т. VI Гетьманованне Ивана Виговскаго и Юрія Хмельницкаго. (Библіотека руска исторична пидъ ред. О. Барвиньского, т. XIII). Тарнополь. 1891. 8 д. 234 стр., ц. 1 złr. 60 cnt.

Котляревскій И. Енеида на малороссійскій языкъ перелицёванная. Изд. 2-е. («Дешев. библ.») Спб. 12 д. V+290 стр., ц. 20 к.

— Наталка полтавка. Малорос. опера въ 2 дѣйст. Изд. 2. (Дешев. библ.). Спб. 12 д. 59 стр.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Украин. опера. М. 1891. 16 д. 108 стр.

Коханскій В. Одесса и ея окрестности. Полный путеводитель и справоч. книга съ 3 пл. и 34 рис. Од. 1891. 8 д. XXIV+492 стр. Ц. 40 к.

Кравченко Ул. На новый шляхъ. Збирникъ поезій. (Библ. лит.-наук. кн. 12). Львовъ. 1891. 32 д. 39 стр. Ц. 10 cnt.

Краевскій А. А. Опытъ описанія скотоводства херсонской губ. и изысканія средствъ къ его улучшенію. Изд. херс. губ. зем. упр. Херсонъ. 1890. 8 д. 26 стр.

Краткій отчетъ о состояніи Александровскаго могилевскаго реал. училища за 1889—90 уч. г. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1890. 8 д. 51 стр.

Кривенко В. С. Поѣздка на югъ Россіи въ 1889 г. Съ 14 иллюстр. (Оттискъ изъ «Истор. Вѣст.») Спб. 1891. 8 д. 59 стр.

Круковскій В. Отчетъ о состояніи черниговской гимназіи за 1888—89 уч. г. Черн. 1890. 8. д. 64 стр.

Левицькій Иванъ. Надъ чорнимъ моремъ Повисть Львивъ. 1891. 8 д. 279 стр. Ц. 90 cnt.

Левицький Ив. Ем. Галицко-русская библіографія за 1889 г. Львовъ. 1890. 8 д. 1+129 стр. Ц. 1 złr.

Левицкій О. И. Луцкая старина. (Отт. изъ V кн. «Чт. въ истор. общ. Нестора лѣт.»). К. 1891. 8 д. 37 стр.

Левицкій О. И. Опись актовой книги кіев. централ. архива № 2045 (Оффиц. изд. архива). К. 1890. 8 д. 61 стр.

Левицкій О. И. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. Вып. 2-й. (II. Матери-преступницы. III. Превелебный сватъ). К. 1891. 8 д. 32 стр.

Левій Р. Портовый городъ Анапа. Екатеринодаръ. 1890. 16 д. 72 стр.

Леонтьевъ А. Н. Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ

херсонской губ. (Прил. къ Херс. зем. сборн.). Херсонъ. 1890. 8. д. IV+208+9+IV стр. Ц. 2 р.

Ливановъ Ѳ. В. Георгіевскій монастырь въ Крыму. Изд. 2-е 16. д. 32 стр.

Ликазъ Исаакъ. Справедшня подія. Зъ рос. мови переклала М Загирня. (Просвита № 133). Львовъ. 1891. 8 д. 37+1 стр. Ц. 10 cnt.

Лисенко М. Збирныкъ украинскихъ писень. Першый выпускъ. К. 4 л. 95 стр.

Лисовскій Н. А. Опыты изученія малорусскихъ думъ. Изд. полт. губ. стат. ком. Полтава. 1890. 8 д. 52 стр.

Лінкъ А. Хроника умственнаго и нравственнаго развитія кишиневскихъ евреевъ (1173—1890) и обзоръ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій по бессарабской губ. Вып. 1 Кишиневъ. 1891. 8 д. 32 стр.

Łoziński Wł. Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII w. Wyd. 2 znacznie pomnożone. Lwów. 1892. 8 д. VI+434 стр. Ц. 10 zlr.

Лохтинъ. Днѣстровскій календарь и записная книжка на 1891 г. К. 1891. 16 д. II+14 нен. +50 стр.

Лукичъ Василь. Квитка. Илюстрованый литературный збирникъ Львовъ. 1890. 8 д. 128 стр. Ц. 30 cnt.

Луцикъ Іеронимъ Не шукай доли за морями. Львовъ 1891. 16 д. 40 стр. Ц. 10 cnt.

Лѣтопись Нестора. Ред. и прим. В. А. Яковлева (Учебная библіотека). Спб. 1891. 8 д. 86 стр. и 1 табл Ц. 35 к.

Малининъ В. Н. проф. Воззрѣнія русскаго народа на личность царя въ былевой поэзіи. Рѣчь, произн. 17 окт. въ торж. собр. кіев. слав. благотв. общ. К. 1890. 16 д. 16 стр.

Марина—дочь атамана запорожцевъ. Повѣсть изъ украинск. старины М. 1890 1890. 16 д. 107 стр.

Марко-Вовчокъ. Павло Чорнокрылъ. Пов. о томъ, какъ мужъ жену убилъ и что изъ этого вышло. М. 1891. 16 д. 72 стр.

Матеріалы для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскія писцовыя книги. Т. 2. Изд. ворон. губ. стат. ком. Воронежъ. 1891. 8 д. II+296 стр.

Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ. Т. VI. Херсонскій уѣздъ. (Статист.-эконом. описаніе уѣзда) Сост. статистич. отдѣл. при херс. губ. зем. упр. (Съ 2 картами и 17 приложеніями). Херсонъ. 1890. 8 д. VI+400+329 стр.

Materyały do klimatografii Galicyi, zebrane przez sekcyą meteorologiczną Komisyi fizyograficznej c k. Akad. umiej w Krakowie r. 1891 (Odb. ze Spraw. Kom. fiz.) Kraków. 1891. 8 д. 275+1 нен. стр.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые имп. археол. комиссіею. № 6. Древности южн. Россіи. Керченская христіанская катакомба 491 г. Изслѣдованіе Ю. Кулаковскаго. Съ 4 табл. рис. и 4 политип. Спб. 1891. 4 д. 30 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Matzura I. prof. Illustrirter Führer durch die Beskiden und die angrenzenden Landschaften. Teschen. 1891. 8 д. 318 стр. съ картой. Ц. 2 zlr.

Màtyàs Karol. Słowniczek gwary ludu, zamieszkującego wschodnio-południową najbliższą okolicę Nowego Sącsa (Odb. z t. IV Sprawozdań Kom. język. Ak. umiej.). Krakow. 1891. 8 д. 17+1 нен. стр.

Maciejowski W. A. Historya miast i mieszczan polskich w kra-

jach dawnego państwa polskiego od czasów najdawniejszych aż do połowy XIX w. Do drugu przygotował Michał Rawicz-Witanowski (Odb. z. XVII Rocznika Tow. przyj. nauk pozn.) Poznań. 1890. 8 д. ? стр. Ц. 3 марки.

Мельниковъ В. Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Ком. въ 3 д., 6 карт., передѣлана изъ пов. Н. В. Гоголя. К. 1891. 16 д. 57 стр. Ц 20 к.

Milkowski Z. (Jeż T. T.) La question juive. (Odb. z Bull. de l'Instit nat. genev.). Geneve. 1891. 8 д. 25 стр.

Милорадовичъ гр. Г. А. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ черниговской губ., внесенныхъ въ дворян. родосл. книгу. Чер. 1890 г. 8 д. 29 стр.

Мирославскій-Винниковъ К. П. Кыивськiй ярмарокъ, або симъ разъ поганый. Жартъ въ 1 дiи. К. 1891. 16 д. 32 стр.

Михалевичъ И. К. Двадцатипятилѣтіе каменецъ-подольской русской публичной библіотеки. 1866—90 гг. Каменецъ—Под. 1891. 8 д. 54+XXIV стр.

Mischler E. dr. prof. Die Organiesirung der Landes-statistik in Bukowna. Czernowitz. 1891. 8 д. 13 стр. Ц. 30 cnt.

Мордовцевъ Д. Л. Тимошъ и Фанатикъ. Истор. повѣсти. Спб. 1891. 8 д. 160 стр. Ц. 80 к.

Морозовъ А. П. Святославъ I передъ походомъ на болгаръ. Драмат. предст. изъ жизни нашихъ предковъ въ 4 дѣйств. съ хорами, пѣснями и плясками. М. 4 д. 44 стр.

Москаль захоче, той чорта обмороче. Жартъ въ 1 дiи. Скомпонувавъ Ѳ. У. Музыку поклавъ В. С. Б-въ. 1891. 16 д. 32 стр.

На Великдень. Послидни дни учительства Господа нашего Iисуса Христа на земли, писля Св. Письма Нов. Зав. написавъ сильскiй душпастыръ. Львовъ. 1891. 16 д. 36 стр. Ц. 10 cnt.

На память прежнимъ и нынѣшнимъ воспитанникамъ петровскаго-полтавскаго кадетскаго корпуса. 1840—90 г. (Изъ ж. «Педаг. Сб.») Спб. 1891. 8 д. 15 стр.

Народное образованіе въ Одессѣ въ вѣдѣніи городскаго общественнаго управленія (1873—1889). Сост. стат. бюро при одес. общ. управл. Од. 1891. 8 д. 88 стр 3 табл. и планъ гор. Одессы.

Народный календарь для Южной Россіи на 1892 г. Од. 1891. 4 д. 56 стр. Ц. 20 к.

Наумовичъ Ив. Псалтырникъ. Пов. изъ галицко-рус. народн. жизни. Изд. 3-е. М. 1891. 8 д. 159 стр.

Наумовичъ I. протоіерей. Псалтырникъ. Пов. изъ галицко русской народной жизни. Изд. 3-е. М, 1891. 8 д. 159 стр. Ц. 30 к.

Наумовичъ I. Г. протоіерей. Червонная Русь, ея прошлое и настоящее. Чтеніе въ торж. собр. кіев. слав. благотв. общ 17 окт. 1890. К. 1890. 8 д. 30 стр.

Nestor. Chronicon, cap. 57—67, in Romanorum sermonem convertit K. Łuczakowski. (Odb. z Spraw. gimn. rusk.). Lwów. 1891. 8 д. 19 стр.

Николайчикъ Ѳ. Д. Городъ Кременчукъ. Историч. очеркъ. Спб. 1891. 8 д. 4 + 217 + 1 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Новороссійскій народный календарь на 1892 г. Одесса. 1891. 4 д. 48 стр. Ц. 20 к.

Общество юго-западныхъ жел. дорогъ. Матеріалы для составленія тарифовъ на перевозку грузовъ по уманскимъ вѣтвямъ. Ч. I. Экономич. изслѣдованіе. К. 1891. 4 д. 570 стр.

Общество юго-западныхъ жел. дорогъ. Экономическое изслѣдованіе района новоселицкихъ вѣтвей. К. 1890. 4 д. XVI + 232 + 289 стр.

Общество юго-западныхъ жел. дорогъ. Отчетъ по эксплуатаціи дорогъ за 1890 г. Ч. I и II. Спб 1891. 4 д. 57 + 53 печ. листа.

Оконовскій Ом. д-ръ. Моему критикови, видповидь А. Пипинови на его статю «Особая исторія русской литературы». Львовъ. 16 д. 47 + 1 нен. стр. Ц. 20 cnt.

Оконовскій О. Исторія литератури руской. Часть III. Виддилъ I. Львовъ. 1891. 8 д. 696 стр. + 3 нен.

Одесскій календарь для южной Россіи на 1892 г. Одесса. 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 5 к.

Olizar Gustaw. Pamiętniki. 1798—1865 z przedmową I. Leszyca. Lwów. 1891. 8 д. XLIV + 300 стр. Ц. 3 złr. 60 cnt.

Описаніе Киновіи св. исповѣдника Стефана Сурожскаго (Судакскаго) или Кизильташъ въ Крыму. Ѳеодосія. 8 д. 32 стр.

Orzechowski Stan. Orichoviana, opera inedita et epistulae. 1543—1566. Vol. 1. Edidit dr. Ioseph Korzeniowski. (Bibl. pis. polsk.). Cracoviae. 1891. 8 д. XXVIII + 740 стр. Ц. 3 złr. 60 cnt.

Орловъ Н. полк. Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 г. (Съ порт., рис. и планами). Спб. 1890. 8 д. 197 стр. Ц. 1 р.

Ossowski G. O ceramice domowej w okresie grobów kamiennych skrzynkowych. (Odb. z Wiad. numizm.-archeol.). Kraków. 1891. 4 д. 16 стр. Ц. 30 cnt.

Ossowski G. Sprawozdanie drugie z wycieczki paleontologicznej po Galicyi w r. 1890. (Odb. ze Zb. wiad. do antrop. kr.. XV). Kraków. 1891. 8 д. 1 + 88 стр. + 5 табл. Ц. 1 złr. 50 cnt.

Ossowski G. Wykopaliny z kurhanu w Hromówce pow. Starokonstantynowskiego. (Odb. z Wiad. numizm.-archeol.). Kraków. 1891. 4 д. 16 стр. Ц. 30 cnt.

Отчетъ кіевскаго отдѣленія Импер. рус. музыкал. общества и учрежденнаго при немъ музыкальнаго училища за 1889—90 годъ. К. 1890. 8 д. 71 стр.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1890 г. Од. 1891. 8 д. 16 стр.

Отчетъ о состояніи немировской гимназіи за 1889—90 уч. г. Немировъ. 1891. 8 д. 118 стр.

Отчетъ попечителя кіевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1890 г. К. 1891. 8 д. V+41 стр, 43+4 вѣдомости, 65+28 стр., 30 вѣд, 50+14 стр., 41 вѣд., 14 стр, 7 вѣд., 13 стр., 27 вѣд., III+61 стр., 5+5+5 вѣд., 41 стр. 5+5+5 вѣд., 12 стр. 1+5 вѣд. 16 стр., 1+5 вѣд.

Отчетъ харьковск. отдѣленія Имп. рус. музык. общества и состоящаго при немъ музыкальнаго училища за $18^{89}/_{90}$ годъ. Хар. 1891. 8 д. 64 стр.

Памятная книжка воронежской губ. на 1891 г. Вып. 1. Изд. ворон. губ. стат. ком. Воронежъ. 1891. 8 д. VII+12 нен +147+96 стр.

Памятная книжка гродненской губ. на 1891 г. Изд. гродн. губ. стат. ком. подъ ред. А. Э. Штритера. Гродно. 1890. 8 д. 24+XXXII+295+48+62+47 стр., ц. 1 р.

Памятная книжка и адресъ-календарь полтавской губ. на 1891 г. Сост. Д. А. Иваненко. Полтава. 1891. 8 д. IV+50+82+250+59+115+12 стр., ц. 1 р.

Памятная книжка кіевской губ. на 1891 г. Сост. подъ ред. Д. И. Навротскаго. Изд. кіев. губ. стат. ком. К. 1891. 8 д. 213+31+70+23 стр., ц. 1 р.

Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа Ч. IV. Черниговская губ. Изд. управленія учебн. округа. К. 1890. 8 д. 161+XXIV стр.

Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа. Ч. V. Полтавская губ. К. 8 д. 188+XXVII стр.

Памятная книжка конотопскаго земства. 1865—1890. К. 1890. 8 д. 144 стр.

Papée Fr. dr. Scole i Tucholszczyźna Lwów. 1891. 8 д. 124 стр. съ картой и рис., ц. 1 złr. 60 cnt.

Петровскій Д. А. Харьковъ въ карманѣ. Справочная книжка и календарь на 1891 г. Изд. 2-е. Хар. 1891. 8 д. 88 стр.

— Путеводитель по Харькову Приложеніе къ справочной книжкѣ «Харьковъ въ карманѣ». Хар. 1891. 16 д. II+64 стр.

Петровъ Н. Отчетъ церковно-археологическаго общества при кіев. дух. академіи за 1889 г. К. 1890. 8 д. 34 стр.

— Извѣстія церковно-археол. общ. при кіев. дух. академіи за 1889 г. К. 1890. 8 д. 44 стр.

Планъ гор. Новороссійска, изд. д. чл. кубан. обл. стат. ком. Е. Д. Фелицынымъ. Екатеринодаръ. 1891. 1 листъ.

Планъ города Одессы. Изд. В. Коханскаго и И. Желиховскаго. Одесса. 4 д. 1 стр.

Планъ гор. Одессы. Од. 1 д. 1 стр.

Познанскій Б. Полячка. Видѣнное и слышанное. (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.»). К. 1891. 8 д. 30 стр.

Paul C. M. Die Karpathensandsteine des mährisch-ungarischne Grenzgebirge (Отт. изъ «Jahrbuch der k. k. geol. Reichanstalt») Wien. 1891. 4 д. 68 стр.

Полиньскій І. Стенографія руска. Львовъ. 1891. 8 д. 39+40 стр., ц. 1 złr. 50 cnt.

Поповичъ Ом. Чума горилчана. Зъ нимъ Г. Цшоке переповивъ и тверезимъ рускимъ читальнямъ прысвятывъ... Черновци. 1890. 8 д. 72 стр.

Поповичъ Олексій, Маты удова и тры сыны, Сестра и братъ. Народны думы. К. 1890. 16 д. 24 стр.

Празднованіе 50-лѣтія профессорской дѣятельности В. А. Караваева (1840—1890). К. 1890. 8 д. 32 стр.

Преосв. Иларіонъ, еписк. полтавскій и переяславскій. (Изъ ж. «Воскресный день») М. 16 д. 18 стр.

Путникъ (*Н. Лендеръ*). По Черному морю. Очерки и картинки. (Азовское побережье.—Закавказье.—Новороссійскій край и южный берегъ Крыма). Спб. 1891. 12 д. VI+247 стр., ц. 60 к.

Пыпинъ А. Н. Исторія русской этнографіи. Т. III. Этнографія малорусская. Спб. 1891. 8 д. VIII+425 стр.

Пьянство дѣтей въ Одессѣ. Составилъ другъ дѣтей. Изд. одес. общ. для борьбы съ пьянствомъ. Од. 1891. 8 д. 21 стр.

Пятницкій А. Очеркъ исторіи кіевской митрополіи въ періодъ времени отдѣльнаго ея существованія отъ митрополіи московской (1459—1686 г.) (Отт. изъ Могил. Еп. Вѣд.). Могилевъ на Днѣпрѣ. 8 д. 72 стр.

Рабій Фр. Коротка исторія чудотворной иконы преч. дивы Маріи въ парохіальной церкви самборской. Самборъ. 1889. 16 д. 35 стр.

Равита Ф. На красномъ дворѣ. (Na krasnym dworze). Истор. ром. изъ врем. княж. Изяслава въ Кіевѣ. Перев. и изд. Ф. В. Домбровскаго. 8 д. 310 стр., ц. 1 р.

Rehman Antoni dr. Dolne dorzecze Sanu, badane pod wzelędem postaci, budowy i rozwoju gleby. (Odb. z t. XXVI Sprav. Kom. fizyogr. Ak. umiej.) Kraków. 1891. 8 д. 86 стр. съ картой.

Reichenberg Ch. N. Wie kann das Elend eines Theils der Iuden in Galizien und der Bukowina durch die Baron Hirsch'sche Zwölfmillionen-Stiftung gemildert werden, eine Studie. Wien. 1891. 8 д. 34 стр.

Ретовскій О. Указатель ѳеодосійскаго музея древностей. Изд. 4-е доп. и испр. Ѳеодосія 1891. 8 д. 24 стр., ц. 15 к.

Ржевускій Л Краткій историческій очеркъ Оршанскаго Кутеинскаго женскаго монастыря. Орша 8 д. 8 стр.

Родословная дворянъ и графовъ Милорадовичей. Черниговъ. 1890. 4 д. 13 стр.

Розенштейнъ А. С. Описаніе гор. Мелитополя (таврич. г.) Мелитополь. 1891. 8 д. 13 стр.

Rolle Michał. Z życia ormian kamienieckich w XVII i XVIII w. (Odb. ze Swiata). Kraków. 1891. 8 д. 24 стр.

Романовъ Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 4. Сказки космогоническія и культурныя. Витебскъ. 1891. 8 д. V+220 стр. Ц. 1 р.

— Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебскъ. 1891. 8 д. XV+448+3 нен. стр. Ц. 2 р.

Rocznik statystyki przemysłu i handlu krajowego, wydany przez krajowe biuro statystyczne, pod red. d-ra T. Rutowskiego (Oddiazlł statystyki przemysłu i handlu) Zeszit XII. Produkcya rolnicza na wielkiej i małej własności ziemskiej. Lwów. 1889. 4 д. 22+нен.+24+1 нен. стр.

Rocznik statystyki przemysłu i handlu krajowego, wydany przez krajowe biuro statystyczne pod red. dra T. Rutowskiego (Oddział statystyki przemysłu i handlu). Zeszyt XIII: Przemysł domowy i rękodzielniczy. I. Przemysł skórżany. Lwów. 1889. 4 д. XXVIII+65+2 нен. стр.

Русская классная библіотека, изд. подъ ред. А. Н. Чудинова. В. I. Слово о полку Игоря. Текстъ памятника съ прим., прозаич. и поэтич. его переводы, матер. для сравн. изученія, объяснит. статьи и словарь. Спб. 1891. 8 д. VII+80 стр. Ц. 30 к.

Самійленко Володиміръ. Зъ поэзій. Частына I. К. 1890. 12 д. 47+1 нен. стр. Ц. 20 к.

Самокишъ Н. Маневры въ юго-западномъ краѣ въ 1890. г. В. II. Спб. 4 д. 8 рис.

— Маневры въ юго-западномъ краѣ въ 1890 г. Рисунки. Вып. III. Спб. 4 д. 8 рис.

Сапуновъ А. Замѣтка о коллегіи и академіи іезуитовъ въ Полоцкѣ. Витебскъ. 1890. 8 д. 34 стр. Ц. 35 к.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. В. I. К. 1890. 4 д. 12 стр. Ц. 1 р. 85 к.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. 2. К. 1891. 4 д. 17 стр. и 8 табл.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. 3 и 4. К. 1891. 4 д. 6нен.+31 стр. и XIIтабл. рис.

Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 3-й. Хар. 1891. 8 д. II+XXVII+341 стр. Ц. 2 р.

Св. Равноапостольный кн. Владиміръ и крещеніе Руси (изъ Карамзина). Чтеніе для народа. Спб. 1891. 8 д. 28 стр.

Северъ. Задля святои земли. Стежка передъ хатою. Повисть. Переклавъ зъ польского Павло Кирчивъ. Львôвъ. 1891. 8 д. 162+2 нен. стр. Ц. 50 sut.

Siemiradzki J. dr. i Dunikowski E. prof. dr. Szkic gieologiczny krolestwa polskiego, Galicyi i krajów przyległych (Objaśnienie do mapy gieolog.) [Odb. z Pamięt Fizyogr.). Варш. 1891. 8 д. 141 стр. и 1 карта.

Сидоровъ Вас. Окольной дорогой. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія (Рига. Вильна. Кіевъ. Одесса. Константинополь. Крымъ. Екатеринославъ). Спб. 1891. 8 д. II+338 стр. Ц. 1 р.

Симиренко Л. П. Опытъ изслѣдованія промышленнаго плодоводства и плодоторговли. Съ 69 табл. рис. Од. 1891. 8 д. XII+253 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Skład c. k. Uniwersytetu im. cez. Franciszka I we Lwowie i program wykładów w półroczu zimowem 1891—92. Lwów. 1891. 4 д. 44 стр.

Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajow słowiańskich. Wydany pod red. B. Chebowskiego i W. Wałewskiego, według planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materyałów. Zeschyt 126. T. XI. Варш. 1891. 8 д. Стр. 401—480.

То же Zeszyt 127. T. XI. Варш. 1891. 8 д. Стр. съ 481 по 560.

То же Zeschyt 128 T. XI. Варш. 1891. 8 д. 561—640 стр.

То же Zesz. 129. T. XI. Варш. 1891. 8. д. 641—720 стр.

То же Zesz. 130. T. XI Варшава 8 д. Стр. 741—800.

Слово о полку Игоревѣ. Редакція и примѣчанія В. А. Яковлева (Учебная б-ка). Спб. 1891. 8 д. IX+41+2 нен. стр. Ц. 25 к

Соколовскій Н. А., врачъ. Бѣлая Церковь, васильк. у. кіев. губ. въ медико-топогр., статист. и санитар. отношеніяхъ. (Матеріалъ для медицин. топографіи и статистики Бѣлой Церкви). Бѣлая Церковь. 1890. 8 д. III+74 стр. +30 табл. Ц. 1 р.

Сорокинъ Г., свящ. Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки, александрійскаго у. херс. г. Изд. ред. ж. «Кіевск. Стар.» К. 1891. 8 д. 54 стр.

Справа руска въ галицкимъ сойми р. 1890. Львивъ. 1890. 8 д. 32 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. lwowskiego gimnazyum im Franciszka Józefa za r. szk. 1891. Lwów. 1891. 8 д. 77+2 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnazium w Brzeżanach za r. szk. 1891. Brzeżany 1891. 8 д. 91+2 нен. стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnasyum w Złocz wie za r. szk. 1891. Złoczów. 1891. 8 д. 105+1 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnazium w Jaśle za r. szk. 1891. Jasło. 1891. 8 д. 57—118+32 стр.

Sprawozdanie VII dyrekcyi c. k. gimnazyum w Jarosławiu za r. szk. 1891. Jarosław. 1891. 8 д. 80 стр.

Sprawozdanie dyrektora c. k. IV gimnazyum we Lwowie za r. szk. 1891. Lwów. 1891. 8 д. 96 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnazyum w Przemyślu za r. szk. 1891. Przemyśl. 1891. 8 д. 116 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. wyższego gimnazyum w Samborze za r. szk. 1891. Sambor. 1891. 8 д. 88 стр. съ табл. и планами.

Sprawozdanie c. k. gimnazyum w Sanoku za r. szk. 1891. Sanok. 1891. 8 д. 52+1 стр. съ табл.

Sprawozdanie c. k. gimnazyum w Stanicławowie za r. szk. 1890—1891. Stanisławów 1891. 8 д. 67 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. wyższego gimnazyum w Tarnopolu za r. szk. 1891. Tarnopol. 1891. 8 д. 95 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. wyższego gimnazium realnego im. Franciszka Iózefa w Drohobyzzu za rok. szkolny 1891. Lwów 1891. 8 д. 105 стр.

Sprawozdanie XVIII dyrekcyi c. k. wyższej szkoły realnej we Lwowie za r. szk. 1891. Lwow. 1891. 8 д. 53 стр.

Справозданне III зъ діяльности руского товариства педагогичного Львовъ. 1891. 8 д. 8 стр.

Справданне зъ діяльности центрального видилу товариства Просвита за р. 1890. Львовъ. 1891. 8 д. 23 стр.

Sprawozdanie z czynności Zakłada nar. im. Ossolińskich we Lwowie za r. 1890. Lwòw. 1890. 8 д. 68 стр.

Справочная карманная книжка по г. Харькову и календарь на 1891 г., съ видами главныхъ зданій г. Харькова X. 1890. 16 д. IV+178 стр.

Старицькій М. Риздвяна ничъ. Комико-лирична опера въ 4 д. и 5 карт. Музыка М. Лисенка. Львовъ. 1890. 16 д. 64 стр. Ц. 30 cnt.

Сторожевскій Н. Мартинъ Пушкарь, первый полтавскій полковникъ. Житоміръ. 1890. 16 д. 27 стр.

Сторожевскій Н. К. Кочубей и Искра. Историч. монографія. Житоміръ. 1891. 8 д. 68 стр.

Стороженко А. В. Михайловская и Покровская церкви въ г. Переяславѣ, полтавской губ. (Отт. изъ «Кіев. Ст.») К. 1891 г. 8 д. 15 стр.

Статистическій обзоръ дѣятельности харьковскаго губ. земства 1886—1889 г. Составленъ губ. управою. Кн. 1. X. 1890. 8 д. 109+67 стр.

Statut fundacyi br. Hirscha dla popierania szkolnictwa ludowego w królestwie Galicyi i Lodomeryi z W. Ks. Krakowskiem i w księstwie Bukowiny. Kraków. 1891. 8 д. 9 стр.

Стрѣльбицкій Уніатскіе церковные соборы съ к. XVI в. до возсоединенія уніатовъ съ православною церковью.. Изд. 2-е. Од. 1890. 8 д. 164 стр.

Субботинъ А. П. Въ чертѣ еврейской осѣдлости. Отрывки изъ экономич. изслѣдованій въ зап. и юго-зап. Россіи за лѣто 1887 г. Вып. II. Бѣлостокъ, м. Остропольм. Полонное, Бердичевъ, Житоміръ, Кіевъ, Одесса и ихъ раіоны. Изд. ред. «Эконм. Журн.» Спб. 1890. 8 д. 240 стр. Ц. 2 р.

Судебный процессъ по искамъ харьков. обществ. управленія и харьк. общества водоснабженія о контролѣ надъ поставляемой водопров. обществомъ жителямъ г. Харькова водою. Хар. 1891. 8 д. III нен. +116 стр.

Сумцовъ Н. Ѳ. Писанки. (Отт. изъ «К. Стар.»). К. 1891. 8 д. 49 стр.

Тарасенко Ив. Ганнуся. Ливобережна поема. Золотоноша. 1891 8 д. 148+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Тарасъ и Олеся. Разск. изъ малорос. старины. М. 1891 16 д. 69 стр.

Tarnowski St. hr. O Rusi i Rusinach (Odb. z Krakusa) Kraków. 1890. 8 д. 68 стр. Ц. 20 cnt.

Теличенко И. В. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху

Екатерининской комиссіи. (Отт. изъ ж. «Кіев. Ст.») К. 1891. 8 д. 279 стр.

Терскій календарь на 1891 г Въ 2 кн. Подъ ред. П. Стефановскаго. (Годъ 1). Изд. Терск. обл стат. ком. Владикавказъ. 1890. 8 д. XV+52+259+48+104 стр.

Терскій Сборникъ. (Приложеніе къ Терскому календарю на 1891 г.) Подъ ред. П. Стефановскаго. Владикавказъ. 1890. 8 д. VIII+274+176 стр.

Tomkowicz St. dr. Gotische Taufbecken aus der Umgegend von Sandez und Gorlice in Galizien (Odb. z Mittheilungen der k. k. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst-und historischen Denkmale) Wien. 1891. 4 д. 4 стр. + табл.

Turczyński Iuliusz. Nad Czeremoszem, nowele z życia ludu huculskiego. Kraków. 1891. Мал. 8 д. 243 стр. Ц. 1 złr. 30 cnt.

Turczyński Iuliusz. Straszna drużyna, obraz huculszczyzny z przeszłego stulecia (Odb. z. Reformy). Kraków. 1891 8 д. 157 стр. Ц. 80 cnt

Улейниковъ *Л.* Еврейскія земледѣльческія колоніи екатеринославской губ. въ 1890 г. Спб. 1891. 4 д. 15 печ. листовъ.

У наймы. (Образокъ зъ жыття днипровского повиту $188^{7}/_{8}$ р.). Спб. 1891. 8 д. 24 стр. Ц. 10 к.

Фалькевичъ *К.* Два жовнѣри, повисть для старшихъ и молодшихъ. Львôвъ. 1891. 16 д. 36 стр. ц. 10 cnt.

Falkowski Iuliusz. Pamiątki po generale Benedykcie Kolyszce. Kraków. 1891. 4 д. 103 стр. и портретъ.

Фаминцынъ *А. С.* Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка. Кобза. Бандура. Торбанъ. Гитара. Историч. очеркъ съ многоч рис. и нотными примѣрами. Спб. 1891. 4 д. III нен.+Ш+2 нен. + 218 + 14 стр.

Федькивъ *Кость.* Квиточка, дарунокъ для молодежи. Львôвъ. 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 10 cnt.

Федьковичъ *О.* Повисти. Часть I. Зладивъ Михайло Пачовскій. Львовъ. 1890. 8 д. VIII + 78 стр. Ц. 25 cnt.

Флоберъ *Густавъ.* Легенда про Св. Юліана Милосердного, зъ французького переклавъ В. Савва. Львôвъ 1891. 8 д ? стр. Ц. 10 cnt.

Франко *Иванъ.* Лисъ Микита. Зъ нимецького переробивъ. Львовъ. 1891. 8 д. 100 стр. и 17 иллюстр. Ц. 50 cnt.

Харенко *А. И.* Описаніе мѣстностей черниг. губ. въ предѣлахъ бывшаго стародубскаго полка. (Извлечено изъ «Календаря черн. г. на 1891 г.»). Черниговъ. 1890. 8 д. 58 стр.

— Преосв. Ѳеодосій (Угличкій), архіеп. черниговскій и новг.-сѣверскій, мѣстно чтимый святитель. Ист. біогр. очеркъ. (Извл. изъ «Календаря черниг. еп.» на 1891 г.). Черниговъ. 1890. 8 д. 34 стр.

Харьковскій водопроводъ и харьковское городское управленіе. Харьковъ. 8 д. 27 стр.

Харьковскій календарь на 1891 г. Въ 2 книгахъ. Изд. харьк губ. стат. ком. (Годъ 19-й). Харьковъ. 1891. 8 д. X + 460 + 188 стр.

Харьковскій сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьков. календарю» на 1891 г. Вып. 5-й. Изд. харьк. губ. статист. ком. подъ ред. члена-секретаря ком. В. И. Касперова. Харьковъ. 1891. 8 д. 4 нен. + 172 + 210 + XV стр. и 1 карта.

Хижняковъ В. М. О ревизіи волостей въ нѣкоторыхъ уѣздахъ черниг. губ. Изд. Земск. Сборн. черниг. г. Черниговъ. 1891. 8 д. 130 стр.

Хилякъ В. Два старика. Разсказъ изъ жизни русскихъ галичанъ. Пер. А. Погодинъ. (Нар. чтенія). Спб. 1891. 8 д. 55 стр. Ц. 5 к.

Хозяйственно-статистическій обзоръ херсонской губ. за 1889 г. Прилож. къ общему администр. и хозяйств. отчету за 1889—90 г. Изд. херс. губ. зем. упр. Херсонъ. 1890. 8 д. 161 стр.

Холмскій народный календарь на 1891 г. К. 1890. 8 д. 214 стр.

Chociszewski Iózef. Podręcznik geografii ojczystej, zawierający treściwy opis ziem dawnej Polski, z uwzględnieniem dzisiejszych stosunków i podziału politycznego, dodana krótka wiadomość o Czechach i Rusinach. Poznań 1892. 16 д. IV + 283 стр. Съ 50 рис. и 8 картами. Ц. 1 t. 25 pf.

Ziffer E. A. Die Locolbehnen in Galizien und der Bukowina im Anschlusse an die k. k. priv Lemberg Czernowitz Iassy-Eisenbahn. Wien. 1891. 4 д. съ картой и 90 план. и рис. Ц. 15 zlr.

Czerwiński dr. O rusinach i do rusinów. Lwow. 1890. 4 д. 7 стр.

Чудеса, совершившіяся въ Кіево-Печерской Лаврѣ, по свидѣтельству іеромонаха оной Аѳанасія Кальнофойскаго, изложенныя въ книгѣ «Тератургимъ», имъ же составленной и напечатанной въ типографіи Кіево-Печ. Лавры въ 1638 г. К. 1890. 8 д. 48 стр.

Чужевецъ П. А. Изъ украинскаго быта. Повѣсти и разсказы. Хар. 1891. 8 д. 298 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 5-я. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. К. 1891. 8 д. V + 34 + 182 + 227 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Череватенко И. Черноморець. Водевиль у двохъ діяхъ и 4 картынахъ. К. 1891. 16 д. 62 стр.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання про те, якъ одынъ чоловикъ по чужыхъ краяхъ мандрувавъ и якъ винъ самъ на острови середъ моря живъ. К. 1891. 8 д. 63 стр.

Чайченко В. Иванъ Котляревскій, украиньскій письменникъ. Житеписне оповидане. (Просвита 132). Львовъ. 1891. 8 д. 32 стр. Ц. 10 cnt.

Чайченко В. Чыя робота важча? Кузьмына. Тры бажання. Казкы. К. 1891. 8 д. 16 стр. Ц. 5 к.

Чулай Г. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ грушы выкурювивъ. 2) Якъ я роя выганявъ. 3) Божый попустъ. К. 1891. 8 д. 36 стр.

Czerwiński z Fürstenhofu. O Rusinach i do Rusinów: I. Pro praeterito. II. Pro nunc et pro futuro. Kraków. 1891. 8 д. 15 стр.

Czołowski Al. Sprawy wołoskie w Polsce do r. 1412. (Ze studyów nad dziejami wołoskimi. II. Odb. z Kwartal. historycz.). Lwów. 1891. 8 д. 32 стр. Ц. 50 cnt.

Czołowski Alex. dr. Lwów za ruskich czasów. (Odb. z Kwart. hist.). Lwów. 1891. 8 д. 42 стр. съ картой. Ц. 75 cnt.

Szajnocha Wł. dr. prof. Źródła mineralne Galicyi, pogląd na ich rozpołożenie, skład chemiczny i powstawanie. (Odb. t. XXII Rozpraw Wydz. matem.-przyr. Akad. umiej.). Kraków. 1891. 8 д. 111 стр. Ц. 1 złr. 50 cnt.

Szajnocha Wł. dr. prof Die Mineralquellen Galiziens (Отт. изъ Anzeiger der Akad. der Wissensch.). Krakau 1891. 8 д. Стр. 47—49.

Шаповаловъ *Г.* Волынскій справочный календарь-путеводитель на 1891 г. Житомиръ. 1890. 8 д. 99 стр. Ц. 20 к.

Szaraniewicz Iz. dr. Prähistorische und früh. mittelalterliche Erdbauten in Galizien. Mittheilungen der k. k. Central. Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst und hist. Denkmale. Wien. 1890. 4 д. Стр. 231—233.

Шеболдаевъ В. В. Очерки дѣятельности хирургич. отд. черниг. губ. больницы за 1880. Черниговъ. 1891. 8 д. 78 стр.

Chevtchenko. T. Poésies de T. Chevtchenko. Genève et Prag. 1890 (1891) 16 д. VII + 258 стр. Ц. 4 fr.

Шематизмъ всего клира греко-католической епархіи станиславôвской на р. Б. 1891. Рочникъ VI. Станиславôвъ. 1891. 8 д. XXIII+1 нен.+320 стр.

Шематизмъ всего клира руско-католическаго епархій соединенихъ перемиской, самборскои и сяноцкои на рикъ отъ Рожд. Хр. 1891. Перемишль. 1891. 7 д. 280 стр.

Szematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi z Wielkiem księsiwem krakowskiem na r. 1891. Lwów 1891. 8 д. XXIII + 988 стр.

Шестаковскій Ив. Несчаслива доля. Орелъ. 1891. 16 д. 31 стр. Ц 50 к.

Шляпкинъ И. А. Св. Димитрій Ростовскій и его время. (1651—1709 г.). Спб. 1891. 8 д XIV + 460 + 102 + III стр.

Яницкій Ал. Садъ и его плекане черезъ цилый рикъ. Практична книжечка для старшихъ и молодшихъ. Львовъ. 1891. 16 д. 64 + 1 стр. Ц. 20 cnt.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1892 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р. | съ пересылкой въ другіе города 9 р
съ достав. въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. | за границей . . . . . 12 р

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣш. кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе, Невскій, 57; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 1890 и 1891 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою. —3—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная

Выходитъ ежедневно:

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“. и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющія отношенія къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

—3— Редакторъ-Издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

1892 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1892 г.

НА

„ВОЛЫНЬ“,

газету политическую, литературную и общественной жизни.

Годъ четырнадцатый съ будущаго 1892 года „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему ЕЖЕДНЕВНО, за исключеніемъ воскресныхъ и послѣ праздничныхъ, дней по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи, 2) Телеграммы. 3) Городская хроника, 4) Хроника Волыни и Западнаго Края; текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ по остальной Россіи, 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ, 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія, 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій и 13) фельетонъ.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул. домъ Духовнаго училища.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

12 м. р. 11 м. 4 р. 75 к. 10 м. 4 р. 40 к 9 м. 4 р. 8 м. 3 р. 50 к. 7 м. 3 р 6 м. р. 60 к. 5 м. 2 р. 10 к. 4 м. 1 р. 80 к. 3 м. 1 р. 50 к. 2 м. 1 р. 1 м. 75 к.

Издатель *И. И. Коровицкій.* Редакторъ *К. И. Коровицкій.*

—3—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

безъ предварительной цензуры

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Основная задача газеты—оставаться вѣрной своему названію, т. е. посвящать свои силы возможно полному изученію нуждъ родной земли.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ пересылкой:

на годъ—9 руб., полгода—5 руб., три мѣсяца—3 руб., одинъ мѣсяцъ—1 рубль. Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, которые внесутъ до ноября мѣсяца полную подписную сумму за годъ, „РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ за ноябрь и декабрь текущаго года будетъ высылаться БЕЗПЛАТНО. Полугодовымъ подписчикамъ газеты будетъ высылаться безплатно лишь за декабрь мѣсяцъ.

Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ „РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ“, газета высылается въ теченіе мѣсяца за шесть семикопѣечныхъ марокъ.

Требованія на газету адресуются:

Въ С.-Петербургъ, въ контору „Русской Жизни“, Невскій пр., д. 65.

— 3 — Редакторъ-Издатель *А. Пороховщиковъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный популярно-научный журналъ для семейнаго чтенія

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“.

Подписной годъ съ 1 ноября 1891 г. по 1 ноября 1892 г.

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА. Каждый № украшенъ 8—12 рисунками первоклассныхъ иллюстраторовъ и содержитъ въ себѣ 6—8 большихъ статей: популярно-научныхъ очерковъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, разсказовъ изъ путешествій и жизни различныхъ народовъ, живописныхъ очерковъ и картинъ чудесъ природы, біографій ученыхъ, путешественниковъ и изобрѣтателей, романовъ, повѣстей и разсказовъ и т. д., и т. д. Кромѣ того, въ каждомъ № помѣщается масса мелкихъ замѣтокъ о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ въ области естественной науки, полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ, научныхъ развлеченій и занятій и пр.

Въ будущемъ году въ журналѣ будутъ помѣщены: „Картины изъ жизни первобытнаго человѣка“—д-ра А. В. Елисѣева, съ ориг. иллюстраціями А. М. Котляревскаго, статьи о свѣтящихся растеніяхъ и животныхъ, о пигмеяхъ, о дикаряхъ-землеѣдахъ, о предкахъ нашихъ животныхъ (съ рисунками, изображающими сцены изъ жизни вымершихъ животныхъ), о падающихъ звѣздахъ, о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты, о кровавомъ дождѣ, „Въ Новый Свѣтъ“—большой разсказъ В. Ю. Дружинина, иллюстрированный худ. А. А. Наумовымъ, „Японія и японцы“—послѣднее произведеніе † путешественника П. И. Пашино, „Индійскіе кудесники“—разсказъ В. П. Желиховской, „Месть шамана“—разсказъ В. Я. Максимова, „За святую Русь“—историч. романъ Е. Ѳ. Шрекника и мн. др.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, которыя составятъ великолѣпный альбомъ подъ общимъ заглавіемъ:

„ПРИРОДА и ЛЮДИ РОССІИ“.

Альбомъ будетъ состоять изъ 48 (по 4 ежемѣсячно) фототипическихъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: И. К. Айвазовскаго, проф. А. П. Боголюбова, В. А. Голынскаго, акад. Ѳ. Ѳ. Горшельта, В. Г. Казанцева,

акад А. Д. Кившенко, Г. П. Кондратенко, А. И. Куинджи, проф А. Ф. Лагоріо, проф. А. И. Мещерскаго, акад. И. Е. Рѣпина, Н. А. Сергѣева, † акад. Р. Г. Судковскаго, акад. П. А. Черкасова, акад. И. И. Шишкина и мн. др

Снимки будутъ отпечатаны на слоновой бумагѣ въ форматѣ журнала, выполненіе ихъ поручено фототипу Императорской Академіи Художествъ В. И. Штейну.

Въ качествѣ оригиналовъ редакція получила разрѣшеніе воспользоваться картинами, находящимися во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, въ Императорскомъ Эрмитажѣ и Картинной Галлереѣ Императорской Академіи Художествъ.

При первомъ выпускѣ альбома (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) всѣмъ подписчикамъ будетъ БЕЗПЛАТНО разослана художественно исполненная обложка изъ бристольскаго картона.

Цѣна журнала со всѣми приложеніями, съ пер. и дост., на годъ 5 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля 2 руб. и къ 1-му іюля—1 рубль.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 47.

— 3 — Редакторъ *С. Груздевъ*. Издатель *П. Сойкинъ*.

Своевременно вышла НОЯБРЬСКАЯ книга журнала.

„ВОСХОДЪ“.

Для ближайшихъ книжекъ „Восхода“ имѣются, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

Въ Изгнаніи. Очеркъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV столѣтія. Профессора С. А. Бершадскаго.—Творецъ „Исторіи Евреевъ“. Жизнь и сочиненія Г. Гретца. С. М. Дубнова—Выходцы изъ Межеполя. Романъ. Часть вторая. С. О. Ярошевскаго. — Исключительные законы объ иновѣрцахъ въ талмудическомъ правѣ. Посмертное изслѣдованіе И. И. Шершевскаго.—Еврейское населеніе Петербурга въ соціальномъ и санитарномъ отношеніяхъ. Статистическій очеркъ д-ра С. О. Грузенберга. — Приключеніе. Эскизъ изъ нашего high-life М. С. Варшавскаго.—Историческія сообщенія. С. М. Дубнова.—Обѣтованная земля, съ картою палестинскихъ еврейскихъ колоній. Е. Хисина. — Внѣшнее вліяніе и внутренняя жизнь русско-еврейскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ Г. М. Прайсе.—Самуилъ Абрамовичъ. Изъ захолустныхъ очерковъ. Елены Бердяевой.—Евреи и Антисимитизмъ. III. Физіологія и психологія еврея. Статья члена французской академіи. А. Леруа-Болье.—Новые документы по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Проф. С. А. Бершадскаго.—Неудачникъ. Разсказъ М. О. Грузенберга.—На западѣ. Путевые впечатлѣнія и заграничные очерки. П. Я. Левенсона.—Святой господинъ. Историческій романъ изъ эпохи франкистовъ.—Стихотворенія С. Г. Фруга, Н. М. Минскаго, Константина Льдова, А. Ѳедорова, Л. Медвѣдева и др.

Новые подписчики на 1892 годъ получатъ безплатно первые листы романа, С. О. Ярошевскаго „Выходцы изъ Можеполя“, начавшагося печатаніемъ въ октябрьской книжкѣ.

Кромѣ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ подписчики получатъ особое приложеніе къ журналу.

Цѣна на годъ журнала „ВОСХОДЪ“ и газеты „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За три послѣднихъ мѣсяца 1891 г. вмѣстѣ съ премiей, по случаю десятилѣтiя „Восхода“—5 р. За-границей на годъ 12 р., на-полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условiяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р., и къ 1-му Iюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакцiи, С.-Петербургъ, Площадь Большаго Театра, 2—32, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

—2— Редакторъ-издатель *А. Ландау.*

Открыта подписка на 1892 годъ

(третiй годъ изданiя)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКIЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНIЕ.

Въ 1892 году журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 30 листовъ „Русское Обозрѣнiе“ будетъ издаваться по прежней программѣ, при сотрудничествѣ слѣдующихъ лицъ:

Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскiй, П. И. Вейнбергъ, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Котъ Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, Е. Л. Марковъ, К. Орловскiй, Я. П. Полонскiй, гр. Е. А. Саliасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стеринъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, П. П. Шатохинъ, I. I. Ясинскiй (Максимъ Бѣлинскiй), П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Весловскiй, А. И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, Георгiевскiй, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, И. И. Дубасовъ, Н. Ю. Зографъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кирѣевъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскiй, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскiй, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, Бретъ-Гартъ (Bret-Harte). Dr. H. Brundhofer, П. Бурже, (Paul Bourget), М. де-Вогюэ (Melchior de Vogüé), Г. Вельшингеръ, (Henri Welschinger), П. Леруа-Больэ (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Ж. Симонъ (Jules Simon), В. Стэдъ (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ.	За подгода.
Съ пересылкой и доставкой во всѣ города Россiйской Имперiи	15 р. 50 к.	8 рук. — коп.
За границу.	19 „ —	10 „ — „

Отдѣльные №№ продаются въ конторѣ журнала по 1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверской бульв., д. Зыкова, № 46, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается разсрочка подписной платы по полугодiямъ и четвертямъ года.

— 3 —

Вниманію родителей и педагоговъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.

НА ОБЩЕ-ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ

ГАЗЕТУ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ."

Въ изданіи участвуютъ слѣдующія лица, извѣстныя своею дѣятельностію въ ученомъ, педагогическомъ и литературномъ мірѣ:

К. К. Абаза, Я. В. Абрамовъ, Н. Н. Блиновъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, проф. П. И. Вейнбергъ, Е. Н. Водовозова, проф. Н. Я. Гротъ. Ѳ. И. Егоровъ, К. В. Ельницкій, Л. Д. Журавлевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. И. Конради, (изъ Парижа), С. Н. Кулябка, Б. Э. Кетрицъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, В. Н. Макъ-Гаханъ (Нью-Іоркъ), В. В. Михайловъ, П. А. Нагель, А. П. Налимовъ, М. В. Овчинниковъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій, В. О. Португаловъ, А. С. Пругавинъ, А. С. Селивановъ, Д. Д. Семеновъ, проф. И. П. Скворцовъ, М. М. Соколова, А. Ф. Соколовъ, А. Т. Соловьевъ, Е. Н. Тихомирова, Д. И. Тихомировъ, В. Г. Турчаниновъ, (изъ Христіаніи), И. Ф. Федоровскій, И. О. Фесенко, В. А. Хавкинъ, (въ Парижѣ), Е. И. Челпановъ, В. Н. Чеховъ, Х. Х. Цинвъ, проф. В. И. Шерцъ, и мн. другіе.

Вышеприведенныя имена гг. сотрудниковъ говорятъ сами за себя.

Форматъ изданія будетъ увеличенъ вдвое и внѣшній видъ его будетъ значительно улучшенъ, безъ повышенія подписной платы.

Въ пользу голодающихъ Редакція жертвуетъ 2% со всей подписной суммы, поступившей до 1 февраля 1892 г.

Подробный проспектъ на 1892 г. высылается по требованію безплатно.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р.; полгода—3 р.; 3 мѣсяца—2 р.; для начальныхъ школъ, учителей и духовныхъ лицъ—4 р. на годъ; 2 р. на 6 м.; 1 р. на 3 м. и 40 к. на 1 м. и за границу 6 р.

Съ новаго 1892 года, при конторѣ „Школьнаго Обозрѣнія", въ Москвѣ, открывается складъ народныхъ книгъ и картинъ, учебниковъ, сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія, русскихъ и иностранныхъ, учебныхъ пособій—картъ, глобусовъ и пр.

Адресъ конторы редакціи: Москва, Тверской бул., д. бар. Шеппенгъ, въ контору редакціи газеты „Школьное Обозрѣніе".

—3— Редакторъ издатель *П. И. Гусаренко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

Газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая. Выходитъ ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ (около 330 нумеровъ въ годъ и во всякомъ случаѣ не менѣе того количества, какое выпустятъ другія одесскія газеты).

Въ 1892 году газета „ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“ будетъ печататься на спеціально заказанной въ Парижѣ у Маринони ротаціонной машинѣ, способной выдавать 20.000 оттисковъ въ часъ, въ 8-ми столбцовомъ форматѣ и такимъ образомъ сдѣлается самой большой изъ южныхъ газетъ и притомъ самой дешевой. Вмѣстѣ съ тѣмъ огромное распространеніе газеты дало возможность пригласить новыя литературныя силы и спеціальныхъ корреспондентовъ за границей.

Въ 1892 году въ газетѣ «Одесскія Новости» будутъ помѣщаться ПОРТРЕТЫ и ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Подписная цѣна на 1892 г. остается таже, а именно:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 6 „	4 „ 50 „	„ 6 „	5 „ — „
„ годъ	7 „ 20 „	„ годъ	8 „ — „

За-границу доплачивается къ подписной цѣнѣ по 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы.

Новые подписчики на 1892 годъ получаютъ газету со дня подписки безъ всякой особой приплаты.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Одессѣ: Въ Главной Конторѣ, Ланжероновская ул. (въ Пале-Роялѣ), собств. домъ.

Въ отдѣленіи конторы—Пушкинская ул., № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Молдаванкѣ—Прохоровская ул., домъ № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Пересыпи—Московская, домъ № 37.

— 3 —

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“

НОВЫЙ, СПЕЦІАЛЬНЫЙ, БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа изданія:

I. Библіографія. Памятники древней письменности и печатныя произведенія русской и иностранной литературы, представляющія матеріалъ для библіографіи.—Библіографическія монографіи по научнымъ и литературнымъ вопросамъ.—Библіо-

графія сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей. — Исторія библіографіи.— Біографіи и некрологи библіографовъ, библіофиловъ и ревнителей просвѣщенія.— Обозрѣніе общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, библіотекъ и архивовъ въ Россіи и за границею. — Обозрѣніе монастырскихъ и церковныхъ книгохранилищъ въ Россіи.—Описаніе древнихъ манускриптовъ, старопечатныхъ и рѣдкихъ русскихъ книгъ, гравюръ, картъ и т. п.

II. Критика. Отзывы ученыхъ учрежденій и обществъ о произведеніяхъ печати

III. Книжное дѣло. Типографское, издательское и книжноторговое дѣло, его прошлое и настоящее.—Обозрѣніе дѣятельности и успѣховъ въ литографскомъ, граверномъ, фотографическомъ и другихъ искусствахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

IV. Извѣстія и замѣтки—о различныхъ событіяхъ и случаяхъ въ книжномъ мірѣ; о дѣятельности ученыхъ обществъ, о съѣздахъ, ученыхъ экспедиціяхъ и т. п. Протоколы засѣданій ученыхъ обществъ.

V. Смѣсь. Мелкія замѣтки, имѣющія отношеніе къ книжному дѣлу и библіографіи

Вопросы и отвѣты по библіографіи.

Приложенія: 1) Капитальныя изслѣдованія по библіографіи. 2) Лѣтопись русскаго книгопечатанія: распоряженія Правительства по дѣламъ печати, списокъ русскихъ книгъ и указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ за истекшій мѣсяцъ, rossica. 3) Книжныя новости антикварнаго магазина П. Шибанова и другихъ книгопродавцевъ.

Иллюстраціи въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ, древнихъ картъ и т. п.

Объявленія о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

Журналъ будетъ выходить съ начала 1892 г., ежемѣсячно (каждое 15-е число) книжками in 8°, въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 8-ми печатныхъ листовъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой и пересылкою . . . . . 6 р. — к.
За границу. . . . . 7 р. — к.

На другіе сроки подписка не принимается.

Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ . . . . . — р. 75 к.
Кромѣ того для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ доставкой и пересылкой . . . . . 15 р. — к.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровская линія, Антикварная книжная торговля П. Шибанова), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ главную контору редакціи.

 Редакторъ *А. Н. Соловьевъ*. Издатель *П. П. Шибановъ*.

Открыта подписка на 1892 г. (66-й годъ изданія)

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

газета политическая, литературная, экономическая и коммерческая.

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, не исключая понедѣльниковъ

Въ „Одескомъ Вѣстникѣ“ ежедневно помѣщаются:

1) Телеграммы общія.
2) Телеграммы коммерческія.
3) Передовыя статьи по внутренней и иностранной политикѣ.

4) Газетное обозрѣніе.
5) Маленькая хроника (фельетон. замѣтки на злобы дня).
6) Внутреннія извѣстія.
7) Иностранныя извѣстія.
8) Мѣстная хроника (одесская и южно-русскаго края).
9) Корреспонденціи (русскія и загран.)
10) Искусство и литература.
11) Судебная хроника (общихъ и военныхъ судовъ).
12) Отголоски (летучія замѣтки по разнымъ предметамъ).
13) Смѣсь.
14) Фельетонъ (литературный, научный беллетристическій и другія).
15) Торговыя свѣдѣнія.
16) Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ печатаются портреты и рисунки, относящіеся къ событіямъ дня.

Условія подписки

для иногородныхъ съ пересылкой и въ Обессѣ съ доставкой:

на 12 мѣсяцевъ	. . . . .	12 р. — к.
„ 6 „	. . . . .	7 р. — к.
„ 3 „	. . . . .	3 р. 75 к.

Всѣ новые подписчики „Одескаго Вѣстника“ на 1892 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, получатъ, и всѣ номера за 1891 годъ, со дня поступленія подписки.

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ Главной Конторой, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ: 1) по полугодіямъ съ платою по 6 руб. не позже 1 января и 1 Іюня; 2) по третямъ года по 4 руб.: не позже 1 января, 1 апрѣля и 1 Августа и 3) по четвертямъ года по 3 руб.: не позже 1 января, 1 марта, 1 іюня, и 1 сентября.

Разсрочка даетъ возможность лицамъ съ ограниченными средствами уплачивать подписныя деньги частями безъ лишней приплаты противъ годовой цѣны.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Одесса, уголъ Пушкинской и Полицейской д. Кассо. № 14.

— 2 — Редакторъ *М. Аркольдъ*. Издатель *В. Кирхнеръ*.

БИБЛІОГРАФЪ

1892. ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ **Годъ VIII**

(12 №№ въ годъ).

Ученымъ Комит. М ства Народн. Просв. рекомендованъ для основ. біобліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебныхъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинаріи и училищъ.—По распоряженію Военно-Учебнаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы-статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; исторія, теорія и практика книговѣдѣнія библіотечное, издательское и книжноторговое дѣло прежде и теперь; хроника книговѣдѣнія. Вопросы и отвѣты.

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ, 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) Rossica (указатель иностранныхъ сочиненій о Россіи); 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія и объявленія.

Съ основанія „Библіографа въ немъ принимали участіе:

В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій. С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзскій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Колеко, М. А. Куплетскій, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, акад. Л. Н. Майковъ, А. І. Маленинъ, В. И. Межевъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, проф. С Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, проф. Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** р., за-границу **6** р.

отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; ¾ стр.—6 р. 50 к.; ½ стран.—4. р. 50 к. ¼ стран.—2 р. 50 к.; ⅛ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38). и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжкахъ магазинахъ.—Гг. иногородніе подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію

—2— Адресъ редакціи: Спб., Забалканскій (Обуховскій) просп., д. 7. кв. 13.

ЗАРЯ

большая иллюстрированная политическая, общественная и литературная газета

будетъ выходить съ 1-го января 1892 года по два раза въ недѣлю, въ объемѣ 2-хъ—3-хъ листовъ въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами, съ ежемѣсячными литературными и художественными приложеніями.

Цѣль изданія—соединить въ себѣ политическую газету и литературный журналъ. Въ ежедневныхъ газетахъ читатели получаютъ массу сыраго матеріала, въ которомъ не легко разобраться, въ особенности вслѣдствіе постоянно встрѣчающихся противорѣчій. Общественная и политическая жизнь приняла сложныя формы

и въ своемъ быстромъ теченіи осложняется все болѣе и болѣе; въ нее входятъ новые факторы, новыя силы, съ которыми уже приходится считаться. Въ настоящее время уже не любознательность, а необходимость требуетъ отъ каждаго гражданина ориентироваться въ томъ, что совершается въ его отечествѣ и въ мірѣ, и эта необходимость сознательнаго отношенія къ общимъ вопросамъ жизни становится все настоятельнѣе, все полнѣе, распространяется все далѣе и далѣе въ глубь народной массы.

Этими соображеніями выясняются задачи изданія, подобнаго газетѣ „ЗАРЯ". Выполненіе этихъ задачъ—трудъ тяжелый, въ особенности у насъ, гдѣ печать поставлена въ совершенно исключительныя условія, являясь единственной почти выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. И мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что „ЗАРЯ" всецѣло выполнитъ намѣченную нами программу Мы считаемъ достаточнымъ сказать, что „ЗАРЯ" будетъ всѣми силами и средствами стремиться къ тому, чтобы внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ. Говорить только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства, всецѣло и беззавѣтно служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—вотъ все, что мы можемъ обѣщать нашимъ читателямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на газету „ЗАРЯ" со всѣми приложеніями,

съ пересылкой во всѣ города Россіи и доставкой:

НА ГОДЪ 6 РУБ., НА ПОЛГОДА 3 РУБ., НА 3 МѢСЯЦА 1 РУБ. 50 КОП.

Газета можетъ быть выслана съ наложеннымъ платежомъ, съ прибавленіемъ 30 коп. на почтовые расходы.

Допускается разсрочка платежа на всякихъ условіяхъ, которыя подписывающійся признаетъ для себя возможными.

За границу: на годъ—10 руб., на полгода—5 руб.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСУЮТСЯ: въ Главную Контору газеты „Заря",—Москва, Петровка, домъ Кредитнаго Общества, при типографіи И. И. Родзевича. —2—

Разосланы подписчикамъ

36 и 37 ВЫПУСКИ

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изданія Т-ва А. ГАРБЕЛЬ и К° въ Москвѣ, Тверская, Б. Гнѣздниковскій пер. домъ Мартыновой.

Объясненіе словъ (Ерунда—Збручъ).

Подписка продолжается только до выхода 50 выпуска. Отдѣльные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ конторѣ имѣются для продажи еще

слѣдующія изданія: Завоеваніе Алжира, Изъ жизни животныхъ,—30 коп. съ перес. Программы для среднихъ учебныхъ заведеній сост. Горбуновъ—50 к. Временныя правила для волостныхъ судей, гдѣ введены Земскіе Начальники—50 коп.

Лицъ—желающихъ выписать словарь наложеннымъ платеж. контора и. ч. покорнѣйше просить высылать на почтовые расходы на 1 руб. почтовыхъ марокъ, и зачтутся въ счетъ уплаты.

Открыта подписка на 1892 годъ

на ежемѣсячный общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіи 1891 года въ „Русской Школѣ" напечатаны между прочимъ слѣд. статьи: 1) Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка. Изъ воспоминаній А. П. Степанова; 2) Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній А. А. Фета; 3) Забытый міръ (изъ пансіонскихъ воспоминаній). П. В. Засодимскаго; 5) Начальное образованіе и народныя училища въ Зап. Европѣ и въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Н. Х. Весселя; 5) Импер. Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ. М. И. Радомской; 6) О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ. Проф. Н. И. Быстрова; 7) Душа ребенка въ первые годы жизни. Проф. Н. Н. Ланге; 8) Механизмъ вниманія. Его-же; 9) Что такое общее образованіе? Проф. Н. И. Карѣева; 10) Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній. М. И. Демкова; 11) Современныя французскія идеи о воспитаніи, П. Ѳ. Каптерева; 12) Картинки семейнаго воспитанія. А. К. Молотова; 13) Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть. К. Н. Модзалевскаго; 14) Дѣти и птицы. Проф. Д. Н. Кайгородова; 15) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ. М. И. Крыгина; 16) Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нащихъ гимназій. Я. Г. Мора; Къ вопросу о переутомленіи учащихся. С. А. Будаевскаго; 18) Профессіональная школа и подъемъ отечественной промышленности М. Л. Песковскаго; 19) Цѣль и средства преподаванія низшей математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго; 20) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 21) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. А. И. Пуликовскаго; 22) Очерки частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Я. В. Абрамова; 23) Народное образованіе въ Московской губерніи. И. П. Бѣлокопскаго 24) Народное образованіе въ Восточной Сибири, Его-же; 25) Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. А. М. Тютрюмова; 26) Спеціальныя практическія задачи русской народной школы. Н. А. Феликсова; 27) Какія училища нужны для Петербурга К. К. Сентъ-Илера, 28) Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы. А. М. Калмыковой; 29) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества (Разборъ девяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). Ея-же.

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на педагогическія сочиненія, брошюры и руководства, дано обозрѣніе нѣсколькихъ педагогическихъ жур-

наловъ, иностранныхъ и русскихъ за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е іюня 1891 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—шесть руб. въ годъ; съ доставкою шесть руб. пятьдесятъ коп., для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ руб. уступки.

—2— Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

Дозволено ценз. Кіевъ, 30-го декабря 1891 г.

салемъ. Алексѣйця послалемъ въ Роменъ, а казалемъ ему взять оттуду сюда вина у 4 бутилкахъ, виходокъ (?) корѣння и сюда привезти Хелкидоцкого, а до родителки послалемъ папѣрковъ два, пургующого и потного лѣкарствъ. Лѣкарство на ипохондрію началемъ у вечеру брать.

26. П. Василь, сотникъ наказний глинскій, пріехалъ у Луку. П. Андрѣй, послѣ прошку пургующого, якого ему зъ аптечки далемъ скрупуловъ 3, мѣлъ sedes 8. Капитанъ 9 роти полку Інгермоланского, рано бувши у мене, сказалъ, что прійшолъ указъ къ нему—остоятись тутъ у Луцѣ, а далѣй не ити, а то для того, что всему полку стать по надъ Днѣпромъ, въ Чигириндубровѣ, Веремѣевцѣ и другихъ селахъ, казано. Послалемъ листъ до короваювского старости, жеби бранокъ овецъ 100 и бараповъ 20 прислалъ у Сухоносовку; а черезъ козака глинского писалемъ листомъ до Сухомузкого и Орановского, чтобъ они зехали къ Томари для осмотру футора и слободки Семеновки продаемихъ; особливежъ до ег Орановского цедулою писалемъ о господарскихъ разныхъ интересахъ. Староста лучанскій повернувшись зъ Лохвицѣ, оказалъ что у Нещеретовомъ лѣсѣ половлени злодѣе, зъ 6 конми и 3 мѣхами соли и били въ допросѣ. У старости позичившн грошей 3 копи, послалемъ сторожа лубенского въ Прилуку, зъ листомъ до п. Федора, а казалемъ ему купить цукру голову, картъ 2 и 2 фунти родзѣнокъ свѣжихъ. Соколничій зъ конми пріехалъ зъ Ромна. Ему жъ, сторожеви, казалемъ ворочаючись, заехать до сотника срѣбранского зъ писмомъ моимъ, въ якомъ прошеніе о визиченню клявикордовъ вираженно. Въ Роменъ до самой писалемъ о присилцѣ сюда полумисковъ и Алексѣя пѣвчого.

27. Гудимъ пріехалъ зъ Ромна зъ листомъ родителскимъ и привезлъ вина 3 бутылки и 4 полумиски цѣни. Черезъ козака чорнуского послалемъ въ Чорнухи, до сотника наказного чорнуского, отвѣтъ на листъ его писанній о тертицихъ мѣскихъ Янковскимъ затраченнихъ, жебы отшукать. Туды жъ послалемъ листъ до Орановского и въ ономъ включенній другій листъ до Томари, о томъ чтобъ позволилъ имъ осмотрѣть продаемого футора писанній, и тре-

тій листъ до атамана лубенского, о сливахъ, кущикахъ, которихъ достать 1000. Трембачъ Петро юсковскій привезлъ письмо отъ правителей зъ Глухова, чтобъ до его утрати билъ причетнимъ атаманъ юсковскій. Атаманъ глинскій суплѣковалъ о своей дочерѣ, сѣдячой въ вязенню за безчиніе.

28. Солдатъ пріехалъ зъ Глухова зъ указомъ колежскимъ, въ якомъ вираженно тое, что въ добавку еще въ полкъ лубенскій регламентовъ и экземпляровъ о содержаніи овецъ прислано 4485, которіе давать би имѣючимъ овци до 50 числа, а не меншъ, и зъ росписками, которіе въ колегію присилать би; и оній солдатъ отсюду отправленъ въ Роменъ зъ листомъ и зъ тимъ же указомъ до правителей, чтобъ они отобравши оніе регламента, репортовали доношеніемъ колегію черезъ его. Зубко, молодикъ родителскій, поехалъ въ Глуховъ, а писалемъ черезъ его до родителки о моемъ тутъ до вовторка медленіи; да самой—о зробленню 20 завѣсъ до дверей и о сафянѣ—пошить мнѣ двѣ пари чоботъ; а до правителей листъ приложилемъ лохвицкого сотника Гамалѣи, писанній зъ Царицина, чтобъ росписали по сотняхъ, даби утѣкачовъ новихъ въ вязенне брали и увѣдомляли би насъ, если где обищутся. Такъ же и о цигану Федору, даби онъ въ Глуховъ ехалъ за циганскимъ атаманствомъ, буде похочетъ, а передомъ ко мнѣ пріехалъ бы [1]). Глинскій Василь отехалъ на время въ Глинскъ, а въ пятокъ мѣлъ бити. Григорій Андрѣенко лохвицкій явился зъ листомъ правителскимъ о учиненню зъ попа сатисфакцѣи, котораго въ Роменъ зъ тимъ отправилемъ, же тамъ будутъ судить. Самойловичъ прилуцкій зъ жителемъ зъ Ісаіемъ Фукаломъ явились и декретъ, данній въ Ромнѣ, презентовали въ справѣ ихъ. Войтъ лохвицкій, бувши тутъ, донеслъ, что злодѣи поймани и 6 коней, а давнѣйшій у Цися семій, которихъ зъ розискомъ въ Роменъ посилать. Братъ п. Андрѣй вернулся зъ мисливства дводневного и привезлъ болшъ 20 зайцовъ.

29. Фукало и прилуцкій Самойловичъ, взглядомъ шаблѣ украденной у Фукала, помирились и мировое дали мнѣ доношеніе. Зъ

[1]) См. статью г. Плохинскаго—Цыгане Старой Малороссіи, въ Этнографич. Обозр. 1891 г.

Ромна писма принесени отъ писара Савѣцкого о томъ, же о чомъ и обозній писалъ 21 сего октовр.; отъ родителки, о здѣланню кошари на бранки въ Андрѣевцѣ. Писалемъ въ Глинскъ до п. сотниковой о сливахъ 500. Зъ Чорнухъ подано письмо о знайденихъ грошахъ 3 рубляхъ, жеби на церковъ, а не чолобитчику отдать. Алексѣецъ повернулся зъ Ромна; о Алексѣю Хелкидоцкомъ хоруючомъ донеслъ. Отъ лукомского сотника писмо о Петру крамару, убійцѣ, проявившомся. До Ромна къ самій писалемъ о 2 коняхъ, мѣючихъ зъ Лохвицъ прислатись. Гудимъ молодикъ отклонился и отехалъ въ Роменъ. Целулу родителскую, о здѣланню кошари, старостѣ тутейшому лучанскому далемъ и велѣлемъ въ оной выраженное исполнить. Полковникъ Шереметевъ прибулъ на свою квартиру въ Лохвицю.

30. Сторожъ лубенскій зъ Прилуки повернулся и привезлъ картъ пару и цукру голову канарского у шесть фунт. Ему жъ доплатить грошей казалемъ хлопцеви пол. 6 шага. Онъ же привезлъ отъ пана Федора писмо и въ писмѣ включеніе тестаментъ покойного п. судіи прилуцкого о селѣ Перервинцяхъ и листъ его жъ до родителя писанній о футорѣ Перервинскомъ. Зъ Чигириндуброви козакъ подалъ листъ отъ тамошней старшины о томъ, что 4 роти Інгермоланского полку, туда пришедшіе, сами берутъ у людей сѣно и дрова, также дошки байдачніе и кажутъ на раскатахъ у городѣ караулить и пушки туда звозити. Федоръ, циганъ роменскій, пріехалъ взглядомъ атаманства цыганского. Надзиратель Нелидовъ билъ у мене и вечералъ. П. братъ Андрѣй повернулся зъ мисливства, где поймалъ зайцовъ 30 и лисицъ 2. Обозній повторне писмо прислалъ ко мнѣ о томъ же, о чомъ и 21 сего октовр. Цилюрикъ Ходецкій зъ Ромна зъ пявками пріехалъ. Переставлемъ пекгулокъ брать. Отписалемъ на писма, до лукомского—о Петру Кривомъ, что велено о ему розискать атаману лубенскому и Григорію Котляренку, а Мартишевскую, злѣгшуюся зъ овчаремъ, а пойманную, отпустить на поруки; объ обидахъ себѣ отъ Кодинця и Дацѣя чинячихся, жеби суплѣку написалъ, а не картки. До Чернуского отписалемъ, зсилаючись на словесное мое предложенне, о грошахъ,

если нема доводу, то отказать и чтобъ писмо до Орановского послалъ певнымъ кимъ, которое писано о зеханню его въ Перервинцѣ и переписѣ всего. До чигир., что о всемъ томъ писано до Черняховского комисара, жеби было имъ учинено облегченіе, о чомъ и до Черняховского писанъ жъ и листъ ихъ приложенъ для извѣстія. До обозного отписалемъ, что ложне хтось доносилъ црокурору, же будто скаржившимся до господина Румянцова на родителя, награжденіе не учинено, понеже Рубашному зол. 100 отложено и теперь на ратушѣ лежатъ, а ему не отдано за его отлученнемся; Богданенку наказано часть старостѣ, а часть людямъ токаровскимъ заплатить, да кудась онъ и повѣялся, то можетъ бить затимъ и не взялъ грошей тихъ; Ющенковой Данилисѣ—зол. 100, вмѣсто милостини, хочъ и купля фундаменталная есть; а перекоповскій козакъ, скаржившійся, неявился. Окончилемъ зъ тимъ, что еслибы праведно и безпристрастно сужено было, тобъ лутше и полезнѣй на сторону родителскую показалось. Братовая п. Андрѣева поѣхала въ Роменъ.

31. Явки, лѣкарство пріймалемъ. Листи, вчорайшого дня пописанніе, отправилемъ, опрочъ до обозного отписанного. Сторожъ, до маіора Кологривова зъ листомъ о баранахъ посиланній лохвицкій, повернулся, не винаймовши его въ Сумскомъ полку нѣгде. Отъ старости короваювского получилемъ листъ отвѣтній, что бранокъ овецъ 100, а барановъ 20 отослалъ въ Сухонссовку. П. Василь глинскій пріехалъ зъ Глинска, а сказалъ, что розродилася Федору Зарудному вчорайшого дня Анастасія. Отъ канцеляристи Троцкого пріехалъ зъ листомъ слуга его, въ якомъ пишетъ о курѣнчикахъ, въ Лазуркахъ себѣ отъ правителей опредѣленнихъ, и о футорянахъ, въ Лубняхъ жиючихъ, даби ихъ старшина не обътяжали грабежами. Копію указу сенатского, до старшины енер. писанного, прислалъ о нарядѣ бунчуковихъ къ Гилянѣ и придатку къ нимъ 1500 или 2000 козаковъ, на пришлое 1725 лѣто. Іосифъ Василченко пріехалъ сюда и знову отехалъ за инструкцѣею, данною ему, о переписѣ господарей, имѣючихъ свои овци, чтобъ сюда оную привезти ко мнѣ. Зъ п. Василемъ глинскимъ сторговалисмося за конѣ вороніе въ 120 зол.

Ноевр. 1 неделя. Листъ до обозного, отвѣтній на его писмо 21 октовр. врученное мнѣ, послалемъ. Братъ п. Андрѣй поехалъ въ Роменъ. Отцемъ Федоромъ лучанскимъ п. Зарудній уличенъ зосталъ, что въ его пилъ горѣлку. Комисаръ пол. Черняховскій бувъ и о жестокости полковника Шер. говорилъ. На листъ Савѣцкого писара, о томъ же, о чомъ и обозній писалъ, писанній отвѣтъ, таковій же якъ и до обозного, послалемъ въ Глуховъ. Также и до Василя господара писалемъ, отвѣтуючи на его писмо и предлагаючи, чтобъ онъ повсякій тиждень мене увѣдомлялъ о тамошнихъ поведеніяхъ. Особливо о садовнику, винницѣ, млинахъ и грошахъ, а барзѣй о листѣ моемъ до господина брегадира писанномъ. До отца Фоми писалемъ о томъ же інтерессѣ, якій въ листѣ къ обозному вираженъ есть.

2. Петра трембача зъ писмомъ до сотника наказ. лукомскаго отправилемъ, чтобъ онъ противъ его суплѣки, якая тамъ же включена, розискалъ и если возможно его зъ атаманомъ юсковскимъ привелъ до помѣркованія; буде же нѣтъ, то прислалъ би обидвѣ сторони въ Роменъ. Ему жъ далемъ и другое писмо до Григораша, чтобъ зъехавши въ Городище, розпскалъ о пожару учинившомся въ домови тамошнего сотника, яковій суплѣкуетъ произшедшій бити отъ Caganки. П. Василь глинскій отехалъ, которому о сливахъ говорилемъ. Цись пріехалъ въ Лохвицю и ознаймилъ о 6 коняхъ, посланпихъ въ Роменъ, а о самомъ, мѣючомъ сюда въ Луку прислатись, и отехалъ знову. Черняховскій, комисаръ полковій, отехалъ въ Роменъ выправлять провіянтъ и фуражъ въ Чигириндуброву, куда и полкъ Інгермоланскій рушилъ на винтерквартеру. Писалемъ до глинского п. Василя у вечеру, чтобъ прислалъ для подему моего санѣ сюда. Тогда жъ и до роменской старшини писалемъ о учиненіи порадку подъ нинѣшное ярмарковое время и управленіи справъ всякихъ.

3. Зъ Глинска санѣ привезли. Велѣлемъ старостѣ двѣ кадки зробить, едну у 40, а другую у 60 квартъ. Старостѣ лучанскому говорилемъ, что мѣлъ конь присланъ бити отъ Цися, и о другимъ чтобъ присланъ билъ, казалемъ. По обѣдѣ виехалемъ зъ Луки и

не доежджаючи Токаровъ, стрѣтилемся зъ обознимъ, которій мнѣ показовалъ термѣну листу до прокурора писанного о челобитчикахъ родителскихъ. Пріехавши въ Токарѣ, видѣлемъ коней своихъ тамъ стоячихъ 26. Староста приблудившихся двохъ буланихъ коней, до футора Артополотского, показовалъ носатихъ чили зорозуючихъ [1]). Виехавши оттуду. пріехалемъ у футоръ Артополотскій, где кобилъ двѣ моихъ гнѣдихъ и лоша подпалое видѣлемъ. На ночъ пріехалемъ въ Андрѣевку.

4. Рано зъ Андрѣевки къ Ромну виехалемъ, а на дорозѣ подалъ мнѣ листъ козакъ перекоповскій отъ отца Совѣцкого зъ Кіева, о его помислной тамъ гостинѣ. Пріехалемъ въ Роменъ передъ службою. Бувъ прапорщикъ Інгермоланского полку, пріехавшій за провіянта отправкою къ Чигириндубровѣ. Комисарамъ полковимъ велѣленъ диспозицію учинить въ сотнѣ роменской. Псковского полку отъ прапорщика, пріехавшого конѣ покупать, приходилъ вахмистръ, требуючи сѣна для коней. Алексѣеви Хелкидоцкому далемъ коней рижострокатихъ 2, должнихъ за клавицимбалъ на Москвѣ въ его взятій. Подводъ сухоносовскихъ 6 воловихъ въ Роменъ пришли, а на нихъ сира куховъ 4, масла фасокъ 10, да дробини поголовя (?) 50, що все на Засуллю Алексѣйцеви зложити казано, а подводи отпустить назадъ и на нихъ кухву горѣлки въ Сухоносовкѣ послать. Швецъ Лысій паръ двѣ чоботъ мнѣ зъ сафяна викроилъ. Коней 6 зъ Лохвицѣ присланнихъ и 2 мѣшки соли.

5. Юско Зубко подалъ мнѣ указѣ зъ вой. енер. кан. о присилкѣ двохъ мѣщанъ до пріему провіянта и надсмотрщика надъ ними значкого товариша; особливо листъ отъ Столповского зъ комплементомъ. Отъ Бяловского, о указѣ п. п. бунчуковимъ въ Гилянъ готоватись. Отправилемъ въ Глуховъ писма: 1) до швакгровъ, о доношеніи, жебы оное сочинилъ Бяловскій о ланцужку моемъ, 2) до Бяловского, о томъ же и о указѣ; 3) до Троцкого, о томъ же указѣ; до Василя господара, о поведеніяхъ господарскихъ. Писмо отвѣтное до п. Павловой отправилемъ, чтобъ сюда пріехала въ Роменъ,

[1]) Золозуючихъ?

зъ Бабакомъ, для поради, якъ его въ Глуховъ отправить въ дѣлѣ еи зъ Кочерженкомъ. Воротелякъ Петро явился зъ Шліонска, пріехавши и дзикгарикъ мой направленій привезлъ, за которій далъ тамъ 4 таляр. битихъ безъ чвертки, а копѣйками полъ 8 копи. Антонъ принюсъ книгъ двѣ, въ Кіевѣ купленнихъ: 1) октоихъ и ярмолойчикъ, а третую рускую, позиченную отъ мене отцу ректору, алкоранъ.

6. Ездилемъ на Засулле, где коней злодѣйскихъ лохвицкихъ 3 казалемъ Алексѣйцеви взяти, а 3 оставити; еще жъ въ Лохвицѣ у Цися отобрать 2 казалемъ, а его виправилемъ разставити конѣ въ Бурумцѣ всѣ, оставивши тутъ тилко въ Токарахъ четверенъ 2, сивого и царичанского и возовихъ 10, итого 20. Ему жъ позволилемъ продать скиртъ зъ 10 сѣна, роменцямъ, зъ нимъ же для тоей куплѣ поехавшимъ туда на Кривую Руду, якое на 9 роту мѣютъ отдавать. Слѣпій сенецкій, бувши у мене зъ листомъ правителскимъ его оправдаючимъ, отпущенъ въ домъ зосталъ. Яковъ Литвишко приходилъ ко мнѣ зъ реестромъ доводячихся денегъ въ казну отъ родителскихъ добръ, болшъ 50 р. Комисари полковіе отехали отсюду въ Лохвицю. Зъ Чигириндубротской сотнѣ тамошній сторожъ привезлъ доношеніе и вѣденіе о принятихъ регламентахъ и екземплярахъ о содержаніи овецъ предлагаючихъ. П. Селецкій, сотникъ дѣвицкій, пріехалъ зъ Сулаку въ Ромснъ и подалъ писма до ясневел., брегадира и мене писанніе, зъ которихъ въ послѣдномъ выраженно, что принцъ грузинскій, уходя преслѣдованія отъ Порти отаманской, удался подъ протекцѣю всемилостивѣйшого нашего государя, а съ нимъ всей компанѣи, зачисляя епископовъ 6, архимандритовъ 14 и прочіихъ монаховъ и служителей всѣхъ и женской полъ 1185.

7. Манджосъ Григорій бувъ у мене и сказалъ про сегнѣтъ, что жидови робити далъ. Онъ же и мѣнуціи мнѣ на прошлій годъ принюсъ. Отецъ Савѣцкій пріехалъ зъ Кіева, новоустроенъ протопопою Роменскимъ. Онъ же привезлъ указъ архіерейскій освятити церковъ ст. Николая и отца Іоанна паки намѣстникомъ устроити. Зъ сенецкой сотнѣ прислани утѣкачи, которихъ знову отослано туда жъ, а велено ихъ подъ арестомъ держать. Бившій комисаръ полковій

Вишневскій, бувши у мене, подалъ на писмѣ, что у его денегъ 48 руб., на неналичныхъ взятихъ. Сотникъ дѣвицкій п. Селецкій отехалъ въ Дѣвицю. Зъ Глинска въ Глуховъ послано сливъ венкгерскихъ 270, а черешенъ 80. Черезъ сторожа лохвицкого послани листи до брегадира и ясневелмож. родителскіе зъ Сулаку, и мои, и до п. Скоропадского, объ інтересѣ челобитчиковскомъ, разговоренномъ отъ прокурора обозному. Рондзѣкъ старій чорній разобрали на новій, ременъ чили тясму обсадить, а въ немъ штучокъ всѣхъ малихъ и великихъ 145, а додѣлать потреба хвостиловъ 8, штучокъ малихъ 2, пуклинъ 1, на носѣ наконечникъ 1, и того всѣхъ имѣетъ бить штучокъ 157. Романови реестръ данъ покупокъ разнихъ и у войта велено позичить денегъ. Григорашъ Губскій, наехавши на домъ писара Савѣцкого, где греки стояли, поссорился зъ ними и побился, чего ради зъ жалобою кгреки приходили ноччю.

8. Неделя. П. Василь глинскій привюлъ коней воронихъ пару, въ Луцѣ сторгованнихъ за 130 зол. Пос(вя)щали церковъ ст. Николая, отецъ Савѣцкій зъ отцемъ Іоанномъ и отцемъ Стефаномъ службу Божую служили. Рано у мене бувъ надзиратель Нелидовъ, зъ которимъ о 3 колахъ вешнякахъ въ Луцѣ стоящихъ, говорилемъ. Черезъ Славѣнского отъ родителки писано до Михайла ревизора, въ Лохвицю, и до Стефана зборщика въ Лубнѣ, жеби въ казну за збори въ казну росплатились. До Василя господара въ Глуховъ писано, жеби прислалъ сюда желѣза штабного пудовъ 3 на глинскихъ подводахъ. До Алексѣйця писалемъ, жеби верхового вороного коня отослалъ въ Короваи. Лоренцовъ, прикажчикъ хоружовскій, зъ женою своею бувъ у насъ. Андрѣй Стаховичъ пріехалъ въ Ромонъ и бувъ у насъ и сказовалъ о грошахъ зъ Седнева и Чернѣгова повезенныхъ въ Глуховъ, при маіору Федору Кошелеву.

9. Отецъ Фома, протопопъ пѣратинскій, пріѣхалъ. Ходили по ярмарку и покупили дещо. Громѣчиха старая на сына своего Кирила дала суплѣку. Федоръ Зарудній зъ узваромъ пріехалъ, которого за уши рвали. Бутурлимъ, пяний, бивъ Василця нижника.

10. Воскъ нашъ проданъ зосталъ, камень по 26 зол. и 5 копѣекъ, а воску всего било, по сказцѣ Романа, 15 камней и 8 фун-

товъ. Салогубъ прилуцкій приходилъ за своимъ зятемъ, тутъ въ полку начавшимъ теперъ жить, жеби на его респектовать, поколь обживется. Гончаръ лубенскій привюзъ двѣ статуи. Господинъ генералъ маіоръ и маіоръ отъ гвардіи Александръ Ивановичъ Румянцовъ, пріехавшій въ Глуховъ 3, виехалъ зъ Глухова 6 ноевр. въ Кіевъ, а оттоль въ Цариградъ посломъ. Отъ Василя, господара, двокротніе получилемъ писма о тамошнемъ поведеніи, одно, черезъ козака, а другое черезъ сторожа Якима лукомского. Черезъ того жъ писмо отвѣтное отъ Троцкого о походѣ получилемъ бунчуковимъ. Слугамъ розданни гроши на барму именно: Роману 15, Мартину 12, Тарасу 9, Вѣжевскому пол. 8 зол.; машталѣрамъ кожухи, чоботи и рукавицѣ. Здешнему сотникови указъ на писмѣ подъ штрафомъ далемъ, жеби козаковъ опредѣлилъ до розсилки регламентовъ. У лазнѣ мился. Бутурлимъ пяний, рано прійшовши, фуріовалъ. Листовъ два отъ панеи Павловой и отъ мене до правителей о посилаючомся въ ея дѣлѣ Кирилу Бабакови за стряпчого, составили. Отъ сторожа Якима, зъ Глухова пріехавшого, извѣстилися, что сотникъ смѣловскій, виправленній зъ Сулаку зъ болъними, повернулся въ домъ свой.

11. До Василя господара писалемъ черезъ Парфененка глуховского, въ отвѣтъ на его писма, и о протчемъ домашнемъ поведеніи и чтобъ далъ мѣрницю пива швакграмъ. До русановского старости о волу моемъ, зъ Куцупѣевщини туда приблудившомся, писалемъ, чтобъ онъ видалъ его намъ. До Горба писано, жеби жителя села Тарандинецъ успокоилъ и свой грабѣжъ 6 воловъ выкупилъ. Трембачи 3 явившись побились передъ нами, съ которихъ двохъ за тое за друкъ посажено. Гончареви лубенскому полталяра далемъ и фарбъ рознихъ и 6 фунтовъ олова, на зробленне статуй, купили, а писалемъ до атамана лубенского, чтобъ ему глини возовъ 3 зъ Комишной привезено, а до старости александровского, жеби далъ ему харчи: житной, гречаной и пшеничной, ему жъ и контерфектъ (портретъ) п. судіи прилуцкого данъ. Повторе до старшини лохвицкой писано, жеби присилали зборщика до провіянта, якъ надлежитъ зъ доношеніемъ. Отецъ Фома, протопопъ пѣратин-

скій, переписавши зъ себѣ зъ книги ст. Василія Вел. литургію его, отехалъ домой, которому чорную козлину купилемъ. Золотаръ Бородатій взялъ 140 штучокъ рондзѣка для позлоти, на которую ему купилисмо 6 лотовъ живого срѣбра. Кирило Бабакъ отправленъ въ Глуховъ въ дѣлѣ п. Павловой, черезъ которого писалемъ до Василя, чтобъ онъ бувъ въ дворѣ, а конѣ его отосланибы били зъ человѣкомъ его жъ въ Тулиголови. Да въ томъ же листѣ писалемъ о шаблѣ, данной шабельниковѣ, жеби отшукалъ оную. Получилемъ листъ отъ Орановского писанній о томъ, чтобъ бувши онъ съ Сухомузкимъ въ селѣ Перервинцяхъ, зревѣдовалъ тамошніе рѣчѣ, якихъ показалось именно; людей лутшихъ 23, а въ нихъ воловъ 30, а коней 4, а пѣшихъ 6, стада дрикгант. 9, клячъ 63 и другихъ коней, всѣхъ же числомъ 184, а воловъ рабочихъ 20, четвертаковъ и третяковъ 27, коровъ 25 и протчей скотини, которой всей зъ волами будетъ на 121, такъ же и протчого дворового птаства, свиней, пашнѣ. Отъ атамана лубенского и Григорія Котляренка получилемъ писмо и інквизиціи о убійствѣ Петромъ лукомскимъ учинившомся, къ которому и самъ онъ повинился, толъко оное причитуетъ своего ума изступленію.

12. Отъ швакгровъ зъ Глухова писма, и отъ Якова Дуброви зъ Смѣлого о томъ, что денегъ 100 зол. позичених, не можетъ еще уплатити намъ, подани листи. Столповскій и Савѣцкій, писаръ, пріехали зъ Глухова. Зъ Питербурху Іванъ Перехристенко пріехалъ и писма отъ пѣвчихъ государинѣ імператрицѣ, оправдаючіе Калнѣцкого отъ клевети Василя Дейнеки, подалъ. Кузма, асаулъ артилер., зъ Лукомля пріехалъ и о тамошнемъ сотникови, прошедшого пятка въ Лукомле пріехавшомъ, говорилъ. Трембачи два, Никола да Новотний, наказани за предерзости. Отправили писма: до Орановского, о зеханню его въ Перервинцѣ; до лубенской старшини, о Петру Крамару лукомскомъ, убійцѣ; до пѣратинского атамана, о войтови тамошнемъ, зъ наказаніемъ за его предерзости; до лохвицкой старшини, о допросѣ Нещерета въ дѣлѣ злодѣевъ. Надзиратель бувъ. Полтарацкій лѣкаръ пріехалъ въ Роменъ.

13. Сотникъ смѣлянскій пріехалъ въ Роменъ. Полторацкій

бувъ. Столповскій сватанъне себѣ зъ дочерю Манджосихи Григорихи учинилъ. Листъ послали черезъ лубенского сторожа до Славѣнского, о присилцѣ сливъ. Мартинъ молодикъ повернулся и на пробу привезлъ горѣлки простой, которая началась робитись въ Сухоносовцѣ прошлого (?). Козакъ глинскій, отпровадившій сливи въ Глуховъ, повернулся назадъ. Черезъ сторожа пѣратинского Божка писалемъ до п. Федора въ Прилуку, жеби прислалъ мнѣ копію реестру п. судіи покойного и обявилемъ, же посилалемъ въ Перервинцѣ и чтобъ прислалъ мнѣ унѣверсали на оное селце п. судіи данніе. Мартиномъ привезенни тулѣпановъ 3 и насѣння ихъ же и красолѣ, отъ Милорадовичевой Стефановой. На рондзѣкъ позолотити далемъ золотареви червонихъ два, якіе Верещацѣ казалемъ заплатить по 11 зол. Надзиратель зъ отцемъ Павломъ Свѣтомъ пробалакали и пили у насъ. Писаръ Савѣцкій, не сказавшись, отехалъ зъ Ромна въ Луговики.

14. Вовка люде принесли. Грошей 100 рублей далемъ Верещацѣ Петру, зъ которихъ 300 зол. отдалъ церковнихъ должнихъ отъ мене, а 200 еще у его обрѣтаются. На сватанню у п. Столповского вечеромъ булисмо и просидѣли. Онъ же бувъ у мене и зъ хусткою кланялся.

15. Неделя. Гарбузъ машталѣръ пріѣхалъ зъ Токаровъ отъ коней за овсомъ, а тамъ коней стоитъ нашихъ—19, а злодѣискихъ 3. Черезъ его до токаровского старости при писмѣ послалемъ 10 зол, на покупку овса, для тихъ же коней. Романъ молодикъ мой вчорайшого дня упившись, внѣ ума билъ и теперъ болитъ. П. Петро Тарновскій, індукторъ, бувши у насъ принюсъ око тютюну и голову цукру. Комаровскій рисовалъ многихъ на паперѣ. Зъ Глухова повернулся сторожъ лохвицкій зъ отвѣтними писмами ясневел. и брегадира о полученнихъ писмахъ родителскихъ. Получилемъ листъ зъ вой. енер. канц., жеби дать вѣденіе о селахъ державскихъ за руками державцовъ, по якимъ крѣпостямъ оніе имѣютъ.

16. П. Петро, індуктаръ, присилалъ ко мнѣ своего служителя о кухвѣ горѣлки взятой у Конотопѣ отъ тамошнего фактора,

родителской, жеби взять оную. Укази листами послалемъ въ сотнѣ о томъ, чтобъ старшина присилали вѣденія о селахъ державскихъ, почому оніе въ державѣ чіей обрѣтаются, за руками державскими. До чорнуской старшини отписалемъ на ихъ листъ, жеби утѣкачовъ держали, козакамъ кгрунтовъ своихъ продавать не давали, и зборщикъ тамошній, бувшій зъ виборомъ давнего долгу своего за войтовства его на людяхъ учинившогося, подождалъ до повороту родителского. До Горба Бурумского писалемъ, жеби сюда для староства въ Луку пріездилъ. До Орановского писалемъ, жеби въ Винницѣ сухоносовской все устроено противъ порадку винничного Сухомузкого, такъ же о куплѣ лѣса и млина. Петро Верещака отдавши 300 зол. церковнихъ долгу, еще отдалъ п. Дяченку Василю зъ моихъ же грошей 271 зол. и такъ уже п. Василю все заплачено. Особливо онъ же отлѣчилъ п. Василю глинскому, пріехавшему теперъ сюда, за кухву меду зборного, въ Глинску на мою потребу взятого, 88 зол. а за вороніе кони, у его жъ купленніе, отлѣчилъ же ему 130 зол. Онъ же п. Василь привезлъ грошей 25 зол. не сполна и отехалъ. Надзиратель приходилъ и говорилъ о подводахъ, подъ рибу до Глухова потребнихъ. Зъ мѣшечка Федко отлѣчилъ 7 копъ грошей себѣ за камень верхній, въ Глуховѣ лежавшій, а до нашего млина взятій.

17. До Орановскаго писалемъ листъ и черезъ чорнуского козака послалемъ, въ которомъ включилемъ и облѣкъ Петра Іванова Свѣтового зятя, отъ которого доводится намъ грошей 120 зол. Получилемъ отъ Булюбаша, сотника чигириндубр., писмо о чинячихся сотнянамъ тамошнимъ обидахъ отъ консистентовъ, и отписалемъ тогда жъ о томъ же и до полковыхъ комисаровъ писалемъ. До лубенской старшини писалемъ о присланню двохъ мѣщанъ въ зборщики до магазейну. У атамана требовалъ о суплѣку, взглядомъ протопопства. Въ Глинскъ послалемъ мѣди фунтъ 157, на зроблене казановъ 3 винничнихъ, сороковихъ съ трубами 9, зъ которихъ въ каждомъ ваги булобъ по 9 фунт. Ломака поехалъ за тютюнною десятиною и оному, жеби дано козака въ Глинскъ, писалемъ.

18. Мѣди остатней зважили, ажъ показалось 3 каменѣ безъ двохъ фунтовъ. Стаховичъ зъ Дорошенкомъ, бувши у мене, протестовались, что сотникъ смѣловскій побилъ жестоко слугу Дорошенкового. Онъ же Стаховичъ, узявши у мене писмо причинное до атютанта княжого о себѣ, поехалъ въ Ахтирку до князя, на услугу. До Нѣжина посланъ козакъ зъ листами, до полковника Толстого, зъ родителскимъ и моимъ. До Каратаева о сѣмени луку нѣмецкого, до Петра Тарнавіота о дриканту и наметику (палатка) кругломъ. До Прилуки посланъ сторожъ лохвицкій зъ писмами: до п. Федора, о присланню унѣверсаловъ на селце Перервинцѣ и о книзѣ Żywoty s. Oycow[1]), зъ другимъ до обозного, питаючи, якій респектъ зъ полку показанъ щетчику ихъ. Божко повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтомъ отъ п. Федора и реестръ привезлъ худоби, легкованной отъ небожчика судіи п. судіиной, именно: денегъ 9000 зол., воловъ рабочихъ 70, коровъ 53, назимковъ 24, коней 40, кобилъ зъ лошатами 30, дриkгантовъ 2, овецъ 400, козъ 60, свиней 200, срѣбро цѣн. мѣ. въ 100 рубляхъ; модерунокъ всякій женскій въ 1000 рубляхъ, у Переволочной камень и ступи вешняки, у Новой Греблѣ 2 колѣ млива, хлѣбъ у амахъ на 10000 зол., засѣво на прошлій рокъ 70 осмачокъ прилуцкой мѣрѣ, каретъ спаленъ, шоръ etc. на 100 рублей; всего будетъ по порахунку п. Федора въ томъ же реестрѣ вираженномъ на 40500 зол. Глѣнскій, бувши у мене, кланялся. Посля Яковъ Дуброва пріехалъ.

19. Черезъ презента послали писма въ Глуховъ, въ колегію доношеніе одно, питаючись откуду барани на заводъ до спускання зъ овцами по указу, надлежитъ брати и обявляючи, что посилалемъ за ними въ слободи сторожа лохвицкого, але и Кологривова маіора и барановъ не сискалъ тамъ. До канцеляріи енер. двѣ доношеній: 1, прося резолюціи о колодникахъ, которихъ умножилось тутъ, 2, о козакахъ новихъ утѣкачахъ, проявляючихся, о що зъ ними чинити. Черезъ его жъ, до Василя господара, о рознихъ ин-

[1]) Żywoty Swiętych, Лазаря Барановича, напеч. въ Кіевѣ, въ 1690 г.

терессахъ и о спроданню риби, писалемъ и послалемъ грошей 50 р., жеби оніе тулиголовскому старостѣ далъ на покупку жита. Черезъ Якова Дуброву писалемъ до городничого смѣловского о томъ, чтобъ продалъ кобилъ 10 мнѣ, на плодъ, стада алоевского. Черезъ того жъ презента писалемъ до п. Скоропадского комплементъ и до Троцкого объ указѣ о бунчуковихъ. Молодикови п. Андрѣя, поехавшому въ Суми, на ярмарокъ, дала 15 зол. сама на покупки. Уманецъ Степанъ пріехалъ зъ указами зъ канцеллярії и съ коллегіи, жеби бунчуковіе готовалися въ походъ до Гилянѣ, такъ же и козаковъ полку лубенского нарадить бы 375, зъ дѣйствителнимъ сотникомъ. У лазнѣ булисмо. Асаулъ арматний Кузма отпущенъ зъ листомъ до лукомской старшины, жеби ему козаковъ въ полковихъ интересахъ давано. Черезъ его жъ писано до старшины лубенской, жеби зехавши въ Лукомле, изслѣдовали и аппробовали розискъ о беззаконницѣ и дѣтоубійцѣ. Въ одномъ мѣшечку, зъ присланнихъ отъ Сулаку, недолѣчились 15 шаг., а въ другомъ 13 зол. Дядко поехалъ до Луки, а Опанасъ, тамошній староста, отстановленъ для чародѣянія, якъ слишно, отчасти (?).

20. Кафисму третую переведлемъ зъ іннихъ діялектовъ, противу еврейского, на славенскій. Шубу оправити казалемъ и на оправку оной мало не все футро самой пойшло. Горба бурумского жона пріехавши, сказала о ему, что умеръ. Атласъ червоний панѣ дала на кафанъ. Поехали панѣ и моя сама до Бубновъ, где мѣютъ до коммунѣи приступать. Прапорщикъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ.

21. Коммунѣковался я и Зарудній. Прапорщикъ и протчіи були на водцѣ и отійшли. Родителка зъ моею самою повернулись зъ Бубновъ, въ Роменъ. Отъ Орановского получилемъ листъ, въ которомъ ознаймуетъ, что бувши у п. Томарѣ увѣдомились о продаемомъ футорѣ на Чумгачку и слободцѣ Семеновцѣ; у футорѣ—дворъ, хатъ людскихъ 7, а межъ ними тяглихъ 3, близъ футора лѣсъ въ довжъ—на версту, вширъ—узкій, и пустий ставочокъ, а Семеновка отъ футора у 3 верстахъ отстоитъ, где хатъ 30, межъ ними тяглихъ 12; берегъ сѣнокосній на милю, ставочокъ въ селѣ

у версту, другій ставокъ зъ млиномъ, а въ Семеновцѣ и футорѣ становится сѣна будто на 100 воз., и за тое все будто править 12000 зол. Петро Лукомскій, убійца, припроваженъ въ Роменъ и посаженъ за арештъ.

22. Неделя. Укази послани въ сотнѣ, о нарадѣ козаковъ 375 въ Гилянъ зъ бунчуковымъ товариствомъ, именно: зъ смѣлянской, ром., лох., сенец., гор, чорн, пѣр, лубен., лук., а послани въ 3 руки, Воротелякомъ, Іваномъ Ющенкомъ, и Славѣнскимъ. Особливе зъ інструкцѣею да зъ другимъ указомъ, посланъ Григор. Манджосъ до п.п. бунчуковихъ. Зъ колегіи указовъ, 2 получилемъ: 1, о томъ, чтобъ магазейнъ направить въ Веремѣевцѣ, построенній полкомъ миргородскимъ, а 2, о подрадѣ—купить роговъ пороховихъ, бичихъ или коровихъ, не малое число. Тарасъ молодикъ, повернувшись отъ коней, сказалъ, что буланіе приблудніе носатіе суть и ихъ лѣчатъ у Луцѣ. Бородатій золотаръ приносилъ позиченний рондзѣкъ, въ немъ штучокъ всѣхъ 153, а ваги фунтъ и 3 лоти, а рондзѣкъ обсаженъ на чорномъ ременѣ. Обѣдали у насъ прапорщикъ Волжинъ, отецъ протопопъ и отецъ намѣсникъ и сотникова глинская и отчасти подпіихомъ.

23. Сторожъ лохвицкій повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтомъ отъ п. Федора, что унѣверсали на Перервинцѣ запечатани въ скринѣ у п. судіиной стоячой суть. Отъ обозного прилуцкого о щетчику, же ему зъ полку жадного нѣтъ роспекту, и объ овцахъ чили баранахъ, копія указу колежского. Отъ п. судійной писмо и книгу полскую Żywoty swiętych ..... (?) привезено. Роднѣцкій, брата п. Андрѣя слуга, повернулся зъ сумского ярмарку и сказалъ о п. Стефану Миклашевскомъ, тамъ обрѣтаючомся, и о умершемъ п. Василеви сумскомъ. Провіянтмейстеръ Полянскій, зъ коллегіи посланній осмотрѣть магазейновъ, проехалъ въ Роменъ и бувъ у мене. Компанѣйцѣ явились зъ указомъ давать имъ мисячное и на конѣ отъ декавр. до мая, давать по два возн сѣна и 30 гарцивъ овса, албо по конѣ грошей на мисяць. Зъ вой. енер. канцел. листъ присланъ, жеби гудимовская старшина сѣлская, сотнѣ глинской, заплатили 23 рубля, 6 л., 4 д. въ походную канцелярію князя

Голѣцина, въ Ахтирку, за необявленнаго бѣглого драгуна, а тому, которій минялся зъ онимъ драгуномъ на платте, дать наказаніе 40 ударовъ, о которого присилкѣ сюда, такъ же и доправкѣ денегъ, писалемъ до глинского сотника.

24. Романъ молодикъ болшъ сутокъ пючи, пяній многія безчинія починилъ, между которими шинкарку обезвѣчилъ барзо, и посаженъ за друкъ. Молебенъ за именинницю государиню імператрицу, зъ семочисленнимъ стрѣлянѣмъ пушечнимъ, отправивши, були всѣ у насъ на водцѣ. Братъ п. Андрѣй зъ своею женою поехали зъ Ромна въ Суми. До отца Іоанна мутинского послалемъ, черезъ смѣлянского козака, 5 зол., а просилемъ, жеби коганця на образецъ прислалъ намъ. О направленню магазейна, миргородскимъ полкомъ строенного, писалемъ до сотниковъ чигир., луком. и Іосифа Шишка. П. Зарудній далъ на себе писмо, подъ потераніемъ футора, если станетъ горѣлку отселѣ пить, кромѣ крайней нужди. Попъ бѣловодскій, Федковъ братъ, поклони посередъ церкви бивъ. Бувъ я у Павла ключника, который сталъ обмагатись въ своей хоробѣ.

25. Козакъ повернулся зъ Нѣжина, посиланий туда зъ писмами, и привезлъ сѣмя нѣмецкого луку и писмо отъ дворецкого полковничого Каратаева, а отъ Петра індуктара о продаемомъ дриганту турецкомъ за 20 р. Посаженіе за арештъ за безчинія, наказани всѣ кіевимъ боемъ. Алексѣецъ, конюшій, пріехалъ въ Роменъ и донеслъ, что продалъ сѣна нашего людямъ пять скиртъ, за 60 таляр. Онъ же подалъ писмо отъ Ораповского, въ якомъ пишетъ, что въ сухоносовской винницѣ виробылось 6 кадокъ горѣлки, якой и проба, же не худа, прислана. Тютюну въ Сухоносовцѣ зложили папушъ 3010. Лѣсокъ тамъ же въ Сухоносовцѣ купили за 10 таляр. Полковникъ Ямбурского полку, иноземецъ Гротъ, пріехалъ переѣздомъ въ Роменъ, у которого я бувши извѣстился, что отъ князя Голѣцина опредѣленъ зъ бунчуковими ити въ Гилянъ, полку его бивній маіоръ, а нинешний подполковникъ Іванъ Василіевичъ Подимовъ. Родителка мнѣ и моей самой сукна на кунтушѣ дала и протчего. Кровъ пускалемъ зъ головной жили правой руки. О Василевѣ сумскомъ иначей, что живъ, стало слишно.

Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи.

По отрывочнымъ статистическимъ даннымъ, уцѣлѣвшимъ отъ прошлаго вѣка, можно судить о томъ, какъ широко распространены были народныя школы въ старинной Малороссіи[1]). Обыкновенно, вмѣстѣ съ церковью строили и школу: здѣсь жилъ *панъ-дякъ* съ своею дружиною пѣвцовъ и чтецовъ церковныхъ[2]). Уже изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ, навѣяннымъ соображеніями, чуждыми народному міровоззрѣнію и народнымъ симпатіямъ.

Остановимся на этомъ явленіи со стороны внутренней связи его съ умственною и нравственною жизнію малорусскаго народа.

Нужно замѣтить прежде всего, что дьякъ занималъ свое положеніе не по сословному происхожденію своему изъ духовнаго званія, а по должности, которая доступна была для всѣхъ сословій[3]). И однако же это было лице немаловажное въ при-

---

[1]) Основа, 1862 г., Май, статья А. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“—Журналъ Мин. Нар. Просв. 1864 г., Январь, статья Сухомлинова: „Училища и народное образованіе въ черниг. губ.“—Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., ст. Крыжановскаго: „Очерки быта малорусскаго сельскаго духовенства“.—Украинская старина, Данилевскаго, 1864 г., „Харьковскія народныя школы 1732—1863 г.“—Земскій сборникъ черниг. губ, ст. Ефименка: „Народное образованіе въ черниг. губ.“

[2]) Черн. Епарх. Вѣд., 1865 г., 340. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковнослужители, называются школами.

[3]) Только въ 1771 г. кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы кандидатами на должность дьяка были исключительно дѣти лицъ духовнаго званія, а въ 1778 г. при томъ же митрополитѣ введены были въ церковные приходы такъ называемые *штаты*, по которымъ полагалось при

ходѣ. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но всегда былъ одинъ только дьякъ, избранный громадою за *добрый гласъ*, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ и умѣнье вести ихъ благолѣпно и благочинно. Этого мало. Отъ дьяка требовались таланты педагога, потому что онъ самъ долженъ былъ заниматься обученіемъ помощниковъ своихъ при исполненіи службъ церковныхъ. Какъ учитель школы, онъ назывался *панъ-бакаляръ*, а какъ начальникъ ея—*панъ-дирехторъ*.

Въ чемъ же заключалось его *бакалярство?* Кого, чему и какъ училъ дьякъ?

Училъ онъ *молодиковъ школьныхъ*, какъ жившихъ въ школѣ, такъ и приходившихъ въ нее. Жили въ школѣ безпріютные сироты, которымъ некуда было дѣваться, приходили—дѣти козаковъ и посполитыхъ, людей богатыхъ и бѣдныхъ. Въ извѣстной вертепной драмѣ Климъ и жена его—люди бѣдные, но это не мѣшало имъ посылать своего сына въ школу, при чемъ за трудъ бакаляра расплачиваются они вмѣсто денегъ свиньей. Этотъ живой гонораръ, какъ дьяку, такъ и всѣмъ обитателямъ школы, пришелся по вкусу:—„Ци, ирци, фертикъ Иванець“, восклицаетъ дьякъ, обращаясь къ одному изъ школяровъ, очевидно, сожителю своему,

«Спишы сюды зило,
Клымій сотворывъ намъ честь,
Давъ свыняче тило».

Когда свинья была унесена, дьякъ обращается къ Климу съ благодарственной рѣчью:

«Обреченную вашу жертву, говоритъ онъ, съ благодарностію
пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ!»

одномъ священникѣ два, при двухъ—четыре, при трехъ—шесть причетниковъ. Съ того времени выдающееся положеніе дьяка въ приходѣ начало все болѣе и болѣе съуживаться (Руковод. для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 49, 79—80). Что касается до заштатныхъ церковниковъ, то въ 1788 году Екатерина II предписала обратить ихъ въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ. О переселеніи ихъ въ Новороссійскій край, см. любопытную замѣтку П. Иванова въ „Кіевск. Старинѣ“ 1891 г., Май.

Прослезился Климъ отъ такой торжественной учтивости *письмéннаго* человѣка [1]).

Какъ видно, голодное житье было въ школѣ — особенно для молодиковъ школьныхъ, но оно скрашивалось надеждой, которую въ душѣ лелеялъ каждый изъ нихъ, со временемъ сдѣлаться дьякомъ, а потомъ, по меткому выраженію народному, *выдряпаться и на попа* [2]). Нужно было только усвоить всю премудрость школьную, которая начиналась обыкновенно съ изученія *грамáтки* (букваря) и расширялась по мѣрѣ изученія *псалтыря́* и *часослóвця* — основныхъ богослужебныхъ книгъ, подготовлявшихъ молодика къ практическому заявленію своихъ способностей и познаній предъ всею громадою — на клиросѣ, въ церкви. Нужно было также изучить всѣ напѣвы церковные — восемь гласовъ на „Господи, воззвахъ“, восемь гласовъ на „Богъ Господь явися намъ“ и столько же гласовъ на ирмосы, да сверхъ того, изучить пѣніе *самогласное*, т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на свой собственный голосъ, и *подобное*, т. е. пѣніе двойнаго текста на одинъ и тотъ же гласъ [3]).

Не легка была эта наука. Многіе такъ и оставались *молодиками* на всю жизнь, исполняя низшія причетническія обязанности при церкви [4]). Особенно трудно было изученіе *грамáтки*. Сопровождалось оно обычными въ старинной школѣ *наказаніями по тѣлу*. Какъ былъ горекъ этотъ *корень ученія*, можно видѣть изъ одной шуточной вирши, которая сохранилась въ народномъ пересказѣ до настоящаго времени.

«Казавъ мени бакаляръ промовыты: «Азъ, Азъ!»
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: «разъ, разъ!»
Крыкнувъ же винъ у друге: «А ну, кажы: Буки!»
Ой ще жъ бо я не вымовывъ — попавъ въ ёго рукы.
Крыкнувъ дали въ третій разъ, що бъ вымовывъ: «Виде!»

---

[1]) Малорус. вертепъ, Г. Галагана, „Кіев. Стар.“, 1882 г. Октябрь, 35—36.

[2]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 39, 138.

[3]) Украинск. старина, Даниловскаго, стр. 297.

[4]) Въ спискѣ церковниковъ отъ 1765 г, находившихся въ г. Прилукѣ, показаны въ числѣ *молодиковъ* школьныхъ лица разныхъ возрастовъ отъ 12 до 39 лѣтъ. См. Архивные отрывки для исторіи полтавск. епархіи, А. Лазаревскаго, Вып. I, 1887 г.

А вже жъ ёго жвава рука по чупрыни иде.
Ой якъ сказавъ у четверте: «вымовляй: жывите!»
«Ну-те жъ, хлопци, заразъ ёго на лавку кладите!»
И просывся, и молывся, а ще бильшъ злякався,
Во задалы таку хлосту, що й свита зцурався»... [1]).

Въ субботу, обыкновенно, *промовлялы* всѣ молодики школьные передъ паномъ бакаляромъ то, что было выучено въ теченіе недѣли: кто изъ нихъ не твердъ былъ въ познаніяхъ, тотъ получалъ *суботника*. Чуть не до нашихъ дней исполнялось это старинное правило, обозначенное еще въ XVI в. въ уставѣ луцкой братской школы, гдѣ говорится, что по субботамъ „дидаскалъ маетъ дѣтямъ и памятного не боронити, по чаши школьной испити“ [2]).

Однимъ словомъ, школа была суровая...

И однако же народъ предпочиталъ ее такъ называемымъ народнымъ училищамъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II начала заводить въ Малороссіи. Давно уже выяснено, что главная причина нерасположенія народа къ этимъ училищамъ заключалась въ бюрократическомъ характерѣ ихъ: они были разсадниками мелкаго чиновничества и всякаго рода канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, которые были несимпатичны для народа [3]). Въ свою очередь мы скажемъ, что въ новыхъ училищахъ народъ не нашелъ удовлетворенія своимъ церковно-общественнымъ потребностямъ, которыя заключались не въ одной грамотности, приспособленной къ церковному богослуженію, но и въ усвоеніи навыковъ и вкусовъ, можно сказать, эстетическихъ и даже отчасти литературныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы грубою ошибкой сводить все образовательное значеніе старинной малорусской школы только къ грамáткѣ, псалтирю и часловцу...

Мы имѣли возможность пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ прошломъ и въ началѣ настоя-

---

[1]) Старосв. Бандуриста, Н. Закревскаго, 1866 г., 122.

[2]) Акты, издан. времен. коммиссіей, I, 108.

[3]) Жур. Мин. Нар. Просв., Январь, 1864 г., Сухомлиновъ „Училища и народное образованіе въ черн. губ.“, 9, 39.

щаго вѣка и предназначенныхъ для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Считаемъ необходимымъ прежде всего возстановить для себя отжившій образъ людей, которые занимались составленіемъ школьныхъ сборниковъ, удовлетворявшихъ, какъ видно, литературному вкусу и нравственнымъ потребностямъ своего времени.

Это были старинные *спудеи* высшихъ латинскихъ школъ и странствующіе дьяки, которые носили въ народѣ характерное прозваніе *мандрованныхъ* дьяковъ. Тѣ и другіе назывались также *пиворѣзами*—полагать надобно—по особенному пристрастію ихъ къ употребленію пива.

Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, Академія кіевская, не обезпечена была отъ нужды и голоданія. Содержалась она на доходы съ имѣній братскаго монастыря да на доброхотныя подаянія съ кіевскихъ и повѣтовыхъ обывателей [1]). Сборъ этихъ подаяній организованъ былъ посредствомъ такъ называемыхъ *конгрегацій*, но пользовались этимъ сборомъ только немногіе *спудеи*, жившіе въ самомъ братствѣ, большая же часть бѣдняковъ, приходившихъ въ братскія школы со стороны, должна была промышлять сама о себѣ. Лучшіе изъ нихъ поступали на *кондиціи* въ дома шляхетныхъ людей

[1]) Первый жалованный окладъ Академіи положенъ грамотою царей Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1694 г. Повелѣно было отпускать изъ кіевской казны на Академію, которая въ то время называлась еще Коллегіей, по 50 р. деньгами и по 50 четвертей хлѣба. Затѣмъ это содержаніе постепенно увеличивалось и дошло чрезъ столѣтіе въ 1797 году до 12 тысячъ рублей въ годъ. (Описаніе Кіева, Закревскаго I 162).

въ качествѣ домашнихъ наставниковъ, которые носили въ то время солидный титулъ *инспекторовъ*. Остальная братія тѣснилась по церковноприходскимъ школамъ, получая отъ прихожанъ скудное вознагражденіе пищею и дровами. По неволѣ приходилось добывать средства къ жизни испрошеніемъ подаяній. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачі*, получившіе это названіе отъ перваго слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозяевамъ за милостыню. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ дома обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами. Когда же наступало время лѣтнихъ каникулъ, безпріютные бѣдняки расходились по всему краю съ разными запасами школьной мудрости, чтобы собрать какіе-нибудь денежные запасы на учебное время года. Это были своего рода хожденія въ народъ—такъ называемыя—*этетиціи*, послѣ которыхъ кіевская Академія не досчитывалась многихъ питомцевъ своихъ. Одни изъ нихъ увлекались обстановкою сельской жизни, о которой мечтали еще въ школѣ.

«Любезно село!» говорится въ одной рукописи прошлаго вѣка,
«Когда увижу твои сладчайшіи страви—
Капусту, горохъ, рѣпу, бобъ, въ салѣ варени?
О вечери щасливіи! О ночѣ блаженнѣ!» [1]).

Подъ вліяніемъ этой обстановки они затягивались глубже и глубже въ тину повседневной жизни, утѣшая себя мыслію, что наука не составляетъ ихъ призванія. Есть любопытная *прйказка* въ той же рукописи, изображающая это настроеніе:

«Не пнись, что тебѣ не дано отъ Бога:
Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
Если не рожденъ, не сунься въ науку:
Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
Не многихъ мати породила къ школѣ.
Хочъ ли блаженъ быть?
Будь сытъ въ твоей долѣ» [2]).

---

[1]) Рукоп. Кіево-Михайлов. монастыря, № 1752.
[2]) Ibidem.

Многіе изъ *элементовъ* томились жаждою приключеній и исчезали безслѣдно на „славномъ Запорожьѣ“, слагая головы свои въ тревожной жизни войсковаго братства. Болѣе счастливые изъ нихъ находили тамъ же свое призваніе въ *каламарѣ* войсковаго писаря. Не мало было и такихъ, которые съ дерзновенною душею переступали черезъ порогъ панскаго дома въ качествѣ вольныхъ людей, а потомъ сами не знали, какъ вырваться на волю[1]). Но главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ странствующихъ школьниковъ была сельская школа. „Школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный“, гласитъ старинная народная пословица[2]). Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстнаго дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ треволненій и злоключеній. Нужно сказать, впрочемъ, что и весь посполитый людъ въ то время тоже пользовался правомъ вольнаго перехода отъ одного пана къ другому до самаго закрѣпощенія крестьянъ. Всѣ искали счастія въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, кромѣ тѣхъ, которые посредствомъ урядовъ и другихъ привиллегированныхъ положеній получали возможность свить себѣ теплое и прочное гнѣздо. Понятно, что и кочеванье школьниковъ изъ одной школы въ другую не могло казаться тогда явленіемъ страннымъ или же постороннимъ. Такъ, изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьниковъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ[3]).

---

[1]) Украинск. старина, Даниловскаго, 298—299.

[2]) Украинськи приказки, Номиса, стр. 119.

[3]) Случалось иногда, что видъ странствующаго школьника принимали на себя люди, желавшіе избѣжать опасности или же уйти отъ бѣды. Въ Лѣтописи Величка есть любопытное извѣстіе о противникѣ Дорошенка, гетманѣ Стрѣвскомъ. Онъ былъ разбитъ однимъ изъ отрядовъ войскъ Дорошенка и „отъ настоявшея ему тогда бѣди, сямъ и тамъ тулячися, спаслъ гоноръ свой гетманскій титуломъ школярскимъ“. (т. II, 224).

Чтобы познакомиться съ бытомъ и нравами этихъ людей, остановимся на автобіографіи одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, который „по школамъ волочился“ въ первой четверти прошлаго вѣка [1]).

Турчиновскій былъ сынъ березанскаго сотника, учился сперва въ мѣстной березанской школѣ, а потомъ въ низшихъ классахъ кіевской Академіи, откуда взятъ былъ матерью домой для помощи въ хозяйствѣ и „за домашнею суетою всего позабилъ“—и вотъ онъ началъ странствовать „для повиданія болѣе свѣта и ученія“. Сперва онъ состоялъ писаремъ дворовымъ при сотникѣ синявскомъ Мандрикѣ, а затѣмъ отправился съ двумя подобными себѣ искателями приключеній въ г. Могилевъ-Литовскій. На дорогѣ произошла между ними ссора. Спутники его—„лютые Діоклитіяне“, какъ онъ говоритъ, чуть было не убили его, но ограничились тѣмъ, что отобрали у него деньги. Въ пограничномъ селѣ Поповой Горѣ принятъ онъ былъ „до половины дяковской“ и пріютился въ приходской школѣ, но „лютые Діоклитіяне“ донесли на него сотнику компанейскому, который стоялъ въ томъ селѣ, что Турчиновскій по дорогѣ дьяковъ въ школахъ обижалъ, книги и деньги у нихъ похищалъ, поэтому тою же дорогою они возвращаться назадъ не могутъ. Сотникъ велѣлъ отобрать у него деньги, книжки и одежду и забить въ колодки, какъ вора, а за отобранныя вещи приказалъ шинкаркѣ подать судьямъ и тѣмъ „лютымъ Діоклитіянамъ“ меду. Начался шумный пиръ съ пѣніемъ, заставляли пѣть и осужденнаго: „еднакъ я,—говоритъ Турчиновскій,—хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не моглъ и гласу отвести“. Отъ шума и гама пирующихъ проснулся атаманъ компанейскій, который въ это время спалъ на печи. Оказалось, что это былъ давній знакомый отца Турчиновскаго. Дѣло приняло иной оборотъ. Турчиновскаго распросили, какъ слѣдуетъ, возвратили ему все имущество его, а клеветниковъ забили въ колодки на цѣлыя сутки. Мало того—

[1]) Рукопись первой половины XVIII в., напечатанная въ „Кіевской Старинѣ“, 1885 г., Февраль.

сотникъ компанейскій оставилъ его при себѣ писаремъ. Но не таковъ былъ Турчиновскій, чтобы усидѣть на одномъ мѣстѣ. Отпросился онъ у сотника въ Могилевъ „для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія". Перезимовалъ онъ въ Могилевѣ въ школѣ при покровской церкви, а весною поступилъ въ іезуитскую школу. Случайно услышалъ пѣніе его православный епископъ въ церкви Преображенія Господня и, узнавъ, что пѣвецъ былъ православный, пригласилъ его въ должность пѣвческую. Іезуиты прогнали его отъ себя, какъ схизматика. И на новомъ мѣстѣ не обошлось безъ приключеній. Поссорился онъ съ регентомъ архіерейскаго хора, который, злобствуя на него, во время всенощной на Свѣтлое Воскресеніе Христово „пхнулъ его изъ хоръ черезъ желѣзные балясы". „Летѣлъ я, говоритъ Турчиновскій, исъ хоръ на долъ, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камень мармуръ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дня и умерла".—Регентъ, боясь гнѣва архіерейскаго, принялъ католическую вѣру и продолжалъ преслѣдовать Турчиновскаго. „Бѣгая того зла", отпросился онъ у архіерея съ двумя пѣвчими въ г. Шкловъ, гдѣ пристроился въ качествѣ регента при монастырѣ Благовѣщенія. Прожилъ онъ здѣсь четыре года. Но и тутъ, по обыкновенію, нашлись враги у него. Одинъ разъ вмѣстѣ съ какими-то странствующими двумя студентами изъ Кіева на Свѣтлое Воскресеніе „выправилъ" онъ „діалогъ зъ интермедіею, на якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ". Мѣстный органистъ доминиканскаго кляштора, по наущенію католическаго духовенства, пригласилъ его до „органовъ спѣвать". Турчиновскій отказался, не смотря на приказаніе губернатора. За это органистъ съ замковыми драгунами избилъ его до полусмерти. Пришлось лѣчиться отъ побоевъ, но по выздоровленіи обиженный съ своими пѣвчими засталъ „того органѣсту въ ночное время въ шинку и отреванъжевалъ ему такожъ кіями и шаблями"..... Послѣ этого происшествія нельзя уже было оставаться въ Шкловѣ, поэтому Турчиновскій,

„забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ“. На дорогѣ судно наскочило на корчу, пловцы едва спаслись, благодаря прибрежнымъ рыбакамъ, а имущество ихъ вмѣстѣ съ судномъ затонуло. Добрались они кой-какъ до Чернигова. Здѣсь два спутника Турчиновскаго поступили на службу къ архіерею Радіону Жураковскому, а самъ Турчиновскій вмѣстѣ съ остальными четырьмя пѣвчими пріютился по просьбѣ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба въ Седневѣ въ качествѣ дьячка. Жилъ онъ тамъ цѣлый годъ, чтобы заработать на одежду и, „мало пріодѣвшись“, прибылъ на свою родину, гдѣ засталъ еще въ живыхъ отца, и мать, и всѣхъ родныхъ своихъ. „Въ дому мало поживши“, направился онъ въ Переяславль, гдѣ и принятъ былъ регентомъ въ „катедру“. Въ 1718 году женился и въ томъ же году епископомъ переяславскимъ Кирилломъ Шумлянскимъ рукоположенъ за заслуги пѣвческія въ священники на родину, въ м. Березань.—Такъ окончилась дьяческая карьера Турчиновскаго, который, вслѣдствіе безпокойнаго нрава своего, претерпѣвалъ не мало всякихъ бѣдъ и въ должности священника.

Отдѣляя то, что относится къ личнымъ качествамъ самаго Турчиновскаго, не можемъ не признать въ немъ одного изъ типичныхъ представителей *мандрованныхъ* дьяковъ. Всѣ они, какъ и Турчиновскій, отличались въ большей или меньшей степени продерзостью нрава и отвагой, управляемой голодомъ и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ занимающаго насъ типа приводимъ отрывки изъ одной интерлюдіи Довгалевскаго, нигдѣ еще не напечатанной, по рукописи первой половины прошлаго вѣка [1]).

Начинается интерлюдія монологомъ одного пиворѣза, который размышляетъ о томъ, куда бы ему „приодягшись мало“ помандровать—въ Березну или въ Коропъ. Плѣняетъ его градъ Коропъ, гдѣ всякіе

«користы бываютъ», куда
«И соборніи нашѣ учащаютъ,

[1]) Рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, 1736 года, № 1710.

Всѣмъ той камень, прибѣжище зайцемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждетъ скончевати.
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити,
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,—
Въ немъ-же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовали
И по шагу изъ диму рокового брали.
И тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милостъ, даби клиру сопричтити,
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куншти разніе писати.

Является другой пиворѣзъ. Завязывается между ними разговоръ. Мы бывало, говоритъ новый пришелецъ,

«Якъ колись на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни въ школу прихождали,
Ми бувало всіого по достатку маемъ,
И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ:
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы зъ подъ трубной криницы,
И всего, слава Богу, бяше по достатку,
Що у людей, то и въ насъ—всякого статку,—
Да и теперъ богати: маемъ воли и телицы,
Иже купно мандруютъ по стѣнѣ къ трубницѣ».

«Не хвалѣтесь, отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ,

«бо и мы блощичного роду,
Маемо по достатку и всякого плоду,
Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
Все ходячи по школѣ справляемо труса,
Потрясши кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
А уставши раненко, бражку подпиваемъ».

Собесѣдники затѣмъ распрашиваютъ другъ друга, откуда кто идетъ. Первый говоритъ, что идетъ онъ „зъ Середнои Буди“, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится,

«бо построивъ штуки,
«Такъ щобъ не попастися протопопѣ въ рукы».

Рѣшаются они вмѣстѣ идти въ Коропъ, излюбленный городъ пиворѣзовъ, но чтобы „добре залѣцятись“, находятъ нужнымъ снять портреты другъ съ друга:

«Напередъ мене зволте вмаліоваты,
А потомъ мы важецѣ будемъ рисовати».

Въ это время приходитъ къ нимъ мужикъ съ вопросомъ:

«Скажѣть, панове декы, мудрiи вы люде,
Чи Кавель Кавеля вбивъ, кому брехня буде,
Чи минѣ-бъ то съ кумомъ, чи моему свату:
Все не даетъ просвѣтку—дай же его кату!»
—«Не бойся онагрику [1]),— отвѣчаетъ ему одинъ пиворѣзъ,—кума побѣдиши,
Аще на горѣлицу шага положиши».
—«Мы тобѣ, пане даче,—говоритъ мужикъ,— и всiого потроху
Дамо крупѣвъ и солы, пшона и гороху».

Пиворѣзы приготовляются затѣмъ къ снятію портретовъ. Захотѣлось и мужику, чтобы и съ него сняли портретъ.

«Добре,—отвѣчаетъ ему первый пиворѣзъ,— мы служить охочѣ,
Отмалюемъ усiого, толко заплющъ очи».

Мужикъ закрываетъ глаза, а нашъ любитель „штукъ“ вымазываетъ ему краской все лице, при чемъ товарищъ его высказываетъ сожалѣніе, что маляръ

«не залѣпивъ ему рота,
Якъ пѣйде до громады да войту искаже,
Той намъ кiями ктитарь пекарню помаже».

Не обошлась эта проказа нашимъ пиворѣзамъ даромъ. Собрались въ школу пріятели наивнаго мужика, чтобы проучить проказниковъ.

«Гледи лишъ, Тарасе,—говоритъ одинъ изъ мужиковъ, «да стань отъ порога,
То мы легкобитовѣ припiляемъ рога,

[1]) Онагръ—asinus ferus.

И іонъ, ... синъ, поднявъ смѣхъ зъ нашого брата.
Коли бъ що добре таки, а то шарапата».

Сцена оканчивается посрамленіемъ пиворѣзовъ: „забиваютъ,—говорятъ они убѣгая,—нищету нашу и печаль нашу... Обійдоша мя псы мнози... Жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста... О Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну... Сонмъ лукавихъ обдержаша мя“...

Картина, очевидно, снятая съ натуры. Дѣйствія въ ней мало, но типы обрисованы выпукло и ярко. Пиворѣзы стоятъ передъ нами, какъ живые. Нѣсколько они подходятъ къ той категоріи людей, которыхъ въ наше время обыкновенно называютъ неудачниками. Изъ школы они не вынесли законченныхъ знаній и пустились по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составѣ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками они появлялись въ народѣ и озирали его съ высоты своего школярскаго величія. Лучше всего выразилъ это настроеніе въ виршахъ своихъ монахъ Климентій, современникъ Турчиновскаго, человѣкъ тоже пиворѣзнаго типа:

«Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письмéннаго особый, политичный звычай» [1]).

Не симпатиченъ для насъ этотъ „звычай“—въ безцѣльной игрѣ жизнію строить всякія „штуки“, рисоваться передъ народною толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцевъ, „залицяться“ съ поселянками посредствомъ портретовъ, конечно, за невозможностію имѣть при себѣ фотографическія карточки нашего времени. Не симпатична для насъ эта полупьяная и даже совсѣмъ пьяная удаль, подогрѣваемая убѣжденіемъ, что можно въ худшемъ случаѣ спрятать концы въ воду и избѣжать надлежащаго возмездія.

Тѣмъ не менѣе возмездіе, какъ видимъ мы изъ интермедіи Довгалевскаго, было возможно. Въ народѣ, тогда еще незакрѣпощенномъ, сохранялось чувство человѣческаго достоинства:

«Що се тобѣ, Артюша, сталося такее,

[1]) Основа, 1861 г., Январь, 176.

говоритъ пріятель мужика, надъ которымъ пошутили пиворѣзы,

Що жъ мы въ перше изъ роду видимо отъ сее,
Що такъ отъ легкодуха терпѣтимуть люде?
Едже, якъ не выбемо, то изъ насъ смѣхъ буде».

Мы должны понимать слово „въ перше“ для даннаго случая въ той мѣстности, гдѣ случилось это происшествіе, но полагать надобно, что и въ другихъ мѣстахъ оно вызвало бы тѣ же прискорбныя для пиворѣзовъ послѣдствія. При этомъ нужно еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что—такъ или иначе—а все-же пиворѣзы состояли въ матеріальной зависимости отъ того самаго мужика, которому они любили, какъ говорится, пустить пыль въ глаза, поэтому они не могли давать полной воли дурнымъ привычкамъ своимъ. Напротивъ того, въ собственныхъ интересахъ своихъ они должны были выдвигать передъ нимъ лучшія качества свои—не столько научныя познанія, которыя у нихъ были скудны, сколько литературные и вообще художественные вкусы и навыки. Мы видимъ изъ интермедіи, что они умѣютъ и рисовать, и куншты разные писать и, конечно, церковныя пѣсни и канты разные распѣвать. Все это шло на потребу сельскаго люда для удовлетворенія, главнымъ образомъ, его религіознаго чувства. Но такъ какъ это чувство непосредственно сливалось съ поэтическимъ міровоззрѣніемъ народа, съ бытовыми подробностями его жизни,—то для насъ сдѣлается совершенно яснымъ, почему весь этотъ пиворѣзный людъ пользовался поддержкой и даже симпатіями народа. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ сердитыхъ нотъ, вызванныхъ недостатками и слабостями пиворѣзовъ. Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похожденія ихъ въ область женской красоты, но онѣ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ,—не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея.

Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ не-

достатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства. Комизмъ этихъ обращеній усиливается литературной формой ихъ, обусловленной спеціальнымъ занятіемъ пиворѣзовъ: это именно форма обычныхъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Въ одной рукописи церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи мы нашли не малое количество такого рода произведеній подъ слѣдующими заглавіями: „Правило увѣщательное пияницамъ, пѣваемое не въ церквахъ, но в школахъ“; „Отъ посланія бахусового къ пиворѣзамъ чтеніе“; „Отъ притчей пиворѣза Березовскаго чтеніе“; „Синаксаръ на память пияницамъ о изобрѣтеніи горѣлки“; сверхъ этого—пѣсни на разные ирмосы, тропари и кондаки. Приводимъ для образца одинъ изъ кондаковъ, гласъ пятый:

«Радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку: радуйтеся! Се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго сближется! Востанте убо отъ ложей своихъ и воспріймѣте всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертепи, склейте звѣзду, составте партесы,—егда же станете по улицахъ со звукомъ бродить, пщуіце сивухи, приймутъ васъ козаки во кровы своя» [1]).

Пиворѣзнымъ настроеніемъ вѣетъ отъ этого кондака, поэтому мы и думаемъ, что онъ могъ быть составленъ въ средѣ самихъ пиворѣзовъ или же въ средѣ людей пиворѣзнаго происхожденія. Мы разумѣемъ осѣдлыхъ дьяковъ, въ составъ которыхъ входили многіе пиворѣзы, бѣжавшіе изъ латинскихъ школъ. Постепенно сливаясь съ народною массой, они превращались такимъ образомъ изъ *латинниковъ* въ *псалтирниковъ* и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ“ юмористическаго содержанія на тему о томъ, что „стоить латина, привязана пидъ тиномъ“ и т. п. Такова, напримѣръ, полувирша, полу-

[1]) Рукоп. Церковно-Археолог. музея при Кіевск. Академіи № 151.

пѣсня: „Бувъ Грыцько мудрый родомъ зъ Коломыи“. Нерѣдко встрѣчается она въ школьныхъ сборникахъ XVIII в., даже и теперь еще не позабыта въ народѣ. Выступаетъ этотъ Грыцько передъ нами, какъ „мудрый“ *латинникъ*, который такъ „учився добре на философіи“, что на шестнадцатомъ году уже и „псалтырку знавъ“. Вотъ приходитъ онъ домой. Отецъ приглашаетъ къ себѣ пастуховъ, чтобы они его „запыталы и, що знае, спробувалы“. Пастухи люди скромные: они чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи, „бо винъ филозопъ“. Присмотрѣвшись ближе къ этому „филозопу“, они осмѣливаются сказать ему, что и „мы ту латыну знаемъ, толко тебе ся питаемъ, якъ-то по латынѣ женутъ въ поле свынѣ, скажи ты намъ“. Взялъ Грыцько книжку и „пишовъ до хлива, ставъ у кутку съ презенцію, мовитъ свинямъ орацію: алянтусъ, свинянтусъ, згризантусъ травантусъ на стерниску“. Голодныя свиньи бросились къ дверямъ и разбѣжались. Тогда „батько Грыцька за чуприну: а за що ты, скурвый сыну“, выругалъ свиней и разогналъ ихъ. Видитъ Грыцько, „що не жарты, забравъ въ торбу усѣ карты, далѣ Грыцько—въ обѣ ногы, мановыкомъ безъ дорогы, рукамы махае, писенку складае самъ о соби“ [1]).

Таковы были люди, подвизавшіеся на церковно-педагогическомъ поприщѣ въ старинной Малороссіи. Мы видѣли, что они далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ, бездѣльными шпаргалами наполненныхъ“ [2]). Въ виду этой обстановки нашихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ этическихъ требованій отъ народнаго учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ укоризной люди, которые учились въ тѣхъ же

---

[1]) Рукописный Сборн. XVIII в. Кибальчича, списанный Неймановъ.

[2]) Рукоп. Церковно-Археолог. Музея при кіевск. Акад. № 151.

латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Воззрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, меньше всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогою и скромною долей сельскихъ бакаляровъ, и потому не оставили послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительнаго движенія, начатаго по иниціативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ старинной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровоззрѣніи малорусскаго народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія.

Обратимся теперь къ самому содержанію „бездѣльныхъ шпаргаловъ“, которые служили для молодиковъ старинной нашей школы лакомой приправой къ изученію грамáтки, псалтиря и часловца.

П. Житецкій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. СТРАНСТВУЮЩІЕ ШКОЛЬНИКИ ВЪ СТАРИННОЙ МАЛОРОССІИ. **П. Житецкаго**	189—205
II. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе)*. **Н. Ѳ. Сумцова.**	206—225
III. МАЛОРОССІЯ ПО РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ КОНЦА ПРОШЛАГО И НАЧАЛА НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ. **Л. Синицкаго.**	226—259
IV. БАРСКАЯ ОКОЛИЧНАЯ ШЛЯХТА ДО к. XVIII В. Этнографическій очеркъ. **М. Грушевскаго.**	260—277
V. КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. **Б. Познанскаго.**	278—294
VI. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ ВЪ 1787 ГОДУ. **Г. В. Есипова.**	295—306
VII. ПОМИНКИ ПО А. А. ВОСТОКОВѢ. **И. Каманина.**	307—311
VIII. ПАМЯТИ КН. В Н. РЕПНИНОЙ. **Н. С.**	312—313
IX. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ вопросу о научномъ изданіи «Кобзаря» Т. Г. Шевченка. **В. Науменка.** б) Письмо Ив. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по поводу выкупа родичей Т. Г. Шевченка изъ крѣпостной зависимости. **В. Н—ка.** в) Письмо Т. Г. Шевченка къ А. Д. Оболонскому. **В. Н—ка.** г) Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ Е. Б. Піуновой (Шмидгофъ). **В. Н—ка.** д) Къ помѣщаемымъ двумъ рисункамъ Т. Г. Шевченка. е) Воспоминанія о покойномъ А. А. Потебнѣ. ж) Выставка картинъ кіевскихъ художниковъ. **Z.** з) Письмо В. Ганки къ министру народн. просв. гр. Уварову. **А. С—ча.** и) Къ исторіи г. Кіева и его окрестностей въ XV—XVII вв. **А. Стороженка.** і) Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. **Н. В. Стороженка.** к) Листъ Тимоѳея Цыцюры. Сообщ. **В. Сторожевъ.** л) Необходимыя поправки. **Н. Ѳ. Сумцова.**	314—349
X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Этнографическое обозрѣніе. 1891 г. книги VIII, IX и X. **Я. Ш.** б) Откликъ въ пользу голодающихъ. **А. Марковича.** в) Щербановская волость елисаветградскаго уѣзда херсонской губ. **В. Ястребова.** г) Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ саратовской губ. 2 вып. XIX т. **Арх. Л—нко.** д) В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. **Арх. Л—нко**	350—364
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Тараса Григорьевича Шевченка. 2) Хата Шевченка въ с. Кириловкѣ. 3) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—4

Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи.

По отрывочнымъ статистическимъ даннымъ, уцѣлѣвшимъ отъ прошлаго вѣка, можно судить о томъ, какъ широко распространены были народныя школы въ старинной Малороссіи [1]). Обыкновенно, вмѣстѣ съ церковью строили и школу: здѣсь жилъ *панъ-дякъ* съ своею дружиною пѣвцовъ и чтецовъ церковныхъ [2]). Уже изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ, навѣяннымъ соображеніями, чуждыми народному міровоззрѣнію и народнымъ симпатіямъ.

Остановимся на этомъ явленіи со стороны внутренней связи его съ умственною и нравственною жизнію малорусскаго народа.

Нужно замѣтить прежде всего, что дьякъ занималъ свое положеніе не по сословному происхожденію своему изъ духовнаго званія, а по должности, которая доступна была для всѣхъ сословій [3]). И однако же это было лице немаловажное въ при-

---

[1]) Основа, 1862 г., Май, статья А. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“—Журналъ Мин. Нар. Просв. 1864 г., Январь, статья Сухомлинова: „Училища и народное образованіе въ черниг. губ.“—Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., ст. Крыжановскаго: „Очерки быта малорусскаго сельскаго духовенства“.—Украинская старина, Данилевскаго, 1864 г., „Харьковскія народныя школы 1732—1863 г.“—Земскій сборникъ черниг. губ., ст. Ефименка: „Народное образованіе въ черниг. губ.“

[2]) Черн. Епарх. Вѣд., 1865 г., 340. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковнослужители, называются школами.

[3]) Только въ 1771 г. кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы кандидатами на должность дьяка были исключительно дѣти лицъ духовнаго званія, а въ 1778 г. при томъ же митрополитѣ введены были въ церковные приходы такъ называемые *штаты*, по которымъ полагалось при

ходѣ. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но всегда былъ одинъ только дьякъ, избранный громадою за *добрый гласъ*, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ и умѣнье вести ихъ благолѣпно и благочинно. Этого мало. Отъ дьяка требовались таланты педагога, потому что онъ самъ долженъ былъ заниматься обученіемъ помощниковъ своихъ при исполненіи службъ церковныхъ. Какъ учитель школы, онъ назывался *панъ-бакаляръ*, а какъ начальникъ ея—*панъ-дирехторъ*.

Въ чемъ же заключалось его *бакалярство?* Кого, чему и какъ училъ дьякъ?

Училъ онъ *молодиковъ школьныхъ*, какъ жившихъ въ школѣ, такъ и приходившихъ въ нее. Жили въ школѣ безпріютные сироты, которымъ некуда было дѣваться, приходили—дѣти козаковъ и посполитыхъ, людей богатыхъ и бѣдныхъ. Въ извѣстной вертепной драмѣ Климъ и жена его—люди бѣдные, но это не мѣшало имъ посылать своего сына въ школу, при чемъ за трудъ бакаляра расплачиваются они вмѣсто денегъ свиньей. Этотъ живой гонораръ, какъ дьяку, такъ и всѣмъ обитателямъ школы, пришелся по вкусу:—„Ци, ирци, фертикъ Иванець“, восклицаетъ дьякъ, обращаясь къ одному изъ школяровъ, очевидно, сожителю своему,

«Спишы сюды зило,
Клымій сотворывъ намъ честь,
Давъ свыняче тило».

Когда свинья была унесена, дьякъ обращается къ Климу съ благодарственной рѣчью:

«Обреченную вашу жертву, говоритъ онъ, съ благодарностію
пріемлемъ
И вью вамъ объемлемъ!»

одномъ священникѣ два, при двухъ—четыре, при трехъ—шесть причетниковъ. Съ того времени выдающееся положеніе дьяка въ приходѣ начало все болѣе и болѣе съуживаться (Руковод. для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 49, 79—80). Что касается до заштатныхъ церковниковъ, то въ 1788 году Екатерина II предписала обратить ихъ въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ. О переселеніи ихъ въ Новороссійскій край, см. любопытную замѣтку П. Иванова въ „Кіевск. Старинѣ“ 1891 г., Май.

Прослезился Климъ отъ такой торжественной учтивости *письмéннаго* человѣка [1]).

Какъ видно, голодное житье было въ школѣ — особенно для молодиковъ школьныхъ, но оно скрашивалось надеждой, которую въ душѣ лелеялъ каждый изъ нихъ, со временемъ сдѣлаться дьякомъ, а потомъ, по меткому выраженію народному, *выдряпаться и на попа* [2]). Нужно было только усвоить всю премудрость школьную, которая начиналась обыкновенно съ изученія *грамáтки* (букваря) и расширялась по мѣрѣ изученія *псалтыря́* и *часослóвия* — основныхъ богослужебныхъ книгъ, подготовлявшихъ молодика къ практическому заявленію своихъ способностей и познаній предъ всею громадою — на клиросѣ, въ церкви. Нужно было также изучить всѣ напѣвы церковные — восемь гласовъ на „Господи, воззвахъ", восемь гласовъ на „Богъ Господь явися намъ" и столько же гласовъ на ирмосы, да сверхъ того, изучить пѣніе *самогласное*, т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на свой собственный голосъ, и *подобное*, т. е. пѣніе двойнаго текста на одинъ и тотъ же гласъ [3]).

Не легка была эта наука. Многіе такъ и оставались *молодиками* на всю жизнь, исполняя низшія причетническія обязанности при церкви [4]). Особенно трудно было изученіе *грамáтки*. Сопровождалось оно обычными въ старинной школѣ *наказаніями по тѣлу*. Какъ былъ горекъ этотъ *корень ученія*, можно видѣть изъ одной шуточной вирши, которая сохранилась въ народномъ пересказѣ до настоящаго времени.

«Казавъ мени бакаляръ промовыты: «Азъ, Азъ!»
А якъ же я не вымовывъ, винъ по ныци: «разъ, разъ!»
Крыкнувъ же винъ у друге: «А ну, кажы: Букы!»
Ой ще жъ бо я не вымовывъ — попавъ въ ёго рукы.
Крыкнувъ дали въ третій разъ, що бъ вымовывъ: «Виде!»

[1]) Малорус. вертепъ, Г. Галагана, „Кіев. Стар.", 1882 г. Октябрь, 35—36.

[2]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 39, 138.

[3]) Украинск. старина, Даниловскаго, стр. 297.

[4]) Въ спискѣ церковниковъ отъ 1765 г, находившихся въ г. Прилукѣ, показаны въ числѣ *молодиковъ* школьныхъ лица разныхъ возрастовъ отъ 12 до 39 лѣтъ. См. Архивные отрывки для исторіи полтавск. епархіи, А. Лазаревскаго, Вып. I, 1887 г.

А вже жъ ёго жвава рука по чупрыни иде.
Ой якъ сказавъ у четверте: «вымовляй: жывите!»
«Ну-те жъ, хлопци, заразъ ёго на лавку кладите!»
И просывся, и молывся, а ще бильшъ злякався,
Бо задалы таку хлосту, що й свита зцурався»... [1]).

Въ субботу, обыкновенно, *промовлялы* всѣ молодики школьные передъ паномъ бакаляромъ то, что было выучено въ теченіе недѣли: кто изъ нихъ не твердъ былъ въ познаніяхъ, тотъ получалъ *суботника*. Чуть не до нашихъ дней исполнялось это старинное правило, обозначенное еще въ XVI в. въ уставѣ луцкой братской школы, гдѣ говорится, что по субботамъ „дидаскалъ маетъ дѣтямъ и памятного не боронити, по чапи школьной испити“ [2]).

Однимъ словомъ, школа была суровая...

И однако же народъ предпочиталъ ее такъ называемымъ народнымъ училищамъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II начала заводить въ Малороссіи. Давно уже выяснено, что главная причина нерасположенія народа къ этимъ училищамъ заключалась въ бюрократическомъ характерѣ ихъ: они были разсадниками мелкаго чиновничества и всякаго рода канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, которые были несимпатичны для народа [3]). Въ свою очередь мы скажемъ, что въ новыхъ училищахъ народъ не нашелъ удовлетворенія своимъ церковно-общественнымъ потребностямъ, которыя заключались не въ одной грамотности, приспособленной къ церковному богослуженію, но и въ усвоеніи навыковъ и вкусовъ, можно сказать, эстетическихъ и даже отчасти литературныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы грубою ошибкой сводить все образовательное значеніе старинной малорусской школы только къ грамáткѣ, псалтирю и часловцу...

Мы имѣли возможность пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ прошломъ и въ началѣ настоя-

[1]) Старосв. Бандуриста, Н. Закревскаго, 1866 г., 122.

[2]) Акты, издан. времен. коммиссіей, I, 108.

[3]) Жур. Мин. Нар. Просв., Январь, 1864 г., Сухомлиновъ „Училища и народное образованіе въ черн. губ.“, 9, 39.

щаго вѣка и предназначенныхъ дла практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Считаемъ необходимымъ прежде всего возстановить для себя отжившій образъ людей, которые занимались составленіемъ школьныхъ сборниковъ, удовлетворявшихъ, какъ видно, литературному вкусу и нравственнымъ потребностямъ своего времени.

Это были старинные *студеи* высшихъ латинскихъ школъ и странствующіе дьяки, которые носили въ народѣ характерное прозваніе *мандрованныхъ* дьяковъ. Тѣ и другіе назывались также *пиворѣзами*—полагать надобно—по особенному пристрастію ихъ къ употребленію пива.

Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, Академія кіевская, не обезпечена была отъ нужды и голоданія. Содержалась она на доходы съ имѣній братскаго монастыря да на доброхотныя подаянія съ кіевскихъ и повѣтовыхъ обывателей [1]). Сборъ этихъ подаяній организованъ былъ посредствомъ такъ называемыхъ *конгрегацій*, но пользовались этимъ сборомъ только немногіе *студеи*, жившіе въ самомъ братствѣ, большая же часть бѣдняковъ, приходившихъ въ братскія школы со стороны, должна была промышлять сама о себѣ. Лучшіе изъ нихъ поступали на *кондиціи* въ дома шляхетныхъ людей

---

[1]) Первый жалованный окладъ Академіи положенъ грамотою царей Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1694 г. Повелѣно было отпускать изъ кіевской казны на Академію, которая въ то время называлась еще Коллегіей, по 50 р. деньгами и по 50 четвертей хлѣба. Затѣмъ это содержаніе постепенно увеличивалось и дошло чрезъ столѣтіе въ 1797 году до 12 тысячъ рублей въ годъ. (Описаніе Кіева, Закревскаго I 162).

въ качествѣ домашнихъ наставниковъ, которые носили въ то время солидный титулъ *инспекторовъ*. Остальная братія тѣснилась по церковноприходскимъ школамъ, получая отъ прихожанъ скудное вознагражденіе пищею и дровами. По неволѣ приходилось добывать средства къ жизни испрошеніемъ подаяній. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачи*, получившіе это названіе отъ перваго слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозяевамъ за милостыню. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ дома обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами. Когда же наступало время лѣтнихъ каникулъ, безпріютные бѣдняки расходились по всему краю съ разными запасами школьной мудрости, чтобы собрать какіе-нибудь денежные запасы на учебное время года. Это были своего рода хожденія въ народъ—такъ называемыя—*эпетиціи*, послѣ которыхъ кіевская Академія не досчитывалась многихъ питомцевъ своихъ. Одни изъ нихъ увлекались обстановкою сельской жизни, о которой мечтали еще въ школѣ.

«Любезно село!» говорится въ одной рукописи прошлаго вѣка,
«Когда увижу твои сладчайшіи страви—
Капусту, горохъ, рѣпу, бобъ, въ салѣ варени?
О вечери щасливіи! О ночѣ блаженнѣ!» [1]).

Подъ вліяніемъ этой обстановки они затягивались глубже и глубже въ тину повседневной жизни, утѣшая себя мыслію, что наука не составляетъ ихъ призванія. Есть любопытная *прикázка* въ той же рукописи, изображающая это настроеніе:

«Не пнись, что тебѣ не дано отъ Бога:
Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
Если не рожденъ, не сунься въ науку:
Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
Не многихъ мати породила къ школѣ.
Хочъ ли блаженъ быть?
Будь сытъ въ твоей долѣ» [2]).

---

[1]) Рукоп. Кіево-Михайлов. монастыря, № 1752.

[2]) Ibidem.

Многіе изъ *энтентовъ* томились жаждою приключеній и исчезали безслѣдно на „славномъ Запорожьѣ“, слагая головы свои въ тревожной жизни войсковаго братства. Болѣе счастливые изъ нихъ находили тамъ же свое призваніе въ *каламарѣ* войсковаго писаря. Не мало было и такихъ, которые съ дерзновенною душею переступали черезъ порогъ панскаго дома въ качествѣ вольныхъ людей, а потомъ сами не знали, какъ вырваться на волю[1]). Но главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ странствующихъ школьниковъ была сельская школа. „Школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный“, гласитъ старинная народная пословица[2]). Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстнаго дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ треволненій и злоключеній. Нужно сказать, впрочемъ, что и весь посполитый людъ въ то время тоже пользовался правомъ вольнаго перехода отъ одного пана къ другому до самаго закрѣпощенія крестьянъ. Всѣ искали счастія въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, кромѣ тѣхъ, которые посредствомъ урядовъ и другихъ привиллегированныхъ положеній получали возможность свить себѣ теплое и прочное гнѣздо. Понятно, что и кочеванье школьниковъ изъ одной школы въ другую не могло казаться тогда явленіемъ страннымъ или же постороннимъ. Такъ, изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьниковъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ[3]).

---

[1]) Украинск. старина, Данилевскаго, 298—299.

[2]) Украинськи приказки, Номиса, стр. 119.

[3]) Случалось иногда, что видъ странствующаго школьника принимали на себя люди, желавшіе избѣжать опасности или же уйти отъ бѣды. Въ Лѣтописи Величка есть любопытное извѣстіе о противникѣ Дорошенка, гетманѣ Стрѣвскомъ. Онъ былъ разбитъ однимъ изъ отрядовъ войскъ Дорошенка и „отъ настоявшея ему тогда бѣди, снявъ и тамъ туляючися, спаслъ гоноръ свой гетманскій титуломъ школярскимъ“. (т. II, 224).

Чтобы познакомиться съ бытомъ и нравами этихъ людей, остановимся на автобіографіи одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, который „по школамъ волочился“ въ первой четверти прошлаго вѣка [1]).

Турчиновскій былъ сынъ березанскаго сотника, учился сперва въ мѣстной березанской школѣ, а потомъ въ низшихъ классахъ кіевской Академіи, откуда взятъ былъ матерью домой для помощи въ хозяйствѣ и „за домашнею суетою всего позабилъ“—и вотъ онъ началъ странствовать „для повиданія болѣе свѣта и ученія“. Сперва онъ состоялъ писаремъ дворовымъ при сотникѣ синявскомъ Мандрикѣ, а затѣмъ отправился съ двумя подобными себѣ искателями приключеній въ г. Могилевъ-Литовскій. На дорогѣ произошла между ними ссора. Спутники его—„лютые Діоклитіяне“, какъ онъ говоритъ, чуть было не убили его, но ограничились тѣмъ, что отобрали у него деньги. Въ пограничномъ селѣ Поповой Горѣ принятъ онъ былъ „до половины дяковской“ и пріютился въ приходской школѣ, но „лютые Діоклитіяне“ донесли на него сотнику компанейскому, который стоялъ въ томъ селѣ, что Турчиновскій по дорогѣ дьяковъ въ школахъ обижалъ, книги и деньги у нихъ похищалъ, поэтому тою же дорогою они возвращаться назадъ не могутъ. Сотникъ велѣлъ отобрать у него деньги, книжки и одежду и забить въ колодки, какъ вора, а за отобранныя вещи приказалъ шинкаркѣ подать судьямъ и тѣмъ „лютымъ Діоклитіянамъ“ меду. Начался шумный пиръ съ пѣніемъ, заставляли пѣть и осужденнаго: „еднакъ я,—говоритъ Турчиновскій,—хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не могъ и гласу отвести“. Отъ шума и гама пирующихъ проснулся атаманъ компанейскій, который въ это время спалъ на печи. Оказалось, что это былъ давній знакомый отца Турчиновскаго. Дѣло приняло иной оборотъ. Турчиновскаго распросили, какъ слѣдуетъ, возвратили ему все имущество его, а клеветниковъ забили въ колодки на цѣлыя сутки. Мало того—

---

[1]) Рукопись первой половины XVIII в., напечатанная въ „Кіевской Старинѣ“, 1885 г., Февраль.

сотникъ компанейскій оставилъ его при себѣ писаремъ. Но не таковъ былъ Турчиновскій, чтобы усидѣть на одномъ мѣстѣ. Отпросился онъ у сотника въ Могилевъ „для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія". Перезимовалъ онъ въ Могилевѣ въ школѣ при покровской церкви, а весною поступилъ въ іезуитскую школу. Случайно услышалъ пѣніе его православный епископъ въ церкви Преображенія Господня и, узнавъ, что пѣвецъ былъ православный, пригласилъ его въ должность пѣвческую. Іезуиты прогнали его отъ себя, какъ схизматика. И на новомъ мѣстѣ не обошлось безъ приключеній. Поссорился онъ съ регентомъ архіерейскаго хора, который, злобствуя на него, во время всенощной на Свѣтлое Воскресеніе Христово „пхнулъ его изъ хоръ черезъ желѣзные балясы". „Летѣлъ я, говоритъ Турчиновскій, исъ хоръ на долъ, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камень мармуръ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дня и умерла".—Регентъ, боясь гнѣва архіерейскаго, принялъ католическую вѣру и продолжалъ преслѣдовать Турчиновскаго. „Бѣгая того зла", отпросился онъ у архіерея съ двумя пѣвчими въ г. Шкловъ, гдѣ пристроился въ качествѣ регента при монастырѣ Благовѣщенія. Прожилъ онъ здѣсь четыре года. Но и тутъ, по обыкновенію, нашлись враги у него. Одинъ разъ вмѣстѣ съ какими-то странствующими двумя студентами изъ Кіева на Свѣтлое Воскресеніе „выправилъ" онъ „діалогъ зъ интермедіею, на якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ". Мѣстный органистъ доминиканскаго кляштора, по наущенію католическаго духовенства, пригласилъ его до „органовъ спѣвать". Турчиновскій отказался, не смотря на приказаніе губернатора. За это органистъ съ замковыми драгунами избилъ его до полусмерти. Пришлось лѣчиться отъ побоевъ, но по выздоровленіи обиженный съ своими пѣвчими засталъ „того органѣсту въ ночное время въ шинку и отреванъжевалъ ему такожъ кіями и шаблями"..... Послѣ этого происшествія нельзя уже было оставаться въ Шкловѣ, поэтому Турчиновскій,

„забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ". На дорогѣ судно наскочило на корчу, пловцы едва спаслись, благодаря прибрежнымъ рыбакамъ, а имущество ихъ вмѣстѣ съ судномъ затонуло. Добрались они кой-какъ до Чернигова. Здѣсь два спутника Турчиновскаго поступили на службу къ архіерею Радіону Жураковскому, а самъ Турчиновскій вмѣстѣ съ остальными четырьмя пѣвчими пріютился по просьбѣ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба въ Седневѣ въ качествѣ дьячка. Жилъ онъ тамъ цѣлый годъ, чтобы заработать на одежду и, „мало пріодѣвшись", прибылъ на свою родину, гдѣ засталъ еще въ живыхъ отца, и мать, и всѣхъ родныхъ своихъ. „Въ дому мало поживши", направился онъ въ Переяславль, гдѣ и принятъ былъ регентомъ въ „катедру". Въ 1718 году женился и въ томъ же году епископомъ переяславскимъ Кирилломъ Шумлянскимъ рукоположенъ за заслуги пѣвческія въ священники на родину, въ м. Березань.—Такъ окончилась дьяческая карьера Турчиновскаго, который, вслѣдствіе безпокойнаго нрава своего, претерпѣвалъ не мало всякихъ бѣдъ и въ должности священника.

Отдѣляя то, что относится къ личнымъ качествамъ самаго Турчиновскаго, не можемъ не признать въ немъ одного изъ типичныхъ представителей *мандрованныхъ* дьяковъ. Всѣ они, какъ и Турчиновскій, отличались въ большей или меньшей степени продерзостью нрава и отвагой, управляемой голодомъ и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ занимающаго насъ типа приводимъ отрывки изъ одной интерлюдіи Довгалевскаго, нигдѣ еще не напечатанной, по рукописи первой половины прошлаго вѣка [1]).

Начинается интерлюдія монологомъ одного пиворѣза, который размышляетъ о томъ, куда бы ему „приодягшись мало" помандровать—въ Березну или въ Коропъ. Плѣняетъ его градъ Коропъ, гдѣ всякіе

«кориcты бивають», куда
«И соборніи нашѣ учащають,

[1]) Рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, 1736 года, № 1710.

Всѣмъ той камень, прибѣжище зайцемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждетъ скончевати.
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити,
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,—
Въ немъ-же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовали
И но шагу изъ дому рокового брали.
И тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милость, даби клиру сопричтити,
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куншти разніе писати.

Является другой пиворѣзъ. Завязывается между ними разговоръ. Мы бывало, говоритъ новый пришелецъ,

«Якъ колись на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни въ школу прихождали,
Ми бувало всіого по достатку маемъ,
И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ:
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы зъ подъ трубной криницы,
И всего, слава Богу, бяше по достатку,
Що у людей, то и въ насъ—всякого статку,—
Да и теперъ богати: маемъ воли и телицы,
Иже купно мандруютъ по стѣнѣ къ трубницѣ».

«Не хвалѣтесь, отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ,

«бо и мы блощичного роду,
Маемо по достатку и всякого плоду,
Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
Все ходячи по школѣ справляемо труса,
Потрясшы кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
А уставши раненко, бражку подниваемъ».

Собесѣдники затѣмъ распрашиваютъ другъ друга, откуда кто идетъ. Первый говоритъ, что идетъ онъ „зъ Середнои Буди“, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится,

«бо построивъ штуки,
«Такъ щобъ не попастися протопопѣ въ руки».

Рѣшаются они вмѣстѣ идти въ Коропъ, излюбленный городъ пиворѣзовъ, но чтобы „добре залѣцятись“, находятъ нужнымъ снять портреты другъ съ друга:

«Нанередъ мене зволте вмаліоваты,
А потомъ мы важецѣ будемъ рисовати».

Въ это время приходитъ къ нимъ мужикъ съ вопросомъ:

«Скажѣть, панове декы, мудрiи вы люде,
Чи Кавель Кавеля вбивъ, кому брехня буде,
Чи минѣ-бъ то съ кумомъ, чи моему свату:
Все не даетъ просвѣтку—дай же его кату!»
—«Не бойся онагрику [1]),—отвѣчаетъ ему одинъ пиворѣзъ,—кума побѣдишь,
Аще на горѣлицу шага положиши».
—«Мы тобѣ, пане дяче,—говоритъ мужикъ,—и всiого потроху
Дамо крупѣвъ и солы, пшона и гороху».

Пиворѣзы приготовляются затѣмъ къ снятію портретовъ. Захотѣлось и мужику, чтобы и съ него сняли портретъ.

«Добре,—отвѣчаетъ ему первый пиворѣзъ,—мы служить охочѣ,
Отмалюемъ усiого, толко заплющъ очи».

Мужикъ закрываетъ глаза, а нашъ любитель „штукъ“ вымазываетъ ему краской все лице, при чемъ товарищъ его высказываетъ сожалѣніе, что маляръ

«не залѣпивъ ему рота,
Якъ пѣйде до громады да войту искаже,
Той намъ кiями ктитарь пекарню помаже».

Не обошлась эта проказа пашимъ пиворѣзамъ даромъ. Собрались въ школу пріятели наивнаго мужика, чтобы проучить проказниковъ.

«Гледи лишъ, Тарасе,—говоритъ одинъ изъ мужиковъ, «да стань отъ порога,
То мы легкобитовѣ припiляемъ рога,

[1]) Онагръ—asinus ferus.

И іонъ, ... синъ, поднявъ смѣхъ зъ нашого брата.
Коли бъ що добре таки, а то шарапата».

Сцена оканчивается посрамленіемъ пиворѣзовъ: „забиваютъ,—говорятъ они убѣгая,—нищету нашу и печаль нашу... Обійдоша мя псы мнози... Жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста... О Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну... Сонмъ лукавихъ обдержаша мя“...

Картина, очевидно, снятая съ натуры. Дѣйствія въ ней мало, но типы обрисованы выпукло и ярко. Пиворѣзы стоятъ передъ нами, какъ живые. Нѣсколько они подходятъ къ той категоріи людей, которыхъ въ наше время обыкновенно называютъ неудачниками. Изъ школы они не вынесли законченныхъ знаній и пустились по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составѣ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками они появлялись въ народѣ и озирали его съ высоты своего школярскаго величія. Лучше всего выразилъ это настроеніе въ виршахъ своихъ монахъ Климентій, современникъ Турчиновскаго, человѣкъ тоже пиворѣзнаго типа:

«Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письме́ннаго особый, политичный звычай» [1]).

Не симпатиченъ для насъ этотъ „звычай“—въ безцѣльной игрѣ жизнію строить всякія „штуки“, рисоваться передъ народною толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцевъ, „залицяться“ съ поселянками посредствомъ портретовъ, конечно, за невозможностію имѣть при себѣ фотографическія карточки нашего времени. Не симпатична для насъ эта полупьяная и даже совсѣмъ пьяная удаль, подогрѣваемая убѣжденіемъ, что можно въ худшемъ случаѣ спрятать концы въ воду и избѣжать надлежащаго возмездія.

Тѣмъ не менѣе возмездіе, какъ видимъ мы изъ интермедіи Довгалевскаго, было возможно. Въ народѣ, тогда еще незакрѣпощенномъ, сохранялось чувство человѣческаго достоинства:

«Що се тобѣ, Артюша, сталося такее,

[1]) Основа, 1861 г., Январь, 176.

говоритъ пріятель мужика, надъ которымъ пошутили пиворѣзы.

Що жъ мы въ перше изъ роду видимо отъ сее,
Що такъ отъ легкодуха терпѣтимуть люде?
Едже, якъ не выбемо, то изъ насъ смѣхъ буде».

Мы должны понимать слово „въ перше“ для даннаго случая въ той мѣстности, гдѣ случилось это происшествіе, но полагать надобно, что и въ другихъ мѣстахъ оно вызвало бы тѣ же прискорбныя для пиворѣзовъ послѣдствія. При этомъ нужно еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что—такъ или иначе—а все-же пиворѣзы состояли въ матеріальной зависимости отъ того самаго мужика, которому они любили, какъ говорится, пустить пыль въ глаза, поэтому они не могли давать полной воли дурнымъ привычкамъ своимъ. Напротивъ того, въ собственныхъ интересахъ своихъ они должны были выдвигать передъ нимъ лучшія качества свои—не столько научныя познанія, которыя у нихъ были скудны, сколько литературные и вообще художественные вкусы и навыки. Мы видимъ изъ интермедіи, что они умѣютъ и рисовать, и кунштъ разные писать и, конечно, церковныя пѣсни и канты разные распѣвать. Все это шло на потребу сельскаго люда для удовлетворенія, главнымъ образомъ, его религіознаго чувства. Но такъ какъ это чувство непосредственно сливалось съ поэтическимъ міровоззрѣніемъ народа, съ бытовыми подробностями его жизни,—то для насъ сдѣлается совершенно яснымъ, почему весь этотъ пиворѣзный людъ пользовался поддержкой и даже симпатіями народа. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ сердитыхъ нотъ, вызванныхъ недостатками и слабостями пиворѣзовъ. Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похожденія ихъ въ область женской красоты, но онѣ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ,—не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея.

Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ не-

достатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства. Комизмъ этихъ обращеній усиливается литературной формой ихъ, обусловленной спеціальнымъ занятіемъ пиворѣзовъ: это именно форма обычныхъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Въ одной рукописи церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи мы нашли не малое количество такого рода произведеній подъ слѣдующими заглавіями: „Правило увѣщательное пияницамъ, пѣваемое не въ церквахъ, но в школахъ"; „Отъ посланія бахусового къ пиворѣзамъ чтеніе"; „Отъ притчей пиворѣза Березовскаго чтеніе"; „Синаксаръ на память пияницамъ о изобрѣтеніи горѣлки"; сверхъ этого—пѣсни на разные ирмосы, тропари и кондаки. Приводимъ для образца одинъ изъ кондаковъ, гласъ пятый:

«Радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку: радуйтеся! Се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго сближется! Востаните убо отъ ложей своихъ и воспріймѣте всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертепи, склейте звѣзду, составте партесы,—егда же станете по улицахъ со звукомъ бродить, пищуще сивухи, приймутъ васъ козаки во кровы своя» [1]).

Пиворѣзнымъ настроеніемъ вѣетъ отъ этого кондака, поэтому мы и думаемъ, что онъ могъ быть составленъ въ средѣ самихъ пиворѣзовъ или же въ средѣ людей пиворѣзнаго происхожденія. Мы разумѣемъ осѣдлыхъ дьяковъ, въ составъ которыхъ входили многіе пиворѣзы, бѣжавшіе изъ латинскихъ школъ. Постепенно сливаясь съ народною массой, они превращались такимъ образомъ изъ *латинниковъ* въ *псалтирниковъ* и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ" юмористическаго содержанія на тему о томъ, что „стоить латина, привязана підъ тиномъ" и т. п. Такова, напримѣръ, полувирша, полу-

[1]) Рукоп. Церковно-Археолог. музея при Кіевск. Академіи № 151.

пѣсня: „Бувъ Грыцько мудрый родомъ зъ Коломыи“. Нерѣдко встрѣчается она въ школьныхъ сборникахъ XVIII в., даже и теперь еще не позабыта въ народѣ. Выступаетъ этотъ Грыцько передъ нами, какъ „мудрый“ *латинникъ*, который такъ „учився добре на философіи“, что на шестнадцатомъ году уже и „псалтырку знавъ“. Вотъ приходитъ онъ домой. Отецъ приглашаетъ къ себѣ пастуховъ, чтобы они его „запыталы и, що знае, спробувалы“. Пастухи люди скромные: они чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи, „бо винъ филозопъ“. Присмотрѣвшись ближе къ этому „филозопу“, они осмѣливаются сказать ему, что и „мы ту латыну знаемъ, толко тебе ся питаемъ, якъ-то по латынѣ женутъ въ поле свынѣ, скажи ты намъ“. Взялъ Грыцько книжку и „пишовъ до хлива, ставъ у кутку съ презенцію, мовитъ свинямъ орацію: алянтусъ, свинянтусъ, згризантусъ травантусъ на стерниску“. Голодныя свиньи бросились къ дверямъ и разбѣжались. Тогда „батько Грыцька за чуприну: а за що ты, скурвый сыну“, выругалъ свиней и разогналъ ихъ. Видитъ Грыцько, „що не жарты, забравъ въ торбу усѣ карты, далѣ Грыцько—въ обѣ ногы, мановыкомъ безъ дорогы, рукамы махае, писенку складае самъ о соби“ [1]).

Таковы были люди, подвизавшіеся на церковно-педагогическомъ поприщѣ въ старинной Малороссіи. Мы видѣли, что они далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ, бездѣльными шпаргалами наполненныхъ“ [2]). Въ виду этой обстановки нашихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ этическихъ требованій отъ народнаго учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ укоризной люди, которые учились въ тѣхъ же

---

[1]) Рукописный Сборн. XVIII в. Кибальчича, списанный Нейманомъ.

[2]) Рукоп. Церковно-Археолог. Музея при кіевск. Акад. № 151.

латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Воззрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, меньше всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогою и скромною долей сельскихъ бакаляровъ, и потому не оставили послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительнаго движенія, начатаго по иниціативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ старинной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровоззрѣніи малорусскаго народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія.

Обратимся теперь къ самому содержанію „бездѣльныхъ шпаргаловъ“, которые служили для молодиковъ старинной нашей школы лакомой приправой къ изученію грамáтки, псалтиря и часловца.

П. Житецкій.